
Похищение Афины
Карин Эссекс
Сокровища Парфенона — украдены или спасены? От автора знаменитого бестселлера «Клеопатра»!

Похищение Афины
Карин Эссекс

Аннотация
Карин Эссекс. Похищение Афины
Часть первая. На восток
На борту «Фаэтона», 1799 год
Палермо, остров Сицилия
Афины, четвертый год тридцатилетнего перемирия со Спартой
В турецкой земле, 1799 год
Сигеум, неподалеку от древней Трои
Константинополь, ноябрь 1799 года
Топкапи-Сарай, 26 ноября 1799 года
Константинополь, рождество 1799 года
Константинополь, январь 1800 года
Константинополь, апрель 1800 года
Лето 1800 года
Писано в Афинах, июнь 1801 года
Писано в Афинах, июль 1801 года
Афины, шестой год тридцатилетнего перемирия со Спартой
Константинополь, 9 июля 1801 года
Афины, 1 августа 1801 года
Константинополь, осень 1801 года

Часть вторая. Афины
Афины, восьмой год тридцатилетнего перемирия со Спартой
Афины, Турция, апрель 1802 года
Греция, 15–29 июня 1802 года
Часть третья. Возвращение домой
На борту «Дианы», зима 1803 года
Париж, зима 1803–1804 годов
Даунинг-стрит, 23 декабря 1803 года
Афины, девятый год тридцатилетнего перемирия со Спартой
Франция и Англия, 1805–1806 годы
Лондон, июнь 1806 года
Шотландия, июль — декабрь 1806 года
Поместье Арчерфилд, 22 июня 1807 года
Афины, десятый год тридцатилетнего перемирия со Спартой
Лондон и Эдинбург, зима 1807–1808 годов
Эдинбург, 11 марта 1808 года
Афины, первый год войны со Спартой
Лондон, 1816 год
Судьбы героев этой книги
Примечание автора

Аннотация

Ослепительная красота, незаурядный ум и недюжинная сила характера объединяют подругу вождя афинян Перикла и жену английского посла начала XIX века... Этих женщин разделяет огромный временной промежуток — более двух тысячелетий, — но обе они оказываются причастны к истории античных скульптур, в древности украшавших Парфенон, а впоследствии вывезенных в Англию британским дипломатом лордом Элджином.

Карин Эссекс
Похищение Афины

Посвящаю Эми Уильямс

Приам, царь Трои:
Этот чудовищный конь для чего возведен? Кем построен?
Что стремились создать — орудье войны иль святыню?

Синон, греческий пленник:
Веры в победный исход и надежд залогом для греков
Помощь Паллады была всегда. Когда ж нечестивый
Сын Тидея и с ним Улисс — злодейств измыслитель —
В храм священный вошли, роковой оттуда Палладий
Силой исторгли, убив сторожей высокой твердыни,
Образ священный схватив, дерзновенно посмели коснуться
Кровью залитой рукой девичьих повязок богини, —

Тотчас на убыль пошла, покидая данайцев, надежда,
Силы сломились у них, и богиня им стала враждебна.

Вергилий. Энеида (Перевод С. Ошерова)

Часть первая
На восток

На борту «Фаэтона», 1799 год

Мэри с глухим звуком ударилась о грязный пол капитанской каюты. Падение мгновенно разбудило ее и тут же пронзило спину такой болью, будто бы сам громовержец Зевс метнул в нее молнию. Она попыталась втянуть в себя воздух, но отвратительное зловоние — сырого дерева, затхлости, грязной одежды, экскрементов людей и скота — было неразлучно с тошнотой, спутницей первых месяцев беременности. Смрад, от которого Мэри избавилась, ненадолго бежав в дремоту, вернувшись, обрушился на нее вновь, заполнил ноздри, и ее затошнило. Мысли в голове кружились, подобно тому, как крутится бродяга, устраиваясь под мостом, но боль в желудке донимала больше всего. Сон — доступный ей только после изрядной дозы крепкого спиртового раствора лауданума, смешанного с солями железа и подслащенного сиропом, — был единственным спасением от ужасного самочувствия, связанного с морским путешествием.

Мэри потянулась к стакану, в котором доктор любезно оставлял для нее снадобье, осушила его и, высунув язык подальше, слизнула последнюю

каплю отдававшей железом жидкости.

Недомогание ее было настолько безжалостным, что доктор Маклин, сохранявший трезвость только на время врачебных осмотров, настоял перед капитаном на том, чтобы судно делало остановку в каждом из портов во время их долгого плавания в Константинополь. Но когда они сходили на берег, Мэри приходилось проходить по улицам, прикрыв нос и рот носовым платком, пропитанным эссенцией нашатыря, в качестве единственной защиты от гулявшей во всех портах Европы чумы. Страшный мор приносили в города — по мнению докторов тех дней — крысы. Отвратительные зверьки сбегали из трюмов кораблей на берег, унося на своих шкурках бесчисленных чумных блох. Опасные береговые прогулки не обеспечивали Мэри даже временного спасения от тягот корабельной жизни. Подозрительного вида хозяева гостиниц могли предложить лишь прогорклую, отвратительную еду, а после ночевок в кишащих блохами и вшами кроватях каюты на борту «Фаэтона» казались неслыханной роскошью.

Почти ежедневно (если не сказать «ежечасно») Мэри уверяла себя, что умение сохранять бодрое расположение духа при самых неблагоприятных

условиях еще сослужит ей хорошую службу в тех обстоятельствах, с которыми она, супруга английского посла в Турции, неизбежно столкнется в неведомой и экзотичной стране. Ибо эти неудобства были лишь платой за ту лучезарную жизнь, что ожидала ее. Мэри вышла замуж за Томаса Брюса, лорда Элджина, самого красивого из аристократов, которых когда-либо являла миру Шотландия. Едва достигнув возраста тридцати двух лет, он был назначен чрезвычайным и полномочным посланником его величества короля Великобритании при дворе султана блистательной Порты Селима III. На данном крутом вираже истории, когда союз Англии с Оттоманской империей, направленный против наполеоновской Франции, находился в зачаточном состоянии, Элджину было поручено установить добросердечные отношения с султаном и убедить его в том, что вследствие этого союза поражение Наполеона на оттоманских территориях станет неизбежным. Всем было прекрасно известно, что корсиканец вторгся в турецкие земли, в частности Египет, для того, чтобы создать там плацдарм для нападения на Индию и отторгнуть ее от английского владычества. Чего, как заявил король Георг III своему послу, не следовало допускать ни

в коем случае.

О, конечно, в сотый раз твердила себе Мэри, сам король предложил Элджину возглавить британское посольство в Константинополе. Таково было прямое повеление и желание его королевского величества. Потому-то она, супруга лорда, измученная беременностью, тошнотой и головокружением, валяется на замызганном полу вонючей каюты «Фаэтона». И блеск награды, безусловно, будет компенсировать эти временные неудобства.

Молодая женщина услышала шаги приближающейся Мастерман и оперлась на локоть так, чтобы можно было чуть разогнуть спину, простреливаемую острой болью. Мэри не сомневалась в том, что идет именно ее горничная, поскольку шаги не были по-мужски тяжелыми, как у ее мужа или у кого-либо из членов экипажа. Она перевела взгляд на занавеску ядовито-зеленого цвета — в течение долгих недель плавания единственное средство обеспечить для них с Элджином подобие интимного уголка, — ожидая, когда рука горничной откинет ее.

«Ну разве он не цвета блевотины!» — воскликнула Мэри, как только увидела этот занавес и едва успев извергнуть из себя упомянутые массы.

То был первый из бесчисленных приступов рвоты, одолевавших ее во время морского переезда.

Сейчас омерзительное полотнище было откинуто, и глаза Мастерман быстро перебежали с пустого ложа на хозяйку, скорчившуюся на полу.

— Меня выбросило из койки, — ответила Мэри на невысказанный вопрос. — Там что, шторм?

— Капитан решил воспользоваться попутным ветром, чтоб отправиться в погоню за вражеским судном. Граф желают, чтоб вы оставались внизу.

— Погнаться за вражеским судном? — Мэри резко выпрямилась, не обращая внимания на головокружение. — За французскими канонерками?

— Кажется, так, — сухо отвечала горничная и отошла в сторонку, освобождая проход.

Мастерман прислуживала молодой шотландке много лет, с самого детства своей госпожи, и уже давно научилась воздерживаться от бесполезных споров. С чего бы новобрачной подвергать себя и ожидающегося наследника графских угодий, титулов и денег опасности быть убитыми французским ядром? Но взывать к доводам рассудка было бессмысленно, поэтому Мастерман молча подобрала с полу платье графини и последовала за хозяйкой. Когда Мэри оправилась от волнения,

то обнаружила, что выбежала из каюты в одной ночной сорочке.

На палубе мучительная тошнота мгновенно исчезла. Как будто морской воздух — он стал прохладнее, чем раньше, — дунув в лицо, унес с собой все болезни. И астматический удушающий кашель, которым она страдала вместе с мужем (и по которому они поняли, что созданы друг для друга), и «утренние недомогания», одолевавшие ее, несмотря на название, каждый час суток, и непрекращающуюся морскую болезнь. Унес даже то, что было самым невыносимым и постоянно терзало Мэри, — одиночество и тоску по дому и родителям.

Сейчас, когда Мэри, не отпуская натянутого каната, пробиралась по уходившей из-под ног палубе «Фаэтона», обо всем этом было забыто. Корабль мчался вперед по крутым волнам, и она пыталась не обращать внимания на ветер. Опустив глаза, чтобы посмотреть, как ее соски отвердели и превратились в противные маленькие шишечки, от которых стал топорщиться лен платья, она вдруг заметила, что, торопясь наверх, позабыла одеться и теперь готова предстать перед глазами супруга и всего экипажа корабля почти голой. Обернулась попросить

Мастерман позаботиться о туалете и увидела, что та уже протягивает ей платье. Быстро накинув его, Мэри хотела продолжить свой путь, но едва не столкнулась с двумя матросами. Их руки были нагружены снарядами, которые они подтаскивали к орудиям.

На палубе команда готовила к сражению десять из тридцати восьми пушек. Мэри заметила, что американское судно, которое сопровождало их во время плавания, обеспечивая защиту, стремительно выходит вперед. Ничто не могло раздосадовать капитана Морриса больше, чем вид обгоняющего «Фаэтон» американца, но Мэри обрадовалась тому, что более быстроходный корабль прикроет их от первых залпов.

Им и прежде случалось попадать под огонь. Канонерки Наполеона преследовали каждое английское судно в Средиземном море, независимо от того, было оно гражданским или военным. Несколько недель назад, вблизи солнечных берегов Африки, одной из таких канонерок удалось застать их врасплох и пушечные ядра пошли вспарывать поверхность моря. Мэри молила разрешить ей остаться на палубе, чтобы ничего не пропустить из этого зрелища, но Элджин буквально отнес ее вниз и заставил оставаться

в постели все время, пока взрывы творили хаос в морских водах. «Фаэтону» удалось избежать прямых попаданий, но когда один из взрывов случился всего в нескольких ярдах от судна, оно сильно содрогнулось и дало такой крен, что Мэри мгновенно очутилась на полу, а Элджин под ней. Потрясенные внезапностью, они поскорей отвернулись друг от друга, и каждый изверг завтрак, который едва успел переварить.

Нет, в этот раз она не пропустит зрелища волнующей погони. Мэри только что написала матери, что, хоть вояж проходит в болезнях и страхах, она сумела выработать в себе новые похвальные свойства характера и они, нет сомнений, окажут ей, супруге посланника, хорошую службу. Она не испытывала страха, к тому же нельзя было не заметить, что нервное волнение полностью подавило чувство тошноты и головокружение. Мэри твердо решила не пропустить ничего из предстоящего сражения. Небо над головой было пасмурным и зловещим, но свежий воздух бодрил, и она подбежала к стоявшему к ней спиной мужу, обхватила его руками. Элджин резко обернулся.

Мэри любила смотреть на своего супруга. Она влюбилась в него, едва увидев в первый раз,

влюбилась в его высокий рост, густые светлые волосы, большой умный лоб и тонкий породистый нос. Последний относился не к числу тех маленьких невзрачных пупырышей, что торчат на иных лицах, а был носом, говорящим об элегантности и благородстве. А статная фигура свидетельствовала о тех интимных чертах натуры графа Элджина, которые стали известны его жене только позже: богатом сексуальном опыте и нешуточном аппетите к любовным подвигам.

— Какого черта, Мэри? Ступай-ка вниз, пока тебя тут не смахнуло в море ядром.

— Ни за что, ваша светлость, — отвечала Мэри.

По выражению лица мужа она поняла, что Элджину, хоть он и не показывает виду, нравится, что жена у него такая строптивица. Мэри воображала, что во взгляде этих великолепных синих глаз отражается борьба, которую ведут восхищение ею и негодование. Понимала, что он ни в коем случае не хочет, чтобы об этом догадывались его подчиненные, экипаж корабля или офицеры в бело-голубых мундирах — все, кто сейчас смотрел на неприбранную графиню, — поскольку не желает выглядеть мужем, чье слово запрета ровно ничего не значит. Но все-таки он восхищается отвагой жены.

Судно резко швырнуло вперед, и Мэри упала на грудь Элджина.

— Ладно, оставайся, — сказал он. — Но если огонь возобновится, ты немедленно сойдешь вниз. Это приказывает твой господин и повелитель.

— Повинуюсь, мой господин и повелитель. — Она подпустила в голос нотки насмешки, которые, как Мэри уже знала, неизменно волновали его. — Но если эта канонерка так опасна, то почему она улепетывает от нас, а не сражается, как делала та, последняя, напавшая на нас так нагло?

— Потому что капитан Моррис застал их врасплох и перешел в наступление.

— Но мы находимся так далеко от них! — воскликнула удивленно Мэри.

— Это из-за американского корабля, Мэри. Защита. Американец выстрелит первым и примет на себя удар. По крайней мере, такова стратегия происходящего.

— И мы должны оставаться в стороне?

— Должен ли я напоминать тебе, что на борту «Фаэтона» находится сам господин посол, направляющийся со срочной миссией, весь его штат и красавица жена? Как и о том, что все эти люди

нуждаются в защите? Должен ли напомнить, что ты являешься гражданской персоной? К тому же персоной беременной? Так что, будь добра, веди себя как следует упомянутой персоне, а не так, как боцман или артиллерийский офицер.

— Не хотела б я быть ни боцманом, ни артиллеристом. Считай меня главным корабельным старшиной, который ни за что не спустится вниз, потому что происходящее видно только с палубы.

Элджин покачал головой, подавив улыбку. В этот момент судно сделало еще один прыжок вперед и оба они оказались лежащими плашмя на бухте каната, уложенной на палубе. В ожидании атаки палуба была расчищена, на ней остались лишь пушки, снаряды и самое необходимое снаряжение. Элджин ухватился за канат и перебросил другой конец Мэри, чтобы она, держась за него, не ударилась о мокрый планшир. Муж как раз собирался что-то сказать — Мэри не сомневалась, что он прикажет ей отправиться вниз, — как один из офицеров опустил подзорную трубу и громко прокричал:

— К судну приближается шлюпка с вестовым.

Элджин стал подниматься, опираясь одной рукой о доски палубы и помогая Мэри встать на

ноги. Новый порыв свежего ветра дунул в лицо молодой женщине, и ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы сохранить ровное дыхание. Если начнется один из ее припадков удушья, Элджин наверняка отправит ее в каюту, даже если ему придется снести ее туда на руках. На мгновение она подумала, не лучше ли будет прекратить сопротивление, ведь она прекрасно знала, что случается, когда Элджин относит ее в каюту. Но сейчас она не была уверена ни в том, что сможет подавить отвращение к вонючему помещению, ни в том, что зеленая занавеска обеспечит им достаточно надежное убежище. К тому же в этот момент внимание Элджина устремилось к происходящему на море, и он указал Мэри на приближающийся гребной ялик, в котором сидел американский офицер.

Команда с нетерпением следила, как тот поднимался по трапу на борт, ибо никто не сомневался, что офицер доставил приказ открыть пушечный огонь. Прибывший обменялся несколькими словами с капитаном Моррисом и офицерами и направился к Элджину.

— Прошу прощения за беспокойство, лорд Элджин, — начал он. — Судно, которое мы преследовали, оказалось не французской канонеркой,

а американской. То есть принадлежит американскому военному флоту. На остаток дня нам обеспечены мир и покой.

Он поклонился Мэри.

— Миледи, сожалею, что заставили вас волноваться.

— Ни в коем случае, сэр, — усмехнулся посол. — Нет нужды извиняться перед леди Элджин за причиненные волнения. Она с самым живым нетерпением ожидала хорошей пушечной пальбы. Не так ли, дорогая?

— Разумеется. Но я постараюсь справиться с разочарованием.

Когда офицер оставил их, Элджин обернулся к жене.

— Ты и вправду так разочарована тем, что опасность миновала? По-моему, тебе не так уж понравился прошлый обстрел нашего корабля.

— Он не понравился юной Мэри Нисбет, — шутливо отвечала она, — которой была привычна лишь надежная и твердая шотландская земля. А теперь прежняя девочка выросла, она взрослая женщина и жена лорда Элджина и потому должна быть смелой. Настолько смелой, чтоб не побояться встретиться лицом к лицу даже с самим Наполеоном, если это будет необходимо.

Внезапно лицо ее мужа посерьезнело.

— В таком случае я зачисляю тебя в свои помощники на предстоящем совещании со штатом посольства. Мои люди недовольны условиями на корабле — как и мы, разумеется, — и каждый требует особых послаблений, когда мы прибудем в Порту. Мне придется разочаровать их, сообщив, что помимо жалованья, оговоренного перед отплытием, они не могут рассчитывать ни на какие дополнительные средства, кроме своих собственных.

К вечеру ветер стал крепчать, а небо потемнело в ожидании шторма. Элджин попросил своих сотрудников собраться, чтобы поговорить об условиях их работы.

— Я намерен прояснить весьма существенный вопрос. Каждый из вас, находясь в моем подчинении, должен рассчитывать только на собственные средства, — так начал свое выступление лорд Элджин. — Предстоящие издержки будут оплачиваться либо из вашего жалованья, либо из предусмотренных вами фондов, как вам будет более удобно.

Мэри пристально всматривалась в лица слушателей и видела, что на каждом из них написаны разочарование от услышанной новости и стрем-

ление скрыть его.

— Но, лорд Элджин… — начал мистер Джозеф Дакр Карлайл, рассудительный мужчина лет сорока или в начале пятого десятка, как предположила Мэри.

Карлайл был ученым-ориенталистом из Кембриджа, владевшим арабским языком. Его Элджин нанял в качестве лингвиста и переводчика, а также дешифровальщика тех редких и древних рукописей, которые лорд надеялся отыскать на Востоке. Но Карлайл не скрывал, что его подлинной целью было проповедовать слово Божие, знакомить мусульманских безбожников с переводом на арабский язык Библии и обращать их в христианство. Идеализм ученого сейчас подвергся нелегкому испытанию, и Мэри внимательно следила за тем, как отражается на его лице только что услышанная новость.

Лорд Элджин не дал лингвисту высказать свой протест, а поспешил перебить его.

— Вы, без сомнения, в курсе того, насколько ничтожны средства, выделяемые Короной на обустройство и содержание британских посольств за рубежом, — продолжал он. — И я боюсь, что ни

мистер Питт[1], ни лорд Гренвилл[2] не намерены делать исключение в моем случае.

Элджин выдавил из себя улыбку, на которую никто не ответил. По обеим сторонам от мистера Карлайла сидели два секретаря Элджина, Джон Морьер и Уильям Ричард Гамильтон, и их лица явно выражали недовольство. Оба были ровесниками, в возрасте двадцати двух лет. Ценность такого сотрудника, как Морьер, трудно было переоценить. Он родился в Смирне, но Мэри было известно, что его отношение к Элджину далеко от восторженного. Однажды она услышала, как Морьер вполголоса жаловался Гамильтону на прижимистость лорда, «чрезмерную даже для шотландца». Юный Гамильтон страдал на борту судна даже больше, чем другие. Хромота — следствие полученной в Харроу травмы — делала его почти беспомощным калекой. Теперь прибавился новый повод для страданий.

— Но у меня с собой всего несколько монет. Я полагал, что все расходы будут оплачены посоль-

---

[1] notes: 1

Уильям Питт Младший (1759–1806) — английский премьер-министр в 1783–1801 и 1804–1806 гг. *(Здесь и далее прим. перев.)*

[2] notes: 2

Личность не установлена. Возможно, ошибка автора, ибо Джордж Гренвилл (1712–1770), английский политический деятель, премьер-министр с 1763 г., ушел в отставку в 1765 г.

ством. Как мне быть? — заговорил он.

Морьер кинул многозначительный взгляд на Гамильтона, как бы намекая на высказанное им прежде мнение об Элджине.

— Думаю, вам следует написать вашим близким или банкирам, или кому вам будет угодно, с тем чтоб получить возможность пользоваться вашими личными средствами, — отвечал посол.

До Мэри долетел подавленный вздох со стороны сидевшего слева от нее преподобного Филиппа Ханта. Элджин уверял ее, что великолепное знание греческого и доскональное знакомство с классиками античности искупают скуку его бездарных проповедей.

— Этому человеку известна история тех руин и античных развалин, которые нам будут встречаться.

Муж назвал Ханта «самым ценным сотрудником всей миссии» еще в Лондоне, в доме на Портман-сквер, где они проводили опросы персонала будущего посольства.

Узнав, что зачислен в штат, Хант доверительно сообщил Мэри о своей надежде разбогатеть на незнакомом и процветающем Востоке, поступив на службу в английское посольство. Молодая женщина подумала, насколько наивны эти мир-

ские устремления в устах ученого служителя религии. И не могла представить себе, каким образом он надеется достичь подобной цели, произнося проповеди и исследуя древние развалины по поручению лорда Элджина. Мысленно она пожалела этого человека, который отдался новой службе с энтузиазмом, более подходящим таким неоперившимся юнцам, как Морьер и Гамильтон. Теперь же преподобный Хант вынужден не только сильно умерить свои грандиозные амбиции, но и просить помощи у семьи.

Речь Элджина вызвала недовольство у всех. Он заметил это, и деланая улыбка, с которой он начал свое сообщение, увяла, превратившись в неприятную гримасу. Внимательно вслушиваясь в слова мужа, Мэри думала о том, что, хоть говорит он с подлинным воодушевлением, содержание его речи вполне банально: представлять на далеких берегах его величество короля Англии является не парадной миссией, а актом патриотизма. И сотрудникам посольства следует не сетовать на личные неудобства, но радоваться возможности укрепить влияние их маленькой нации в мире.

— Нас мало, — продолжал Элджин, — но мы счастливы своей судьбой, мы — братья, объ-

единившиеся на чужой земле для того, чтобы пролить кровь во имя общей цели. Я, конечно, выражаюсь образно.

В Лондоне вскоре после венчания новобрачные побывали в театре, где смотрели нашумевшее представление «Генрих V», и на ее мужа особое впечатление произвела та горячность, с которой актер мистер Чарльз Кэмбл декламировал речь короля, произнесенную тем в День святого Криспина. Но Элджин не был актером. Бедняга продолжал, стараясь вдохновить соратников на подвиги. Он принялся расписывать лишения, которым он и леди Элджин, шотландцы по происхождению и патриоты по убеждениям, подвергаются на службе королю Англии и Шотландии. А ведь союз этих стран, подчеркнул он, насчитывает едва сотню лет. Он стал превозносить силу духа и решительность своей супруги, с которыми она отважилась на это опасное путешествие. Конечно, сам он, как джентльмен и заботливый семьянин, предлагал ей остаться в лоне любящей семьи, пока он будет выполнять свою миссию в Константинополе, и даже согласен был отказаться от этого почетного поста, если б таким было пожелание его молодой супруги.

— Но эта отважная дама и слышать не хотела

ни о чем подобном. Распрощавшись со всем, что было для нее привычным и дорогим, она не заставила своего супруга отправиться в чужие края в одиночестве. Полагаю, что мы должны отметить благородство и самопожертвование, проявленные этой женщиной.

Присутствовавшие чуть наклонили головы, отдавая поклон Мэри, но она не почувствовала в этом никакой почтительности. Элджин продолжал говорить, подчеркивая крайнюю важность и срочность их миссии. Но у ее мужа не было того искреннего и дружеского тона, который сделал такими трогательными и убедительными слова клятвы короля Генриха: «Проливший сегодня за меня кровь навеки станет мне братом». И все собравшиеся прекрасно знали, что в глазах Элджина они никогда не станут ему братьями. Речь графа не только не могла заставить их поверить в это, она лишь подчеркнула его равнодушие и скаредность. К тому же титул самого Элджина и несметное богатство его супруги не привносили убедительности в слова о «самопожертвованиях».

— Предлагаю вам серьезно обдумать те уникальные возможности, которые сейчас предоставляются вам. Укажу также, что немалое ко-

личество людей готово с радостью заменить вас, если вы найдете невозможным продолжать свою службу у меня, — произнес он в заключение.

Лорд Элджин замолк и мрачно оглядел своих слушателей. Холод взгляда и поведения посла сделали невозможным какие-либо комментарии со стороны подчиненных. Мэри уже отметила эту язвительную черточку в отношении ее мужа к посторонним, которая, возможно, и необходима, чтобы удерживать их в повиновении. Она была благодарна Элджину за то, что он позволяет ей принимать участие в своих служебных делах, ибо испытывала безграничное любопытство к его занятиям и стремилась стать полноправным партнером каждого его предприятия.

После долгого молчания преподобный Хант поднял взгляд к небесам и уныло объявил:

— Начинается дождь.

Присутствующие стали расходиться, чтобы приняться за слезные обращения к своим близким с просьбами о деньгах. Письма эти могли быть посланы из ближайшего порта.

Гамильтон отвел Мэри в сторону.

— Леди Элджин, финансовое состояние моих родных не позволит им компенсировать жесткую экономию сэра Элджина.

Мэри потрепала его по руке.

— Уверяю вас, я не допущу, чтоб вы, находясь на службе, голодали.

Ее слова вызвали улыбку на лице бедного юноши.

— Вы будете устроены со всем возможным комфортом.

— Мадам, вы слышали, будет дождь, — вмешался Элджин. — Вам следует спуститься в каюту.

Мэри обернулась и увидела, что лицо Элджина по-прежнему хранит выражение суровости, с которым он обращался к своим подчиненным. А она хотела бы вернуть ему привычную приветливость их уединенных бесед.

— Все они — люди далеко не обеспеченные, — тихонько прошептала она мужу. — Не могли бы мы быть повеликодушнее с ними?

— Ты отдаешь себе отчет в том, что на небольшую сумму в шесть тысяч фунтов мне предстоит содержать целое посольство и выплачивать им жалованье? Я уже пожалел, что согласился принять эту должность. Дипломатия, безусловно, занятие для человека со средствами.

— Что за чепуха! Ты просто создан для этой службы. Такого же мнения придерживается сам король.

— Это правда. Тем не менее его величество не нашел нужным увеличить фонды. Нет, Мэри, боюсь, что, если ты намерена жалеть этих людей, тебе придется воззвать к своему сердцу, а не к возможностям кошелька.

Любящее выражение вновь появилось на его лице, и он нежно поцеловал ее в лоб.

— Хорошо, я попытаюсь, дорогой.

Мэри была счастлива вернуть ту привязанность, которую они испытывали друг к другу. Невыносимо, когда рвутся сладчайшие узы, связывающие их. Она может разыгрывать из себя строптивицу, оставаясь наедине с мужем, но на людях главная роль принадлежит ему, и она — его опора и помощница — должна во всем поддерживать супруга.

Когда Мэри спускалась вниз, то случайно услышала беседу между преподобным Хантом и капитаном Моррисом о несправедливости сложившейся ситуации.

— Отцу леди Элджин принадлежит чуть не половина Шотландии, это хорошо известный факт. А нас просят субсидировать миссию лорда Элджина на те жалкие гроши, которыми располагают наши семьи!

— Угу. Богатый не согласится отдать и чер-

ной дворняги за белоснежную обезьянку. Таков мир. — Капитан испустил глубокий вздох. — И нам приходится с этим мириться.

Очевидно, ни священнослужитель, ни капитан «Фаэтона» не верили в справедливость требований ее мужа. Мэри пришло в голову, возможно впервые в жизни, что таково положение всех зависимых людей, и она мысленно дала себе обещание сделать все возможное, чтоб смягчить недовольство и помочь мужу добиться успеха.

Мэри Гамильтон Нисбет влюбилась в Элджина с первого взгляда, когда он посетил их дом с визитом и был приглашен к чаю. Она, конечно же, слышала о нем и прежде, ведь они жили почти по соседству: обе семьи обитали на противоположных берегах узкого залива Фёрт в Шотландии. Нисбеты — в своем огромном поместье Арчерфилд, включавшем зеленую приморскую деревушку Дирлтон, а Элджин — в Брумхолле, расположенном в графстве Файф, где был занят постройкой нового особняка вместо довольно скромного старого дома, не так давно им самим разрушенного. Знакомые Мэри звали его Элджин. Томас Брюс, седьмой граф Элджин и одиннадцатый граф Кинкардин, не слыхал, чтобы к нему обращались по имени Томас с самого раннего

детства, с того дня, когда он, пяти лет от роду, унаследовал свой титул.

Хотя Мэри была наслышана о многих подробностях его жизни, они с Элджином никогда прежде не встречались. В 1778 году, когда родилась Мэри, он учился в Харроу, Вестминстере и школе Святого Андрея. Когда она стала выезжать, бывая на всех балах в Эдинбурге, которые мог посещать и он, Элджин изучал право в Париже. Они могли встретиться при дворе: Мэри проводила много времени в Лондоне, на Гровенор-сквер, у своей бабушки, леди Роберт Мэннерс, и принимала участие во всех увеселениях и празднествах лондонского сезона. Матушка Элджина, леди Марта, была гувернанткой королевской внучки, принцессы Шарлотты, и Элджин не являлся незнакомцем ни для лондонского высшего общества, ни для королевской семьи. Но он редко бывал в метрополии. Когда сын закончил свои штудии во Франции, леди Марта выхлопотала ему поручение по военной части, юноша быстро продвинулся и скоро уже командовал собственным шотландским полком горцев, расквартированным в столице. Едва достигнув двадцати четырех лет, он был избран в палату лордов одним из шестнадцати пэров-представителей, а к двадцати

девяти имел ранг подполковника в армии его величества. Эти многочисленные отличия привели к назначению его на дипломатическую службу. Таким был граф Элджин — прежде не знакомый Мэри, но давно известный ей по рассказам, — который одним морозным декабрьским днем, когда тысяча семьсот девяносто восьмой год умирал в холодной, промозглой зиме, навестил их дом и был приглашен к чаю.

Для Нисбетов его появление отнюдь не явилось неожиданным или удивительным. Мэри, двадцатилетняя девушка, единственная наследница обширных поместий, была очаровательна. Ее черные как смоль кудри, светло-карие глаза, грациозная, при некоторой приятной округлости, фигура привлекали взгляды многих. Ее нельзя было назвать редкостной красавицей или ангелом во плоти. Скорее, эта богатейшая из наследниц Шотландии имела здоровую и неотразимую внешность хорошенькой поселянки. Но помимо физической красоты она обладала тем даром, который ее родители — несколько им обеспокоенные — называли «искоркой». Они не склонны были одобрительно относиться к какому-либо проявлению легкомыслия со стороны молодых женщин. Их дочь была самоуверен-

на, но в присутствии посторонних вела себя по большей части скромно. Она не подавала ни малейших признаков тщеславия, но в мужском обществе подчас излишне кокетничала.

Миссис Нисбет наставляла дочь вести беседы в русле светских легких тем, которые лорд Элджин не смог бы счесть неподобающими для молодой леди, но Мэри проигнорировала ее увещевания. В поведении лорда Элджина было что-то такое, что заставило ее с первого момента его появления в их доме вести себя вольно. Еще звучали церемонные слова приветствий, шляпа и трость переходили в руки лакеев, а молодой человек и девушка, казалось, уже кружили друг подле друга, подобно двум молодым голодным хищникам над добычей. В данном случае каждый из них казался добычей для другого. Мэри заметила тревогу и неодобрение в материнских глазах, но ей до этого не было дела. В последние восемнадцать месяцев за ней ухаживали многие мужчины — и все они были вполне желательной партией для нее, но каждый был насквозь предсказуем. Ни один из них не будоражил ее, хоть о существовании подобного чувства она знала не по опыту, а из прочитанных романов и любовной поэзии. Она не хотела быть глупо романтичной,

скорее разборчивой. Разве можно, прочитав о великих страстях, обуревавших героев, не мечтать испытать их в своей жизни? Мэри знала, что ей предстоит замужество — респектабельное, приличное замужество. Но разве такой брак не может быть окрашен чуточкой страсти, о которой ей рассказали любимые писатели?

И вот появляется Элджин. Во взгляде, которым он окидывает ее с ног до головы, Мэри видит интерес и вздрагивает, когда их глаза встречаются. Когда молодых людей представляют друг другу, Элджин подает девушке руку и, не сводя с нее внимательных глаз, произносит только одно слово: «Восхищен». Но это слово и тон, каким оно было сказано, говорят ей все.

— Как случилось, что вы пошли в дипломатическую службу? — поинтересовалась у гостя ее мать, разливая чай, хотя всей Шотландии давно была известна эта история.

Но матушка Мэри придерживалась того мнения, что гостю должна быть предоставлена возможность вволю похвастаться.

— После того как я произнес свою первую речь в палате лордов, мистер Питт пригласил меня к обеду.

— Обед у премьер-министра, бог ты мой! А вы

к тому же были так молоды. Воображаю, как вы волновались, не правда ли, Мэри?

— И вам удалось подавить волнение, мистер Элджин? — лукаво спросила девушка, игнорируя предостерегающий взгляд матери.

Элджин улыбнулся ее вопросу, но свой ответ обратил к миссис Нисбет.

— Я всего лишь оказался нужным человеком в нужный момент, леди Нисбет. Мистер Питт отчаянно нуждался в ком-нибудь, кого мог бы послать в Вену для заключения союза с императором Леопольдом Вторым. Уже через двадцать четыре часа я был назначен чрезвычайным послом и находился на пути в Вену. В течение целого года я сопровождал императора в путешествии по Италии. Но когда он скончался, боюсь, мне пришлось признаться себе, что я не сумел убедить его полюбить Британию.

— Будем надеяться, что в будущем ваши усилия в области любви будут более удачными, — вставила Мэри.

Она знала, что ведет себя по меньшей мере рискованно, но если графа Элджина могут шокировать пикантные дерзости молодой девушки, то этот человек не для нее. Она, конечно, рисковала раздосадовать своих родителей, но ведь Мэри

— их единственное обожаемое чадо, и что им остается, как не простить ее, продолжая обожать? Что она теряет?

— Моя дочь шутит, лорд Элджин, — строго сказала миссис Нисбет. — Мэри на всю Шотландию прославилась своими шуточками.

— Очаровательное качество, миссис Нисбет. Я высоко ценю в людях чувство юмора.

Произнося эти слова, он не смотрел на Мэри. Возможно, в этот раз он поставил целью пленить ее родителей, одного за другим, прежде чем займется дочерью. А быть может, посчитал эту вершину уже покоренной.

— Вы очень любезны, милорд.

Миссис Нисбет построже выпрямилась в кресле, давая понять дочери, что не одобряет ее поведения. Мэри поняла этот неявный приказ прекратить выходки и постараться заслужить материнское одобрение. Что же касается ее отца, то мистер Нисбет был не из тех людей, кто склонен выслушивать дурацкую игру словами, какую любят вести эти англичане, когда дело касается серьезных материй. Сейчас он стоял у камина и ворошил поленья с видом человека, целиком поглощенного своим занятием. Затем неожиданно обернулся и обратился к гостю:

— После не совсем удачной миссии в Вене, лорд Элджин, вы были посланы в Брюссель и Берлин, если я не ошибаюсь?

Мэри хотела, чтобы родители умели балансировать между подчеркнутым негостеприимством и слишком доброжелательным вниманием, но ей было прекрасно известно, чем такое поведение объясняется. Мать считала, что должна быть благосклонна к возможному претенденту на руку дочери, а отец полагал необходимым ставить возможно больше препон этому претенденту, как бы знатен он ни был. Мистер Нисбет никогда не позволил бы своей дочери — как и ее состоянию — уплыть в руки человека легкомысленного, независимо от того, какие титулы ему посчастливилось унаследовать. Точно так же, как не допустил бы, чтобы дочь собственным поведением погубила предпочтительную партию.

— Меня направили в Брюссель с заданием осуществлять связь с австрийской армией. Я предпочел этот город Берлину, с тем чтобы иметь возможность время от времени возвращаться домой к своим обязанностям члена палаты лордов. Впоследствии, впрочем, я был послан в Берлин в качестве полномочного посланника Британии при прусском дворе. Там я провел около трех лет.

Эта миссия, мистер Нисбет, оказалась удачно выполненной, но климат Берлина, вынужден признаться, не пошел на пользу моему здоровью. Мне пришлось провести изрядное количество времени на водах в Германии, чтобы избавиться от моих ревматизмов.

Миссис Нисбет воспользовалась возможностью направить беседу на благоприятную для гостя почву.

— Не сомневаюсь в том, что вы настрадались, лорд Элджин. Но, несмотря на болезни, вы выказали чудеса гостеприимства для многих наших соотечественников, обеспечивая их кровом и заботясь об их досуге. Мы наслышаны об этом. У вас репутация щедрого и любезного хозяина.

«В особенности любезного к дамам», — подумала Мэри.

Победы лорда Элджина над прекрасным полом были притчей во языцех по всей Шотландии. Злые языки утверждали, что молодой лорд совершенствует свои дипломатические навыки с политиками и придворными, а любовные — с их женами и содержанками. Мэри надеялась, что ее родители не станут верить подобным слухам: отец никогда бы не выдал дочь замуж за распущенного человека.

«Им, как людям почтенного возраста и зрелых суждений, — думала Мэри, — следует быть выше подобных нечистоплотных сплетен».

— Вы слишком любезно расточаете мне комплименты, миссис Нисбет, — отвечал гость. — Я всего лишь исполнял долг светского человека, так поступил бы на моем месте любой джентльмен.

Понятие «долг светского человека» лорд Элджин, видимо, трактовал довольно широко. Будучи посланником, он сблизился с другим молодым дипломатом, впоследствии женившимся на одной из близких подруг Мэри. И обе девушки провели не один час в сладких сплетнях о подвигах лорда Элджина, о которых в самых живописных деталях поведал своей несколько несговорчивой новобрачной молодой муж, желая разогреть ее воображение.

— Он рассказывал моему Гарольду, — говорила молодая женщина своей подруге Мэри, — как в Париже обнаружил, что обладает настоящим талантом в искусстве эротики. И стал тщательно развивать его в обществе доступных парижанок! — И почти с испугом добавляла: — Никогда не осмелюсь повторить тебе то, что я слыхала, Мэри, а то ты перестанешь меня уважать. Если б ты только знала, какие вещи я позволила Гароль-

ду прошептать мне на ушко.

И как Мэри ни старалась, ей не удалось убедить подругу поделиться с ней сведениями о поведении Элджина в среде женщин погибшей репутации.

— А когда этот Элджин был в Пруссии, он крайне непозволительно вел себя даже с замужними женщинами или, к примеру, с вдовами. Вообрази только!

По словам того же Гарольда, лорд Элджин предпочитал общество не самых юных женщин, поскольку они, по его собственному признанию, «не ломливы, не болтливы, да еще чертовски благодарны». Молодой даме пришлось объяснить своей подружке некоторые детали, которые растолковал ей Гарольд, но зато, как только понятливая Мэри уловила смысл сказанного, обеими овладел такой хохот, что у них заболели животы и пришлось послать прислугу за сельтерской.

— Какой отвратительный тип, — заключила Мэри с негодованием, вполне, впрочем, неискренним, ибо для восемнадцатилетней девушки созданный образ приобретал почти неотразимые черты.

— Ох нет. Лорд Элджин настоящий джентль-

мен. Гарольд поклялся мне, что он никогда, ни разу в жизни не погубил репутации леди.

Мэри припомнила эти обрывки сведений, наблюдая за тем, как Элджин пытается произвести впечатление на ее отца, не оставляя при этом манер наискромнейшего джентльмена. Лицо ее выразило едва заметную усмешку.

— Вы находите дипломатию достойной осмеяния, мисс Нисбет? — промолвил лорд Элджин.

— Я улыбнулась потому лишь, что в своих последующих занятиях вы, кажется, больше преуспели в способности внушать любовь к Англии. Или к англичанам. По крайней мере, такова ваша репутация.

— Не обращайте внимания, лорд Элджин, Мэри опять за свое.

Голос миссис Нисбет звучал уже более строго, но Мэри снова не обратила на это внимания. Девушка прекрасно знала, какие карты держит в руках и что расклад оказался для нее удачным. Она — самая желательная партия в глазах лорда Элджина, на которую он может рассчитывать. Ей казалось, что она знает его всю жизнь и знает, какая связь может возникнуть между ними. С детства она обладала пусть небольшим, но довольно безошибочным даром предвидения. Могла пред-

чувствовать, какие известия им доставит почта. Предсказать срок, в который ожеребится кобыла. А в этот момент она со всей очевидностью почувствовала, что лорд Элджин станет просить ее руки.

— Но, миссис Нисбет, надеюсь, в словах вашей дочери нет шутки, — возразил гость и в первый раз в упор взглянул в глаза девушки. — Я мечтал бы стать человеком, способным убеждать в подобных материях, как в прошлом, так и в будущем. Но в особенности в настоящем.

Заручившись согласием родителей, Элджин несколько раз навещал их и приглашал Мэри на прогулки, стараясь подольше оставаться с ней наедине. Рука об руку они прогуливались по садам Арчерфилда. Иногда он брал ее руку в свои, иногда, когда на их пути встречалось препятствие, позволял себе обвить рукой ее талию и слегка прижать девушку к себе. Дрожь пронзала в эти минуты тело Мэри. Это скоропалительное ухаживание достигло кульминации во время визита семейства Нисбет в Брумхолл, где строился дом, слухи о котором полнили весь Эдинбург и его окрестности.

— Я пригласил архитектора Томаса Харрисона, — заметил хозяин дома. — У него неплохая

репутация мастера, работающего в классическом стиле. Этот мастер черпает вдохновение в античности, в ее мерах и пропорциях. Мы с ним намерены воспроизвести совершенство, которого достигли древние греки в каждом аспекте искусства и архитектуры.

Когда Мэри и Элджин сидели в карете, направляясь в Брумхолл, он объявил о своих намерениях. Король Георг лично предложил ему пост посланника в Константинополе, и, кажется, он готов принять это предложение. От этих слов Мэри растерялась. Его ухаживания оказались пустым времяпровождением, он готов оставить ее — разочарованную и в замешательстве — и отбыть на новую службу? Но дальнейшие слова Элджина развеяли ее опасения.

— Я намерен просить у мистера Нисбета вашей руки, Мэри, но прежде хотел бы поговорить с вами. Готовы ли вы расстаться с комфортом родного дома и окружения близких и отправиться со мной на Восток?

Он не стал ждать ее ответа, вместо этого принявшись разъяснять важность своего будущего назначения. Амбиции Наполеона уже ни для кого не являются тайной, этот француз намерен отвоевать Индию у Великобритании, захватить и

поставить под свой контроль все торговые пути, ведущие на Восток, — плоть и кровь английской экономики, — а также разоружить Оттоманскую империю, тем самым подчинив почти все мировые ресурсы Франции. Англия превратится в колосса на глиняных ногах, и король больше не сможет гарантировать жизнь и процветание своим подданным.

— Англии необходимо заключить союз с турецким султаном, дабы избавить мир от угрозы французского чудовища, — продолжал Элджин. — Мой долг как патриота внести лету в обеспечение национальной безопасности. И я не хотел бы видеть рядом с собой никакой другой женщины, кроме вас, Мэри Нисбет.

— Но, сэр, в какой дальний путь вы предлагаете отправиться бедной шотландочке, которая до сих пор никогда не разлучалась со своими близкими?

Она просто обожает его, это правда. И она жаждала романтических приключений с самой юности. А этот человек предлагает ей их и к тому ж просит выйти за него замуж. Но нужно признаться, что строить дом, обустраивать жизнь мужа, свою собственную и, наверное, своих будущих детей в далекой Оттоманской империи

кажется ей слишком уж необычным.

Элджин дал Мэри возможность обдумать его слова. Когда они прибыли в Брумхолл, он подал ей руку, помогая выйти из экипажа, и молча ввел в огромные парадные двери особняка. Вдвоем они направились вдоль просторного коридора, и молодой человек стал говорить об их будущей жизни, о чудных краснощеких ребятишках, которые будут расти здесь, опекаемые ими, Элджином и Мэри, и любящими бабушкой с дедушкой поблизости. Все эти мечты превратятся в реальность, как только он завершит свою службу.

— Мистер Харрисон, мой архитектор, внушил мне страстное желание отправиться на Восток с миссией, которая, как я верю, будет кардинальной для будущего нашей страны. Оттоманские турки оккупировали Грецию, это так. Афины, славный светоч демократии, город Перикла, распростерт под пятой султана и подчинен его сатрапам. Я добьюсь разрешения султана поручить группе моих помощников — художников, ученых, мастеров — создать первоклассные слепки со знаменитых произведений греческого искусства. Подумайте хорошенько над этим, Мэри. Каждый художественный элемент: великолепные колонны, карнизы и фронтоны храмов,

прекрасные статуи, даже обычная домашняя утварь — все может быть скопировано в рисунках и слепках и привезено в Англию, где будет изучено и воссоздано нашими зодчими и ремесленниками. Мое посольство, его благотворное влияние на художественную жизнь нашей родины войдет в историю. Вы и я станем известны своим содействием развитию художественного вкуса у английской нации.

Глаза Элджина сверкали, когда он делился своими амбициями с будущей невестой. Перед ней стоял человек, чьи романтические мечты превосходили ее собственные. Мэри понимала, что ее обуревали всего лишь эгоистичные девические грезы, в то время как он мечтал о том, что не только могло доставить наслаждение, но и преобразить мир, в котором они живут. Элджин жаждал воздействовать на каждую сторону британского национального характера, обогатить его всеми прекраснейшими достижениями человеческого духа.

Но до чего ей будет трудно, почти невозможно, расстаться с привычным укладом родной семьи и уехать в Константинополь. Мэри была единственным ребенком у своих родителей, и в расставании с нею они будут безутешны. Ее

обожаемая бабушка уже в преклонных годах, и может случиться так, что она скончается, не повидавшись со своей внучкой. К тому же родить и воспитывать детей в чужой стране, известной отсталостью медицинской науки и подверженной частым эпидемиям оспы, представлялось ей приключением, испытать которое она совсем не готова.

Мэри рассказала об этих заботах Элджину, тот со всем вниманием слушал, позволив себе смелость гладить ее затянутую в перчатку руку.

— Мы пригласим самого известного в нашей стране врача в случае, если вам понадобятся его заботы, — ответил он. — Я никогда не подверг бы ваше здоровье ни малейшей опасности, Мэри.

Должно быть, нерешительность отразилась на ее лице, потому что Элджин глубоко вздохнул и снова заговорил:

— Когда мне случилось жить в Париже, я свел знакомство с одним американцем. Его звали Бенджамин Франклин, он служил в дипломатическом корпусе своего отечества, и именно его пример вдохновил меня, в то время совсем юношу, также вступить на дипломатическую стезю. Его живейший интерес в те дни вызывало изучение электричества. Он изобрел прибор, на-

звав его «молниевый колокол», который издавал звон, когда начиналась гроза. Наблюдая впервые действие этого прибора, я решил, что это настоящее колдовство. Но Франклин объяснил мне, что важна не вспышка молнии, а электрический ток, невидимая и загадочная сила, проводящая энергию.

Мэри терпеливо слушала его объяснения, не совсем понимая, какое отношение свойства молнии имеют к их совместному будущему.

— Когда вы рядом со мной, Мэри Нисбет, мне кажется, что в воздухе проносятся молнии. Я слышу звон колоколов внутри себя и начинаю чувствовать, что до встречи с вами вовсе и не жил. Когда вы рядом, по моему телу пробегают заряды того электрического тока, о котором рассказывал мистер Франклин. Вы заставляете сердце биться быстрее обычного, Мэри. Дни моей жизни станут для меня невыносимы, если вы не согласитесь стать моей женой.

Он взял руку Мэри и прижал к груди, она услышала мощное, быстрое биение сердца. Тогда девушка сжала его пальцы и попросила побыстрее обратиться к ее отцу, мистеру Нисбету, пока ее шотландская практичность не взяла верх над любовью к Элджину.

Но мистера Нисбета вовсе не заинтересовали ни намерения, ни честолюбивые стремления претендента на руку дочери.

— Он в долгах по самую макушку, ваш Элджин, из-за своего немыслимого дома, — заявил отец, и его слова грозили разрушить все надежды Мэри. — Я не собираюсь смотреть, как приданое моей дочери окажется пущенным на ветер, как ее деньга пойдут на выплату долгов человека, который живет не по средствам. Элджин — точная копия своего отца, самого непрактичного из людей, но с огромными амбициями и полным отсутствием делового чутья.

Действительно, было хорошо известно, что покойный граф потерял все состояние на финансировании одного злополучного горнодобывающего предприятия и скончался, оставив жену и шестерых детей с длинной родословной, но без средств к существованию.

— Отец, ты не хочешь замечать ни одного из прекрасных качеств лорда Элджина, но фокусируешь все внимание на том единственном, что свидетельствует не в его пользу. Разве ты забыл, что король лично предложил его светлости занять пост посла в Порте? Чего же не сможет достичь человек, так отмеченный королем? Ма-

тушка лорда, леди Марта, обласкана королевской четой, она приглашена гувернанткой к маленькой принцессе Шарлотте. У него прекрасный титул. Ему покровительствует мистер Питт. А родословная восходит к самому Уильяму Брюсу[3]. Может ли быть более знаменитым мой будущий супруг?

— От твоего супруга требуется быть не знаменитым, Мэри, но по меньшей мере платежеспособным. С чего он надумал строить поместье, достойное короля, если у него нет ни гроша за душой? Он бросает деньги на ветер, причем не свои, а своих заимодавцев.

— Но разве Брумхолл не станет и моим домом тоже? Домом моих детей, твоих внуков? Почему мы должны рассчитывать только на его доходы? Мой отец — один из самых богатых людей Шотландии и я, единственное дитя, его наследница. Доход от наших земель превышает восемнадцать тысяч фунтов в год. Это же в три раза больше суммы, которую, как сказал мне Элджин, отпускает правительство на содержание его посольства. Прими, пожалуйста, во внимание наше благополучие, достоинства и добродетели человека,

---

[3] notes: 3

Ошибка автора. По-видимому, имеется в виду Роберт Брюс (1274–1329) — король Шотландии в 1306–1329 гг.

который просит моей руки, чувства, возникшие во мне по отношению к нему за эти несколько недель. Почему мы сейчас говорим только о деньгах? Что такое деньга перед лицом любви? Хотелось бы мне думать, что счастье твоей дочери для тебя, папа, важнее их. Мы, Нисбеты, никогда не останемся без средств, но как легко можно провести жизнь, не узнав и тени того любовного чувства, да, любовного чувства, которое я питаю к лорду Элджину.

— Какой дар красноречия, Мэри! — ответил отец, отворачиваясь, чтобы удалиться к себе в кабинет. — Досадно, что женщин не назначают в дипломаты.

Тем не менее уже через две недели, с помощью матери, которая оказалась ее единомышленницей, Мэри одержала верх над отцом. Мистер Нисбет, будучи скептиком и весьма трезво настроенным отцом, распорядился выдать новобрачным закладную, процентами с которой Элджин мог распоряжаться по своему усмотрению. Но будущий муж не располагал возможностью даже прикоснуться к капиталу жены без письменного согласия мистера Нисбета.

«Это застрахует нас от его привычек», — объяснил он сначала дочери, затем, с глазу на глаз,

Элджину, чем обидел юную невесту.

После скромного венчания молодые сняли резиденцию в Лондоне, где Элджин мог знакомиться с кандидатурами тех, кого собирался нанять для работы в английском посольстве в Константинополе. Последние недели перед свадьбой Мэри прожила, обуреваемая волнениями и в смятении чувств перед огромными переменами, которые ждали ее. Она ощущала, как ширится внутри ее счастье и одновременно растет в груди нервное ожидание, достигшее апофеоза в час, когда она стояла перед алтарем. Голова ее закружилась, девушка пошатнулась и потеряла сознание. Ни Элджин, стоявший рядом, ни кто-либо из присутствовавших не успели прийти на помощь и предотвратить падение. Едва придя в сознание, она со страхом подумала, не было ли в этом странном обмороке проявления одного из ее предчувствий. Мэри лежала, не открывая глаз и напряженно размышляя. Не знак ли это предостережения свыше? Не следует ли ей отказаться от замужества, влекущего переезд в чужие земли? Но глубокий, полный тревоги за нее голос Элджина, его просьба срочно вызвать врача, настояние не продолжать церемонии, пока невесту не осмотрит доктор, развеяли стра-

хи. О, разумеется, она выйдет за этого человека, ведь он тревожится за нее так, будто от этого зависит его собственная жизнь. Кроме того, разве ей не доводилось иметь предчувствия не только о дурных событиях, но и добрых? Это и вправду знак небес, сказала она себе, но знак, предвещающий ту волнующую, исполненную любви жизнь, которую приготовил для нее возлюбленный. До слуха девушки донесся шепот матери: «Нервы бедной крошки были буквально на грани перед таким великим событием» — и слова Элджина, выразившего надежду, что его невесту оно не страшило. Мэри села, улыбнулась, уверила присутствующих, что опасения их напрасны. Ничто не может помешать ей выйти замуж за Элджина, который в день венчания представлял из себя исключительно импозантную фигуру — модный фрак, знатность, титулы — и к тому же так влюблен в нее. Она медленно встала на ноги, пока мать хлопотала рядом, оправляя подвенечный наряд и фату. Епископ Сандфорд пристально уставился на Мэри и вполголоса осведомился, нет ли у нее на душе чего такого, в чем она бы хотела ему исповедаться. Но девушка тряхнула головкой, прогоняя слабость, выпрямилась и спустя минуту стала тем, кем быть ей выпала судьба, — Мэри

Гамильтон Нисбет Брюс, графиней Элджин. Ни одному из самых богатых, но нетитулованных землевладельцев Шотландии не удалось бы выдать дочь замуж более удачно.

К обеденному часу «Фаэтон» все так же продолжал бороться с волнением разбушевавшейся морской стихии, но недомогания и злосчастья Мэри, казалось, решили дать ей отдых. Она прошла к столу и, сидя рядом с капитаном Моррисом, лордом Элджином и все еще сохраняющими угрюмость сотрудниками миссии, отдала должное солонине, квашеной капусте, бобам, вяленой рыбе и галетам. Вонь мокрой древесины, разбухшей от морской воды и плесени, убивала запах съестного. Мэри не могла бы сказать, хорошо или дурно приготовлена пища, ибо аппетит ее был так же плох, как и настроение в этот дождливый вечер. Двадцать один год своей жизни она была полна неуемной энергии, но в этот час оказалась так слаба, что не имела сил даже на то, чтобы разрезать мясо на своей тарелке. Неприглядная вилка с кривыми зубцами была под стать затупившемуся ножу. Она хотела было попросить об этой услуге мужа, но решила не выглядеть в глазах собравшихся беспомощным ребенком. Однажды, припомнила она вдруг, Элджин кормил

ее с ложечки политой медом клубникой с ломтиками сладкой дыни, но это было в интимном уединении их супружеской спальни. Мэри почувствовала, как что-то вздрогнуло в ее теле при этом воспоминании. Отправляя в ее рот кусочек за кусочком, Элджин разрезал каждую ягоду пополам и уложил эти половинки на ее соски. Потом медленно, покусывая «тарелочки» губами, съел ягоды и облизнул следы сока с ее груди. Думать об этом даже в этой неподходящей обстановке было приятно, хоть она и сама почувствовала, как необъяснимо для других разгорелись ее щеки. На мгновение легкий трепет пробежал по жилам и заставил забыть о тошноте. Она невольно бросила взгляд на мужа, но не нашла в нем ничего, что могло бы напомнить того пылкого влюбленного, каким он был еще два месяца назад.

Элджин сидел, погрузившись в угрюмое молчание, методично управляясь со своей порцией мяса на тарелке, каждый подносимый ко рту кусок сопровождая щедрым глотком вина, причем не того пойла, которое подавали на борту, а отобранного из собственных кладовых. Подчиненные тоже хранили молчание. Мэри подумала, что звук жующих челюстей, сопровождаемый металлическим звяканьем столовых приборов,

может свести с ума. Конечно, этих людей нетрудно понять. После объявления, сделанного нынче Элджином, они расстроены, но разве было так уж необходимо погружать их в меланхолию?

Она принялась размышлять о собравшихся за столом унылых мужчинах и, несмотря на подавлявшую ее слабость, решила попытаться поднять настроение у этих бедолаг, спасти сегодняшний вечер, чтобы, по возможности, наладить отношения мужа с его сотрудниками. В противном случае их ждет не только долгий печальный вечер, но и два столь же печальных нескончаемых года на чужбине. Чрезвычайно важно с самого начала взять правильный тон с этими людьми. Элджин ставит свою репутацию в зависимость от успеха его миссии, а разве ее собственное счастье и счастье их будущих детей не зависят от этого же?

«Доброе словцо молвить не труднее, чем злое», — учила ее старая шотландская нянька, и Мэри всегда верила в справедливость сказанного.

Она станет утешительницей своих спутников, а не косвенной причиной их огорчения. Унаследовавшая шотландский прагматизм отца и решительность матери-англичанки, она не со-

мневалась в том, что здравый ум в сочетании с сильной волей справятся с любым препятствием. Человек в состоянии владеть своими чувствами и настроениями, даже если этот человек так плохо переносит первую беременность, сопровождаемую к тому же отвратительными условиями морского переезда. Так же глубоко Мэри верила, что если «этот человек» умен и красив и к тому же настоящая женщина, то он в состоянии справиться и с чувствами, и с настроениями окружающих мужчин.

— Кажется, нам удалось не только уцелеть в штормах нынешнего дня, но и не понести особых потерь, — приветливо обратилась она к собравшимся, не предполагая, что в этот момент приоткрыла ящик Пандоры.

Преподобный Хант, когда он не штудировал греческих авторов и не сочинял нагоняющих тоску проповедей, удовлетворял свои схоластические наклонности другим образом — измеряя и каталогизируя всё и вся его окружающее. И вот он решил вступить в беседу, оживив ее своими последними достижениями в этой области.

— Поскольку ненастье и отсутствие возможности уединения препятствуют тем серьезным занятиям, в которые я бы предпочел погрузиться,

леди Элджин, — начал он, — я посвятил свое время проведению некоторых измерений. Жилую площадь корабля составляют шесть отделений. Отделение, занимаемое нами, имеет размеры двенадцать футов в длину, шесть футов в ширину и еще шесть футов в высоту, что едва превышает рост человека. Средняя величина последнего, по моим измерениям, составляет не менее пяти футов и девяти, возможно, восьми дюймов.

Мэри бросила вопросительный взгляд на мужа. Как правило, тот нетерпеливо вздрагивал, когда Хант принимался излагать свои вычисления, но сейчас Элджин лишь рассеянно смотрел перед собой и продолжал пить, возможно в душе довольный тем, что беседу ведет жена, освободив его тем самым от светских обязанностей.

— Вы, должно быть, имеете в виду рост англичанина, ваше преподобие, — отвечала Мэри. — Итальянцы и французы много ниже нас ростом.

— Истинная правда, мадам, — вежливо наклонил голову ее собеседник, ни в коей мере не сбитый с толку. — Означенное пространство вмещает тринадцать сундуков — каждый о трех замках, — пять коек по числу нас, джентльменов, занимающих их, три умывальные раковины, три маленьких ночных столика, шесть шляп,

шесть теплых плащей, пять баулов с одеждой, два оловянных кувшина, пару зонтов. А также юнг, прислуживающих нам во время бритья, и лестницу, закрепленную на стене с помощью четырех узлов, что делает ее потенциально бесполезной в случае катастрофы.

— Подлинным чудом физики можно считать то, что все эти предметы уместились в пространстве такой величины, — заметил Морьер.

— Вы правы. И нужно заметить, что уместились на нем также и мы, мистер Морьер.

— Мы попытались было нанять для этого путешествия барк царицы Клеопатры, ваше преподобие, но он конфискован Наполеоном в Египте и оказался недоступным, — шутливо сказала Мэри, надеясь затронуть чувство юмора в священнике, если он им, конечно, обладал.

Но тот не повел и бровью, хотя Морьер и Гамильтон усмехнулись.

— В ваших помещениях такая теснота, потому что на случай атаки мы держим палубу пустой, — вступился за честь своего корабля капитан Моррис.

«Как он, должно быть, устал выслушивать бесконечные их жалобы», — подумала Мэри.

— Вы согласны с правильностью такого реше-

ния, лорд Элджин?

В ответ лишь слегка поднятая бровь. Кажется, сегодня вечером ничто на свете не сможет втянуть ее мужа в беседу.

«Почему он все еще дуется? — недоумевала Мэри. — Конечно, его люди недовольны, но никто и не думает поднимать шум».

— Теснота становится еще менее выносимой, когда ее заполняют запахи ночной посуды и мокрого платья, — добавил Морьер.

— Потому леди и носят с собой надушенные носовые платки, мистер Морьер.

Морьер был старше ее всего на год, но в глазах Мэри он был совершенным ребенком, и она обращалась с ним как с мальчишкой.

— Советую вам, джентльмены, прибегнуть к этому средству. Оно может оказаться очень полезным.

Глаза Элджина, презрительно прищуренные во время обеда, под влиянием выпитого вина широко распахнулись.

— Очень забавно, — отозвался он на реплику жены, но без особого убеждения.

— Но что за вечер без дружеской беседы? — продолжала Мэри. — Мы делим одинаково ужасные апартаменты. Не стать ли нам в таком случае

подлинными товарищами по несчастью?

— Согласен, — вступил в беседу доктор Маклин, поднимая бокал и радуясь предлогу для продолжения выпивки.

Участие доктора в общем застолье было редким. Когда он не пытался облегчить страдания Мэри, то уединялся в своей каюте с бутылкой виски. Но сейчас Мэри присоединилась к нему, остальные уныло последовали ее примеру. Постепенно беседа стала всеобщей, оживилась, путешественники начали обсуждать достопримечательности турецкой столицы. Кто ставил на первое место величественный залив Золотой Рог, кто Айя-Софию, храм, построенный императором Юстинианом I, кто тайны султанского сераля с его недоступными взгляду красавицами.

Мэри ухватилась за возможность установить дружественные отношения между сотрудниками будущего посольства. Когда обед закончился, она настояла на том, чтобы капитан Моррис сыграл что-нибудь на своей гармонике. Под ритмичные хлопки в такт музыке Мэри и сама спела несколько шотландских народных песен, незнакомых слушателям. Завершив пение, она пригласила двух горничных, которых везла с собой, присоединиться к ней. Их высокие неуверенные голоса

зазвучали ровнее на второй и третьей песнях, мило сочетаясь с пением Мэри, занимавшейся вокалом с детства. Все хотели продолжения веселья, кроме Элджина, сохранявшего полнейшее молчание, будто он сидел в одиночестве над своим бренди. Время от времени на его лице возникала улыбка, которая заставляла Мэри думать, что он наслаждается обстановкой так же, как другие, и лишь статус королевского посланника мешает ему присоединиться к общему веселью. К тому времени, когда ее муж занялся третьим по счету стаканом, Мэри обратила внимание, что выражение рассеянной насмешки теперь оставило его лицо и Элджин внимательно наблюдает за тем, как смотрят на нее мужчины. Она не могла разобрать значение его взгляда, но само выражение лица показалось ей незнакомым. И вдруг, прямо во время исполнения одной из песен, Элджин внезапно поднялся на ноги и объявил, что вечер пора завершать. Были ли присутствующие чистосердечно тронуты желанием леди Элджин развеять их скуку или не торопились возвращаться в свои омерзительные каюты, Мэри точно не знала, но было уже далеко за полночь, когда Элджин обратился с этими словами к собравшимся. Со всех сторон послышались протесты.

— Но леди Элджин в интересном положении, и я не хотел бы, чтоб ее здоровье пострадало больше, чем оно страдает от тягот тяжелого переезда, — объявил он, и никто не смог найти возражения.

Или же не захотел это сделать.

Когда экипаж корабля и работники миссии разошлись, Элджин взял жену за руку и привлек ее к себе.

— На одно слово, госпожа Полл.

Слова эти не прозвучали приветливо, и в первый раз любовное имя, изобретенное для нее молодым мужем, было произнесено без следа шутливости.

— Что изволит приказать мой Эджи?

Она воспользовалось придуманным ею глупеньким прозвищем, которое до сих пор заставляло ее внутренне вздрагивать от собственной смелости в отношении такого грозного и почтенного персонажа, как ее муж. Ею владело приподнятое настроение из-за того, что ей удалось воодушевить его сотрудников, и она подняла лицо к мужу, ожидая похвалы. Но, ничего подобного не услышав, она продолжала:

— Я не предполагала, что наши ворчуны могут обернуться такими компанейскими парнями.

И все это сделали детские колыбельные моей старой нянюшки. Ты доволен своей маленькой Полл?

— Тебе не кажется, что твое поведение с моими подчиненными было несколько развязно?

— О? Мне и в голову не пришло, что можно счесть развязными песенки, которыми успокаивают раскапризничавшегося малыша.

— В таком случае нам придется пересмотреть твою концепцию приличий исходя из понятий, подходящих для супруги посла на службе его величества.

Мэри почувствовала, как все внутри у нее сжалось.

— Но я старалась приободрить их только ради тебя.

— Ради меня? Зачем это ободрять их ради меня?

— Тебе разве не кажется, что довольные люди будут трудиться лучше и с большим энтузиазмом и преданностью, чем ожесточенные? Поверь, я руководствовалась исключительно соображениями твоей пользы и пользы всей миссии.

Элджин глубоко втянул носом воздух и поднял глаза к небу.

— Мне не понравилось, как эти мужчины смот-

рели на тебя.

— А как же они смотрели на меня, милорд?

— Голодными глазами, представь.

— Но разве не такими точно глазами и вы смотрите на меня, лорд Элджин?

Ей так хотелось разрядить обстановку. Не следует подчиняться этой глупой ревности. Элджин остановил свой выбор на девушке своенравной и неглупой, но чем больше она его узнает, тем более властно он начинает себя вести. Ей следует вернуть себе позиции той дерзкой девчонки, которая его очаровала.

— Но именно потому я и вышла за тебя. Потому что ты смотрел на меня, как самый голодный из мужчин.

Он рассмеялся и снова притянул ее к себе. Слава богу, а то она уж боялась, что вконец рассердила его.

— Вы правы, госпожа Полл. Я голоден до сих пор. И жажду я так много.

— Что я могла бы предложить моему повелителю, чтоб утолить его жажду? — лукаво спросила она, уютно устраиваясь у его груди.

Элджин вздохнул и неожиданно ответил:

— Хорошего художника для моего греческого проекта.

Мэри надеялась, что ее муж, по крайней мере, заговорит о вкусе ее губ, или язычка, или еще чего. Плохое самочувствие во время морского переезда, как и отсутствие подходящей обстановки, внушили ей отвращение к самой мысли о сексуальных отношениях, но сейчас море успокоилось, и тьма, обнявшая их, наводила на мысль о том, что они двое — единственные живые существа в мире. Она хотела, чтобы он поднял ее на руки и расцеловал, пока они одни, а не толковал в очередной раз о копировании греческих мраморов.

— Душа моя не будет знать покоя, пока мы не отыщем рисовальщика, способного справиться с тем, что нам требуется. Будь проклят этот Бонапарт. Он не только ограбил всю Италию, но еще лишил ее художников. Он просто увлек их за собой. А те, кто не последовал за ним, были вынуждены покинуть страну, чтоб не подчиниться ему. Никого не осталось! Нигде не отыскать достойного художника.

— А он нам так уж необходим? Разве нельзя использовать для этой цели кого-нибудь из тех мастеров, которых ты нанял для выполнения отливок? Ведь работа художника может обойтись очень дорого.

— Нам следовало нанять мистера Тернера. Он

— единственный из английских живописцев, кто достоин этой миссии.

— Но мистер Тернер полагает себя не ниже мистера Ромни или сэра Джошуа Рейнольдса. Запрошенная им цена была просто абсурдна.

Мэри посчитала Джозефа Меллорда Уильяма Тернера просто нахальным юнцом. Они беседовали с ним в Лондоне, и он потребовал жалованье, в два раза превышавшее то, которое предложил ему Элджин, а когда понял, что от него еще потребуется давать Мэри уроки живописи, отказался наотрез. Его самомнение, посчитала Мэри, совсем не подходит для человека двадцати четырех лет от роду. Она пришла в восторг, узнав, что Элджин отказал ему.

— Лучше обойдемся без мистера Тернера, — добавила она.

Элджин чуть отстранился и стоял, уперев одну руку в бедро, а другую прижав ко лбу.

«Он похож на какого-нибудь актера», — мелькнуло у нее в голове.

Да, с такой красивой внешностью Элджин вполне мог пойти на сцену.

— Наполеон нанял сто шестьдесят семь художников и ученых, которых привез с собой в Египет, а мне придется обойтись этими ничтожными

ворчунами. Не могу не отметить то отсутствие кругозора, которое проявил лорд Гренвилл. Он отказался пожертвовать даже самую ничтожную сумму на цели искусства. Положение в области культуры в Великобритании будет несравненно худшим, чем во Франции.

— Я не понимаю, почему мы собираемся соревноваться с самим Наполеоном? — заметила Мэри.

— Не мы с тобой должны с ним соревноваться, а наше отечество. Великой империи надлежит вскормить великое искусство, с тем чтобы создавать достойные ее величия памятники. Греки понимали это, как ты сама убедишься.

Иногда Мэри казалось, что ее муж считает задачу возвышения английской культуры даже более важной, чем цели, поставленные перед его посольством, которые ей лично казались почти недостижимыми. Элджину было поручено убедить султана открыть торговые пути для Англии, разрешить основать почтовую станцию в Красном море и выполнить еще тысячу других менее важных задач. Уж не говоря об общем улучшении отношений между оттоманской Портой и владычицей морей Великобританией. Мэри даже пожаловалась матери, позволив себе вслух усо-

мниться в правоте Элджина, отягощавшего свою задачу грандиозными планами скопировать все достижения Древней Греции ради развития искусства Англии. Ее тревожила мысль о том, что, если правительство откажется субсидировать эти проекты, как бы ее муж не решил, что требуемой суммой его обеспечит ее семья. А сумма огромна. Им пришлось бы выплачивать жалованье целой команде художников и покрыть их путевые издержки на объезд всей Греции, повторяя в своих рисунках и гипсовых копиях ее сокровища. Одна только перевозка мастеров и материалов могла стоить целое состояние.

— Отец мой, может, и богат, но он все-таки не имеет возможностей первого консула Франции!

Мэри поделилась своими заботами с матерью, но встретила неожиданную реакцию. Она думала, что ее мать передаст суть ее тревог отцу и мистер Нисбет проведет отрезвляющую беседу с зятем. Вместо этого миссис Нисбет заметила дочери, что теперь ее заботой становится помощь мужу в его стремлении стать великим человеком и осуществить свои мечты. В этом состоит ее долг не только перед Элджином, но и перед самой собой и будущими детьми.

— Умная жена в силах помочь мужу добиться

многого. Его состояние, репутация, его наследие принадлежат не только ему, но и тебе.

Эти слова произвели большое впечатление на Мэри. Ее мать прекрасно знает, в чем заключается долг супруги. Мистеру Нисбету удалось преуспеть в жизни, а в результате преуспевают и его супруга, и его дочь. Мэри надлежит не забывать о том, что мать воспитывала ее как будущую добрую супругу и опору семьи.

— Мы причалим в Палермо, Полл, — говорил в это время Элджин. — Мне хотелось бы посоветоваться с мистером Уильямом Гамильтоном. Это один из величайших знатоков античности и лучших коллекционеров мира, и я не сомневаюсь, что его советы окажутся ценными.

Мэри в удивлении отпрянула от него.

— То есть ты хочешь сказать, что мы окажемся гостями courtesan[4]?

Это было самое вежливое слово из тех, которые пришли ей на ум в данную минуту. Печально известная супруга сэра Уильяма, Эмма Гамильтон, была в то же время любовницей адмирала лорда Нельсона, и все трое жили в странном согласии в сицилийском палаццо сэра Уильяма, где лю-

---

[4] notes: 4
Куртизанка *(фр.).*

бовники наслаждались своей связью под носом стареющего мужа.

— Но это немыслимо! Что сказали бы мои родители? Или твоя матушка?

— Дорогая, мы с тобой уже взрослые люди и к тому ж супруги. Надо жить своим умом и не заботиться о том, что подумает о нашем поведении предыдущее и более консервативное поколение. Мэри, передо мной стоит миссия, которую я намерен исполнить, а ты, как моя жена, должна мне помогать в этом.

— Мне не кажется ни разумным, ни приличным общаться с подобного рода особами.

Мэри чувствовала, как растет в ней негодование.

— Сэр Уильям — достойный всяческого уважения джентльмен и давнишний посол Англии в Неаполе. А адмирал лорд Нельсон — национальный герой нашей страны. И я не думаю, что нанести визит людям такого ранга является чем-то неслыханным. В настоящее время и сэр Уильям, и его супруга оставили Неаполь вместе с королевской четой. Они бежали, преследуемые французами.

— Но я говорю об этой ужасной женщине!

Элджин расхохотался.

«Но он же просто насмехается над моими протестами!» — подумала она.

Муж приподнял ее подбородок и так крепко прижал Мэри к себе, что она ощутила его восставшую плоть.

— Миссис Гамильтон всего лишь наслаждается в открытую тем, чем ты наслаждаешься тайно, — прошептал он ей на ухо.

Мэри захотелось одернуть его, намекнуть на слухи о том, что Эмма Гамильтон начала свою карьеру в качестве посудомойки и уличной женщины и лишь после этого вышла замуж за аристократа и взяла в любовники национального героя.

Сплетники утверждали, что первым любовником Эммы был известный повеса сэр Гарри Фетерстонхью, поспешивший избавиться от нее, передав более суровому сэру Чарльзу Гревиллу, который, в свою очередь, устав от ее непомерных расходов, уступил любовницу своему богатому дядюшке, сэру Уильяму Гамильтону, простившему ему за это часть долга. Как ее муж может предполагать, что она станет водить знакомство с особой такой репутации? Но в душе она чувствовала, что Элджин глубоко прав, по крайней мере в данный момент, и уступила его объятиям,

позволив ему запрокинуть ее лицо так, чтоб она могла поцеловать его. Пахнущий бренди, мокрый рот крепко прижался к ее губам, и все заботы улетучились. Может, она и вправду носит в себе частичку Эммы Гамильтон, как предположил ее муж?

Мэри приоткрыла рот, стала ласкать и посасывать его язык. Элджин знал, что ей это нравится, и замер, затем схватил за руку и повел туда, где ночное небо, сливаясь с окружающей чернотой ночи, укрыло их. Они оказались в сумраке тени от парусов, скрывшей их от посторонних глаз. Элджин прижал Мэри к чему-то твердому и холодному, она догадалась, что это лафет одной из корабельных пушек, приподнял юбки до самых бедер, и она почувствовала, как холодный мокрый ветер обдувает ей кожу. Незнакомое ощущение заставило ее вздрогнуть.

— На нас никто не смотрит?

Она подумала, что спросить об этом ей следует, по крайней мере, во имя приличий, но вместо ответа Элджин ворвался в нее так стремительно, что она задохнулась. Зажав ей рот ладонью, он с каждым разом входил в ее тело глубже и глубже, но теперь уже медленнее, добиваясь, чтобы она разделила с ним наслаждение, стараясь попасть

в ритм волн, раскачивавших палубу. Мэри стала забываться в этом гипнотическом движении, но вдруг встревожилась от мысли, не повредит ли сила этого сношения тому еще не родившемуся созданию, что находится внутри ее. Но тут же припомнила случайно подслушанные слова старой поварихи в Арчерфилде о том, что все десять ее детишек родились на свет со следами спермы на головах. Конечно, с малышом будет все в порядке, успела она подумать, обвила ногой бедро мужа и скользнула туда, где царило одно наслаждение.

Палермо, остров Сицилия

Три знойных удушливых дня они добирались до Палермо, не видя берегов Италии. На следующее утро после ночного приключения Мэри, устрашенная собственной смелостью, постаралась принять как можно более строгий вид и отправилась на воскресную службу, проходившую на палубе. Матросы, одетые в лучшее платье, ничем не показывали, что осведомлены о ночном эротическом сеансе дипломатической пары, и с неподдельным вниманием и почтением слушали проповедь преподобного Ханта. Сосредоточенность же Мэри была насквозь фальшивой. Ее самочувствие опять ухудшилось, торжество предыдущего вечера сменилось жалким утром, проведенным в приступах головокружения и рвотных потугах. Мастерман пришлось без конца смачивать ее виски уксусной водой. Мэри даже сомневалась в том, что сможет выстоять всю службу, но чувствовала необходимость принести к стопам Божьим свое смирение после бесчинств ночного приключения.

Прошло еще два покаянных дня, которые она провела в своей каюте, и корабль наконец при-

швартовался. Погода стояла такая жаркая, что они предпочли оставаться на борту. Уже в семь утра термометр показывал девяносто градусов[5], и когда Мэри поднялась на палубу, в ее лицо пахнуло таким зноем, будто она наклонилась над печью. Капитан Моррис жаловался, что Сицилия единственное место на земле, где ему досаждает ревматизм. Что же в таком случае ожидать ей, если здешний климат замучил даже просоленного морского волка, привыкшего ко всяческим неудобствам? И зачем только она настояла на том, чтобы сопровождать Элджина? Могла бы остаться в Арчерфилде и провести месяцы беременности там, где каждый заботился бы о ней, а потом, когда дитя достаточно подрастет для путешествия, отправилась бы к мужу. Она на минуту вообразила себя дома, сидящей в тени своего любимого сикамора, струи свежего воздуха текут со стороны залива, а они с матерью наслаждаются чаепитием. Как раз в эту минуту Мэри было доставлено послание от «ее светлости Эммы Гамильтон».

По мере того как она читала, в ней нарастало раздражение.

---

[5] notes: 5
По шкале Фаренгейта; по шкале Цельсия — 34°.

— Ее светлость, — начала Мэри, взмахнув листком бумаги и придав голосу такую долю сарказма, какую только мог позволить ее измученный организм, — ее светлость передает нам наилучшие пожелания и сожалеет, что она не сможет принять нас сегодня, потому что за ней, видите ли, «послано от короля».

Мэри понизила голос, чтобы услышать ее мог только муж, и продолжила:

— Она что, и его любовница тоже?

Элджин равнодушно пожал плечами.

— И она окажет нам честь, навестив завтра утром на борту корабля. Да как она смеет? — бушевала Мэри. — Уклониться от встречи с послом и его семьей! Это же нарушение церемониального протокола! В конце концов, просто грубость и элементарное негостеприимство.

Взглядом Элджин дал ей понять, что возмущение ее чрезмерно. Не думая уступать, Мэри решила разыграть видимое смирение.

— Говорят, что батюшка «ее светлости» был кузнецом в угольных шахтах. Меня бы это не удивило ни в какой степени. Плохое воспитание рано или поздно обязательно дает о себе знать.

— Не могу не согласиться с тобой, дорогая, но с той же почтой я получил весточку от сэра Уи-

льяма, который предлагает нам остановиться в его палаццо.

По тому, как он смотрел на жену, было видно, что он намерен принять приглашение.

— В твоем положении лучше предпочесть сушу и обосноваться в комфортабельном доме, не обращая внимания на достоинства и недостатки его хозяйки.

Неужели ее муж и в самом деле думает, что если она уступает его любовным домоганиям, то способна пасть так низко? Той ночью он намекнул, что она и эта Эмма Гамильтон имеют одинаковую природу — только одна из них в своих желаниях скрытна, а другая откровенна. Тогда, в жажде его объятий, а не споров, она не стала протестовать. Но сейчас Мэри заставит его изменить точку зрения.

— Ни одна добрая христианка не останется в доме непотребной женщины. Самоуважение все-таки важнее бытовых удобств, Элджин.

— Как пожелаешь. Я пошлю Даффа подыскать нам подходящее помещение. Но если он такового не найдет, приготовься провести ночь в Аиде.

— Я предпочту провести в Аиде одну ночь, а не вечность, на которую я была бы обречена, деля кров с подобной особой.

Мэри торопливо набросала вежливый ответ, сообщив леди Гамильтон, что леди Элджин не принимает на корабле, но изволит назначить встречу нынешним вечером, если надумает сойти на берег.

— И не стесняйся дать понять, насколько я недовольна, когда будешь передавать это послание, — наставляла она Даффа.

На следующий день, когда Мэри знакомилась с нанятыми для них апартаментами в Палермо, она беспрестанно задавала себе вопрос, за что Господь насылает на нее такое наказание — за ночное приключение с мужем на палубе или за отсутствие у нее христианской снисходительности к блуднице? Старый полуразвалившийся дворец им предстояло разделить со всем персоналом посольства. Салон, хотя и поместительный, представлял собой коллекцию осыпавшейся штукатурки, поломанных стульев и столов без столешниц. Едва успев войти, преподобный Хант приступил к измерению площади помещения — заложив руки за спину, стал последовательно считать свои одинаково точные шаги.

— В этой комнате семьдесят шесть футов длины и двадцать пять футов ширины, — объявил он. — Потолок же, по моим оценкам, находится

на высоте двадцати двух, возможно двадцати четырех футов.

И он пристально оглядел крылатых путти, намалеванных высоко над его головой, будто ожидая от них ответа.

Мэри вздохнула.

— Ваше преподобие, будьте добры измерить кухню, ибо, боюсь, вам придется спать сегодня именно там.

С корабля были принесены их походные койки, потому что палаццо, несмотря на свои грандиозные размеры, кроватей не имело. Величественное, с причудливо расписанными потолками и огромными зеркалами в позолоченных рамах, оно казалось давно заброшенным своими владельцами. Все в нем было покрыто пылью, и значительная часть ее перекочевала на юбки Мэри, когда она пошла по вымощенным мрамором полам, отыскивая комнату, в которой могли бы устроиться они с Элджином. Перед глазами в воздух поднимались хлопья слежавшейся пыли, яркие лучи беспощадно выдавали ее, проникая через высокие окна. Мэри испугалась, что обильная грязь снова приведет ее к удушью, которое, в свою очередь, вызовет позывы к рвоте, а те — неизбежно — к прежним головным болям.

И быстро дала Богу обещание в будущем быть как можно более милосердной, если Он подарит ей несколько вечеров покоя, в котором она так нуждается.

Потому-то через несколько часов она и оказалась — приняв приглашение к обеду от Эммы Гамильтон — на пороге причудливого сицилийского дворца. Жилище сэра Уильяма Гамильтона, палаццо Палагония, представляло собой внушительный, с хаотично разбросанными покоями особняк, украшенный сонмом ухмыляющихся горгулий и безымянных чудищ, которые, как в душе не сомневалась Мэри, соответствовали неправедному образу жизни его обитателей.

— Очевидное свидетельство того, что дьявол таится внутри, — шепнула она Элджину, когда немолодая женщина в несвежем чепце и одеянии, больше всего смахивающем на старую ночную сорочку, накинутую поверх черных нижних юбок, медленно растворила перед ними входную дверь.

Сутулые плечи старухи покрывала поношенная черная шаль, и Мэри буквально обомлела, когда эта карга представилась ей матушкой леди Гамильтон.

— Мать служит у нее прислугой? — спросила

она у мужа.

— Говорят, что в прислугах у нее и адмирал лорд Нельсон. Так почему бы не служить и матери? — Ответ был дан таким же торопливым шепотом.

Их провели в освещенную свечами гостиную, где уже находилось несколько гостей, и сообщили, что сейчас состоится представление «Позы», драматический этюд, который принес Эмме Гамильтон европейскую славу.

— Так мы не договаривались, — прошептала Мэри мужу, с испугом подумав, что станет зрительницей такого действия, которое не замолят ни молитвы, ни посещение воскресных церковных служб.

Но Элджин только улыбнулся, в этот момент он кивком поздоровался с лордом Нельсоном с таким видом, будто они были старыми друзьями. Неужели ее муж действительно ожидает, что она согласится присутствовать на одном из эротических представлений Эммы Гамильтон?

Очевидно, так оно и было. Он провел ее мимо группы музыкантов, усадил, сел рядом и, положив руку на ее ладонь, заговорил уверенным тоном:

— Мэри, я нахожусь на дипломатической служ-

бе. А значит, принужден жить в иностранных землях и подчиняться силе внешних обстоятельств. А поскольку ты моя жена, тебе придется делать то же самое. В земле турок ты увидишь еще более непривычные зрелища и не должна будешь убегать от них, подобно деревенской девчонке.

— Как пожелаешь, — пожала она в ответ плечами и устремила внимание на лорда Нельсона.

Было странно думать, что тучный, однорукий и, кажется, одноглазый старик, что сидит перед нею, тот самый герой, который вызвал восхищение у всей нации и взволновал романтичное воображение всех женщин Англии. Прическа его была в беспорядке, седые пряди струились в волосах, цвет которых напоминал нечто среднее между цветом моркови и имбиря. К тому ж адмирал был неправдоподобно маленького роста, настолько низенького, что казался ребенком, посаженным на стул взрослого человека.

— Послушай, но он же коротышка! — обратилась Мэри к Элджину. — Даже его соперник Наполеон, кажется, чуть повыше. Не могу только разобрать, один у него глаз или два.

Единственный глаз на его лице, который был виден, казался мутным и затянутым влагой,

второй скрывала повязка, но что было причиной тому — болезнь или отсутствие глаза, — Мэри не могла бы сказать. К тому же у адмирала не хватало нескольких верхних зубов. В сравнении с красавцем Элджином он выглядел просто чудовищем, но Мэри не могла бы сказать, кого из двух покровителей Эммы она предпочла бы — лорда Нельсона или более старого, но элегантного сэра Уильяма, сидевшего рядом с ним. Сэр Гамильтон был высокого роста, очень худощав и его лицо с приятными чертами до сих пор хранило юношеское выражение, несмотря на то что возраст старика приближался к середине восьмого десятка. Его руки — сэр Уильям в отличие от адмирала сохранил обе конечности — были изуродованы ревматизмом.

Болтовня в зале резко стихла, и глаза собравшихся устремились к пышным фалдам занавеса из алого и фиолетового шелка, задрапировавшего пространство между двумя античными колоннами. На более низкой из них стояла римская погребальная урна. Внезапно в зале появилась высокая женщина с кожей цвета эбенового дерева, тюрбаном, увенчивающим ее голову, и огромным золотым ожерельем на шее. Длинными скользящими шагами она прошла к занавесу,

отвела его, и перед зрителями предстала пышных очертаний фигура, задрапированная в пурпур, ее огромные глаза были устремлены вверх, а руки драматично раскинуты в стороны. Женщина казалась даже выше своей темнокожей компаньонки. Густые, цвета воронова крыла волосы волнами разметались по пышной груди, причем, как показалось Мэри, эти волны были тщательно уложены таким образом, чтобы не скрыть волнующей ложбинки. Женщина стояла неподвижно, как статуя. Скрипач поднял инструмент, полились печальные звуки, но глаза всех зрителей были устремлены только на Эмму Гамильтон.

«Она уже далеко не юная, — подумала Мэри с удовлетворением, — и, возможно, слишком тучная».

Но стоило той начать двигаться, как Мэри, словно зачарованная, уже следила за каждым плавным движением ее крупной фигуры. Отобрав у партнерши легкую ткань, она прикрыла ею лицо, а в следующий момент в руках у Эммы оказалась урна с одной из колонн. Через мгновение появились две маленькие девочки, каждая ухватилась ручонками за развевающуюся мантию танцовщицы, и вся группа торжественной процессией направилась к сидящим зрителям.

Дети испуганно жались к Эмме, а она с лицом, выражавшим смесь ужаса и страха, вглядывалась в зрителей.

— Агриппина[6]! — воскликнул в публике мужской голос.

Эмма чуть повела одобрительно бровью, но не прервала шествия, и суровое выражение лица не смягчилось. Она двигалась совершенно беззвучно, но рот ее кривился, будто издавал злое шипение.

— Она доставила прах Германика в Рим! — взволнованно объявил другой.

Итак, оказалось, что это не драматическое представление, а салонная забава, известная под названием «Живые картины».

— Посмотрите на лицо Агриппины, — прошептала какая-то из женщин. — Она знает, что ее муж отравлен.

Некоторые зрители не могли подавить невольного вздоха, когда глаза Эммы встречались с ними.

— Видя Агриппину с детьми, прах ее мужа

---

[6] notes: 6

Агриппина (Випсания) — первая супруга императора Тиберия. Во втором замужестве супруга Германика, которого сопровождала в походах, обнаружив много отваги. Когда он был, согласно слухам, по приказу Тиберия отравлен, доставила прах мужа в Рим. Мать Нерона, Друза и Калигулы.

несущей, разом толпа вздох глубочайший издала, — продекламировал кто-то.

— Так писал историк Тацит, — добавил сэр Уильям.

Удовлетворенная тем, что изображаемый ею персонаж был узнан, Эмма повернулась и сквозь ряды зрителей направилась обратно. Пока она ставила на верх колонны урну, дети исчезли за занавесом. Женщина опустилась на живописную груду тканей и бутафорских принадлежностей, наклонилась, и вот уже она вынырнула в накинутой на плечи белоснежной накидке с веточкой свежего плюща в волосах. Медленно, будто не вполне владея собой, хоть все ее движения были грациозны и плавны, она стала подниматься на ноги. Вновь появилась ее темнокожая помощница и вложила в руки Эммы извивающуюся змею. Несколько дам в публике вскрикнули от испуга, но Мэри видела, что змея не настоящая. Это был муляж, но очень правдоподобный.

Эмма воздела в поднятых руках свою ношу и начала кружиться. Сначала медленно, потом все быстрей и быстрей, повинуясь не музыке, а какому-то внутреннему ритму. Ее бедра раскачивались медленными завораживающими движениями, за которыми Элджин, Мэри не

могла этого не заметить, следил, не отводя глаз. Один из музыкантов взял в руки флейту и стал наигрывать медленную, сначала тихую мелодию, которая постепенно достигала все более высоких, пронзительных пределов, а Эмма кружилась и кружилась, распущенные волосы струились за нею темной волною.

— Вакханка! Менада! — раздались голоса.

Несколько человек в публике одновременно разгадали пантомиму и воспользовались возможностью проявить свои знания.

«Прекрасное исполнение, — подумала Мэри про себя. — Не удивительно, что эта женщина так популярна. Она умеет владеть публикой и заставляет ее не только следить за происходящим, но и участвовать в представлении».

Ничего нет странного в том, что самые великие живописцы Франции и Англии наперебой стремились изобразить эту музу. Злые языки утверждали, что слава этой женщины покоится на ее готовности оказывать любовные услуги такого рода, на которые не пойдет ни одна леди, но сейчас Мэри чувствовала, что за известностью Эммы Гамильтон стоит нечто большее. Она обладает подлинной классической грацией, но в отличие от статуй, на которых большинство

современных мужчин оттачивали свой вкус, это существо из плоти и крови, чувствующее и живое. Эта современная женщина обладает теми свойствами, которыми наделяли свои творения великие мастера, мечтавшие вдохнуть в них жизнь, и она с изящной легкостью преподносит их вам. Мэри подумала, что, наверное, небезосновательны слухи о том, что бедный мистер Ромни, написав столько портретов Эммы, изобразив в ее лице самых знаменитых и прекрасных женщин истории, стал как безумный жаждать обладания ею. Эмма олицетворяла собой не просто женщину, но — для мужчины и в особенности для художника — всех женщин.

Тело Эммы словно рвалось из своей оболочки, когда она кружилась в неистовом дионисийском обряде. Когда же она, бессильной рабыней языческого божества, рухнула ничком на пол, каждый мужчина в зале был покорен, пав жертвой ее эротических наваждений.

«Сексуальность — своего рода колдовство», — мелькнула у Мэри мысль.

С чего знатные дамы подчиняются стольким условностям в своем поведении, в то время как единственное, к чему, похоже, стремятся мужчины, разгул чувственности? Она не могла

разрешить противоречие, но ощущала власть, которой Эмма подчиняла этих властных мужчин.

Глаза всех присутствующих не отрывались от танцовщицы, когда она, закончив танец менады, набросила на голову и тело белую накидку и бессильным коконом замерла на полу. Прошло некоторое время, прежде чем снова появившаяся негритянка накинула ей на одно плечо сверкающее золотое покрывало, и через доли мгновения Эмма вновь была на ногах, полностью преображенная. Голову ее украшала корона в форме извивающейся змеи. Разгоревшиеся щеки неистовой вакханки стали вдруг смертельно бледными. Сейчас эта женщина была воплощением самого рока. В руках у нее опять появилась змея, она подносила ее маленькую головку к груди.

— Клеопатра! — мгновенно догадались в публике.

— «Над ней не властны годы. Не прискучит ее разнообразье вовек»[7].

«То же самое можно сказать о самой Эмме, — подумала Мэри. — И впрямь бесконечное разнообразие. На что может быть похожа ее жизнь — презирать условности света с их суровыми ри-

---

[7] notes: 7

Шекспир У. Антоний и Клеопатра. Акт II, сцена 2. Перевод М. Донского.

туалами и манерностью, быть свободной музой мужчины?»

Негритянка опускается на колени, умоляя о чем-то, протягивает к Клеопатре руки. Царица стоически отворачивается. И вот уже служанка бессильно распростерлась у ног госпожи, та подносит к груди змею, запрокидывает назад голову, изображая невыносимую жгучую боль, и медленно, подобно шелковому покрывалу, опускается на пол. Негритянка вынимает змею из ее рук, прикладывает к своей шее, и вот она уже рядом с распростертым телом Эммы.

Молчание. И уже через мгновение грохот обрушившихся аплодисментов.

— Браво! Браво! — кричали итальянские гости, к которым тут же присоединился вскочивший на ноги адмирал Нельсон.

Сэр Уильям с усилием поднялся и, потирая рукой бедро, устремил взгляд на сцену.

— Что за великолепная женщина! — проговорил Элджин, тоже хлопавший в ладоши. — Превосходное тело.

— Вот уж действительно, — шепнула Мэри. — Настоящая распутница!

Могла бы она прежде осмелиться выговорить вслух бранное слово? Не меняется ли под влияни-

ем Эммы Гамильтон ее собственное поведение?

Элджин улыбнулся.

— Ты находишь это представление вульгарным?

— Конечно же.

Даже в ее собственных ушах ответ прозвучал ханжески. Это представление и вправду было вульгарным, но не только таким. Оно обладало и другими качествами, хоть она пока не могла подобрать им названия, но уже поняла, что считает знаменитую Эмму Гамильтон столь же обольстительной, сколь и отталкивающей.

К обеду хозяйка вышла в платье фасона, который модные журналы называли a 1a Великий Нил. В ушах ярко горели золотые якоря. Слегка напоминавшее ее сценические мантии, белое атласное платье свободно падало с плеч вольными складками. Под самой грудью его схватывала лента. На этой женщине явно не было корсета.

«Свободное тело, свободные мысли», — подумала Мэри и попыталась представить, смогла бы она сама появиться в приличном обществе незашнурованной.

А Эмму, казалось, ничуть не смущала такая свобода. На ногах ее были легкие туфельки, но даже без каблуков она оказалась выше многих

собравшихся женщин. Золотая шаль, задрапировавшая ее плечи, была украшена по углам надписями «Нельсон» и «Победа». Эмма с грациозным спокойствием принимала комплименты собравшихся.

Она приятна в общении, признала Мэри, отметив про себя, что та тщательно избегает встречаться глазами с Элджином, хотя, конечно, соблазнительнице стоит больших жертв не испробовать свои чары на самом красивом и знатном из ее гостей. Эмма пригласила Мэри остановиться в их палаццо, где она и сэр Уильям позаботятся о том, чтобы гостья не испытывала ни малейших неудобств, и обеспечат всем, чем смогут «в тех странных обстоятельствах, в которых мы оказались, будучи изгнанными из нашего неаполитанского жилища». Но, настроившись не делить кров с «этой особой», Мэри предложение вежливо отклонила.

— Король с супругой хотели бы видеть вас завтра на гребных гонках. Она мечтают познакомиться с вами, леди Элджин, — продолжала Эмма. — Но прошу, не надевайте парадного туалета. Мы здесь далеки от формальностей неаполитанского двора. Я собираюсь надеть самое простенькое утреннее платье.

— Не сочтет ли королева это знаком неуважения? — спросила Мэри.

По ужасной сицилийской жаре она бы с удовольствием надела что-нибудь легкое, но боялась произвести неблагоприятное впечатление, уронив тем самым престиж Элджина как английского посла. К тому же ей очень не хотелось быть представленной ко двору неаполитанского короля «этой особой», но леди Гамильтон была как-никак супругой посла их державы. Мэри надеялась, что королевская чета сумеет отличить соблюдение правил протокола от одобрения поведения такой женщины.

— Конечно же нет! — воскликнула леди Гамильтон. — Я даже прическу сооружать не стану.

Вскоре после обеда Мэри и Элджин удалились, оставив сэра Уильяма дремать в кресле у камина, а лорда Нельсона ловить каждое слово и каждый жест любовницы.

«Он ведет себя как без памяти влюбленный слюнтяй, — рассмеялась про себя Мэри. — И едва ли кто сочтет, что эта роль подходит ему».

Одураченная. Высмеянная. Обманутая этой Иезавелью. Ну почему эти женщины из простонародья всегда, какие бы возможности ни даровала им судьба, относятся к аристократии со злобой?

Гребные гонки, на которые Мэри была приглашена от имени короля и королевы Эммой Гамильтон, оказались одним из самых торжественных событий, почтить которое собралась вся знать Сицилии. Королева приветствовала Элджина и Мэри, усадив их на почетные места в своей ложе. Мэри была также самым парадным образом представлена королю и трем принцессам. Итак, один из наиболее важных праздников и событие огромной помпезности.

При том что Мэри, по ее совету, надела самое простое хлопковое платье, Эмма Гамильтон блистала в тончайшем, расшитом золотом туалете, украшенном бриллиантами и множеством разных драгоценных камней. Королева и принцессы тоже оказались в самых дорогих нарядах, расшитых жемчугами. Мэри, вне себя от ужаса, принялась извиняться перед королевой, но та тут же прервала ее неловкие извинения.

— Это миссис Гамильтон посоветовала мне одеться как можно проще.

Слова, с которыми она обратилась к королеве, возможно, были несколько неосторожны, но мысль о том, что ее могут счесть провинциалкой, даже не знающей, как полагается одеваться в тех или иных случаях, была для Мэри непереносима.

— Прошу вас, позвольте мне вернуться к себе и переодеться.

— И слушать не стану, — отвечала королева. — Мы в восторге от вашего присутствия и не позволим вам говорить об этом! Вы со мной согласны, не так ли? — обратилась она к королю, который тут же заметил, что Мэри не следует больше думать о таких пустяках, а нужно наслаждаться празднеством.

Они оба казались вполне искренними. Теперь Мэри понимала, почему Эмма Гамильтон владела всеобщим вниманием: каждое событие она подготавливала как спектакль, в котором должна блистать звездой. Мэри презирала ее уловки, разумеется, но про себя признала, что это происшествие должно послужить ей уроком. Эмма определенно знала, как покорять мужчин, хоть Мэри предпочла пренебрежительно отозваться о ее способностях в разговоре с Элджином.

— Ее поклонники настоящие старичок-петушок и адмирал-набор-увечий, — шепнула она ему на ухо.

— Какая, однако, жалость, что ты всего лишь добронравная шотландочка, а не прославленный журналист, ведущий раздел светской хроники в журналах «Город и усадьба» или «Хроника

светской жизни», — рассмеялся Элджин. — Не сомневаюсь, что, если захочешь, в язвительности ты можешь соперничать с любым из них.

Весь долгий день Мэри наблюдала, с какими любезностями обращаются король с королевой к Эмме Гамильтон, особенно если поблизости находился лорд Нельсон. Элджин объяснил жене, что такое внимание вызвано огромным влиянием «этой особы» на великого человека.

— Но даже если так, сэр Уильям с лордом Нельсоном из-за этой женщины имеют глупейший вид. В жизни не видела, чтоб люди позволяли делать из себя таких дураков. — Мэри всячески старалась подавить восхищение Эммой, которое невольно росло в ней. — Они думают, что им удалось кого-то ввести в заблуждение, но обманывают лишь сами себя. Она выставляет напоказ свою близость с королевой даже более откровенно, чем свою близость с адмиралом. А королева, как я слыхала из достоверных сплетен прислуги, насмехается над ней перед всем Неаполем. Но эта женщина и не заслуживает ничего лучшего.

Мэри была настолько взбешена, что даже отказалась сопровождать мужа на его последнюю встречу с сэром Уильямом. Только узнав, что Эмма Гамильтон уехала за город, что было, как она

сочла, всего лишь эвфемизмом для того, чтобы уединиться где-нибудь с Нельсоном, она согласилась осмотреть библиотеку сэра Уильяма.

— Ваш дом, должно быть, одинок в отсутствие хозяйки?

Этот провокационный вопрос она задала сэру Уильяму, когда их ввели в помещение, где хранилось его «заметно пострадавшее книжное собрание». Большая часть манускриптов отсутствовала, так как многое осталось в Неаполе, а многое, вместе с коллекцией античных ваз, скульптур и других произведений античного искусства, погибло во время перевозки морем. Мэри не могла разобрать, какое именно из несчастий — неверность жены, потеря здоровья или же утрата сокровищ — было причиной глубокой меланхолии сэра Уильяма.

— Дорогая леди Элджин, мне ведь уже семьдесят четыре, а моя супруга, леди Гамильтон, не так давно отпраздновала свое тридцатичетырехлетие. И я не скрываю от себя сего факта. Когда я собрался жениться, то сказал себе, что моя жена будет в самом расцвете красоты и молодости, когда я стану настоящим стариком. Что ж, это время пришло, и мне следует замечать лишь то лучшее, что оно принесло с собою.

— Но столь значительная личность, как вы, и в преклонных годах заслуживает самого заботливого внимания, — ответила Мэри.

Ее не заботило, что сэр Уильям мог почувствовать неодобрение, которое вызывал в ней его образ жизни.

— Непременно напомню тебе об этих словах, когда придет время, — вставил Элджин.

— Моя дорогая леди Элджин, — продолжал сэр Уильям, — я всего лишь старик, мучимый подагрой и плохим пищеварением. И не могу добиваться внимания и доверия короля, охотясь с ним днями напролет, как я, бывало, делывал в молодости. Теперь я полагаюсь на таланты моей молодой жены, чтоб успешно выполнять мои посланнические обязанности.

По словам сэра Уильяма, когда армия французов была уже на подступах к городу, именно Эмма организовала бегство из Неаполя на Сицилию и их двоих, и королевской семьи.

— Если б она не использовала свое влияние на адмирала лорда Нельсона, который вывез и тем спас нас, мы бы оказались жертвами антимонархистов, мечтавших устроить резню наподобие Французской революции. И если вас удивляет внимание, которым одаривает мою супругу ко-

ролева Мария-Каролина, то не следует забывать о том, что Эмма спасла королеву от участи ее сестры Марии-Антуанетты в Париже. Восставшие массы требовали ее головы, знаете ли.

Подобно хорошо затверженному уроку, сэр Уильям стал перечислять одолжения, которые Эмма непрестанно оказывает и ему самому, и королевской семье. Мэри почувствовала смущение, ей было совершенно очевидно, что она не первый посетитель, перед которым этому человеку приходится защищать свою жену. По его словам, Эмма действовала в качестве тайного шпиона, передав секретные послания, написанные королем Испании в адрес королевы Марии-Каролины, британской разведывательной службе, которая сочла информацию необыкновенно ценной. Услуги Эммы как агента британского правительства явились инструментом, обеспечившим союз между Неаполем и Англией, что предотвратило падение Неаполя и захват его французами. Именно Эмма внесла важную лепту в победу Нельсона в Египте, потому что с легкостью убедила королеву обеспечить продовольствием английскую эскадру, в чем до того было отказано неаполитанским правительством.

Неудивительно, что Нельсон влюбился в нее!

— Ее красота ничто в сравнении с самоотверженной храбростью и добротой сердца, — заключил сэр Уильям.

Мэри попыталась сдержаться и не выразить своего изумления и недовольства похвалами, которыми он осыпал свою супругу в присутствии Элджина. Она и понятия не имела, что жена посла может оказаться столь влиятельной особой. Мэри намеревалась быть преданной помощницей и верной подругой своему мужу, но не была уверена, что сможет быть такой деятельной, как Эмма Гамильтон. Но разве женщина с ее данными — знатностью, связями, красотой — может проиграть в сравнении с бывшей уличной девкой и дочерью кузнеца Эммой Гамильтон? Конечно же нет.

Мэри углубилась в размышления об этой женщине и не заметила, как бежит время и давно ли сэр Уильям и ее муж перешли к обсуждению темы, из-за которой Элджин сюда явился. Очевидно, он уже рассказал о том, как понимает свою афинскую миссию, потому что сэр Уильям начал расхваливать превосходство греческого искусства перед римским.

— Древняя Греция была величайшей покровительницей искусств. В Риме почти все самые

прекрасные здания являются подражанием греческим оригиналам. Что за возможности откроются перед вами, Элджин, — говорил сэр Уильям. — Замечательные творения Фидия[8], постройки времен Перикла, веками лежавшие в руинах, могут обрести второе рождение. Подобно Фениксу, они восстанут из праха. И это вашими усилиями.

— Я не раз пытался объяснить важность такой задачи моей жене.

— Дорогая леди Элджин, — неторопливо начал сэр Уильям, — сам Цицерон говорил, что нет в мире более совершенных творений, чем статуи, вышедшие из-под резца Фидия. Что же касается Парфенона, их обители, то как ни одно перо не в силах его описать, так ни одна кисть не может изобразить его красоту. Этот храм был возведен в триста тридцать восьмом году до Рождества Господа нашего Иисуса Христа и до сих пор не имеет себе равных.

— Подумать только!

Мэри старалась не отставать в своем энтузиазме от мужчин.

— Но нынче он практически погиб. Когда

---

[8] notes: 8

Фидий (V в. до и. э.) — древнегреческий скульптор периода высокой классики. Автор реконструкции Акрополя в Афинах.

римляне покорили Грецию, они влюбились в ее архитектуру и искусства. Другое дело турки. Они называли эти античные развалины старыми негодными камнями и не дали б и гроша за их сохранение. Лорд Элджин, если ему удастся сохранить в слепках то, что осталось на Акрополе, станет нашим национальным героем за его вклад в развитие искусств Англии. Более того, он окажет неоценимую услугу самому искусству и истории!

— Я намерена поддерживать моего супруга во всех его решениях.

— У сэра Уильяма есть для нас великолепное предложение, Мэри, — вмешался Элджин.

— Да, да. Вам следует отправиться в Мессину и встретиться с Джованни Лусиери. Это великолепный художник, один из величайших, каких знала Италия. Много лет он служил придворным живописцем в Неаполе. Именно этот человек может возглавить ваш афинский проект.

— Вероятно, это будет нелегким путешествием? — спросила Мэри.

Сколько дней ей, беременной, придется тащиться по залитым безжалостным солнцем холмам Сицилии?

— Не будет ли слишком для нас дорого нанять

такую знаменитость на два года, которые мы, очевидно, будем нуждаться в его услугах?

— Леди Гамильтон и я с радостью предложим вам наше гостеприимство, если вы не захотите сопровождать супруга в Мессину.

Элджин прекрасно знал, как Мэри отнесется к предложению остаться под одной кровлей с «этой особой», но сейчас его глаза горели энтузиазмом. Если он решит, что у него появилась возможность нанять компетентного художника, то будет счастлив отдать жену в руки публичной женщины.

— Мое место рядом с мужем, сэр Уильям, но я чрезвычайно признательна вам за любезное приглашение.

— Дорогая леди, вам знакома книга «Жизнь Перикла»?

— Сочинение Плутарха? — спросила Мэри. — Нет, мне не доводилось ее читать.

— В таком случае с радостью одолжу вам мой экземпляр в переводе мистера Драйдена. Думаю, она покажется вам очень интересной. Вы должны сделать все, чтоб суметь оценить памятники, построенные во время правления Перикла, великого политического деятеля, его другом, скульптором Фидием.

Мэри взяла книгу из рук сэра Уильяма. На вид она казалась столетней древностью, хоть сэр Уильям и уверял, что это недавнее издание. Но он, должно быть, читал и перечитывал эту книгу тысячу раз. Кожаный переплет растрескался, износился. Когда Мэри стала перелистывать страницы, в нос ей ударил затхлый запах, которым они, казалось, были пропитаны.

— Благодарю. Я прочту ее с огромным энтузиазмом и вниманием, — сказала она.

После тех похвал, которые он расточал своей супруге за вклад в его дипломатическую карьеру, Мэри не хотелось, чтобы он счел ее менее преданной или более глупой помощницей своего мужа.

— История о Перикле и его любовнице Аспасии вам наверняка покажется занимательной.

— Аспасия? Я не слыхала о леди с таким именем.

— Леди? — воскликнул Элджин. — Это была обычная куртизанка.

Мэри поняла, как сильно Элджин тут же пожалел о вырвавшихся у него словах, ведь они находились в доме куртизанки или, по крайней мере, бывшей куртизанки, которую сэр Уильям сделал своей женой.

— Какое отношение она имела к человеку, ко-

торый правил Афинами в золотой век?

— Как пишет Плутарх, Перикл полюбил Аспасию за ее великолепные знания в политике и красноречие. Ее другом и частым гостем на их обедах был Сократ.

— Но почему же я никогда не слышала о ней?

— Видишь ли, эта женщина похожа на персонаж из романа какой-нибудь из наших сочинительниц, Мэри, — вмешался Элджин. — То, что она была советчицей Перикла и другом Сократа, возможно, всего лишь измышление древних сплетников или сочинителей с чрезмерно развитым воображением. Эдакая античная версия миссис Берни[9] или миссис Радклиф[10]. Не сомневаюсь, что во все времена существовали женщины, готовые сочинять истории, взывающие к темным сторонам женской души. Ты поступишь правильно, не обращая особого внимания на спорные моменты рассказов Плутарха, а больше держась изложения им подлинных событий истории.

---

[9] notes: 9

Фанни Берни (1752–1840) — английская новеллистка и мемуарист. Писала под псевдонимом мадам д'Арбли.

[10] notes: 10

Анна Радклиф (1764–1823), урожд. Уард, — английская писательница, автор готических романов.

Но увещевания Элджина не утолили любопытства Мэри. Позже, в тот же вечер, когда они вернулись в свои временные покои в старом палаццо и Элджин углубился в географические карты, изучая дороги в Мессину, Мэри раскрыла книгу Плутарха и начала читать. Она быстренько пробежала глазами страницы, на которых повествовалось о юности Перикла, ища упоминания об Аспасии. Политическое влияние, которым пользовались некоторые куртизанки в афинском обществе, определенно было темой, интересовавшей Мэри. Могла ли падшая женщина открыто участвовать в общественной деятельности мужчин, деятельности, из которой женщины были изгнаны? Она должна выяснить это. Мэри искала страницы, на которых упоминалось бы имя Аспасии, и наконец нашла их. Плутарх писал, что эта женщина была уроженкой Милета, греческого города в Малой Азии, и что она брала пример с Таргелии, красавицы куртизанки древних времен, которая оказывала влияние на мужчин. Опять куртизанка!

Вот оно. Плутарх пишет, что Перикл влюбился в Аспасию из-за ее ума. Сократ, великий философ и мудрейший из людей, любил проводить время в ее обществе. А она, Мэри, никогда не слыхала ее

имени! Как такое могло случиться?

Мэри осторожно повернула рычажок лампы, увеличивая пламя. Этот жест не должен привлечь внимание Элджина. Она не хочет, чтобы ей мешали или задавали вопросы о том, что она читает.

Афины, четвертый год тридцатилетнего перемирия[11] со Спартой

— Я хочу, чтоб сегодня ты вела себя кротко и прилично, а не так, как ведешь себя обычно, — говорил Алкивиад, таща меня за руку.

Я с трудом поспевала за ним, так как на мне были сандалии на котурнах, в которых я не могла идти быстрым шагом.

— Если Перикл увидит, какая ты есть, он сразу же отвергнет всякую просьбу о помощи нам.

— Помедленнее, пожалуйста! Ты ведешь меня к нему так, будто рабыню на рынок тащишь! — запротестовала я.

Стояло раннее утро, но вся рыночная площадь была уже запружена народом. Торговцы устанавливали свои прилавки, а присланные за покупками служанки громко торговались с ними. Одна из женщин, принюхавшись к связке колбас, швырнула ее торговцу чуть не в лицо.

— Все знают, что ты смешиваешь коровью требуху с собачьим мясом и потом пытаешься выдать эту отраву за первоклассный товар! —

---

[11] notes: 11
Упомянутое перемирие было заключено зимой 446–445 гг. до н. э.

визжала она на весь рынок. — Да мой хозяин в рот не возьмет твою тухлятину! Ему подавай самый лучший товар.

Торговец, заметив, что я пристально смотрю на него и прислушиваюсь к перебранке, бессильно покачал головой.

Неподалеку расхаживал быстрыми шагами софист, на ходу задавая вопросы ученикам, которые поспешали следом за ним, отвечая: «Да, учитель» или «Нет, учитель». Темный плащ и широкие рукава, которые то и дело взлетали в воздух от его жестов, делали философа похожим на рассерженную летучую мышь. Я чуть замедлила шаги, прислушиваясь к уроку, но Алкивиад дернул меня и повел прочь от места занятий перипатетиков. Мы пересекли площадь, где под цветными навесами расположились менялы, занимавшиеся своими ежедневными делами, и теснились продавцы разнообразных товаров.

Алкивиад двигался удивительно проворно для такого дородного мужчины, побуждаемый к тому же скаредностью и желанием поскорей избавить от меня свой дом. Как могла моя сестра иметь дело с таким отвратительным типом, оставалось для меня загадкой. Я знала, насколько она ему покорна, так как, проводя ночи в комнатке, смеж-

ной с их спальней, часто слышала его натужное кряхтенье, сопровождаемое вздохами облегчения, за которыми следовала блаженная тишина. Сейчас его толстое брюхо колыхалось из стороны в сторону, пока мы спешили вперед, пересекая западный конец Агоры[12], где находился ареопаг[13] и многие другие здания городских властей. Сотни людей толпились в тени их колоннад.

— Эй, Алкивиад! Куда ты тащишь эту красотку? Она ведь не твоя нынешняя жена.

Я услыхала шум, который подняла компания приятелей моего зятя, даже раньше, чем увидела, обернувшись, самодовольные лица и обвисшие животы его сверстников. Мужчины стояли около судейских скамей — любимое место дневного времяпрепровождения любопытствующих стариков, которым делать больше нечего, как злословить о своих согражданах, афинянах. Перикл ввел закон, требовавший оплаты услуг судейских заседателей, и теперь все старичье города устремилось сюда в надежде на эту привилегию.

— Это моя сноха, да будет вам известно, — отве-

---

[12] notes: 12

У древних греков первоначально означало рынок, затем народное собрание, а также название площади, где оно проходило.

[13] notes: 13

Орган власти, члены которого избирались пожизненно.

чал Алкивиад. — Веду ее к Периклу, хочу узнать, не поможет ли он мне сбагрить ее с рук.

— Я тебе в этом и сам помогу, — закричал один из них.

Я шла, не поднимая глаз, не потому, что была так уж застенчива, а потому, что хотела сдержаться и не выбранить старца вслух.

— Я тоже люблю подержать в руках хорошенькую молодку вроде этой, — вмешался другой. — Да и новая жена мне не помешала б. Моя старуха совсем износилась, того и гляди помрет подо мной.

Эти слова вызвали новый взрыв хохота.

— Она сирота, и у нее нет приданого, — сказал Алкивиад.

— А-а, ну в таком случае не так уж она и красива, — отвечал мужчина.

— Она метек[14], и тебе все равно не удалось бы на ней жениться, — огрызнулся мой зять, проходя мимо. — Доброго вам дня, почтенные. Не будем заставлять великого человека ждать.

Он произнес это неохотно, как бы давая понять, что любое подхалимство, на которое он готов пойти перед Периклом, чистой воды притворство. Все старики заухмылялись, будто разделяли

---

[14] notes: 14

От *греч.* μετοίχοί, так греки называли чужестранцев.

его чувства, и мы отправились дальше.

С Периклом нам предстояло встретиться в Цветной стое, одной из многих колоннад на Агоре, защищавших площадь от безжалостного летнего солнца. Я кинула взгляд на храм Гефеста: лучи солнца отражались от его могучих мраморных колонн, затем на Акрополь, где уже работали люди внутри храма Афины Парфенос[15]. Этот храм пока представлял собой всего лишь остов мраморных колонн, и ему еще предстояло стать самым величественным зданием в Афинах. Я вздрогнула при мысли, что сейчас окажусь перед глазами того самого человека, по повелению которого возводится этот грандиозный монумент.

Каллиопа, моя сестра, вплела ленты в мои светло-каштановые волосы, а сама я чуть припудрила лицо, чтобы казаться красивей, и надела мамино ожерелье золотой чеканки, а к нему такие же серьги с мелкими переливающимися камешками бирюзы. И еще я одолжила на это утро у сестры сандалии на котурнах. Я знала, что Перикл высокого роста, и мне хотелось показаться ему скорее внушительной, чем незначительной коротыш-

[15] notes: 15

Храм Афины Девы, Парфенон, строился в 447–438 г. до н. э., архитекторы Иктин и Калликрат. Статуи фронтонов, метопы и фриз созданы под руководством Фидия.

кой. Я не надеялась, что он влюбится в меня, — и мысли такой не было. Самым большим моим желанием было внушить ему, что женщина, которую он видит перед собой, слишком порядочна, чтобы отправлять ее в бордель.

— Держи голову красиво склоненной набок, а глаза опусти, — наставлял меня зять. — Не вздумай таращиться Периклу прямо в лицо, это неприлично. Женщине полагается быть скромной, и я не хочу, чтоб он сразу понял, до чего ты наглая.

Моя сестра встретила Алкивиада, когда он приехал в Милет[16], наш родной город, который находился в Ионии, к югу от огромного Эфеса, за который так долго сражались греки и персы. Алкивиад был выслан из Афин по политическим мотивам и нетерпеливо ожидал позволения вернуться. Афины — центр мира, как он любил говорить, остальные города всего лишь приложение к нему. Зять всегда жаловался на мой аппетит и к еде, и к умным разговорам и мечтал о том, как освободится от меня, передав мужу, какому-нибудь крестьянину из Аттики, который наконец-то сумеет «заткнуть ей рот». Во время переезда

[16] notes: 16
Ныне на территории Турции, сохранились развалины.

на корабле, когда мы расстались с Милетом и со всем, что нам было знакомо, Алкивиад все убеждал меня вести себя смирно, разговаривать вполголоса, а уж он сыщет мне подходящего мужа. И при этом беспокоился, что я «много знаю», а для женщины знания — совершенно лишнее.

— Ни один мужчина, — внушал он мне, — не хочет хлопот со своей женской родней, особенно если это, например, такая женщина, как ты, не пригодная ни к одному из домашних дел и считающая простую работу не достойным для себя занятием. Зачем ты нужна в моем доме? Не сомневаюсь, что ты станешь поганой женой и такой же поганой хозяйкой. И мне просто жаль того парня, кого я улещу жениться на таком отродье.

Никакие упрашивания Каллиопы не могли заставить его относиться ко мне сердечно. Он терпеть не мог таких женщин, как я. После смерти нашей матери моя сестра, носящая имя музы поэзии, но не обладающая ни одним из ее качеств, взяла на себя домашние обязанности, и, как следствие этого, я выросла без строгого материнского присмотра. Отца забавляла моя склонность к ученым беседам, и он позволил мне ходить на рыночную площадь слушать лекции мудреца

Фалеса[17]. О нем было известно, что его познания в астрономии превосходят всех, он даже умел вычислять время солнечных затмений. Науку о звездах он постиг у ученых жрецов Египта, которые научили его формулам, по которым такие вещи можно предсказывать. От этого он стал скорее похожим на кудесника, чем на ученого. Фалес учил нас геометрическим уравнениям, он говорил, что самое важное на свете — это понимать пространство, ибо оно содержит в себе все. Он научил нас измерять высоту предметов по длине тени, которую они отбрасывают. Учил, что боги находятся везде и являются той необъяснимой разумной силой, которая оживляет все сущее, как живые существа, так и природу. Он проводил долгие часы, объясняя нам, что между жизнью и смертью нет разницы, — утверждение, которое в тринадцать лет я понять не могла. Да и до сих пор не могу понять ни с точки зрения практической, ни опираясь на доводы разума. От Фалеса я узнала, как лучше приводить доводы в споре, как прокладывать мысль через непостижимое и абстрактное, задавая осторожные и настойчивые вопросы так, чтобы истина об-

[17] notes: 17

Фалес Милетский (625–547 гг. до н. э.) — философ, основатель Милетской школы.

наружила себя сама. Это происходит медленно, подобно тому, как цветок открывается солнцу. Мне повезло, что удалось прослушать его лекции: они оказались последними, ибо в те дни он был уже очень старым. Фалес умер — мне тогда исполнилось четырнадцать — в год пятьдесят восьмой Олимпиады, сидя в кресле и наблюдая за соревнованием атлетов.

— Напрасно твой отец позволял тебе бегать на рыночную площадь, — ворчал Алкивиад, когда наш корабль пересекал море, направляясь к Афинам, — кому ты такая будешь нужна? К счастью, ты имеешь смазливую внешность, но, чувствую, мне предстоит много хлопот, пока удастся сбыть тебя с рук. И это время может показаться слишком долгим и для моего кошелька, и для моего терпения.

Но когда мы прибыли в Афины, то узнали, что Перикл в попытке ограничить афинское гражданство издал закон, запретивший браки между афинянами и метеками. Алкивиад пришел в бешенство, решив, что теперь ему от меня не избавиться.

— Ладно, в конце концов, это не так важно, — вздохнул он. — Я всегда смогу выгнать тебя на улицу или отдать кому-нибудь в содержанки.

Сестра пролила море слез, умоляя его отказаться от выполнения этой угрозы.

— Прошу тебя, дорогой муж, пожалей меня. Жить не смогу, если моя сестра пойдет по такой дорожке, — рыдала она.

— Тогда попробуй убедить ее поменьше болтать и вести себя как полагается, — отвечал он Каллиопе.

Но в ее отсутствие постоянно пугал меня тем, что заставит заниматься проституцией. Если бы ему удалось доказать, что я потеряла невинность — Алкивиад даже угрожал изнасиловать меня! — то по афинским законам он мог бы продать меня в бордель и выручить немалую сумму.

Сестра продолжала упрашивать его подыскать для меня более приемлемое положение, поэтому он решился обратиться к Периклу, чей закон погубил его планы выдать меня за афинянина и который только что развелся с женой. Он уверил Алкивиада, что не станет менять новое законоположение ради спасения одной судьбы, но согласился «взглянуть» на девушку и попытаться сделать что-либо для нее.

— Помни, Аспасия, у тебя нет ни отца, ни приданого. И, что гораздо хуже, ты от природы ненасытна, а от учения стала ненасытной еще и

к разговорам. Ты просто полная противоположность тому, что требуется от женщины.

Алкивиад произносил эти слова, когда мы уже подходили к портику Цветной Стои.

— Когда увидишь Перикла, постарайся вести себя сносно, хотя бы ради себя самой.

Фалес утверждал, что мужчины лучше женщин, а греки лучше всех остальных народов. Афиняне пошли еще дальше, они были уверены, что жители Афин лучше остальных греков. Перикл же, хоть и член демократической партии, был прирожденным аристократом и, как говорили, имел более надменные замашки, чем кто-либо из его оппонентов-консерваторов. Меня страшила встреча с ним. Его статуи и бюсты появились в общественных парках и зданиях по всему городу. Он сумел подчинить себе правительство авторитетом своей личности, широтой мировоззрения, данными превосходного оратора, несмотря на то что был всего лишь стратегом, то есть главнокомандующим. Рожденный в знатной семье, он изменил городские законы так, чтобы простой человек тоже мог занять высокий пост. Его считали и аристократом, и сторонником равенства. В частной жизни он был настолько скуп, что сочинители комедий высмеивали дешевизну товаров,

которые приобретались для него на рынках, но общественные фонды он умел расходовать с блеском. Это был загадочный, совершенно необъяснимый человек с парадоксальным складом ума. И мне предстояло оказаться в полной его власти.

Под портиком Цветной Стои, гигантского здания, расписанного фресками с изображением битв между греками и их противниками, я увидела поверх толпы мужчин курчавую темноволосую голову. Человек, которому она принадлежала, стоял на фоне изображения Марафонского сражения с таким спокойствием, будто был персонажем этой фрески, а не собеседником людей, боровшихся сейчас за его внимание. Казалось, он сосредоточенно слушал их, но сохранял вид полного бесстрастия. Люди перебивали друг друга, жестикулировали, приводили аргументы или высказывали просьбы, он же всего лишь равнодушно переводил взгляд с одного на другого. Алкивиад помахал Периклу, тот заметил его, и в этот момент наши глаза встретились. Несколько мгновений он смотрел на меня не отрываясь, но выражение лица его оставалось непроницаемым. Перикл отмахнулся от обступивших его мужчин, сошел по ступенькам и направился к нам. Он

был на голову выше меня, даже несмотря на мои сандалии на котурнах. Довольно длинное лицо, глубоко посаженные внимательные глаза показались мне карими, а нос был такой правильной формы, что его можно было бы нарисовать с помощью линейки. Походку Перикл имел целеустремленную; бороду, темную и курчавую, стриг коротко. Комедиографы прозвали его луковицеголовым, насмехаясь над его длинным лицом и большой головой, сильно преувеличивая последнее. Я решила, что он красивый и очень представительный.

Сохраняя полнейшую невозмутимость, Перикл едва глянул на Алкивиада.

— Ты привел с собой женщину, о которой мы говорили.

— Ну да. Сестра моей жены, Аспасия. Они из Милета, исключительно по доброте душевной я привез ее с собой в Афины, когда возвращался из изгнания. Она находится под моей опекой.

Я понимала, как мучительно ему притворяться, изображая участливость, но Алкивиад боялся, что если он обнаружит перед Периклом свое отвращение ко мне, тот не станет помогать ему от меня избавиться. Стратег промолчал, но продолжал смотреть на меня не отрывая глаз, а я, в

противоположность инструкциям зятя, так же пристально смотрела на него.

Алкивиад нервно продолжал:

— Я надеялся найти ей достойного мужа, но из-за того закона, что ты издал, ни один афинский гражданин не сможет на ней жениться.

— Да. Это так.

Перикл говорил так равнодушно, будто речь шла о погоде. Потом, по-прежнему не глядя на Алкивиада, взял меня за руку и повел прочь. Я не оглянулась, но про себя улыбнулась, догадавшись, какой сейчас вид у смотревшего нам вслед Алкивиада. В следующую же минуту мне пришло в голову, что меня уводит самый могущественный в Афинах человек и не следует ли мне бояться того, что он надумает со мной сделать. Но мне вовсе не было страшно и казалось — без всяких на то причин, — что он взял меня под свою защиту.

В течение некоторого времени мы шли, не обмениваясь ни единым словом, но почему-то это молчание совсем меня не тяготило. Затем Перикл обернулся ко мне и произнес:

— Вчера я чуть было не лишился одного из преданных друзей.

— Он обидел тебя каким-то образом?

Я сама удивилась тому, каким естественным кажется мой голос. Он звучал так, будто беседовать со знаменитыми стратегами было для меня самым обычным делом на свете. Я не могла объяснить почему, но с первых мгновений между мной и Периклом образовалась какая-то внутренняя связь.

— Нет, ни в коей мере. Это был великий человек, прекрасный учитель. Он мог погибнуть из-за моего небрежения. Мне следовало б подумать о его нужде и послать ему денег. К тому времени, когда я спохватился, он был очень болен.

— Это человек преклонных лет?

— Да, можно так сказать.

Большие карие глаза Перикла смотрели прямо на меня.

— В таком случае, может, он заболел по старости, а не потому, что ты о нем не заботился?

— Но он упрекнул меня. Я пошел к нему и попросил не умирать, сказал, что не смогу управлять без его мудрых советов. Тогда он ответил: «Перикл, тому, кто имеет надобность в лампе, следует заправлять ее маслом».

— Ты был для него единственным источником средств существования?

Я так спросила потому, что мне показалось

невозможным, чтобы о человеке, которого так высоко ставит Перикл, было некому позаботиться.

— Это, как я уже сказал, великий учитель. В отличие от софистов он предпочитает не брать денег за свои труды и теперь зависит от моих забот. Его жалкое положение — пятно на моей репутации.

— Но почему он так важен для тебя? Он старший в твоей семье?

— Имя его Анаксагор[18]. Он учил меня размышлять и задавать вопросы. Миру нужны такие люди, как он. Я не хотел бы нести ответственность за то, что его не стало. Он разъяснил мне — и многим другим тоже, — что тайны мира имеют логичное объяснение и что, если много думать над ними, каждый сумеет их разгадать.

— Он так говорил? Меня тоже интересует способ познания мира через вопросы. Ты не мог бы привести какой-нибудь пример его мыслей?

Когда он сверху вниз глянул на меня, его лицо выражало явный скептицизм.

— Он утверждал, что солнце — это вовсе не божество, а очень горячий раскаленный камень,

---

[18] notes: 18

Анаксагор из Клазомен в Малой Азии (около 500–428 гг. до н. э.) — древнегреческий философ, автор идеи о неразрушимых элементах, «семенах» вещей.

больше, чем весь Пелопоннес. И что Вселенная не повинуется повелениям богов, но управляется чистым разумом, который наполняет все вещи на свете.

— Думаю, что он находился под влиянием моего учителя, Фалеса Милетского, — сказала я в ответ. — По моему мнению, тот первым высказал такую теорию.

— Ты хочешь заставить меня поверить, что ты обучалась у Фалеса из Милета?

— Я не хочу заставлять тебя во что-то поверить. Это софисты пытаются убеждать, философы просто задают вопросы. Я же констатировала факт, в который ты можешь верить или не верить по своему желанию. Но твоя вера, господин, не сделает ни истинным, ни ложным сказанное мною.

Он ничего не отвечал, продолжая молча шагать рядом. Я понятия не имела о том, куда он меня ведет, и спрашивать мне не хотелось. Взобравшись на холм, мы оказались у дверей довольно скромного дома. Он был не больше того, в котором выросла я.

— Это мой дом, — сказал Перикл.

Я была поражена, ибо думала, что вождь афинского народа живет в роскошном дворце.

— Сейчас слуги принесут нам поднос с едой и

немного вина. Пойдем со мной.

Мы прошли через двор и по лестнице поднялись к дверям спальни. Я могла заметить, что убранство в доме было самым простым.

— Эта комната станет твоей. Мне кажется, тебе будет здесь удобно. Проси, если тебе что понадобится.

Мы вместе поели фиников, потом немного сыра с хлебом. За едой Перикл задал мне несколько вопросов о Фалесе и о моей жизни в Милете. Затем он удалился, а я стала думать, чем мне теперь заняться. Прислуга в доме разговаривала со мной неохотно. Я побродила по дому в поисках женских покоев, чтобы найти какую-нибудь старушку или родственницу, которые наставили бы меня в правилах, принятых в этом доме, но не обнаружила ни одной женщины. Я вспомнила, что Перикл не так давно развелся с женой, и решила, что, наверное, она увела с собой отсюда всех женщин. Я вернулась в помещение, которое он назвал моим, и стала ожидать своей дальнейшей участи. Возможно, он решит предложить меня кому-нибудь из своих друзей или выдаст замуж за слугу. Наконец спустились сумерки, царившую кругом тишину ничто не нарушало, я лежала на кровати и незаметно заснула.

Поздно ночью я услышала, как в комнату поднялся Перикл.

— Почему не зажжены лампы? — спросил он, останавливаясь подле моего ложа.

— Потому что я не сплю при свете.

— Почему ты не приготовила их для меня?

— Потому что ты не поделился со мной своими планами на вечер.

Он откинул с моего тела простыню, и я осталась перед ним обнаженной. Глаза Перикла смотрели на меня вполне безучастно, рука его спокойно скользнула по моему бедру. Я отпрянула к стенке, схватила простыню и прикрыла ею наготу.

Затем обхватила себя руками и сжалась, ожидая его гнева, но Перикл казался скорее озадаченным, чем оскорбленным.

— Ты не соблюдаешь условий нашего с Алкивиадом соглашения.

— Каких условий?

— Мы с ним договорились, что, если ты мне понравишься, я возьму тебя в наложницы.

— В наложницы?

Я поплотнее закуталась в простыню и беспомощно огляделась в поисках спасения. Это была неумная реакция, но все, чего я хотела, это бежать отсюда.

— Алкивиад уверил меня в том, что ты сведуща в искусстве куртизанки. Сказал, что ты доставляла ему много радости.

— Ему? Мужу моей сестры? Это же нечестиво!

Перикл равнодушно пожал плечами.

— Я не раз слыхал о подобном.

— Господин, я так же девственна, как сама богиня наша Афина. Меня даже рука мужчины не касалась никогда, уж не говоря о том, чтоб я участвовала в любовных делах.

— Не сомневаюсь, что ты лжешь.

Он отодвинулся, но взгляда от моего лица не отрывал, чтоб не упустить следа смущения.

— Должен сказать тебе, что Алкивиад уже получил плату за тебя, за пищу, что ты съела со времени смерти твоего отца, и за те два платья, что пошила тебе сестра, одно льняное, другое из шерсти хорошего качества.

Он, похоже, уже обо всем осведомился. Каллиопа действительно однажды наскребла немного денег из тех жалких сумм, что выдавал ей Алкивиад на хозяйство, и купила ткани, чтобы чуть приодеть меня.

Пока я размышляла над сказанным, лицо Перикла хранило выражение удивления, чувство, которое я ценила и которое мне импонировало.

В конце концов, он мог сделать со мной все, что счел бы возможным: овладеть мной против моей воли, в бешенстве вернуть меня зятю, который уж сумел бы наказать меня за то, что не угодила всемогущему Периклу, мог отправить в бордель или поколотить и выбросить в ночь на улицу.

— Алкивиад уверял меня, что ты опытна в любовных затеях, — повторил Перикл, явно доискиваясь смысла происходящего. — Припоминаю, что именно так он и выразился.

Я быстро прикинула возможности выбора, предоставленные мне. Этот человек не собирается, по крайней мере в настоящий момент, использовать свою власть, чтобы мучить меня. С того времени, как умер мой отец, я с такими людьми еще не встречалась. Даже мудрый Фалес любил выказать свое превосходство передо мной, считая, что я должна быть безмерно благодарна за позволение слушать его речи. Я мельком взглянула на ладони Перикла: они были на удивление изящны, с длинными тонкими пальцами и квадратными вычищенными ногтями. Для главнокомандующего такие руки были даже утонченны, и я решила, что вполне могу представить, как они ласкают мое тело.

— Я не солгала тебе. И никогда прежде не зани-

малась ничем подобным. Но, кажется, согласна узнать, что это такое.

Едва все кончилось, я расплакалась.

— Я причинил тебе боль? — спросил Перикл.

Нет, он не сделал мне больно. В тот момент, когда он вошел в меня, я задохнулась не столько от боли, сколько от того, что вдруг поняла, какие изменения несет в мою жизнь это вторжение.

— Я плачу потому, что моя девственность утрачена и моя судьба решилась. Никогда мне не стать невинной невестой. Никогда жених не поднимет покрывала с моего лица, а я не взгляну на него так, чтоб он понял: я готова принять его.

Мысленно же я продолжала: никогда я не предложу своему жениху левую руку, чтоб он обхватил запястье в знак моего подчинения ему. Никогда моя родня с материнской стороны не принесет мне свадебных даров. Не то чтобы я мечтала или думала о таких вещах, но какой-то инстинкт заставлял томиться по ним. Традиционный мирок женщин, с его ритуалами и будничными трудами, которые вселяли в меня отвращение, стал запретным. Более того, теперь для меня заказан путь в респектабельное общество Афин. А если эта дверь закрыта передо мной, то какую я смогу открыть?

— Отец мой — пусть боги хранят его в царстве теней — никогда бы не позволил мне вступить в незаконное сожительство с мужчиной. Он бы не разрешил этого, чтоб будущие дети не несли печати незаконного рождения, — проливала я слезы над моими нерожденными детьми.

— Думаю, ты права. Но ты ведь не похожа на других женщин. И ты сама только что по собственной воле отдалась мне.

Так состоялось наше соглашение. В первые ночи интимные отношения были для меня лишь актом покорности. Но с течением времени, по мере того как Перикл стал каждый вечер приходить ко мне, я попросила его научить меня доставлять ему большее удовольствие. Он так и сделал: научил использовать различные масла и притирания, применение которых особенно нравилось ему, и в свою очередь поинтересовался, какие из способов интимных сношений мне более приятны и помогают быстрей достичь наслаждения. Скоро я научилась получать такое же наслаждение от наших ночных часов, как и от дневных бесед, а он, я надеюсь, стал наслаждаться нашими беседами не меньше, чем интимной близостью. С каждым днем Перикл становился все более откровенным со мной.

Но стоило мне оставить уединенность спальни, которую я делила с возлюбленным, как на меня начинали сыпаться оскорбления. Я слышала, как бормочут их себе под нос слуги, но при Перикле никогда ничего подобного не было, и я не могла ему пожаловаться. Наложница. Шлюха. Девка. Дрянь. Это были самые приличные из их слов. Сначала даже бальзам его доброты не мог смягчить моей обиды. Позже, когда и в доме, и в обществе я обрела большую власть вследствие его привязанности ко мне, оскорбительные слова прекратились, но лишь до поры. Однажды на меня опять излился поток оскорблений, но это случилось уже не в обстановке дома, а прилюдно.

Довольно скоро я поняла, что подобное унизительное отношение означает лишь мою независимость. Теперь я могла сколько угодно бродить по рынку — свобода, которой я лишилась уже в четырнадцать лет. Я была освобождена от затворнической жизни замужней афинянки, всегда вынужденной находиться в сумраке женских покоев, расположенных в задней части дома. Я была освобождена от тирании Алкивиада и находилась под защитой мужчины, который захотел поселить меня в своем доме. Он решился

на это из-за наговоров, что возвел на меня мой зять, хотя любого другого мужчину они могли бы только оттолкнуть.

Лишь спустя несколько недель после того, как я оказалась в доме Перикла, мне стало известно, что первейшая из обязанностей куртизанки, отличающая ее от замужней женщины, это обязанность развлекать мужчин за обедом и во время ночных пирушек. И поняла, что именно она и станет проверкой моей пригодности к новому положению. Я понятия не имела о том, как начать подготовку праздничного пира. Догадывалась, что, возможно, окажусь на нем единственной женщиной, поскольку их очень редко, если такое вообще случалось, приглашали присутствовать на торжественных обедах. Даже если Перикл надумает позвать кого-либо из них, ни одна замужняя женщина или женщина из приличной семьи не согласится посетить пирушку, а тем более войти в дом, в котором хозяйничает куртизанка, даже если этот дом принадлежит самому высокопоставленному человеку в Афинах. Моя сестра разбиралась в тонкостях хозяйства почти так же плохо, как я, но, поскольку Алкивиад был разборчив в кушаньях и мнил себя великим гастрономом, она научилась

заказывать слугам тонкие блюда и заботиться об их приготовлении. Я обратилась к Каллиопе с просьбой сходить со мной на рынок и помочь выбрать лучшее для стола. Сестра согласилась, но ей пришлось отправиться тайком от мужа, поскольку уважаемые жены афинян посылали на рынок своих слуг, а не ходили туда сами. Я же не хотела дать прислуге шанс опозорить меня при таком важном событии.

Перикл в те дни предпринимал попытки убедить богатых иноземцев, расположенных вложить свои средства в какое-либо предприятие, начать дело в Афинах. Тем вечером пир был устроен в честь одного зажиточного оружейника, недавно в сопровождении трех десятков рабов прибывшего с Кипра, чтобы взяться за строительство фабрики в нашем городе.

— Кого еще ты пригласил? — спросила я, так как хотела послать слуг на рынок для сбора сплетен о гостях и их вкусах.

— А, разные болтуны, хлыщи да политики, — отмахнулся он. — Напомни домоправителю позвать побольше женщин легкого поведения и музыкантов. Мужчины захотят развлечься.

Он определенно был не в настроении помогать мне подсказками, и я даже подумала, не решил

ли он, что мой провал окажется ему полезным и поможет избавиться от меня. Поэтому больше расспрашивать ни о чем не стала, а постаралась приготовить все как можно лучше. Когда же гости собрались, я стала разыгрывать из себя утонченную и гостеприимную хозяйку, хоть понятия не имела, как мне следует себя вести. Домашние невольники рассказали о порядках, принятых в доме Перикла во время приема гостей, но я не была уверена в том, что они ничего от меня не утаили. Я была наряжена, надушена и рассылала во все стороны улыбки, но от страха у меня болел живот, а в голове царила полная сумятица.

Пиршество оказалось удачным, гости расхваливали угощения: дорогие страусовые яйца, привезенные в тот день на рынок с африканского побережья, угрей, поданных в листьях свеклы, и прожаренное с пряностями брюшко тунца. Должна признаться, что и сама я никогда не пробовала таких вкусных вещей. В доме Алкивиада женщинам не подавали тех блюд, что ели мужчины, они довольствовались более простой едой.

Некоторые из наших гостей привели с собой профессиональных куртизанок — дочерей и внучек тех образованных женщин, которых содержали самые богатые и наиболее требова-

тельные из членов афинского общества. Эти женщины носили дорогие одежды из шелка и слишком крупные золотые украшения. Они грациозно потягивали вино и задавали мужчинам заученные вопросы. Тем это нравилось, поскольку позволяло блеснуть красноречием и выказать знание давно известного предмета, а значит, показаться более умными, чем они были на самом деле. Мы не беседовали друг с другом, как обычно делают женщины, оказавшиеся в одном доме. Вместо этого улыбались шуткам мужчин, время от времени позволяя себе прокомментировать их высказывания. Одна из женщин продекламировала поэму под аккомпанемент флейты, другая танцевала. Я не умела делать ничего такого и стала думать, не следует ли мне постараться обрести такие навыки. Приглашенных же публичных женщин оставили дожидаться в соседней комнате, где были поданы самая простая еда и плохие вина. Они появились в обеденной зале только тогда, когда блюда были убраны со столов.

Поведение этих особ меня ужаснуло — они ввалились, нагло хохоча, с бесстыдно открытыми грудями, плюхались мужчинам на колени, широко разводя ноги и обнажая бедра.

«Не станут ли тут происходить прямо у нас на

глазах разные непотребности?» — испугалась я, поскольку не думала, что смогу вынести такое зрелище.

И не выберет ли Перикл для себя одну из этих женщин, пока я буду сидеть, разыгрывая хозяйку и наблюдая за происходящим? А может, от меня ожидают, что я усядусь к нему на колени с такой же вульгарностью, как они, или, что еще хуже, к кому-нибудь из приглашенных? Что случится, если я откажусь это делать? Я не могла поверить, что тот деликатный человек, под чьей кровлей я живу, способен сделать из меня приманку для своих гостей, но жизнь в Афинах преподносит порой сюрпризы. С облегчением я увидела, что мужчины, приведшие с собой куртизанок, продолжают сидеть с ними за столами, а те, кому приглянулась та или иная шлюха, норовят исчезнуть, чтобы заняться развратом в укромном месте. Перикл, казалось, не обращал внимания на эти маневры. Но точно так же он игнорировал и меня, погруженный в деловую беседу с оружейником Кефалосом.

Надвигалась ночь. Я сидела в одиночестве, стараясь удерживать улыбку на лице. Самой мне казалось, что она уже примерзла к нему и теперь больше походит на перевернутый ледяной

полумесяц. Неожиданно довольно немолодой мужчина сел рядом со мной, резким жестом перебросив полу своей туники из дорогого отбеленного льна через спинку скамьи.

— Тебе так же скучно, как мне, кажется? — поинтересовался он и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Не могу понять, почему Перикл настаивает, чтобы я присутствовал на этих скучных сборищах, в то время как я мог бы работать. Разве я похож на человека, которого занимают развлечения торговцев?

— Вовсе не похож, — отвечала я.

Выглядел он очень достойно. Густая борода аккуратно подстрижена и надушена, волны каштановых волос обрамляют лысоватую макушку, высокий лоб был испещрен морщинами. Но главным в этом лице были глаза. Высказывался же он с такой уверенностью, что возражать ему было трудно.

— У нас достаточно забот со строительством и его финансированием, и если мы позволим себе хоть тень промедления, нам придется держать ответ пред всей Аттикой. Ведь эти идиоты, кажется, думают, что мы затеяли акропольский проект лишь для собственного обогащения!

Из этих слов я поняла, что передо мной Фидий,

архитектор и исполнитель самого амбициозного из планов Перикла — перестройки холма Акрополя. Фидия считали лучшим скульптором в мире. Я продолжала улыбаться, храня молчание, так как думала, что он говорит скорее для самого себя, как делали весь вечер другие мужчины.

— Понимаешь, о чем я? — нетерпеливо спросил он вдруг.

Я набрала в грудь побольше воздуха, прежде чем заговорить.

— Это строительство горячо обсуждается не только в Афинах, но и за пределами полиса. Города-государства, отдавшие свою безопасность в руки Афин, не очень рады таким расходам из их общих фондов. Я родом из Милета и слышала много разговоров на эту тему на рыночной площади. Вот что я могу сказать в ответ на твой вопрос. Что же касается деталей вашего плана и его экономической стороны, то, должна признаться, мне об этом ничего не известно.

— Что за красноречие у молодой девушки! К тому ж у тебя такое необычное лицо.

Я, конечно, знала о том, что хорошенькая, но никогда не считала свое лицо таким уж необычным. Черты его были приятны и пропорциональны, но ничем не лучше многих и многих. Возможно,

глаза у меня больше, чем у некоторых других женщин, а губы полнее и ярче. Когда отец был жив, он, бывало, говаривал мне, что я вырасту красавицей на горе мужчинам, но после его смерти все, что я слышала о себе, это жалобы Алкивиада на то, до чего я неженственна.

— Благодарю за добрые слова, что произнесли уста знаменитого мастера, — отвечала я. — Прежде чем оказаться в Афинах, я изучала риторику и грамматику.

— Что? Что ты изучала? Мыслимо ли, чтоб женщина была философом?

— Ты прав, эти две сущности с трудом смешиваются в одном теле.

Мой ответ вызвал на его лице улыбку.

— Воображаю, с каким. Но возможно, твои знания еще сослужат службу на бесконечных пирушках в доме Перикла, если, конечно, эти невежды дадут тебе шанс вставить хоть одно слово.

— Возможно.

— О тебе хорошо отзываются, так, может, поделишься со мной тем, как относишься к планам изменения облика Акрополя?

Я не могла разобрать, вправду ли он интересуется моим мнением или насмехается, но говорить

стала так, будто его вопрос заслуживал самого серьезного ответа.

— Как положено философу, я составляю свое мнение лишь после серьезного изучения существа дела. Ваш же план строительства я еще не подвергала серьезному изучению.

Фидий откинулся на скамье и захохотал. Он окликнул Перикла, который как раз подносил к губам кубок с вином:

— Слушай, Перикл, ты что, готовишь эту молодую особу к политическому поприщу?

В этот момент Перикл внезапно рассмеялся, но его веселье было вызвано не вопросом Фидия, а тем, что на дне опустевшего винного кубка он заметил крохотную керамическую мушку. Я весь вечер ждала, пока он ее увидит, ведь я специально купила ее на рынке, отыскав среди других новинок, и надеялась, что она его позабавит.

В первый раз я заставила его рассмеяться. Из всех необыкновенных качеств, которыми был известен Перикл, нерасположенность к веселью отмечалась всеми, и я обрадовалась, что удалось рассмешить его таким простым способом.

«Лицо этого человека не знает эмоций» — так говорили о нем, а я считала, что он специально создает образ политического деятеля, живущего

только для того, чтобы служить государству, и уверенного в том, что отклонение от этого образа может принести вред не только ему, но и Афинам.

— Перикл, этот юный философ хотел бы узнать побольше о нашем проекте перестройки Акрополя.

Перикл бросил на меня удивленный взгляд.

— Но я не говорила ничего подобного! — запротестовала я.

— В качестве философа она не готова присоединиться к обвинениям, возводимым на нас критиками. А решить, справедливо ли наше желание осуществить задуманное, она не может, не изучив существа дела. Почему ты до сих пор не рассказал ей обо всем?

Неужели скульптор всего лишь разыгрывал меня до сих пор? Держа в руках чашу и все еще улыбаясь, Перикл оставил своего захмелевшего торговца и пересел к нам.

— Видишь ли, Аспасия, критики не понимают нас. Храм Афины Парфенос и окружающие его здания станут олицетворением всего великого, что есть в нашем городе.

— Они продемонстрируют всему миру художественный потенциал человечества, — добавил

Фидий.

— И коллективную волю греков к победе над врагами, развитие наших высоких идеалов, образ нашей жизни. Этот проект станет воплощением ценностей всего греческого мира.

— И того, что способен достичь человек, если станет бороться за величие во всех аспектах жизни, — поддержал Фидий.

— И того, что становится возможным для человека, чтущего богов.

— Или, по крайней мере, умеющего с ними торговаться.

Фидий был не политиком, а художником и потому не боялся произносить — а может, и самому верить в них — крамольные речи безнаказанно.

— Я велю принести еще вина? — спросила я Перикла.

Кубки их опустели, а я так хотела продолжения разговора в том же тоне. С тех пор как я оставила Милет, мне не доводилось участвовать в достойных беседах, и теперь я чувствовала, что возвращаюсь к жизни.

— Оставь, не надо, — ответил Перикл. — Если велишь подать еще вина, эти люди никогда не разойдутся, а я устал, Аспасия. Лучше прикажи невольникам дать понять гостям, что в кладовых

вина больше нет, тогда буквально через мгновение тут никого не окажется.

— И мы избавимся от докуки. А когда все разойдутся, слава богам, возьмем с собой эту юную красавицу и отправимся поглядеть на наше создание.

Ночь была беззвездной, а воздух холодным и влажным. Я не привыкла выходить из дому в такой час и поплотнее закуталась в шаль. Даже в темноте мы видели бронзовый шлем на голове статуи Перикла, видели статую Афины Промахос[19], торжественное изображение богини во всем ее победном могуществе. В сверкании дня яркий свет отражался от шлема богини, и его было видно от самого моря, как рассказывали моряки кораблей, заходивших в гавань Пирея. Статуя богини была установлена спиной к древним стенам города, его оборонительным сооружениям, которые, как говорили, построили еще герои гомеровских поэм.

Северный ветер завывал над площадью, когда мы поднялись по ступеням лестницы и оказались перед входом в цитадель. У дверей, охраняя их, стояли сторожа, но, узнав Перикла и Фидия, они

---

[19] notes: 19
Афины-Воительницы.

отошли в сторону, дав нам пройти. Мужчины быстрыми шагами направились к храму, я же чуть приотстала. Далеко впереди, в темноте ночи, колонны белого мрамора, принадлежавшие недостроенным зданиям, казались волшебным и огромным каменным садом. Старые ворота Акрополя еще оставались на месте, но я слыхала, что планируется построить новый, более торжественный портал. В разных концах площади глаз отмечал брошенные рабочими телеги, груженные камнями, плитами мрамора, другими строительными материалами. Они чудовищно не соответствовали изящным белоснежным колоннадам.

Перикл обернулся узнать, почему я замешкалась, и заметил, что я дрожу.

— Что с тобой? Ты замерзла?

— Да.

Но не холод заставил меня дрожать, дрожь была вызвана странным чувством. Находиться на вершине Акрополя, в молчаливом спокойствии глубокой ночи, стоять там, где поклонялись богам!

— Мне кажется, на нас смотрят боги. Они здесь и следят за нами так, будто мы вторглись в их покой.

Перикл протянул мне руку, и я поднялась к нему. Он приобнял меня за плечи, и чувство благодарности за его тепло и защиту охватило меня. Всемогущая Афина не станет причинять мне вред, раз обо мне заботится тот, который возводит в честь нее такие величественные сооружения.

Фидий взял факел из руки одного раба.

— Я покажу тебе наше изобретение, Аспасия, а ты должна решить, является ли эта попытка достойным приношением богине.

Скульптор указал туда, где вскоре должны были появиться четыре самых высоких строения Акрополя: Пропилеи, или Великие Врата, которые проектировал он сам с архитектором Мнесиклом[20], храм Афины Парфенос, над которым уже трудились каменщики, Эрехтейон[21], вобравший в себя многие из старых святилищ и храмов, стоявших здесь раньше, и храм Афины-Ники[22], который был еще на стадии проектирования.

Фидий принялся объяснять свою теорию стро-

---

[20] notes: 20

Мнесикл (2-я половина V в. до н. э.) — древнегреческий архитектор, построил Пропилеи на афинском Акрополе.

[21] notes: 21

Храм Афины и Посейдона-Эрехтея на Акрополе.

[22] notes: 22

В Древней Греции персонификация победы, часто синоним богини Афины.

ительства.

— Города развиваются непрерывно, люди постоянно создают новое на месте старого. Но здесь, на холме Акрополя, я намеренно включил прежние руины в новые сооружения, с тем чтобы наша история — та ее святость, что живет в древних храмах, — была сохранена. Мы уже использовали многие фрагменты старинной каменной кладки, помещая их в основания новых построек.

Огромные участки длинной старой крепостной стены не были разрушены, их влили в новое оборонительное сооружение. Фидий велел Мнесиклу не разрушать стены, прилегающие к Пропилеям, а оставить, скосив их таким образом, чтобы они состыковались вплотную с углами сверкающего новизной сооружения.

— Утверждают, что эти стены ведут свое начало со времен Троянской войны, — продолжал он. — На первый взгляд кажется парадоксом создание чего-то смелого и нового на основе старых развалин. Но по результату, которого я достигну, вы увидите: я понимаю, что делаю.

По выложенной большими каменными плитами дороге, ведущей к Парфенону, мы прошли обратно. Контуры будущего святилища Афины сияли белизной в этот час ночи. Столбы и ко-

лоннады уже были возведены, но не подведены под крышу. Стен в этом храме строить не собирались.

— Это будет самое величественное из всех сооружений, посвященных великой богине. И оно увековечит ее помощь афинянам в нашей грандиозной победе над персами, — сказал Перикл.

— Да, эти злодеи при жизни многих поколений угрожали берегам Греции, пытались уничтожить нас. Они ненавидят наш образ мыслей и жизни, мечтают вернуть нас обратно в то темное прошлое, погруженными в которое они живут. Если б Афина не помогла нам в битве при Марафоне[23], мы бы сегодня здесь не стояли.

— Именно тогда, почти пятьдесят лет назад, нам удалось продемонстрировать наше превосходство над персами раз и навсегда, — продолжал Перикл. — Под конец того изнурительного дня шесть тысяч четыреста персидских воинов полегло на поле брани, в то время как мы потеряли всего сто девяносто двух.

— Это кажется невероятным, — задумчиво сказала я.

Но про себя подумала: не было ли число погиб-

---

[23] notes: 23

Близ этого древнего селения в Аттике 13 сентября 490 г. до н. э. греческие войска под руководством Мильтиада разбили персидские.

ших врагов сильно преувеличено, чтобы сделать победу афинян более славной.

— Это и было невероятным, — подчеркнул Фидий. — И только вмешательство богини помогло нам этого достичь.

— Я знаю, о чем ты думаешь, Аспасия, — догадался Перикл. — Но если бы ты посетила поле боя, как его посещаю я и другие патриоты-афиняне, ты б увидела те огромные погребальные курганы[24], которые показывают, какое множество людей там похоронено. Наши отцы и деды участвовали в той битве и являются свидетелями происшедшего.

Десять лет спустя после битвы при Марафоне, — продолжал он, глядя попеременно то на меня, то на Фидия, — персы вернулись в Грецию и овладели Афинами. Еще до этого набега каждый житель города был вывезен, остались только священнослужители, жрицы и патриоты, которые решились охранять святыни Акрополя и то, что осталось от его сокровищ. Мы стоим на том самом месте, Аспасия, где эти благородные афиняне устроили свой опорный пункт.

Холодный ночной ветер, коснувшись лица,

[24] notes: 24

В настоящее время известен один марафонский погребальный холм, под которым покоится 192 павших греческих воина.

заставил меня вздрогнуть, словно призраки павших героев встали рядом со мной.

— Персы разложили лагерь на холме Ареса и оттуда стали пускать в храмы огненные стрелы. Хоть афинян была всего лишь горстка — и ни один из них не был профессиональным солдатом, — они храбро оборонялись. Смельчаки долго сопротивлялись осаде, но опрометчиво оставили незащищенным левый фланг крепости, посчитав склон слишком крутым и оттого неприступным. Когда же они увидели, что по нему взбираются вооруженные мечами персы, то защитники бросились с Акрополя в пропасть и погибли. Варвары, ворвавшись в город, истребили немногих оставшихся в нем и предали огню и мечу каждое здание, храм, святилище, произведение искусства.

— Они даже разрушили священный храм Афины, уничтожили все статуи и реликвии, находившиеся в нем, — горячо заговорил Фидий. — Вы можете себе вообразить такое надругательство? Эти выродки не только убивали людей, они губили самое искусство!

Было трудно сказать, какой грех Фидию казался тягчайшим. Для любого афинянина нет более почитаемых ценностей, чем изображения этой

богини, покровительницы их родины и города, носящего ее имя.

— Но богиня прокляла их, — продолжал Перикл, — каждого, кто посягнет на священный образ Афины или осмелится вторгнуться в ее храм, ждет печальный конец. Такой была ее клятва Персы полагали, что они расправились с нами, но в действительности, разрушив наши памятники, они заложили фундамент собственной будущей гибели.

Хотела бы я, чтобы афиняне сейчас видели его — опьяненного вином и жаром патриотизма, отдавшегося власти своей любви к Афинам больше, чем власти гроздей Диониса, — тогда они поняли бы, что источник притязаний Перикла лежит именно в этих чувствах, а не в его честолюбии.

— Захватив Акрополь, Фемистокл сокрушил персов при Саламине[25], а позже, в битве при Платеях[26], мы навсегда уничтожили угрозу с востока для Греции, — сказал Фидий.

— Новые храмы увековечат память обо всех

---

[25] notes: 25

Остров в заливе Сароникос Эгейского моря, около которого 28 (27) сентября 480 г. до н. э. греческий флот разгромил персидский.

[26] notes: 26

Древнегреческий полис в Южной Беотии, где 26 сентября 479 г. до и. э. греки одержали победу над персидской армией.

героях Марафона и других сражений с персами.

— Выпьем же за это! — воскликнул Фидий.

Юный сириец, невольник, сопровождавший нас на этой прогулке, протянул козий мех Периклу, тот сделал огромный глоток и передал мех Фидию, а тот, отхлебнув в свою очередь, отдал его мне. Неужели это означает, что теперь я одна из них?

— Одержав победу под Платеями, афинские вожди поклялись оставить Акрополь нетронутым, лежащим в развалинах, как напоминание потомкам о тех страшных событиях, — продолжал Фидий. — Но после того как мы двадцать лет взирали на эти развалины, наш друг Перикл посчитал, что грандиозный монумент величия и красоты станет лучшим напоминанием людям об их победах, чем холм, покрытый грудами развалин.

— Так оно и будет. К тому же этот памятник расскажет всему миру о наших достижениях.

— И они все еще не верят нам, Перикл, — сказал Фидий. — Не верят даже после того, как мы ознакомили их с нашими планами. Не прошло и нескольких лет после принятия проекта, как они решили уменьшить расходы. Типичные греки. Жаждут славы, но страшатся цены.

— Не говори так, друг мой, — внезапно отрезвел Перикл. — Цена ими уже заплачена, и немалая. Цена крови, пролитой при Марафоне, Фермопилах, Платеях. Грекам не занимать мужества, когда предстоит защитить их богов, государство и свободу.

— Но со своими деньгами им никак не расстаться, — упрямо повторил Фидий.

Небо медленно заливал утренний свет. Скоро город снова оживет, зашумит, сбросит с себя чары ночи.

— Их мнение не так уж важно, — подытожил Перикл. — Мы — победители, а победители должны жить славной жизнью, а не влачить ее среди развалин.

Несколько дней спустя он вернулся домой уже в сумерках. Что больше заботило его — усталость или гнев, — я не могла бы сказать. Слуги, как обычно, предупредили меня о его возвращении, и я сбежала по лестнице навстречу. Перикл, проходя через вестибюль, смахнул с подставки вазу и вслух выругался, когда она, упав, разбилась на множество осколков. Никогда я не видела его в таком состоянии.

Я кликнула, чтобы принесли вина, взяла Перикла за руку и провела во внутренний дворик,

где мы часто сидели, наслаждаясь вечерней прохладой. Рыночные сплетни уже донесли до меня слух о том, что в Народном собрании весь день шла суровая борьба между демократами и консерваторами из-за денег, отпущенных на акропольский проект. Мы сели на скамью и после короткого молчания он заговорил:

— Я устал от их политики выкручивания рук и вечных жалоб на то, как дорого обходится строительство Афинскому союзу[27] и как долго оно тянется.

Я никогда не говорила этого Периклу, но часто удивлялась тому, насколько он равнодушен к высокой стоимости строительства.

— Разве тебя самого не беспокоит этот вопрос? — поинтересовалась я.

— Нисколько.

Ответ прозвучал очень решительно. И вправду, Перикл не казался человеком, которому свойственны колебания в правильности принятого решения, скорее он был похож на того, кто услышал волю богов и оставил все сомнения.

— Лидер консерваторов обвинил меня сегодня

---

[27] notes: 27

Ошибка автора. Афинский союз действовал с 378–377 гг. до н. э. Описываемые события происходили во времена Делосского союза (478–404 гг. до н. э.).

в расточительном отношении к публичным фондам, в попытке, как он сказал, нарядить город, как наряжают тщеславную женщину.

— Но это не разумное обвинение. Разве не все видят твое отвращение к мотовству? — поинтересовалась я, упрощая существо дела.

Перикл тратил очень мало на свои нужды и удовольствия. Почему же Народное собрание не доверяет его бережливости, практичности того, кто так разумно устроил собственную жизнь?

— Почему наш город велик? — спросил он, но не стал дожидаться моего ответа. — Да потому, что он находится под покровительством богини Афины. А почему она оказывает нам покровительство?

И снова он сам ответил на свой вопрос:

— Потому что Афины и богиня по существу одно и то же. Сегодня я так и заявил в совете: для того чтоб основать свой город, Афина из всех мест на земле избрала именно это. И произошло так потому, что счастливые чередования тепла и солнечных потоков света помогли зарождению расы людей, отмеченных мудростью. С ее подсказкой нам удалось создать систему законов, следующих из божественных элементов, богиня дала нам знания, необходимые в жизни людей. Научила

нас подражать ее собственной природе — быть доблестными, смелыми, ценить умеренность и мудрость, внушила любовь к прекрасному, почтение к искусствам и ремеслам.

Он помолчал, взглянул на меня так, словно видел перед собой Народное собрание в лице единственного человека. Затем продолжал:

— Персы вторглись в наши пределы, забросали миллионами стрел, но с помощью великой богини мы прогнали их. Два поколения назад они осквернили храм Афины и другие святилища Акрополя. Не может быть сомнений в том, что он должен быть восстановлен со всем доступным человеческому воображению великолепием. Новый храм Афины Парфенос увековечит память о битве при Марафоне, где кровь греков напоила землю. Аспасия, скажи, ты можешь представить, какой стала бы жизнь греческого народа, не одержи он в тот день победы? Сегодня мы жили б, порабощенные тиранией отсталого деспота, а не наслаждались дарами величайшей и наиболее свободолюбивой цивилизации на свете.

— Не могу поверить, что после такой речи у ассамблеи могли возникнуть к тебе вопросы, — сказала я.

Вопрос мой мог показаться бессмысленным, но

меня так же покоряло воодушевление Перикла, как покоряла его власть государственного мужа или его страсть.

— Мои слова они уже слышали не раз, — с горечью отвечал он. — И почему только эти люди не понимают, что, если Афины должны остаться теми, какие они есть, мы, человек за человеком, обязаны продолжать учиться у богини? Памятники возвеличивают ее и одновременно напоминают о том, как высоко надо держать стандарты. Мы не просто строим храм, Аспасия, мы шлем послание миру. Если мы хотим и дальше главенствовать над ним, нам следует вновь и вновь доказывать наше превосходство. И это не моя идея, это пути, по которым следует мир.

— Но если противники уменьшат расходы на твои проекты до окончания работ, что ты станешь делать? — спросила я.

— Возможно, оплачу их сам.

Деловой тон его ответа поразил меня. Неужели этот человек и в самом деле обладает таким богатством? Но так как за ним не водился грешок хвастовства, мне следовало думать, что он и вправду намерен так поступить.

— Почему ты не объявил им это?

— Потому что не так уж я стремлюсь к подоб-

ному варианту. Я бы предпочел, чтоб собрание нашло в себе мудрость согласиться с моей точкой зрения.

— Мне кажется, что именно ты, а не город, так желаешь осуществления этих достижений.

Я не скрывала от себя, что взываю к его честолюбию, но делала это намеренно.

— Зачем тебе делить славу с теми, кто не разделяет твоих взглядов? Продолжай возведение храма, но уже от своего имени, от себя лично. Обессмерть в глазах потомков свое имя, а не общество тех людей, которые не разделяют ни твоих устремлений, ни твоих добродетелей.

— Но памятники должны принадлежать городу и народу, чтоб их воздействие было эффективным. Они являются символами достижений всех людей, а не усилий одного человека. Это противоречило бы нашему образу жизни. Но тем не менее твоя идея великолепна.

На следующий день Перикл выступил в Народном собрании и поклялся, что готов возместить городу стоимость всего строительства из собственных средств и что сделает это с радостью. Но при этом он добавил, что в таком случае посвятит храм богине Афине от своего имени, а не от имени города. Перикл, конечно, пошел на некоторый

риск, но он оправдал себя.

Оппозиция, всего несколько минут назад аплодировавшая, замолкла, а к концу заседания все согласились с тем, чтобы этот грандиозный памятник был сооружен не от имени одного только Перикла, а от имени всех афинян, поскольку все они находятся под защитой великой богини.

Вечером он поднялся ко мне, как делал обычно, но в руках у него я увидела белое, из тонкого льна покрывало, вышитое золотыми нитями.

— Встань, Аспасия, — торжественно произнес он и, когда я поднялась, накинул мне на голову покрывало, на мгновение прикрыв лицо, и тут же медленно приподнял. — В глазах богов я беру тебя в жены. Примешь ли ты меня как мужа?

— С чего ты надумал так сделать?

Меня поразило, что он, услыхав мои печальные жалобы в нашу первую ночь, запомнил их и, приняв к сердцу, нашел способ утешить мое горе. Ни в одной из историй о женских судьбах мне никогда не доводилось слышать о таком великодушии и нежности со стороны мужчины.

— Ты и я, мы с тобой олицетворяем сами Афины, которые сильны, только когда их граждане объединены. Я становлюсь сильнее, когда рядом со мной ты, и слабею, оставаясь в одиночестве.

Я подняла голову и взглянула ему в глаза, надеясь, что он не увидит меры моего удивления. Боялась, что скажу или сделаю что-нибудь такое, что уменьшит силу или окажется недостойным той любви, что чудесным образом возникла и выросла за долгие месяцы нашей совместной жизни.

— Ты не покинешь меня? — спросил он.

— Никогда.

Я задрожала. Перикл достал золотое ожерелье с подвесками из маленьких зернышек фаната, которые со времен мифа о Персефоне[28] считаются символом плодородия супружества.

— Это мой свадебный подарок тебе, — сказал он и надел ожерелье мне на шею. — Может, оно сумеет сделать наш союз плодоносным и у нас появятся сыновья и дочери.

Я протянула ему левую руку, как я сделала бы на настоящей брачной церемонии. Он взял ее, поцеловал и подвел меня к ложу. Свое тело я отдала ему в первый вечер, но сегодня я вручила ему свою душу.

---

[28] notes: 28

Персефону, дочь Деметры, взял в жены царь Аида и дал ей плод граната в знак супружества.

В турецкой земле, 1799 год

Мэри осторожно поставила ногу в туфле на высоком каблучке на первую из перекладин трапа, надеясь, что сумеет не оступиться и не упасть в море на глазах представителей нескольких стран. Более смелого решения нельзя было придумать. Многочисленная свита высокопоставленного турецкого чиновника, собравшаяся на палубе корабля «Селим III», в изумлении смотрела, как молодая женщина с непокрытой головой — лицо подставлено теплому послеполуденному солнцу, легкий ветер играет блестящими волосами — переставляет одну за другой изящно обутые ножки по перекладинам трапа, торопясь ступить на землю. Этой женщиной была супруга английского посла в Оттоманской империи.

Высокопоставленного чиновника, который поднялся на борт «Фаэтона» приветствовать ее, звали принц Исаак-Бей. Молодой человек красивой наружности превосходно говорил по-английски и по-французски и сообщил ей, что лорд Элджин приглашен к обеду на барк султана. Это сообщение сопровождалось подарком, Мэри были преподнесены огромные, из золотой ткани

подушки. Чрезвычайно почтительно, не поднимая глаз, Бей дал ей понять, что супруга посла не может присутствовать на обеде, поскольку, согласно обычаям, принятым в их стране, женщины не принимают участия в торжественных событиях и вообще живут изолированно от общества. В свою очередь Мэри — не менее почтительно, но глядя прямо на собеседника широко раскрытыми глазами — уверила его, что все-таки будет присутствовать на торжественном обеде, поскольку по обычаям, принятым у нее в стране, женщин чрезвычайно оскорбляет отсутствие к ним уважения. По тому взгляду, которым принц посмотрел на нее, она поняла, что одержала победу. Исаак Бей, едва ли не самый вежливый человек на свете, не мог допустить, чтобы женщина почувствовала отсутствие уважения.

— Я не могу взять на себя несчастье доставить вам неудовольствие, — так он выразился.

Поэтому сейчас он терпеливо ждал на палубе, пока Мэри должным образом нарядится для обеда у капитан-паши, Хусейн-бея, на борту его роскошного судна.

Море лежало в полном спокойствии и тишине, наступившей после девятнадцати залпов орудийного салюта в честь прибытия в турецкие

воды английского корабля с посольской четой на борту. Мэри оставалось только пожалеть о том, что здесь нет Эммы Гамильтон и она не видит приема, оказанного Мэри и ее мужу. Она не забыла того неуважительного послания, которое когда-то получила от «этой особы». Но это уже неважно. Те дни миновали, и Мэри готова наслаждаться знаменитой роскошью восточного гостеприимства.

Она выбрала минуту, чтобы бросить взгляд на Дарданеллы, узкий, не более мили, проток, который пересекли древние греки, отправляясь на завоевание Трои, и который, в сопровождении самой огромной армии, какую только помнит история человеческих войн, форсировал Александр Македонский, устремляясь на поиски богатств восточных стран. А теперь на этом берегу стоит она, Мэри Элджин, и не может не думать о том историческом противостоянии между Турцией и Грецией, которое развело в стороны Восток и Запад. Эти две страны казались ей почти одинаковыми, хоть на протяжении долгих столетий уроженец одной из них, вступивший в пределы другой, оказывался в чужой и незнакомой земле. Часто такие смельчаки платили жизнью за свою отвагу, как, например, в древности Леандр,

каждую ночь пересекавший Геллеспонт ради встречи со своей возлюбленной Геро, жрицей Афродиты. Но одной злой ночью зажженный ею светильник потух и юноша утонул, а сама Геро от горя бросилась в воды.

«Полно тебе фантазировать», — подумала про себя Мэри.

Муж и так называет ее — леди Фантазия, насмехаясь над готовностью женщин отдаваться на волю своего романтического воображения. Она сосредоточенно продолжала идти по трапу, стараясь только по возможности уберечь от толчков свой, ставший уже заметным, живот. Гоня прочь плохие мысли, она шла как могла более изящно, когда вдруг чья-то сильная смуглая рука поддержала ее.

Мэри слыхала, что на борту судна капитан-паши находятся двенадцать сотен солдат и сто тридцать две пушки, и в эту минуту она поверила этим цифрам, поскольку и воины, и артиллерийские орудия сейчас выстроились на палубе. Элджин, должно быть, подготовил хозяина судна к возможному отказу своей жены отсутствовать на торжественной встрече, потому что, едва Мэри ступила на палубу огромного барка, как духовой оркестр в сопровождении барабанов заиграл

церемониальный английский гимн. Вернее, он заиграл то, что можно было назвать турецкой интерпретацией английского гимна. Офицеры в тюрбанах на головах, со смуглыми неулыбающимися лицами, выхватили из ножен сабли, отдавая ей салют. Более молодые, в таких же мундирах, но без оружия, играли на музыкальных инструментах. Глаза всех были устремлены вперед, словно на палубе никого, кроме них, не было, — возможно, это следовало объяснить избытком почтительности или смущением, поскольку ни один из них не казался оскорбленным ее появлением.

Через мгновение Мэри увидела, что к ней быстрыми шагами направляются Элджин и какой-то высокий турок в алом тюрбане, украшенном павлиньим пером. Мэри внутренне обрадовалось тому, что не пожалела времени и появилась здесь в самом парадном своем наряде. О важности поста капитан-паши свидетельствовали яркие цвета его шелкового кафтана и ослепительный блеск оружия. Борода офицера была черна как агат и подстрижена так мастерски, что каждый волосок казался лежащим на предназначенном специально для него месте. У капитан-паши сверкало и блистало огнем все, кроме его бархатных

медовых глаз. Он был далеко не стар, но, конечно, старше Элджина, и, когда он шел по палубе, его статная фигура и энергичный шаг ясно говорили о высоком положении главнокомандующего войсками Оттоманской империи. У него был довольно крупный крючковатый нос, такие Мэри часто подмечала у мужчин на своей родине, и в этот момент она успела подивиться тому, что у людей, живущих столь далеко друг от друга и вряд ли имеющих общих предков, может оказаться сходная внешность. Такой облик не мог принадлежать никому, кроме сугубо военного человека. Мэри слыхала, что капитан-паша провел много лет, участвуя в сражениях с русскими войсками и в конфликте с французами в Египте.

— Добро пожаловать, госпожа Элджин, — произнес он с легким поклоном и пригласил ее пройти в каюту.

Убранство этой пышной комнаты впервые подтвердило для Мэри правоту слухов о роскоши жизни на Востоке. Помещение оказалось на удивление просторным, по периметру сплошь уставленным мягкими диванами, крытыми ярко-золотистыми, расшитыми сверкающими нитями шелками. Стены украшала коллекция дорогого оружия, как старинного, так и новейшего. Перед

глазами Мэри красовались многочисленные пистоли, мечи, кинжалы, ятаганы.

— Я даже не догадывалась, что каюта на корабле может оказаться нарядней самых пышных гостиных Лондона, — сказала она, вспомнив о тех унизительных условиях, в которых провела несколько месяцев плавания.

— А я не видел ничего равного острой заточке этих мечей, — поддержат ее муж, осторожно коснувшись пальцем лезвия одного из них. — Тебе следовало бы взглянуть на всю обстановку этого роскошного судна, дорогая, — обратился он к супруге. — Даже капитан Моррис вынужден был признать, что не видывал ничего равного порядку, царящему на нем.

— Ваша любезная доброта безгранична, — произнес паша.

Неужели в его английском присутствует французский акцент? Может быть, его учил этому языку какой-нибудь француз? Вследствие долгого альянса Турции с Францией знание французского языка у капитан-паши могло быть крепче его знаний в английском. Принц Исаак находился неподалеку, явно готовый помочь в общении, если возникнет надобность, но офицер прекрасно справлялся с беседой и сам. Каким глубоким

кажется его голос, мелькнула у Мэри мысль. Его звучание напоминало ей что-то сладкое, тягучее, возможно, густой шоколад или некоторые сорта сладких вин.

Угощения подавались на тончайшем дрезденском фарфоре, и стол был накрыт с пышностью, достойной королей. Капитан-паша подвел Мэри к креслу, помог сесть, затем заняли свои места мужчины. Словно ниоткуда в каюте появилось не меньше дюжины лакеев, в руках они несли покрытые крышками серебряные блюда, и все помещение наполнил сильный запах специй и жареного мяса. Передачи следовали за передачами, овощные блюда чередовались с мясными, в которых отличное филе томилось в крепких соусах, сдобренных луком и маслом. Тарелка перед Мэри была полна, но она беспокоилась, что ее положение не позволит ей насладиться экзотичной кухней. Даже запах съестного заставил мускулы ее желудка сжаться, но она храбро взялась за вилку, с удивлением отметив, каким тяжелым показался этот прибор ее руке.

— Со всем уважением к вашим английским обычаям, — произнес принц Исаак, — должен предупредить, что мы во время еды пользуемся руками.

Капитан-паша пробормотал что-то вполголоса принцу, и тот обернулся к Мэри.

— Госпожа, вы недовольны поданным угощением? Будьте любезны сказать, и мы тотчас заменим все блюда на новые. Повар будет примерно наказан.

Мэри попросту испугалась. Ей вовсе не хотелось отягощать свою совесть казнью ни в чем не повинного кулинара.

— Нет-нет, — заторопилась она, — все необыкновенно вкусно. Но дело в том, что, видите ли, я жду ребенка, и по этой причине подчас у меня не бывает аппетита.

Не успев договорить, она сразу почувствовала, как изменилась атмосфера в каюте.

— Наши пророки говорили, что женщина, носящая дитя в чреве, угодна Всевышнему, — с важностью произнес Исаак Бей, — и Аллах вознаградит ее за труды. Это лучший из способов служения Богу.

Мэри принесли особый чай, успокаивающий нервы, а к ногам положили шаль яркого шелка, в разных оттенках алого цвета.

— Это из Индии, — небрежно сказал паша. — Я привез ее для своей сестры, но знаю, с какой радостью она бы увидела ее на ваших плечах.

— Женщины из сераля султана мечтают иметь подобные в своем гардеробе, — добавил принц.

Тут же на стол был подан кофе на особом подносе, на котором лежали плоды айвы, груши и сладости. Когда же Мэри выразила свое восхищение невесомыми фарфоровыми чашечками многогранной формы, паша настоял, чтобы их отправили на корабль англичан в качестве его личного подарка. Когда обед завершился, слуги устроили для Мэри удобный уголок из мягчайших подушек на одном из диванов. Снова был подан кофе, для мужчин принесены трубки, а для нее блюдо с финиками, о которых паша отозвался как о материале для плоти и костей будущего ребенка.

Высокие свечи освещали расположенные кругом диваны, ароматный дым наполнял помещение. Мэри откинулась на подушках, голова ее утонула, и, пока Элджин вел беседу с турками, она зачарованно разглядывала снующих туда-сюда золотых рыбок в огромном стеклянном аквариуме.

Неожиданно паша оставил беседующих и, подойдя к Мэри, сел рядом.

— Вам нравятся мои друзья? — негромко обратился он к ней. — Я велю завтра же послать их в

ваше посольство. Прошу, когда будете смотреть на них, вспоминайте обо мне, вашем покорном слуге.

— Как любезно с вашей стороны.

Он сидел так близко к ней, что Мэри явственно ощущала исходившую от него волну каких-то незнакомых ароматов. Что это было? Гвоздика, мускус, лаванда? Запах одновременно и насыщенный, и словно невесомый.

— Я хочу вам что-то сказать.

При этом взгляд капитан-паши стал рассеянным, будто он пытался подобрать нужные слова, ища их в воздухе. Он подозвал принца Исаака и стал что-то энергично, но негромко говорить ему.

— Хусейн-паша хотел бы осведомиться о пожеланиях госпожи Элджин для того, чтобы иметь счастье исполнить их.

Принц умолк, но паша сделал ему знак продолжать. Тот улыбнулся.

— Паша говорит, что будь он султаном, а вы его вассалом, он бы велел вам неукоснительно сообщать ему о всех ваших даже мельчайших желаниях, и это было бы приказом, которого нельзя ослушаться.

Мэри перевела взгляд с паши на мужа, который

внимательно смотрел на нее, ожидая ответа. О чем он думал в эту минуту? Была ли у него на уме какая-то просьба, которую он хотел, чтоб она выразила? Или боялся, что она попросит о чем-то неподобающем или нетактичном? А вдруг он обижен вниманием высокопоставленного хозяина к его жене, но вынужден сдерживать свой гнев в силу обстоятельств? Элджин молча ждал ответа Мэри, но что именно выражало его лицо — опасения, недоверие, ревность или упрек, — она не могла распознать.

И она выбрала осторожность. Обернулась к паше и произнесла самым мягчайшим своим голоском:

— Благодарю вас, господин паша, за ваше любезное гостеприимство, но я, право, ни в чем не нуждаюсь. Да и какие просьбы могут идти на ум после такого великолепного обеда? Вы предвосхитили каждое наше желание и каждую нашу мечту.

— Вы любите наслаждаться ароматами? — неожиданно спросил паша.

— Но разве не каждая женщина любит это?

Паша сказал что-то, отдавая приказание, и двое из прислужников исчезли, а когда вновь появились, в руках одного из них был небольшой

ларец, обтянутый черным, с богатой вышивкой бархатом. Паша принял его в руки и, откинув крышку, протянул Мэри. В ларце находились десять изящных флаконов нежных цветов.

— Эти сосуды сделаны из венецианского стекла, — пояснил он. — А благовония, которые они хранят, принадлежат к числу самых любимых ароматов моей сестры, и я надеюсь, что вам они тоже понравятся. Моя сестра — самая любимая из жен нашего повелителя.

Мэри и раньше слыхала, что их нынешний хозяин является важным военачальником в армии султана, но она понятия не имела о том, что его связи с султаном столь тесны. И мгновенно сообразила, что на протяжении константинопольской миссии он мог бы обеспечить для них непосредственный контакт с правителем империи, каждое слово которого было законом для подданных. Внимание капитан-паши к ней приобрело новый смысл и значение, и она тут же задала себе вопрос, понял ли это Элджин.

Мэри открыла один из флаконов, вдохнула, ноздри ее наполнил сладкий аромат розы.

— Как мило. Я буду беречь ваш подарок для того, чтобы годы спустя, когда мы расстанемся, эти ароматы напоминали мне о вашем внимании.

— В том, что память обо мне останется с вами, огромная честь для меня.

Мэри послала паше благодарную улыбку. Она ожидала, что Элджин присоединится к ее благодарностям, но на его лице появилось более определенное, чем прежде, выражение, и оно говорило о его опасениях и нетерпении.

— Нам пора отправляться на корабль, — заговорил он, поднимаясь на ноги. — Завтра нам придется подняться рано, так как на утро мы наметили небольшую поездку к местам, где когда-то стояли стены Трои.

— Ах да, то первое из вторжений греков в чужие земли, — бросил принц Исаак. — Как, однако, переменчива история. Этот народ на протяжении веков досаждал нам своими захватническими планами, а теперь мы держим их у себя в подчинении. И тому уже триста пятьдесят лет, слава Аллаху.

— Мой муж настоящий фанатик в отношении греческих древностей, — сказала Мэри. — Милорд, вы не рассказывали нашему дорогому паше о вашем проекте относительно Акрополя?

— Видите ли, я нанял несколько художников и скульпторов для того, чтоб они сделали точные рисунки и гипсовые копии всех древних

архитектурных памятников в Афинах. Я намерен отослать эти произведения в Англию, чтоб впоследствии их изучали наши художники, — объяснил Элджин.

— Мы никогда не поймем вашего, англичане, преклонения перед этими остатками угасшей греческой цивилизации. Французы тоже таковы, — произнес паша, покачав головой.

— В детстве вас слишком часто заставляли читать сочинения слепого греческого поэта, и это пробудило в вас сентиментальное отношение к старым временам, — поддержал его принц. — Знаете, у нас тоже есть легенды о прежних завоеваниях и героизме нашего народа, мы имеем свои, священные для нас памятники, и я мог бы понять вас. Но ведь эти греческие развалины, о которых вы так шумите, всего-навсего груды камней, которые не украсили б даже лачугу самого ничтожного из рабов, того, кто выносит ночную посуду. Это посвящения богам, в которых больше никто не верит.

Мэри улыбнулась, от души надеясь, что Элджин не пустится в объяснения ценности античных греческих руин, ибо в таком случае им придется задержаться на корабле паши до ночи. К счастью, ее супруг был прежде всего дипломатом,

вышколенным как в искусстве вести беседы ради желаемого результата, так и в искусстве избегать бесед, неприятных для чужеземцев или иноверцев.

— Ну, если вы так фанатично относитесь к греческой старине, завтра вы, должно быть, получите удовольствие. Ведь поблизости от деревни у мыса Сигеум, по мнению местных жителей, и происходила битва за Трою. Там имеется много всевозможных развалин, и греки, живущие в тех местах, почитают их за священные. О, это очень невежественный народ, — продолжал принц Исаак с презрением и даже жалостью.

У Элджина явно повысилось настроение, и он оживленно заговорил:

— В таком случае мы завтра же возьмем с собой и наших художников, пусть сделают наброски всего, что нам предстоит увидеть. Мне посчастливилось нанять самого знаменитого из итальянских рисовальщиков. Он жил на Сицилии, и нам было нелегко убедить его последовать с нами, но в конце концов он согласился. Имя этого художника Лусиери, не сомневаюсь, что в будущем вы о нем еще услышите, работы, которые ему предстоит выполнить для нас, прославят его имя.

Мэри до сих пор вспоминала тяжкое путешествие — под палящим солнцем, верхом на злобном осле, — предпринятое в Мессину, чтобы встретиться с синьором Лусиери. Он не говорил по-английски, и им пришлось беседовать с ним на французском языке, что спустя час-другой стало казаться невыносимым. Она уже думала, что ей не вытерпеть ни зноя, висевшего над городом, ни долгой обратной дорога. Но рисунки Лусиери ей и вправду показались лучше всех, которые они с Элджином видели в Лондоне. И муж пришел в восторг, когда она одобрила его выбор. Поскольку оплачивать жалованье художнику английское правительство наотрез отказалось, Элджин попросил жену обратиться к своему отцу с просьбой взять на себя этот расход. Мэри так и сделала, в полной уверенности, что мистер Нисбет поймет важность и необходимость пожеланий Элджина. К ее удивлению, этого не произошло. Брать на работу итальянского живописца показалось мистеру Нисбету делом совершенно лишним, поэтому Мэри пришлось дополнительно обращаться к матери за поддержкой. Миссис Нисбет исполнила просьбу дочери с успехом.

Обращенный к ней вопрос принца прервал воспоминания.

— Госпожа Элджин, вы разделяете любовь вашего мужа к искусствам Древней Греции?

— О, конечно. Разве не долг хорошей супруги разделять интересы своего мужа?

Мэри посчитала уместной такую демонстрацию супружеской преданности, по крайней мере в присутствии капитан-паши.

Паша снова сказал что-то принцу по-турецки, и тот обратился к ним:

— Господин Элджин, вы можете взять себе то, что вам там понравится.

— Что вы имеете в виду? — не понял Элджин.

— При посещении деревни, куда вы собираетесь, вам разрешается приобрести некоторые греческие камни, если захотите. Господин паша не понимает, почему англичан и французов эти бесполезные предметы интересуют больше, чем слитки золота или драгоценности, но он не станет осуждать ваши обычаи, поскольку вы тоже не осуждаете наши. Лично я не сомневаюсь, что мы в своих поступках тоже представляем иногда для вас загадку.

— Правильно ли я понял, что вы даете нам разрешение приобрести те античности, которые мы захотим?

— Довольно много ваших соотечественников

и французов уже поступали таким образом. Мы сомневаемся, что там еще осталось что-либо ценное, но, если таково будет ваше желание, паша дает вам свое милостивое позволение. При этом он выражает надежду на установление отныне между нашими странами новых, добрых отношений.

— И как особое наше благоволение госпоже Элджин, — добавил паша.

Когда гости собрались оставить корабль, паша преподнес Мэри меховую накидку, сказав, что на воде стало довольно холодно.

— Завтра утром я непременно отошлю ее вам, — пообещала она.

— Только в том случае, если решите нанести обиду вашему новому другу, — был ответ. — Эти маленькие подарки доставляют мне большое удовольствие.

Хоть действительно стало прохладно, море оставалось спокойным, небо чистым. Мэри подняла голову и стала смотреть на звезды. Поискав руку супруга, чтобы опереться на нее, она неожиданно почувствовала, что Элджин отодвигается от нее.

— Что случилось?

— Впредь тебе следует быть поосторожнее в

общении с этими турками, — процедил ее муж.

Что он имеет в виду? Она только что очаровала двух самых важных чиновников в Оттоманской империи. Разве это не послужит на пользу их интересам?

— Эти люди не обладают сдержанностью шотландцев или англичан, — продолжал ее муж. — И ты не должна поддаваться искушению кокетничать с ними. Я хотел бы избежать всяких сцен или неприятных инцидентов и не потерплю влияния на мою миссию посторонних обстоятельств.

— Муж мой, ты считаешь, что что-то подобное имело место нынче вечером?

— Не притворяйся наивной, Мэри. Ты прекрасно знаешь, какое впечатление твоя красота производит на мужчин. Я не забыл еще твоего поведения в Гибралтаре. Ты так кокетничала с генералом О'Хара, что, помню, я даже усомнился в том, что ты продолжишь путь со мной в Турцию, а не останешься с ним в качестве наложницы.

— Не будь смешным, Элджин. Генерал О'Хара пожилой человек.

Мэри фыркнула, стараясь казаться возмущенной, но в действительности готова была признать, что отчаянно кокетничала со старым служакой, когда «Фаэтон» сделал остановку в

Гибралтаре. Генералу было за шестьдесят — больше, чем мистеру Нисбету, отцу Мэри, — но он прекрасно сохранился и обладал тем мужским обаянием, которое много лет назад составило ему репутацию отчаянного ловеласа и покорителя женских сердец. Возможно, потому, что он был старше ее на четыре десятка лет, Мэри и в голову не пришло, что такое поведение может задеть ее мужа. Как видно, она ошибалась.

— Что же касается нынешнего вечера, — продолжала Мэри, — я всего лишь увидела возможность добиться расположения тех влиятельных людей, к которым тебе придется обращаться за содействием во время нашего пребывания в Константинополе. Все, что я делала, я делала для тебя, уверяю. Кроме того, турки весьма любезны и в высшей степени уважительно относятся к женскому полу.

— Еще раз повторю: не будь наивной, Мэри. Если б они уважали женщин, то, думаю, не стали б держать их взаперти подальше от посторонних глаз.

Сигеум, неподалеку от древней Трои

В путь они отправились задолго до рассвета, и опять пришлось взгромоздиться на этих отвратительных ослов. На Сицилии Мэри дала себе зарок, что больше в жизни не сядет ни на мула, ни на осла, но все мольбы ее оказались напрасны. Впереди Мэри ожидали добрых два года путешествий, и совершать их придется верхом именно на этих животных из-за неровного рельефа и примитивного состояния дорог в месте службы ее мужа, а также его жажды исследований, приключений и обладания греческими древностями.

«Грамотеи», как прозвала Мэри сотрудников Элджина, отправились вместе с ними — у каждого под мышкой был зажат томик Гомера, — готовые узнать место сражения, описание которого было знакомо им с детства. Небольшой отряд сопровождали капитан Моррис, офицеры охраны, а также несколько переводчиков, владевших греческим. Собственное седло Мэри, затерявшееся в хаосе корабельного трюма, разыскать не удалось, поэтому ей пришлось провести весь день, сидя на жесткой и неудобной конструкции, лишенной не только мягкой подстилки, но и следов малейшего

удобства. Худшие дни ее беременности миновали, но та непрерывность, с которой осел опорожнял кишечник, представляла угрозу для ее хорошего самочувствия. Элджин предложил ей остаться на борту «Фаэтона», но Мэри была невыносима мысль о том, что ей придется провести весь день в душной каюте на корабле, пока ее муж будет следовать по стопам Ахилла.

Утро началось довольно благополучно. Перед отплытием капитан-паша прислал двадцать пять овец и шесть буйволов в качестве подарка, который сопровождало адресованное Элджину послание. Девятнадцать пушек на «Селиме III» грянули оглушительными залпами, когда корабль поднял якорь, и Элджин приказал дать ответный салют из девятнадцати орудий «Фаэтона». Мэри так напугали залпы канонады, что ей хотелось свернуться в клубочек и спрятаться подальше, но она оставалась на палубе рядом с мужем, гордо улыбаясь, как будто грохот артиллерии был самым приятным звуком при утреннем пробуждении.

К семи утра они уже скакали по равнинным долинам навстречу восходящему солнцу, которое упрямо светило прямо в глаза Мэри, несмотря на ее широкополую соломенную шляпу. Далеко

впереди виднелись знаменитые холмы Трои, вернее, то, что назвали «знаменитыми холмами» «грамотеи», и Мэри казалось, что добираться туда им придется целый день. Но все-таки нельзя было без волнения слышать, как преподобный Хант, указав на небо, воскликнул:

— Мы приближаемся к Трое, и нас встречает гомеровский «розовоперстый рассвет». Вообразите, что к вечеру мы уже будем совершать возлияния на том же месте, где когда-то их совершали Ахилл и Александр!

Несмотря на отвратительный нрав осла и начинавшуюся жару, Мэри ощутила благоговейный трепет.

В полдень они добрались до крохотной греческой деревни под названием Сигеум.

— Здесь греческому населению удалось сохранить свои обычаи и язык, как произошло и во многих других прибрежных районах Турции, — сообщил Элджин.

Умывшись и освежившись колодезной водой неподалеку от греческой церкви, Мэри и Мастерман стали выкладывать из корзины съестные припасы: холодное мясо, хлеб, вино, пока «грамотеи» пошли осматривать церковный участок. Горничная с недовольством отгоняла мух, нале-

тевших на запах, а Мэри нетерпеливо ожидала возвращения мужчин: она давно проголодалась, и желудок требовательно просил хоть ломтик съестного. Поколебавшись, она стащила с одного блюда кусочек говяжьего ростбифа.

— Это я не себе, — извиняющимся тоном пробормотала она горничной, — а малышу.

— Я тоже, — усмехнулась та, присоединяясь к госпоже. — Нянька будущего малыша тоже проголодалась. Было б просто стыдно умереть с голоду в Турции, даже не успев родить младенца.

Внезапно Мэри увидела, что к ним бегом направляется Элджин. Он был один, и лицо его казалось взволнованным и раскрасневшимся. Мэри на секунду испугалась, не случилось ли чего с остальными.

— Мэри, ты должна это видеть! Прикройте все, что вы тут разложили, и пойдем со мной! Такое зрелище нельзя пропустить.

Мэри открыла было рот, чтобы спросить, в чем же дело, но он нетерпеливо схватил ее за руку и повлек за собой в сторону церкви.

— А вы оставайтесь на месте, — бросил он горничной. — Мы сейчас вернемся.

Элджин повел Мэри мимо церкви, позади которой на старой мраморной скамье лежала какая-то

бедно одетая женщина лет сорока. Священник в высокой, с приплюснутой тульей черной шляпе и тяжелой черной сутане стоял над ней, читая что-то из книги, похожей на Библию. Глаза женщины были вытаращены как у помешанной и смотрели перед собой неподвижным взглядом. Но тело ее беспрестанно корчилось, она металась из стороны в сторону, комкая в пальцах и теребя грязное платье из синего муслина. Длинные черные волосы, неубранные, с обильными седыми прядями, разметались по скамье, подобно змеям горгоны Медузы. Нить слюны тянулась из уголка рта. Стоило священнику возвысить голос, как женщина откидывала голову назад и принималась завывать. Второй священник, худой до того, что напоминал паука, клал в такие моменты на ее лоб руку, видимо стараясь успокоить.

— Тут проходит обряд экзорцизма, — шепнул Элджин на ухо Мэри.

Вся группа англичан тесно сгрудилась в стороне, ошеломленная представшим их глазам зрелищем.

— Наверное, нам не следовало б смотреть на это, — сказала Мэри.

— Но подобные действия являются глупым предрассудком, — возразил Элджин. — Дьявола

вообще не существует, если ты об этом.

Мэри отвела глаза.

— Но мне кажется, мы вторгаемся во что-то глубоко личное.

— Чепуха. В православной церкви, как и в католической, исполнение обрядов проходит прилюдно. Но не это главное, я тебя позвал не для того, чтоб ты увидела процесс экзорцизма, я хотел показать тебе эти два мраморных сиденья. Они великолепны.

— На мой взгляд, они ужасны.

Глыба мрамора, на которой корчилась несчастная, похоже, когда-то представляла собой часть фронтона. Мэри различила на ней надпись, буквы которой от времени почти стерлись. С противоположной стороны входа в церковь громоздился на земле второй обломок мрамора. Этот казался частью какого-то рельефа, но изображенные на нем головы потеряли всякое сходство с кем-либо из исторических персонажей, по крайней мере на взгляд Мэри.

— Преподобный Хант уверяет меня в их величайшей исторической ценности, — прошептал Элджин, уводя жену, к ее огромному облегчению, прочь от тягостной сцены. — А проводники наши рассказали, что не один из путешественни-

ков, оказавшихся в этих местах, делал попытки приобрести эти мраморы, но местные священнослужители не позволили.

— Значит, так тому и быть.

Мэри чувствовала, что от голода у нее начинается головокружение. Ей хотелось поскорей забыть ужасную сцену и наконец-то поесть досыта. Но она продолжала обращаться к мужу нежным голоском:

— Эджи, мне пора кушать. Наш малыш проголодался.

— Но те приезжие не имели разрешения от капитан-паши, не так ли?

— Понятия не имею, дорогой. И вообще, зачем нам эти обрубки? Что мы будем с ними делать?

Мэри была противна сама мысль приобрести реквизит этой отвратительной сцены. Вполне возможно, что он использовался и при исполнении других суеверных обрядов. Разве может прийти счастье в дом, если туда натащить утварь, служившую для таких богохульств? Конечно, нужно признать, что некоторая классическая красота еще не покинула эти предметы. Поверхность мраморных глыб стерта почти до белизны алебастра, а уцелевшие на одной из них фрагменты суровых, резких лиц кажутся упрямыми

хранителями, отказывающимися оставить свой пост.

— Это драгоценные реликты знаменитого прошлого. Греки не ценят их и не хранят так, как следовало б это делать цивилизованным людям. Вместо этого какая-то одолеваемая болезнями крестьянка валяется на античных подлинниках, стирая то последнее, что еще можно было б на них разобрать. Преподобный Хант говорит, что надписи сделаны в редком для античного времени стиле, для которого характерно чередование строк, написанных справа налево, со строками, написанными в обратном порядке. А взгляни на другую скамью — как сильно она пострадала от небрежности и самого худшего обращения. Эти фрагменты прошлого просто взывают к защите, — горячо продолжал Элджин. — И они заслуживают другого отношения.

— Ты бесконечно прав, — кивнула Мэри.

Неужели же он не видит, как она измучена и голодна? Муж улыбнулся.

— Пойдем. Малыша следует покормить. Возможно, подкрепившись, он расскажет маме, как хорошо будет, если его папа спасет эти драгоценные обломки.

Внезапно все стихло. Священник замолк, пере-

став читать, больная тоже успокоилась, глаза ее были зажмурены. Крестьянин и две маленькие девочки, видимо семья несчастной, торопливо подбежали к священнику, упали на колени и поцеловали его руку. Тот с полной безучастностью отнесся к их благодарности, более озабоченный присутствием Мэри и Элджина. Поймав взгляд англичанки, он отнял руку от губ крестьянина и, взяв висевший у него на груди большой серебряный крест довольно странных, на взгляд Мэри, очертаний, поднял его. Затем, не отрывая взгляда от нее, выполнил крестом несколько движений, то ли благословляя этим жестом, то ли предостерегая от чего-то.

Во время последовавшего за этой небольшой экскурсией завтрака Элджин с горящими глазами, взволнованно и горячо делился со спутниками своими планами о том, как лучше увезти мраморные глыбы. Он заставил капитана Морриса буквально поклясться, что тот обязательно погрузит их на борт «Фаэтона» даже в том случае, если ради этого придется расстаться с овцами и буйволами, подаренными пашой. Проводники продолжали утверждать, что многие из путешественников пытались забрать с собой эти мраморные скамьи, но недостаток перевозочных

средств помешал увезти античные обломки в Европу. Не последнюю роль в этом сыграли и протесты местных жителей.

— Мы тоже непременно столкнемся с сопротивлением, милорд, — заметил капитан Моррис.

— Но наши предшественники не располагали разрешением со стороны военного командования, — ответил Элджин.

«Также они не имели и некоторых других преимуществ. Например, их жены не покоряли сердце капитан-паши», — подумала Мэри, наблюдая, как ее муж, подобно какому-нибудь сумасшедшему генералу, развивает план захвата мраморных скамей.

Она понимала, какую роль сыграла в получении Элджином разрешения на вывоз привлекших его внимание древностей. Паша не только заботился об установлении добрых отношений с послом, но и, как кавалер, стремился сделать приятное Мэри.

— Вам следует подчеркнуть, что я имею разрешение на вывоз любых предметов, — инструктировал Элджин майора Флетчера, вручая ему кошелек с деньгами для найма в деревне людей и телег.

— Не хочешь ли немного вздремнуть, дорогая,

прежде чем мы отправимся на поиски Трои? — обратился он к Мэри, уже отдыхавшей в тени дерева — Жара продлится еще не более четырех-пяти часов.

— Нет-нет. Я чувствую себя вполне отдохнувшей, — с притворной живостью отозвалась она.

Конечно, после сытного завтрака ее клонило в сон, но тряская езда на осле непременно его разгонит.

Участники поездки принялись собираться в путь. Одному из офицеров было получено сопровождать мраморы на корабль, в то время как другие офицеры и проводники присоединятся к «грамотеям», покончив с операцией увоза античных реликтов из деревни.

Солнце поднялось высоко над головами, и удушливый зной полудня обрушился на путников. Мэри раскрыла над головой тонкий красный парасоль и обнаружила, что для управления ее своенравным ослом достаточно и одной руки. Конечно, она скоро устала, но зато получила некоторое облегчение от жары. Не отъехали они и четверти мили от деревни, как услышали позади чьи-то крики и топот погони. Обернувшись, они увидели бегущего к ним священника, за которым спешили посланные Элджином офицеры, а уж за

теми трусили проводники. Едва отдышавшись, священник разразился потоком гневных слов, обращенных к Элджину, с полнейшей безучастностью взиравшему на него не как на живого человека, а как на какой-то театральный персонаж. Правая рука грека была воздета к небесам, будто он призывал в свидетели самого Бога. Громкие крики вылетали из его рта вместе со слюной, заставляя Элджина то и дело отворачиваться. В конце концов англичанин отвернулся и стал пристально разглядывать землю у себя под ногами.

— О чем он так хлопочет? — наконец спросил он, ни к кому в отдельности не обращаясь.

— Он говорит, что если вы отнимете у них эти мраморные скамьи, вы принесете их деревне гибель и разрушения, — наскоро перевел один из проводников.

— Что за чепуха, — презрительно бросил посол.

— Нет, не чепуха. Эти предметы еще в незапамятные времена, тысячи лет назад, были принесены сюда героями, желавшими таким образом почтить богов. И когда в прошлый раз один из англичан унес из этой церкви обломок мрамора с какими-то словами, вырезанными на нем, в деревне началась эпидемия чумы.

— Поинтересуйтесь у вашего священника, кому из богов он служит в церкви — Аполлону или Афине? — с насмешкой попросил проводника Элджин.

Тот и вправду обратился к священнику, который не замедлил с ответом, и проводник принялся переводить его слова.

— Нет, я служу христианскому Богу, но считать, что языческие божества не существуют и не могут защитить человека, было б ошибкой. Господь правит миром, но старые боги обижаются и гневаются, когда о них забывают. Они до сих пор обладают силой. Например, могут повлиять на урожай. И если вы заберете древние талисманы этой деревни, то оливы на деревьях завянут, а местные целители потеряют власть справляться с болезнями.

— Передайте этому псевдослужителю Бога, что его мировоззрение нелепо и опасно. А так как он все-таки имеет сан священника, то должен вести себя соответственно. Перед нами оказались весьма ценные произведения искусства, которым положено находиться под охраной тех, кто сумеет их сохранить. Если же этот человек намерен помешать нам, ему придется иметь дело непосредственно с капитан-пашой.

«Что деревенский священнослужитель может противопоставить власти второго или третьего человека во всей империи?» — подумала Мэри.

Когда проводник закончил переводить слова Элджина, тот дал знак, что беседа закончена, тронул осла пятками и продолжал путь. Остальные члены экспедиции потянулись за ним.

Несколько минут они продвигались вперед в молчании, лишь позади слышались вопли священника. Вокруг простиралась однообразная голая равнина, только далеко впереди виднелись холмы Трои, да кое-где по сторонам дороги паслись верблюды, пощипывая траву.

— Правильно ли мы поступили, Элджин? — спросила Мэри.

— Ты о чем?

— Об этих талисманах. О том, что мы их увезли. Вдруг сельчане, когда узнают, что произошло, обрушат свой гнев на священника за то, что не сумел защитить их.

— Пусть они лучше обрушат свой гнев на поработивших их турок. К священнослужителям тут относятся почтительно. Никто ему ничего не сделает. К тому же для них пришло время расстаться со своими предрассудками. Эти невежественные люди просто не заслуживают того, чтоб владеть

такими ценными произведениями искусства, как те, которые мы только что приобрели.

Мэри понимала, что в чем-то Элджин прав. Если эти камни так и будут валяться на земле около церкви, то через сотню лет и надписи, и резьба окажутся окончательно стертыми и станут недоступны расшифровке. Вероятно и иное. Их захватит какой-нибудь другой поклонник старины или Наполеон, который постоянно грозит вторгнуться на эти берега, лишив Англию славы и, возможно, не обеспечив им той заботы, какую могут предоставить ценным находкам англичане.

Все это приходило ей на ум, пока вдалеке постепенно таяли крики священника в жарком влажном воздухе. Вскоре и он, и деревня остались далеко позади.

Константинополь, ноябрь 1799 года

Покачиваясь в золоченом паланкине, который четверо турок несли по грязным и немощеным улицам города, Мэри лениво размышляла над тем, что ей придется по возвращении в Шотландию снова, подобно простым смертным, передвигаться пешком. Сейчас она чувствовала себя каким-то языческим божеством, которого проносят по улицам над головами пешеходов. Любому из них приходится пробираться по грязи, среди кучек фекалий и мусора, громоздящихся едва ли не на каждом шагу, прежде чем добраться до места назначения.

Она понимала, что практичная шотландочка не должна позволять себе привыкать к тому, что ее, как королеву, носят на блестящем троне, покрытом мягкими подушками приятных для глаза оттенков корицы, паприки и гвоздики. Но ее турецкие друзья даже помыслить не могли о том, что супруга нового посла может передвигаться каким-нибудь иным способом.

Мэри не была наряжена в платье, подобающее знатной иностранной даме, или задрапирована в одеяния, приличествующие языческим богам.

На ней был обычный мужской костюм для верховой езды, на голове бобровая шапка, на плечи накинуто толстое шерстяное пальто с огромными эполетами. Все это надежно скрывало как ее пол, так и беременность. Позади в гораздо менее нарядном паланкине несли ее горничную Мастерман, которая тоже была одета в мужской костюм, придуманный для нее Мэри. Глаза на бледном строгом лице служанки смотрели вперед, она изо всех сил старалась держаться прямо, в то время как паланкин на плечах турок раскачивался из стороны в сторону.

— Разве это не волнующее приключение? — спросила Мэри, пытаясь разжечь хоть искру энтузиазма в своей горничной. — Мы будем присутствовать при официальном вручении посольских грамот великому визирю, а он самый могущественный человек в Османской империи после султана.

Если капитан-паша был главным из военачальников султана, то великий визирь являлся первым человеком на политической сцене. Он председательствовал на заседаниях дивана, как назывался в Турции совет министров, и о прошедших политических дебатах докладывал султану.

— Взаимоотношения, которые сложатся у меня

с султаном, сильно зависят от отношения ко мне великого визиря, — объяснил Элджин жене.

Мастерман оставила эти слова без ответа, лишь запахнула поплотнее пальто от промозглой утренней сырости и продолжала смотреть вперед, на медленно всходившее солнце.

— Сотни самых важных лиц в империи будут сегодня слушать речь лорда Элджина, — продолжала Мэри. — И мы с тобой будем единственными женщинами на этом торжестве.

— Очень греховная выдумка, вот как бы я это назвала, если б меня спросили. Но вы, разумеется, этого делать не станете, — пробормотала служанка.

Мастерман редко одобряла поведение хозяйки, но Мэри так же редко принимала ее неодобрение в расчет.

Женщинам категорически запрещалось посещать придворные мероприятия, и Мэри разработала схему, которая могла помочь ей обойти этот запрет. Решив надеть мужское платье и присутствовать на церемонии под вымышленным именем лорда Брюса, она заставила горничную сопровождать себя. Мэри знала, что придется подняться задолго до рассвета и отправиться в изматывающую силы поездку в тяжелых жарких

одеждах, а потом выдержать многочасовой ритуал, принятый при османском дворе. Поэтому она не была уверена, что сумеет выдержать испытание без помощи прислуги.

Мэри не сомневалась, что задумала приключение, единственное в своем роде, и с поддержкой Мастерман вполне успешно его завершит. Но однажды во время дипломатического приема она разговорилась с одной из женщин, и та ей рассказала, что когда-то предприняла подобную попытку и результаты оказались ужасающими. В середине церемонии ее присутствие обнаружилось, и появившиеся янычары удалили ее из помещения.

«Они были настолько грубы, — вспоминала эта дама, — что я даже опасалась за свою жизнь».

— Я нахожу турок донельзя любезными и галантными, — возразила ей Мэри. — Клянусь честью, я даже написала своей матери в Англию, что не знала, что такое настоящая галантность, пока не побывала в Турции.

— Вы правы, — согласилась ее собеседница. — Это действительно так, если не переходить границ, установленных ими для женщин.

Но Мэри этот рассказ не переубедил. Однажды она уже переступила установленные здесь для ее

пола границы, и эта смелость вызвала у капитан-паши не столько упреки, сколько восхищение.

— Мастерман, почему я не вижу в вас энтузиазма? Ведь вы в полном смысле слова творите историю, — принялась она выговаривать горничной.

— В подобных ситуациях меня начинает мутить. Вам, мисс Мэри Нисбет, следовало б поступить на сцену, если б, конечно, ваш отец не был джентльменом. Но я-то простая служанка и не обладаю отвагой, подходящей для переодеваний.

— И вовсе не о чем беспокоиться. Мне дал разрешение на это сам капитан-паша. Я попросила его позволения присутствовать при торжественной речи моего мужа, чтоб самой узнать, как происходят церемонии при турецком дворе. И он передал через своего посланца, что разрешает мне посетить это мероприятие, и уверил, что все должно пройти для меня вполне гладко.

«Для вас», — подчеркнул он, и Мэри оценила степень оказанной ей любезности.

Элджин только удивлялся ее отваге. Сам он чрезвычайно тревожился об успехе своей речи и о том впечатлении, которое произведет на великого визиря. Конечно, ему хотелось, чтобы при этом событии присутствовала его жена, с ко-

торой впоследствии можно было б его обсудить, поэтому он не стал возражать против особой предупредительности, проявленной к его жене капитан-пашой. А тот дал понять Мэри, что каждый, кто хоть намеком выразит насмешку над ней, будет иметь дело непосредственно с ним.

— Паша прислал за нами портшез своей сестры, который, как он уверил меня, является самым комфортабельным во всем Константинополе, — добавила Мэри.

Его беспокоило, как она в ее положении перенесет переезд по запруженным улицам этого огромного города.

В этом экипаже имелось четыре окошка, через которые она могла видеть устремленные в небеса минареты и купола, дома, так тесно сгрудившиеся, будто они искали опоры один в другом, и окрашенные в самые разные цвета — красный, зеленый, синий. Явное преобладание ярких цветов навело Мэри на мысль, что вся Англия с Шотландией в придачу окрашена лишь в два цвета — серый цвет городов и зеленый цвет полей.

Рассвет едва наступил, а торговцы в больших белых тюрбанах уже зазывали покупателей, и нищие преследовали прохожих, выпрашивая монетку.

Прибыв во дворец великого визиря, обе женщины были проведены в небольшую комнату, где им подали кофе, а Мэри была предоставлена возможность побеседовать с официальным драгоманом Порты, придворным переводчиком, который, несмотря на знакомство с госпожой Элджин, обращался к ней как к лорду Брюсу. Затем их проводили в другое помещение, значительно большее, оно предназначалось для аудиенций. Здесь находились едва ли не две сотни мужчин, разодетых в причудливые, но живописные национальные одеяния. На турках были халаты ослепительно ярких шелков, из-под которых выглядывали просторные шаровары, заправленные в высокие сапожки из яркой замши. На головах красовались высокие головные уборы самой разнообразной формы: конические, с плоскими тульями или плюмажами, а на некоторых мужчинах были тюрбаны, украшенные в самой середине небольшим перышком, торчавшим прямо надо лбом. Мэри не могла разглядеть в этой толпе других иноземных послов, кроме тех, что стояли рядом с ней. Это были посланцы из России, одетые в черные, отделанные мехами кафтаны и темные рубахи с высокими стоячими воротниками. Но насколько ей было известно,

здесь присутствовали послы из Швеции, Венеции и других стран, которых она прежде уже встречала или принимала у себя.

После начала церемонии Элджину и великому визирю был подан в крошечных чашках кофе, за которым они обменялись приветствиями. Когда напиток был выпит, слуги убрали кофейные принадлежности и внесли поднос, уставленный флаконами духов, из которых затем обрызгали обоих.

— Не могу себе представить, чтоб мистер Питт стал обливать духами какого-нибудь иностранного господина, — прошептала недовольно Мастерман.

— Мы же находимся в чужой стране и должны уважать их обычаи, настолько же отличающиеся от наших, насколько отличаются от нас и сами турки, — прошептала Мэри в ответ.

— Вот уж действительно! Ни в чем не похожи на нас.

— Ш-ш.

В этот момент Элджин встал, готовясь произнести речь. Сердце Мэри громко забилось, и ей вовсе не хотелось, чтобы ее отвлекал хоть малейший шум. За дни подготовки она столько раз выслушала эту речь, что едва удерживалась от

повторения ее вслед за мужем. Кроме нее самой лишь один-два человека могли разобрать смысл сказанного английском послом, но ее тревога унялась не раньше, чем он произнес последнее слово.

Наконец великий визирь принял у Элджина официальные грамоты, после чего в зал вошли два прислужника с тяжелыми шубами из роскошных рыже-черных соболей в руках. Одна из шуб была накинута на плечи Элджина, и он жестом приказал своей жене встать.

Мэри выступила вперед, и прислужник направился к ней.

— Господин Брюс, — представил ее этот прислужник визирю, после чего набросил мех ей на плечи.

Мэри чуть не упала от тяжести, но такого роскошного меха ей даже видеть никогда не приводилось, не то что надевать. Выпрямившись, она почувствовала, как щекочут длинные волоски ее лицо и шею, и чуть не рассмеялась.

— Господин Брюс должен представиться великому визирю, — прошептал ей на ухо драгоман.

— Ух ты, черт, — невольно вырвалось у Мэри.

К этой минуте она не спала уже много часов подряд и с утра не имела ни маковой росинки

во рту. Она попросту боялась, что, обуреваемая голодом и усталостью, упадет к ногам великого человека, пытаясь сделать поклон.

— Поддержи меня, — шепнула она горничной, вставая.

На мгновение в глазах потемнело, но она, схватив руку Мастерман, сумела побороть слабость.

Когда в глазах прояснилось, Мэри улыбнулась и, пытаясь изобразить важность человека, находящегося на службе, сделала шаг в направлении визиря. Важный чиновник был одет в изумрудно-зеленый халат, а его пронзительные черные глаза буквально сверлили Мэри, вынуждая ее не отводить взгляд. Не догадался ли он о том, что мужской наряд всего лишь маскарадный костюм и она является женщиной? Не выдает ли ее походка? Постаравшись расправить плечи, подняв повыше голову, Мэри сосредоточенно переставляла ноги одну за другой, пока не оказалась на положенном расстоянии от великого визиря. Сейчас уже можно опустить голову, избегая его пронзительного взгляда.

— У вас имеются и дочери? — вдруг услышала Мэри, как драгоман переводит обращенный к Элджину вопрос.

Она подняла глаза как раз вовремя, чтобы за-

метить удивленный взгляд мужа, направленный на визиря. Когда же он догадался, что Мэри была ошибочно принята за его сына, то послал ей улыбку, от которой она чуть было не растеряла всю свою сосредоточенность.

Внезапно послышался громкий крик, который показался Мэри боевым, почти гневным призывом. Она чуть не упала от страха, подумав, что их с горничной маскарад обнаружен и в городе начинаются мятежи. Драгоман, должно быть, увидел замешательство на ее лице, потому что быстро подошел и прошептал на ухо:

— Это правоверные молятся за своего султана.

Призыв к небесам показался ей скорее похожим на неистовый вопль к мщению, и она успокоилась только тогда, когда он наконец стих и спокойствие в помещении восстановилось.

Хоть больше никаких важных событий не произошло, обратный путь был долог, и ее нервы никак не могли оправиться от пережитого. В посольстве она оказалась уже после пяти часов вечера, сломленная помпезностью церемонии и тяжестью мужского платья. Ей прежде не доводилось испытывать такого утомления. Конечно, оно было обусловлено беременностью и представляло тот род усталости, который не снять чашкой

хорошего чая и приятными мыслями. Скорее ее изнеможение могли унять более сильные переживания, которые требовали выхода.

— Мне бы хотелось чуточку вздремнуть, — пожаловалась она горничной.

— Это в четверг-то, мадам? — переспросила та.

Четверг был приемным днем, который они с Элджином назначили для светских мероприятий, приглашая к себе знатных гостей и визитеров столицы.

— Вы не забыли, что на сегодня намечен торжественный ужин, после чего последует бал? Список гостей насчитывает чуть ли не сотню человек.

— Но я так устала, — запротестовала Мэри.

— Может, и устали, но у вас осталось меньше четверти часа, чтобы принять вид, достойный леди, господин Брюс, — усмехнулась служанка.

Ровно в шесть часов, как и было запланировано, Мэри принимала первых гостей. Когда прием был в самом разгаре, Элджин увлек в свой кабинет тех, с кем он хотел побеседовать более приватно, предоставив жене занимать остальных. Почувствовав, что беседа иссякает, она направилась к фортепиано и стала играть для гостей. Наконец уже в полном отчаянии принялась учить их танцевать рил, шотландский хороводный народный

танец, и велела слугам не менять догоравших свечей, чтобы никто из гостей не стал уж очень задерживаться. Но было лишь немногим раньше полуночи, когда последние гости наконец-то вняли намекам — огарки свечей почти не освещали комнат — и начали прощаться.

— Боже милостивый, до чего же я устала от них, — пожаловалась Мэри горничной, когда та пришла помочь ей раздеться.

— Едва успеет пройти неделя, как такой вечер опять повторится. А потом еще неделя, а потом еще. Так и два года промелькнут, — сухо отвечала та. — Поэтому уж придется вам терпеть их компанию.

— По моим расчетам, мне придется вытерпеть еще сто четыре таких четверга, посвященных приемам гостей, — позже, уже укладываясь спать, сообщила она Элджину. — И эта математика лишает меня последних сил.

— Пусть так, но ты оказалась прекрасной хозяйкой, Мэри. Сегодня все в один голос признали это, — ответил муж.

— Благодарю тебя, дорогой. Хотелось бы, чтоб, пока мы здесь, все было в высшей степени благополучно.

Она не стала признаваться, какой смертельной

усталостью достаются ей эти победы.

Начав молиться Богу о крепком сне и добрых сновидениях, Мэри, не произнеся и половины молитв, вдруг почувствовала, что засыпает. Последним, что она запомнила перед тем, как погрузиться в глубокий сон, был Элджин, крепко прижимающий к себе ее теплое тело и развязывающий аккуратный бантик на ночной рубашке жены. О том, что последовало за тем, можно только догадываться.

На следующее утро Мэри проснулась, накинула пеньюар и подошла к балконной двери приветствовать огромный желтый диск солнца, щедро заливавшего своим светом Константинополь почти каждый день. Помещения английского посольства располагались в бывшем здании французского посольского дворца на главной улице Константинополя, там же обосновались и почти все представительства других стран. Мэри глядела на блестящие синие воды Босфора, пролива, разделившего город на две части, на залив Золотой Рог, на Мраморное море. Это прекрасное зрелище открывалось из окон ее любимой комнаты. Она полюбила эти утренние часы и те минуты, что ей удавалось урвать для себя. Устроившись за чаем, молодая женщина не

отрываясь смотрела на раскинувшийся за окном город, на высокие башни султанского дворца.

Но вот чай допит, и она направляется во внутренние покои, размышляя о тех делах, что наметила на сегодня. Мэри не сомневалась, что назначила несколько встреч, и решила, что не помешает надеть тот хорошенький чепчик, который она купила в Лондоне перед отъездом. Такие сейчас как раз входят в моду. Куда же он запропастился? Может, она не станет беспокоить Мастерман и попробует отыскать его сама? Мэри прошла в гардеробную, смежную с ее спальней, и распахнула высокие дверцы шкафа. И тут же ее обоняния коснулся незнакомый запах, так же незнакома была и одежда, висевшая на плечиках.

— Ох, что это я? — воскликнула она.

Не в первый уже раз она нечаянно посягает на брошенное прежним владельцем, французским послом, имущество. Он еще так недавно обитал здесь, жил в этих же комнатах, а теперь брошен в Йедикюль, страшную семибашенную крепость-темницу.

— Надо велеть слугам упаковать все принадлежности наших предшественников и вынести прочь, — обратилась она к вошедшему мужу. —

Мне так неприятна мысль о том, что французские дипломаты томятся в турецкой тюрьме.

— Не думай об этом, Мэри. Обещаю, что непременно обращусь к великому визирю и попрошу, чтоб обращение с ними было самым гуманным. Ибо, разумеется, они порядочные люди и всего лишь пали жертвой политики Наполеона, который даже не знает, что надо поддерживать честь своей страны.

Конечно, ее Элджин не свободен от недостатков, но Мэри видела его идеализм, стремление всегда поступать справедливо и любила в нем эти качества.

— Но подумай только, стоило б измениться политическому климату, и эти французы обитали бы в своем дворце, а мы с тобой могли томиться в узилище.

— Чепуха, Мэри. К счастью для нас, в Англии нет такого Буонапарте, который может повести страну дорогой страданий. Во всяком случае, ты поступила совершенно правильно, заведя в этом дворце наши порядки. И теперь никто не назовет французов единственными законодателями вкуса, увидев чудеса моей Полл.

— Я таким образом старалась избавить наше жилье от призраков предыдущих обитателей.

Мэри уже потратила почти две тысячи фунтов своих денег на обстановку как в тех покоях, что они делили с Элджином, так и в тех, где размещались сотрудники посольства. Она знала, какое значение имеет удобство жилья для ее мужа — как и для любого человека, — и хотела дать и ему, и его подчиненным возможность хорошо и плодотворно трудиться. При этом от души надеялась, что ее родители, увидев сумму, проставленную в счетах, разделят стремления дочери. Если же они отвергнут необходимость оплачивать питание шестидесяти ртов по три раза в день, как и необходимость тратить средства на развлечения многочисленных готтентотов-гостей, то окажутся единомышленниками правительства его величества, отказывающегося оплачивать настоящую стоимость расходов на содержание посольств за границей.

Элджин ушел из дому по делам, и Мэри отправилась завтракать, ожидая спокойного и тихого утра. Но вместо тишины ее встретил многоголосый хор всех шестидесяти сотрудников.

— Мои коллеги поручили мне передать вам их просьбу, — начал преподобный Хант, когда она ввела его в свой кабинет. — Нам грозит домашний бунт, леди Элджин. Люди недовольны

условиями проживания, некоторые из них недовольны оплатой, а другие часами, в которые им назначено принимать пищу.

Голос Ханта был полон такой почтительности, что Мэри, хоть и была раздосадована жалобами сотрудников, следующий день посвятила разбору возникших трудностей. Она осмотрела комнаты недовольных, переменила часы приема пищи, составив график, устроивший всех без исключения. Затем собрала сотрудников и обратилась к ним:

— Позвольте мне напомнить, что те из вас, кому поручена доставка во дворец султана каких-либо посланий, получают в знак благодарности суммы, иной раз эквивалентные вашему двухгодичному жалованью. Подобное великодушие турок может облагодетельствовать каждого из вас, но только в том случае, если вы будете выполнять свои служебные обязанности подобающим образом.

Вследствие прижимистости английского правительства Мэри взяла на себя некоторые расходы по содержанию посольства. Жалованье сотрудников она теперь считала вполне достаточным, ибо видела, с какой щедростью турки готовы оплачивать их услуги, даже если те входят в круг предусмотренных обязанностей.

— Не далее как вчера, — продолжала она, — те

из вас, кто доставил султану люстру, посланную ему в качестве подарка лордом Элджином и английским правительством, получили вознаграждение за труды в сумме, в пять раз превышающей доход, который вы получали бы, оставаясь дома!

Те, к кому она обращалась, опустили глаза и с виноватым видом уставились в пол.

Попробовали бы эти плаксы трудиться, нося во чреве дитя, как это приходится делать ей! Она очень хотела сказать им об этом, но посчитала неудобным.

Неделя продолжалась в том же ключе — светские обязанности, увеселения, меблировка посольского дома и разбор бесконечных жалоб.

— Я устала, как мул, нагруженный огромной поклажей, — заметила она мистеру Морьеру, одному из секретарей Элджина — Воскресенье — день, посвященный Господу нашему, и я не стану заниматься ровно ничем. Только посещу утром церковную службу и потом буду весь день отдыхать.

— Ох, леди Элджин, — вздохнул он — Вы не забыли о том, что в течение ближайшего часа за вами прибудет паланкин и вы должны отправиться на прием в русское посольство?

Едва найдя в себе силы, она переоделась, собрав

всю энергию, которая теплилась в ее измученном теле. Усевшись на мягких подушках, Мэри усмехнулась, подумав, что единственное время, когда она отдается подобию отдыха, это как раз минуты, проведенные в этом золоченом паланкине. Но настоящим отдыхом это назвать нельзя было. Парадный отряд из восьми янычар, четырех лакеев и драгомана служил ей эскортом в этот вечер. Окна всех домов вдоль улицы распахнулись, чтоб не пропустить такой прекрасной картины, как движущаяся к ближайшему дворцу нарядная процессия.

За обедом гости объявили, что слыхали, будто Мэри обучала шотландским танцам своих гостей, и попросили повторить урок. Просьбу эту она отклонила, сославшись на то, что нынче воскресный день, в который не подобает танцевать. Только оттого, что они находятся в стране язычников, не следует отбрасывать христианские идеалы. Так же ей пришлось ответить на приглашение жены русского посланника составить партию в вист, любимую карточную игру Мэри, в которой мадам Тамара считала себя непревзойденным мастером.

Мэри как раз искала предлог оставить общество пораньше, как вдруг в комнату стремительными

шагами вошел Элджин и отвел жену в сторону. В руках он держал какое-то письмо.

— Тебя приглашают.

— Меня? Но кто? — поразилась она.

Элджин протянул ей письмо, которое оказалось официальным посланием, скрепленным золотой печатью.

— Верховный правитель Османской империи, — прозвучал ответ мужа. — Повелитель Золотого Рога и всех прилегающих к нему земель от Адриатики до Персидской империи.

— Султан?

Мэри почувствовала, как тошнота подступила к горлу, когда она выговорила это слово, и оперлась ладонью о стоявший позади столик.

— Завтра перед восходом солнца тебе придется одеться и быть готовой отправиться в Топкапи-сарай. Так что, я думаю, сейчас нам следует извиниться перед хозяевами и отбыть домой.

Похоже, у Элджина самого голова пошла кругом от такого поворота событий.

— Это ведь беспрецедентный случай, Мэри. Ты ломаешь все принятые здесь правила и обычаи.

— Но зачем султану приглашать меня во дворец? — продолжала она недоумевать.

— Думаю, что великий визирь и капитан-паша

намекнули ему, что на такую женщину стоит взглянуть.

— Обязательно завтра? — жалобно произнесла она. — Но я до смерти устала.

— Ты первая из европейских женщин, которую пригласили посетить дворец султана, — с гордостью сказал Элджин. — Жены других послов или путешественницы довольствовались тем, что созерцали дворец с наружной стороны ворот, не покидая городских улиц. Думаю, что до султана дошли рассказы о лорде Брюсе и госпоже Элджин, и он решил сам взглянуть на предмет сплетен.

— Но почему?

— Мне нелегко ответить на твой вопрос, Мэри. Когда тот, кому покорны Северная Африка, Малая Азия и Балканы, тот, кто хозяйничает на огромном пространстве от Каира до Триполи и от Багдада до Константинополя, приглашает тебя к себе, все, что остается, — явиться в строго назначенный час.

Топкапи-Сарай, 26 ноября 1799 года

Задолго до рассвета, когда влажный воздух еще хранил прохладу ночи, Мэри уже снова сидела в плывущем высоко над головами людей паланкине. Освещая факелами путь к воде, ее сопровождали янычары с мушкетами и мечами в руках, их мундиры ярко-синего цвета, напомнившие ей оперение чирка, являлись резким контрастом мрачному небосводу. Она уже знала, что войско янычар представляет собой лейб-гвардию султана, ударную силу, которую может бросить в бой только его личный приказ. Прошедшие выучку суровой жизни почти монашеских правил, давшие обет безбрачия, во времена мира янычары служили полицией и телохранителями. Мэри была польщена, что, согласно протоколу, ее сопровождает в важных случаях отряд из восьми янычар. Но сама она была уверена, что вполне хватило бы и одного-двух.

— Я бы хотела поговорить с этими людьми, — сказала она драгоману, — но они отводят глаза, стоит мне взглянуть в их сторону.

— Свобода в обращении с женщинами им запрещена, — объяснил тот ей.

— Даже разговор со мной?

— При встрече с любой женщиной, если только ее лицо не закрыто надлежащим образом, им положено опускать глаза, — был ответ. — Даже если по долгу службы им приходится встречать ее постоянно, запрет не снимается.

— В таком случае мне придется унять свое любопытство.

Мэри с интересом разглядывала белые шарфы, которыми были обвиты головы янычар. Эти шарфы развевались на их спинах, подобно фате невесты тюдоровских времен.

Прибыв к берегу и увидев, в какой маленькой лодчонке ей предстоит переправляться через залив, Мэри не на шутку испугалась. Драгоман помог ей устроиться в ялике и попросил сидеть спокойно, сохраняя полную неподвижность.

— Как раз на прошлой неделе один европеец был так взволнован великолепием дворца нашего султана, что вскочил на ноги. Лодка опрокинулась прямо на середине реки.

— Ему удалось спастись? — спросила Мэри.

— Да, госпожа. Но после этого случая ревматизм сильно сковал его члены, и он едва может двигаться. Но мы молимся о его выздоровлении. Да будет на то воля Аллаха.

Мэри вздрогнула: она уже чувствовала, что ревматизм сковывает и ее члены. На самом деле причиной, несомненно, было путешествие в половине четвертого утра, предпринятое к тому же несмотря на сильную головную боль и небольшую простуду. Она очень нервничала. Может, султан намерен выбранить ее за вторжение в исключительно мужскую церемонию во дворце великого визиря? Но маловероятно, чтобы повелитель стольких земель взял на себя заботу лично наказать ее за небольшую неосторожность. С другой стороны, то, что в ином месте восприняли бы как смелую выходку или пустяковую опрометчивость, в этой загадочной стране с ее туманными обычаями и неписаными правилами вполне может оказаться оскорблением или даже прямым беззаконием, достойным самого сурового наказания.

Не шелохнувшись, она бросила косой взгляд на стремительные темные воды. Маленькие яркие блики от лампы, установленной на носу ялика, играли на угольно-черной поверхности реки. Мэри боялась даже повернуть голову, чтобы ненароком не опрокинуть лодку. Если она упадет в воду, что станет с ее неродившимся ребенком, даже если ей удастся спастись? И она сидела

не шевелясь, подставив лицо холодному ветру, лишь спрятав в меховой воротник кончик носа, чтобы он не покраснел.

Они прибыли к царской гавани как раз в ту минуту, когда стало светлеть. Солнце еще не взошло над горизонтом, но медленно наливавшееся красным небо предсказывало скорый рассвет, и дюжины людей стали выстраиваться в очередь для приема во дворце. Мэри посоветовали не отдаляться от доставивших ее янычар в момент открытия ворот, чтобы избежать опасных столкновений, когда толпа бросится осаждать их приступом.

— Сегодня какой-нибудь особый день? Или праздник? — поинтересовалась она у драгомана.

Возможно, она будет одной из многих, кому назначено быть принятым во дворце.

— Люди преодолевают многие тысячи миль и прибывают из далеких стран, чтоб подать петицию великому визирю, который, если сочтет достойным, передаст ее султану. И каждое утро, когда ворота открывают, начинается борьба за то, чтоб оказаться впереди остальных. Иногда эти схватки оборачиваются настоящими боями.

Мэри взглянула на высокие ворота. Надпись, сделанная на турецком языке с его красивыми

плавными линиями и изящными штрихами, казалось, танцует на стене.

— Добро пожаловать в Топкапи-сарай, построенный Мехметом Завоевателем после взятия им города в одна тысяча четыреста пятьдесят третьем году, — торжественно произнес драгоман.

— Так гласит надпись над воротами?

— Великий Мехмет объявляет, что дворец был построен с позволения Аллаха и является надежным и неприступным. Он просит Аллаха сделать вечным его правление и объявляет себя героем, покорителем вод и земель, тенью Бога в обоих мирах и слугой Аллаха от горизонта до горизонта. Также он просит Аллаха дать ему место на небе подле Полярной звезды.

— Очень скромно с его стороны, — пробормотала Мэри и немедленно пожалела о насмешке, закравшейся в ее слова.

Она находила много замечательных качеств у уроженцев этой страны, но чувства юмора среди них не было. Возможно, они имеют собственное суждение на этот счет.

В этот момент ворота отворились, и Мэри увлекла хлынувшая в них толпа. Стараясь не отставать от своих сопровождающих, когда челобитчики штурмовали проход, она успела

все-таки заметить блеск мозаики фонтанов и красоту ухоженного сада. Элджин, прибывший сюда раньше ее, скоро разыскал их и провел жену в маленькую приемную, где она могла бы привести себя в порядок, прежде чем со всей процессией направиться в зал, где великий визирь принимал посетителей.

— Кажется, я тут единственная женщина, — шепнула она мужу.

— Тебе пора привыкать к этому обстоятельству, — откликнулся он, освобождая для нее место рядом с собой.

Теперь она могла видеть, как великий визирь принимает прошения, выслушивает просьбы подданных империи, пожелавших обратиться к повелителю.

— Сам великий человек находится позади этой ажурной перегородки, — пояснил Элджин.

Мэри пришло в голову, что, возможно, как раз сейчас на нее смотрят глаза султана.

Прием прошений продолжался примерно часа три. Мэри даже несколько раз погружалась в сон. Вызван он был усталостью или чувством голода, она и сама не могла бы сказать. Чиновник в красном халате и огромном белом тюрбане на голове докладывал великому визирю о той или иной

просьбе. Мэри набрала побольше воздуха в грудь, стараясь сохранить бодрость. Ей было стыдно показать свою слабость, она гнала от себя мысль о долгих годах подобных зрелищ, что стоят впереди. Как жене высокопоставленного дипломата, ей подобает привыкнуть к таким устрашающе продолжительным ритуалам.

Внезапно раздался удар колокола, и все встали. Элджин обернулся к ней, одними губами произнес слово «обед», и его улыбка напомнила ей, что все происходящее стоит того, чтобы она потерпела еще чуть-чуть. Что значат дискомфорт и скука в сравнении с блаженством быть супругой такого выдающегося человека?

Уже миновало десять утра. В обеденном зале Элджину было предоставлено почетное место рядом с великим визирем, Мэри обедала за массивным столом, сделанным из серебра, рядом с ней сидели мужчины в самых фантастических одеяниях, что, по ее мнению, говорило об их высоком положении. Она была голодна, но с удовольствием ограничилась бы только чаем с тостами, джемом и сваренными на медленном огне яйцами. Когда перед ней появились блюда с сочащимся жиром мясом и жгучими приправами, она подумала, что с удовольствием насладилась бы ими вечером

вместе с бокалом легкого вина. Но голод победил предубеждение, ей вовсе не хотелось упасть в голодный обморок перед глазами султана. Оставалось только надеяться, что организм не подведет ее и примет заморские деликатесы.

После обеда она присоединилась к процессии, направившейся в открытый двор, когда внезапно в группе греков возникла потасовка из-за кафтанов и накидок, раздаваемых турецким чиновником. Элджин увлек ее в укромную нишу и так сильно прижал к себе, что она едва не задохнулась. Краем глаза она видела, как беспорядочно взлетают в воздух одеяния, как их на лету расхватывают чьи-то руки, тут же награждающие тумаками соперников. Некоторые из несчастных уже валялись на земле, когда ворвавшаяся во двор охрана стала наводить порядок и выгонять особо рьяных драчунов.

— Полно, не бойся, — успокаивал ее муж, поглаживая по плечу. — Это не так опасно, как революция в Лондоне.

— Все равно мне это неприятно, — проговорила Мэри, надеясь, что сумеет удержаться и не извергнуть обильный обед.

— Ты готова к аудиенции? — спросил Элджин.

К ним торжественными шагами приблизились

четверо мужчин, осанка их отличалась достоинством, парадные одежды сверкали золотом. Не произнеся ни единого слова, двое из них подошли к Элджину, двое к его жене и проводили обоих в небольшую, скудно освещенную комнату.

Мэри, все еще напуганная потасовкой, не сразу поняла, что происходит. В первую минуту ее глазам, не приспособившимся к резкой перемене освещения, показалось, что какое-то чудовище взобралось на огромное возвышение и лежит, согнув колено и опираясь на длинную руку. Когда же зрение прояснилось, Мэри поняла, что никакого чудовища на возвышении нет, а на огромном золотом троне, который показался ей чуть не с кровать величиной, возлежит сам великий повелитель, султан Селим Третий. Она с трудом подавила смешок, представив старого Георга, скуповатого английского короля, принимающим посетителей в подобной позе среди восточной роскоши.

Султан, теперь она это видела, вовсе не был таким уж необъятным, но его желтый атласный халат с огромным воротником и рукавами, отороченными черным соболем, создавал обманчивое впечатление. На голову повелителя был водружен чудовищной величины тюрбан с

плюмажем, возвышающимся прямо надо лбом. Позади, на особых подставках, словно на двух головах, виднелись два других, украшенных алмазами тюрбана. Красочная мозаика покрывала стены от пола до потолка. Мэри не хотелось выглядеть любопытной зевакой, и она старалась не сводить глаз с султана, которому о ней еще не докладывали.

Селима Третьего нельзя было назвать тщедушным, а его наряд, атрибуты власти, украшавшие его, как и шитые жемчугом подушки, на которых он возлежал, делали его фигуру еще более представительной. Лицо султана с обрамлявшей его полукруглой темной бородой казалось продолговатым, нос был длинным, тонким, глаза имели миндалевидный разрез и слегка напоминали рысьи. Кожа на лице султана, насколько Мэри могла судить в этой полумгле, была такой гладкой и ухоженной, словно со дня рождения старилось только тело, но не лицо этого человека. Над его головой были натянуты сети из многих и многих рядов жемчужин, возможно, для того, чтобы султана не тревожили насекомые. В паутине этих жемчужных нитей Мэри вдруг заметила маленькую, бившуюся в них бабочку и мысленно пожелала спасти ее из прекрасной ловушки и

увидеть, как она, трепеща ярко-оранжевыми крылышками, устремится в окно.

Справа перед султаном стояла сверкающая драгоценными камнями чернильница, а лежавшую слева саблю украшали такие крупные бриллианты, что Мэри невольно подумала, где на земле находятся копи, в которых добывают подобной величины алмазы. Ей никогда не приходилось видеть столь потрясающей красоты камней, этого концентрированного выражения роскоши. Она не могла дождаться, когда сможет обо всем увиденном написать матери. Мысленно она уже стала составлять письмо на родину, когда вдруг раздался голос Элджина, который через переводчика обращался к султану. Но глаза повелителя смотрели только на нее. Хоть о ней и речь не шла, он смотрел на нее так пристально, что она почувствовала головокружение, потом страх. Должна ли она отвечать ему взглядом, или это будет посчитано дерзостью и нарушением их странного и противоречивого этикета?

Мэри не была готова к такому изучению. Перед ней находился человек, обладавший дюжинами жен и наложниц, которые, укрытые в его гареме, пребывали в полном его распоряжении. Мэри уже слыхала, что слово «гарем» означает «запрет-

ный». Где-то в этом самом дворце, буквально в неволе, томятся женщины, единственное предназначение которых на земле заключается в исполнении желаний этого мужчины. Может, он просто привык смотреть на женщин, будто покупая их, как он купил бы коня для своей конюшни?

Элджин, словно не придавая никакого значения взгляду, которым чудовище уставилось на его супругу, устремил все внимание на драгомана, переводившего его слова султану. Но Мэри растерялась. Она подняла было руку к голове, но, не желая показаться испуганной или взволнованной, притворилась, что поправляет локон на лбу. Драгоман продолжал говорить, а она не могла сосредоточиться на смысле его слов. Вот Элджин отвесил поклон, она сочла нужным сделать то же. Затем их обоих провели в соседнюю комнату, и сопровождавшие их янычары вывели супругов на залитый солнцем двор.

— Кажется, все прошло довольно неплохо, — сказал Элджин.

— Тебе не показалось неприятным, что султан буквально пожирал меня глазами? — спросила Мэри.

— Я чуть было не вызвал его на дуэль. — Эл-

джин выглядел слегка расстроенным и даже вздохнул. — Но боюсь, мне надо привыкнуть к тому, как мужчины смотрят на мою жену, иначе придется непрерывно сражаться на дуэлях со всеми мужчинами, от последнего раба до самого султана.

— Не сердись, Эджи. Я не виновата в том, что султан нашел меня соблазнительной, — сказала Мэри. — Наверное, мне следовало надеть вуаль.

— Возможно, и так. Только тебе обязательно пришлось бы ее снять, когда твой супруг и повелитель пригласил бы тебя в свой личный гарем. — Элджин уже улыбался. — Может, мне кастрировать нашего друга Ханта и назначить его твоим евнухом и заступником?

— А когда к нам явится с визитом капитан-паша, ему передадут, что леди Элджин отныне не позволяет себе находиться в обществе мужчин. И что лорд Элджин предлагает ему найти другую даму и преподносить ей дорогие подарки, например меха, тончайший фарфор и изысканные духи.

— Не годится подвергать твоего верного поклонника капитан-пашу таким строгим мерам наказания, Мэри, в то время как он может так много сделать для нас.

Мэри улыбнулась и потрепала мужа по руке.

— Как мило с твоей стороны проявлять заботу о капитан-паше. И даже воздерживаться от его наказания.

— При всем твоем веселом настроении, должен сказать, Полл, ты выглядишь довольно усталой. Я намерен немедленно отвезти тебя домой и уложить в постель. Но там я вовсе не дам тебе отдохнуть. Откинь вуаль, попрошу я тебя, и откинь ее не только с лица. Открой мне всю себя.

Так сильно взволновало Элджина внимание султана к ней. Мужчины, надо это признать, в высшей степени странные создания. Они даже похожи на животных тем, что их эротические настроения совершенно непредсказуемо зависят от незначительных, казалось бы, обстоятельств. Но Мэри не была этим недовольна. Еще до замужества она слыхала, что некоторые мужчины теряют интерес к женам, когда те вынашивают дитя, но к Элджину это не относилось. Он словно становится еще более жадным к ласкам, утверждая, что вспухающий животик делает Мэри похожей на какую-нибудь языческую богиню плодородия.

Элджин подозвал лакея и велел позаботиться о лошади. Добирался во дворец он верхом, но

сейчас собирался возвращаться в карете вместе с женой.

Пока они держали путь домой, он шептал Мэри на ухо:

— Хочу видеть тебя всю. Хочу гладить твое тело, пусть даже сам султан делает это только в мечтах.

Константинополь, рождество 1799 года

Рука доктора Маклина дрожала, когда он брал пиявки и прикладывал их к покрытому потом лицу Элджина. Горшок, в котором держали этих скользких существ, был довольно неподходящим для них вместилищем, ибо имел изящные очертания и был изготовлен, как предполагала Мэри, на одной из наилучших мануфактур по производству фарфора, возможно в Стаффордшире. Слово «пиявки» было выписано на нем в модном тогда цвете чирка, и Мэри пришло в голову, что если изменить это слово на слова «масло», «сахар» или «молоко», то этот сосуд вполне мог послужить украшением самого пышно накрытого стола. Но вместо аппетитных спутников чаепития банку наполняли отвратительные, похожие на червей кровососы, и один из них уже на глазах распухал на виске Элджина, поглощая его больную кровь.

— Помоги, Господи, — прошептал доктор, отнимая свою дрожащую руку от пиявки.

Весь вечер Элджин провел вне дома, под проливным дождем, наблюдая за одним из тех впечатляющих пожаров, которые время от времени случались в городе, уничтожая целые кварталы

легковоспламеняющихся деревянных построек, в которых ютилось многоязычное и смешанное население города, превышающее уже половину миллиона. Всю ночь напролет полыхали дома греков, евреев, итальянцев, русских наряду с жильем многих турок.

— Ты подвергаешь себя опасности, дорогой, — вскричала Мэри вслед мужу, когда тот спешил к двери.

Но он не обратил внимания на ее слова, лишь на мгновение вернулся и подарил самый беглый поцелуй. Второпях Элджин забыл накинуть пальто, увлекаемый зрелищем огромных языков пламени, уже взвивавшихся к небу выше минаретов и куполов.

Когда муж исчез из виду, Мэри перевела глаза на пасмурное небо: собиравшихся на нем грозовых туч было не отличить от клубов дыма. Позже разразился ливень, но Элджин, не обращая внимания на свое слабое здоровье, решил задержаться на пожаре. Он постоянно колебался между осторожностью и от природы присущим ему интересом ко всякого рода приключениям. Напомнить ему о первой означало вызвать вспышку второго. Поэтому Мэри научилась избегать призывов к осмотрительности.

Домой в тот вечер он вернулся очень поздно, промокнув до нитки, и весь следующий день был принужден провести в постели, одолеваемый приступом жесточайшей мигрени, в которой винил отвратительную зимнюю погоду Константинополя.

— Как шотландцу может прийти в голову жаловаться на турецкие зимы? — вопрошала его Мэри.

На что он отвечал, что имеет в виду нескончаемые и непредсказуемые дожди и слишком натопленные комнаты, в которых к тому же им приходилось сидеть, не снимая жарких мехов из почтения к хозяевам.

Теперь доктор Маклин пристраивал уже шестую пиявку к лицу Элджина, и каждая из них ритмично пульсировала, наливаясь кровью больного.

— Никогда не видал таких жадных тварей, — заметил доктор, приподнимая хвост одной из них, чтобы убедиться, что она накрепко присосалась к коже. — Их укус даже крепче, чем у английских пиявок.

Элджин поморщился, на мгновение приоткрыл один глаз и поскорей снова его зажмурил. На что могут быть похожи эти твари, если смотреть на

них глазами несчастного пациента?

Мэри оставалось только надеяться, что доктор принял решение, не повинуясь своим нетрезвым догадкам, а адекватное ситуации. Доктор Маклин по-прежнему предавался безудержному пьянству, и она обратила внимание, что его руки, ухаживающие за больным, дрожат не менее сильно, чем за завтраком. Ей давно хотелось пригласить другого доктора, но где найти надежного врача в этом городе, рассаднике самых отвратительных заболеваний, она понятия не имела. И сильно нервничала при мысли, что именно доктор Маклин будет принимать у нее роды, до которых оставалось всего два месяца.

Мэри не была такой уж брезгливой, изнеженной девушкой. В детстве она с удовольствием играла в садах Арчерфилда с земляными червями и другими омерзительно выглядящими тварями, к ужасу своих нянек. Те почти не сомневались, что их подопечная непременно помрет от заразы, подхваченной от этих непонятных существ, не успев покинуть детскую. Недавно ее храбрость прошла испытания тяготами морского переезда, ураганным артиллерийским огнем и путешествиями верхом на осле по таящим неизведанные опасности землям. И это происходило, когда Мэри

вынашивала свое дитя. Но она не могла заставить себя даже взглянуть на прекрасное когда-то лицо Элджина, покрытое жуткими кровососами. Его глаза были плотно зажмурены, как бывало и в интимные моменты их близости, но сейчас его вид говорил только о страданиях. И Мэри решила быть сильной. Тут не было ни доброй матушки, ни заботливого отца, на руку которых она могла опереться в поисках помощи и утешения. Несмотря на тот восторг, с которым к ней здесь относились, она была, в сущности, одинока в этом чужом городе. Супруги других дипломатов, которые искали ее дружбы и соперничали за счастье быть приглашенными на ее ужины или танцевальные вечера, несомненно, завидовали ее успеху у султана и его могущественной свиты. Как же они были бы рады слышать, что бедная мадам Элджин так расстроена болезнью мужа и ослаблена беременностью, что вынуждена была уехать восвояси.

Неожиданно она ощутила знакомое чувство сужения дыхательного горла, от которого поток воздуха словно прекращал поступать в легкие. Мэри в таких случаях начинало казаться, будто его выкачали из всей комнаты, в которой она находилась. Она приоткрыла рот, стараясь

вздохнуть полной грудью, не желая отвлекать внимание доктора Маклина — он непременно узнал бы ее удушье — от Элджина, который больше нуждался в его уходе. Задержав дыхание, она заставила себя подойти к мужу, не обращая внимания на пиявки, поднесла его ладонь к губам, поцеловала и послала улыбку ему и доктору. Знаком дала понять, что ей нужно на минутку выйти — пусть думают, что по естественным надобностям, — и направилась к дверям. Оказавшись за дверью, опрометью бросилась наверх, в спальню, с трудом распахнула ставни, закрывавшие балконную дверь. Она задыхалась в кашле, в то же время тщетно пытаясь вытолкнуть воздух из легких. Звуки раздирающих легкие, захлебывающихся вдохов казались ей грохотом парового двигателя. В последнем усилии она бросилась на балкон, перегнулась через перила на случай, если начнется рвота, и ухватилась за них, дрожа и захлебываясь в удушье. Обессилев, Мэри через мгновение опустилась на пол, стараясь успокоиться, вобрать хоть чуточку воздуха, чтоб дотянуть до того момента, когда приступ кашля оставит ее. Так происходило уже не раз, непременно заставляя ее изумляться собственной живучести.

Перехваченное приступом удушья горло начало медленно высвобождаться, и она смогла несколько раз вдохнуть, втягивая ртом воздух. Она села поудобнее, подостлав под себя юбки, прильнула к железным перилам и стала глубоко вдыхать, позволяя легким наполняться и опустошаться. Мэри успокоилась и устремила взгляд в холодную и ясную ночь. На поверхности воды плясало отражение лунного света. Вдруг, в полном безлюдье, у подножия ближайшего холма она заметила какого-то медленно бредущего человека, который тащил за собой тележку, доверху нагруженную тюками белых тканей.

«Странное время он выбрал для торговли вразнос», — мельком подумалось Мэри.

Но вот торговец постучал в дверь одного из ближайших домов, она отворилась, кто-то подал ему еще один белый тюк, и он небрежно швырнул его к остальным. Но едва торговец вновь потащил тележку вдоль улицы, как из той же двери выскочила женщина, бросилась за ним и выхватила из телеги эту поклажу. Она потянула за собой куль, ткань стала разматываться, и глазам Мэри предстала какая-то застывшая в неподвижности фигура, напоминавшая детское тельце. Тележка остановилась, из дома вышел мужчина, забрал

из рук женщины ее страшную добычу, снова завернул в тряпки, положил обратно на телегу и увел женщину в дом.

Мэри уже доводилось слышать, что тела жертв, погибших от оспы, увозят тайно, по ночам, чтобы избежать вспышек истерии, но она была уверена, что страшная болезнь обитает в кварталах, далеких от нарядных посольских дворцов, в одном из которых они жили. Возможно, Элджин и прав: погода здесь лишь немногим хуже, чем в Шотландии, но есть в здешнем воздухе нечто такое, что вызывает нездоровье. Никаких симптомов оспы у Элджина не было, но уверенности в том, что все они, и в особенности ее будущее дитя, и впредь избегнут этой напасти, быть не могло.

Чету Элджинов заранее предупреждали, что следует воздерживаться от приглашений высокопоставленных турецких чиновников в дом; они в таких случаях просто игнорируют приглашения, а это может послужить причиной разного рода дипломатических неувязок. Но капитан-паша, прослышав о том, что английский посол нездоров, немедленно поспешил навестить их и узнать, не может ли он быть чем полезен госпоже Элджин.

— Я, пожалуй, раскрою вам один секрет. Мне

хочется, чтобы вы узнали о моей тайной страсти.

Мэри понимала, что ведет себя слишком смело, но ей казалось необходимым в какой-то мере защитить репутацию мужа. Она знала, что нельзя позволять важному турецкому чиновнику видеть английского посла в состоянии полнейшей беспомощности — уважение турок к послу такой державы надо было сохранять любой ценой.

— Мой муж слегка занемог, всего лишь небольшая простуда. Но я прошу вас не входить к нему в комнаты. Он не вынесет даже мысли о том, что обнаружил перед вами свою слабость, — уверяла она своего гостя.

— Тогда удовлетворите, прошу, мое любопытство. Что же за страсть вы скрываете? — спросил паша улыбаясь.

— Эта страсть называется вист. Презанимательная карточная игра.

— Госпожа Элджин, вы подвергаете себя риску. В этой игре я достиг почти совершенства.

И Мэри поняла, что нынешний вечер она держит под контролем. Демонстрируя же гостю одну из своих хитроумных карточных уловок, она вдруг, к собственному удивлению, услышала, что рассказывает паше о своих опасениях, о том, как боится родов в дальней стране, среди чужих

людей. Она даже со всей откровенностью рассказала, что видела, как вырывали из рук матери мертвое дитя, и о своем безрассудном страхе, что с ней и ее первенцем может случиться подобное.

— Клянусь честью, что защищу ваше дитя так, как защищал бы своего родного сына или дочь.

Глаза капитан-паши увлажнились, будто в них стояли те же слезы, что у Мэри.

— Но вам необходимо внимание и участие других дам, — продолжал он. — Я уже замечал, что женщины нуждаются в такого рода поддержке, и решил пригласить вас к себе и познакомить с моей сестрой.

— Но разве она не жена султана? — воскликнула Мэри.

У нее даже голова пошла кругом от неожиданной радости, что ей удастся увидеть не только дом турецкого военачальника, но и одну из тщательно скрываемых в гареме султанских красавиц.

— Она — хасеки, что значит любимая наложница султана, его фаворитка. Но когда я нахожусь в Константинополе, повелитель позволяет ей проживать у меня, помогая моим домашним вести хозяйство и составляя мне компанию. Она много слышала о вас и сгорает от нетерпения встретиться с вами.

Подобное приглашение являлось беспрецедентным и почетным доказательством его дружбы. Мэри это понимала. Но на следующий день капитан-паша продемонстрировал свою щедрость еще более наглядно. К Мэри прибыл от него гонец — нарядный и надушенный — и доставил золотую шкатулку. Элджин, в первый раз за неделю болезни преодолевший свою слабость настолько, что сумел принять ванну и одеться, наклонился над плечом жены, заглядывая в письмо, которое она читала.

Поэты прежних дней утверждали, что небеса — это огромный сапфир, в лоне которого покоится земля.

Надеюсь, этот скромный дар уверит вас в том, что вам и тем, кто вам близок, будет покойно под моим покровительством.

Прочтя эти строки, Мэри приоткрыла крышку и обнаружила в шкатулке потрясающего размера и удивительно глубокого цвета сапфир, окруженный бриллиантами, сиявшими вокруг него, подобно звездам вокруг какой-нибудь планеты. Мэри показалось, будто редкий камень вобрал в свои сверкающие грани цвета вечернего небосвода. Завороженная, она поворачивала его в

пальцах, любуясь ледяным блеском сапфира. Камень словно струил свет вечности, и Мэри чудилось, будто она погружается в его глубины. Не таится ли в нем какая-то чудодейственная сила, которая заставит ее влюбиться в капитан-пашу?

— Может, он хочет, чтоб ты носила его в своем пупке? — Голос Элджина нарушил минутное очарование.

Сильно похудевший за время болезни, с запавшими глазами, сейчас он казался выздоравливающим. На щеках его появился легкий румянец, но лицо словно состарилось за неделю.

— Дорогой, капитан-паша сделал нам совершенно удивительное предложение, — сообщила Мэри. — Его сестра собирается провести эту неделю в его доме, и она приглашает меня нанести ей визит.

— Но это же превосходно! — вскричал муж. — Ты, без сомнения, вернешься с еще более богатой добычей.

— И, что еще более необычно, она настаивает на том, чтобы я провела у нее в гостях две ночи.

— Вот уж действительно странное предложение.

Лицо Элджина приняло непроницаемое выражение, как будто он сам старался понять, как ему

следует отнестись к услышанному.

— Ты не думаешь, что он захочет воспользоваться ситуацией и похитить тебя, а нашего будущего младенца выдать за своего сына?

— Ни за что б не подумала, что тебя так может увлечь сюжет, годный лишь для дамских повестей, — усмехнулась Мэри. — Уж не говоря о том, что такое происшествие могло бы послужить причиной настоящего международного скандала. В противном случае не сомневаюсь, что капитан-паша не устоял бы перед искушением. Только страх лишиться головы от удара султанской сабли удерживает его в границах приличий в моем присутствии.

— Более важно, мадам, то, что вы сами имеете силы сопротивляться его чарам. Следует ли мне напомнить вам, какие слова произнес Цезарь, разводясь со своей второй женой? Он сказал, что жена Цезаря должна быть вне подозрений.

— Если ты считаешь, что твоей жене не подобает оставаться двое суток под чужой кровлей, я готова отклонить приглашение.

— Как раз напротив, я мечтаю, чтобы ты туда пошла. Но разве сестра нашего друга не является любимой наложницей султана?

— Паша уверяет, что так оно и есть.

— Тогда иди. И постарайся хорошо провести время.

— Значит, я вне подозрений? — Мэри игриво провела рукой по груди Элджина, затем потрепала мочку уха. — Так и должно быть, ибо я люблю своего Эджи больше всего на свете.

— Видишь ли, дорогая, в скором времени мы будем отчаянно нуждаться в протекции капитан-паши и, возможно, его сестры тоже, поскольку султан, несомненно, прислушивается к ее мнению.

Он поцеловал руку жены с галантностью дипломата на светском приеме. Но Мэри не любила, когда муж в частной жизни вел себя официально. Например, целовал ей руку, будто она почтенная супруга какого-то важного лица, а не его возлюбленная. Подобно всем женщинам, Мэри мгновенно замечала недостаток искреннего чувства и огорчалась.

— С утренней почтой я получил письмо из Афин, где находятся Гамильтон и некоторые из наших сотрудников. Им практически не разрешено даже приближаться к Акрополю. Дисдар[29], которому поручена его охрана, требует огромной

---

[29] notes: 29
Комендант замка или крепости в Турции и Персии.

мзды за одно разрешение подойти к Парфенону. Наши фонды иссякнут прежде, чем мы сумеем выполнить простейшую из своих задач.

— А какую помощь в состоянии оказать в Афинах капитан-паша?

— Он может использовать свое влияние на султана и добиться для нас разрешения свободно там работать. Прошли уже месяцы, Мэри, а ничего еще не сделано. Содержание наших специалистов стоит огромных денег. Работа, порученная им, должна быть выполнена, или вся миссия провалится.

С лица Элджина, по мере того как он говорил, сбежали все краски, воодушевление, с которым он начал утро, бесследно исчезло, глубокие морщины прорезали его лоб.

— Пригласив тебя провести такое долгое время в лоне его семьи, — продолжал он, — паша практически объявляет тебя одним из близких его окружению людей. А в чем гордый и могущественный турок откажет члену своей фамилии?

— Я тотчас же пошлю нашего Даффа к капитан-паше с ответом, что принимаю его любезное приглашение. Я буду скучать без тебя. Ты навестишь меня?

— Конечно. Если только ты не считаешь, что

мой визит нарушит мечты нашего друга о том, что ты уже состоишь у него в гареме.

Мэри не могла бы с уверенностью сказать, шутит ее муж или нет. Но изобразила снисходительную улыбку, как бы давая понять, что сочла сказанное глупой шуткой. В душе же она была поражена тем, как ее Элджин, который в обычных обстоятельствах едва не трясся от ревности, стоило кому-либо из мужчин приблизиться к ней, сейчас без спора уступает, предоставляя действовать в его интересах.

Константинополь, январь 1800 года

Послеобеденное солнце заливало щедрым светом особняк капитан-паши, и все здание словно купалось в его золотых лучах. Это сооружение нельзя было назвать дворцом — по крайней мере, в сравнении с дворцом султана, — но расположенный высоко на берегу дом всем своим видом внушал почтение и будто говорил о том, что здесь обитает один из верховных слуг великого повелителя. Основные помещения, составлявшие его, покрывал купол, по четырем сторонам которого возвышались стройные башни. Высокие стены из такого же светлого песчаника с геометрической четкостью ограждали всю примыкающую территорию, включая внутренние дворики, сад и стоящие отдельно строения, которые, как предположила Мэри, использовались в качестве кухонь и для других домашних надобностей.

Она приехала в гости в сопровождении своих горничных и одной итальянской дамы, синьоры Пизани, нанятой ею в качестве переводчицы, очень приятной особы лет сорока, жены придворного драгомана, которая, как и сам драгоман, принадлежала к старой венецианской семье. Ни

одного из переводчиков-мужчин, ни иностранного подданного, ни турка, разумеется, не допустили бы в гарем, ибо находиться рядом с женщинами могли только те из мужчин, которые являлись членами семьи. Высокие стены, окружавшие особняк, напомнили Мэри старинные легенды о живущих взаперти красавицах, и турчанки стали казаться ей заколдованными принцессами времен Средневековья. С нешуточным волнением она нетерпеливо желала убедиться в том, что жизнь этих загадочных созданий действительно походит на ее фантазии.

С первых минут встречи ее покорила волна радостного гостеприимства, с которым ее встретили женщины. Она ожидала, что окажется в мрачной темнице, а вместо этого попала в теплый, гудящий женской хлопотливой суетой улей. Окруженная сестрами, тетушками, вдовами братьев и другими родственницами, Ханум, сестра капитан-паши, приветствовала ее. Каждая из присутствующих женщин была представлена по имени, а о степени ее родства с пашой было рассказано с подробностями, из которых лишь немногие Мэри надеялась удержать в памяти. Каждая из женщин подавала гостье руку, которой не отнимала все время, пока длилась церемония

представления, и лишь потом уступала место следующей. Мэри все они показались одинаково красивыми, а густейшие волосы у некоторых были черными как ночь, а у других имели даже цвет карамели или меда. Глаза, подведенные коричневым или зеленым, струили на нее ласковый свет и сверкали, подобно тому, как сверкают капли на листьях в лесу после сильного дождя.

Все говорили одновременно, и сначала синьора Пизани старалась как могла, чтобы поспеть с переводом всех добрых слов, поясняя при этом Мэри, какая из женщин о чем говорит, но скоро она оставила эти усилия. Мэри приготовила маленькие подарки, это были английские музыкальные шкатулки, которые наигрывали очаровательные мелодии, стоило только приподнять крышку, и сейчас преподнесла их дамам. Едва первая мелодия смолкла, как по зале пролетел общий изумленный вздох, каждая из присутствующих вела себя так, будто ей посчастливилось присутствовать при самом настоящем колдовстве. В душе Мэри усомнилась в том, что здесь прежде никогда не видали музыкальных шкатулок, и предположение, что это общее восхищение продиктовано исключительно вежливостью, показалось ей весьма правдоподобным.

Весь распорядок дня был тщательно спланирован. Мэри и Ханум, восседая на шелковых подушках, наслаждались чаепитием и беседой, которую вели с помощью синьоры Пизани, а другие их слушали. Мэри не могла понять, чем продиктована та явная власть, которой хасеки обладала над остальными членами семьи, — то ли тем, что она находилась в доме родного брата, то ли тем, что занимала особое положение при султане, которого звала падишах. Либо это было всего лишь декоративной данью иерархии, которую они сочли нужным поддерживать перед чужестранкой.

Во время этой беседы глаза Мэри внимательно обежали комнату, которую украшали изящно расписанные стены, мозаичные чайные столики, яркие шелка и ковры. Множество птиц, обитавших в красивых узорных клетках, принимались щебетать, едва замолкали женщины. Мэри показала Ханум миниатюрный портрет Элджина, который она хранила в медальоне.

— Очень красивый мужчина и достоин любви такой прекрасной жены, как вы, — объявила хозяйка.

— Пожалуйста, не забудьте повторить ваши слова, когда увидите моего Элджина, — пошу-

тила Мэри.

По тишине, мгновенно воцарившейся в комнате, она поняла, какой промах допустила, и тут же пожалела о сказанном. Ханум никогда не встретится с Элджином, как и с любым из мужчин, не принадлежащим ее семье. Иное может произойти только в том случае, если хасеки, как она позднее сама призналась Мэри, прискучит падишаху и тот надумает выдать ее замуж за кого-либо из своих знатных подчиненных. Мэри вспомнила слова, сказанные ей одним турецким драгоманом, о беседах между мужчинами и женщинами, вернее, о том, почему эти беседы запретны.

«Голоса женщин приятны и завлекательны, и мелодия их речи возбуждает желание. А значит, им нельзя позволять беседовать с чужими мужчинами».

Здесь, в гареме паши, женщины болтали свободно, рассказывая гостье семейные истории, а Мэри в ответ делилась своими впечатлениями о Константинополе. Но при этом многие из женщин, не отвлекаясь, продолжали заниматься вышивкой, причем, как оказалось, они обладают такой сноровкой, что ухитрялись говорить, слушать и бросать по сторонам внимательные взгля-

ды, ни на минуту не выпуская из пальцев быстро снующей иглы. Одна из младших двоюродных сестер Ханум сосредоточенно трудилась, живо напомнив Мэри английских девочек, которые тоже постигают искусство вышивки, перенося на ткань какое-либо мудрое изречение или вышивая буквы. Когда Мэри поинтересовалась, над чем эта девушка трудится, все присутствующие, к ее удивлению, разразились хохотом.

— Она очень хотела, чтоб вы ее об этом спросили, потому и вышивала так демонстративно, — пояснила переводчица. — Эта девушка вышивает строчку из стихов Михри Хатун, поэтессы, жившей много веков назад. Слова ее означают следующее: «Талантливая женщина лучше тысячи бездарных мужчин, а женщина мудрая лучше тысячи глупых мужчин».

Ханум что-то вполголоса пробормотала своей юной родственнице, и эти слова, как догадалась Мэри, не были предназначены для ушей гостьи. Она повернулась к синьоре Пизани, надеясь услышать перевод.

— Госпожа говорит, что ее родственница умная, но имеет мятежный нрав и что когда она станет постарше, то поймет, что мятежному уму никогда не стать мудрым.

— Возможно, ее мятежность объясняется всего лишь молодостью, — сказала Мэри, обращаясь к девушке и внутренне содрогнувшись при мысли, как бы она сама себя чувствовала, если бы знала, что ей предстоит лишь беспрекословно подчиняться воле других.

Что бы с нею стало, если бы ей не пришлось самой принимать решения и выбирать свою судьбу? Если бы отец не прислушался к ее желанию и не разрешил ей выйти за Элджина? Если бы она не имела возможности встречаться с другими мужчинами и сравнить скуку общества других претендентов на ее руку с теми волнующими мгновениями, которые она проводила с Элджином?

— Дитя, что вы носите в чреве, — мальчик. — Голос синьоры Пизани неожиданно прервал ход мыслей Мэри.

Одна из самых старших женщин улыбалась ей, а переводчица продолжала говорить, поясняя ее слова: если плод в животе беременной располагается низко, то обязательно родится мальчик.

Мэри отвечала, что будет счастлива подарить мужу сына, но радость ее будет не меньшей, если у нее родится дочка.

— Все мы рождены дочерьми. — Она сделала

жест, будто обнимая всех присутствующих. — Мой отец никогда не проявлял ко мне иных чувств, кроме любви и удовольствия.

Женщины о чем-то оживленно заговорили между собой, и синьора Пизани начала быстро переводить.

«Когда самочувствие Мэри было хуже, в первые недели беременности или в последние? Ступни у нее чаще бывают холодными или теплыми? Набирает ли вес ее муж сейчас, когда она ожидает ребенка? Стала ли госпожа лучше выглядеть, или ей самой противно взглянуть на себя в зеркало?»

Мэри пыталась честно ответить на все эти вопросы, будто давала показания в суде. Заседание продолжалось, и вердикт был вынесен. Наблюдение, высказанное старшей из них, всем показалось верным — у Мэри, скорее всего, родится сын. Тут поднялась одна из самых молодых женщин и нараспев, глядя прямо на Мэри, стала что-то говорить, будто благословляя ее. Язык, на котором она изъяснялась, показался Мэри незнакомым, затем та перешла на турецкий, который Мэри стала уже отличать на слух, хоть еще не могла разобрать отдельных слов. Произносимые слова звучали песней.

— Наша Фарах читает наизусть из святой кни-

ги, Корана. Богу неважно, кто родится, мальчик или девочка. Аллаху подвластны и небеса, и земля. И все, что случается с нами, происходит по Его воле. Одним из Своих подданных Аллах посылает сыновей, другим — дочерей.

Синьора Пизани закончила переводить и заметила:

— У нас в Венеции люди придерживаются точно таких же взглядов.

— Пожалуйста, передайте этой девушке, что и у нас в Шотландии вера такая же. Здоровое дитя — дар небес.

Фарах согласно кивнула, потом добавила:

— Все мы знаем записанное в Коране, но некоторые люди празднуют только рождение сыновей. А когда рождается дочь, они горюют о том, что в мир явилась еще одна женщина.

Ханум — возможно, капитан-паша посоветовал ей сменить тему разговора, если он коснется вопросов разногласий или примет неприятный оборот, — громко объявила, что для развлечения гостьи они приготовили музыкальные выступления.

Мэри с облегчением перевела дух. Она не могла понять тот странный образ жизни, при котором мужчины так строго отделены от женщин, но

ей не хотелось показывать своего неодобрения этим милым женщинам, которые сделали, похоже, все возможное, чтоб принять ее радушно и позволить заглянуть в их тайный мирок. В качестве супруги дипломата — и доброй христианки — она не собиралась судить образ жизни других, но намеревалась показать добродетели своей страны с самой лучшей стороны.

Песни были очень мелодичны, две женщины вели аккомпанемент на струнных инструментах, по виду напоминавших мандолину с длинным грифом. О пении Мэри составила высокое мнение, об этом она могла судить, поскольку и сама играла на фортепиано. Что же касалось танцев, то они показались ей откровенно неприличными, что было странно для женщин, которые даже не показываются на глаза мужчинам. Но те движения, изгибы телом, раскачивания бедер, которые она наблюдала, больше подошли бы для исполнения Эмме Гамильтон, да и то в сугубо интимной обстановке. До чего странно, что женщины, ведущие столь строгий образ жизни, позволяют себе прилюдно выполнять движения, в самой полной мере имитирующие сексуальный акт.

Мэри поблагодарила танцовщиц и решила, что будет уместным похвалить нарядный гарде-

роб турчанок, который она и вправду находила великолепным, полным такого вихря цветов и оттенков, какого никогда не видела дома. Юбки были сшиты из шелков самого разного рисунка, их дополняли шали, задрапированные вокруг бедер или на плечах. Наряд самой Ханум был в особенности поразительным: глубокого синего цвета бархатное платье имело отделку из горностая по воротнику и лацканам. Голова каждой из присутствующих была покрыта блестящим шарфом, концы которого, подобно лентам чепца, струились по спинам. И когда Ханум услышала восторженные слова Мэри об их одеждах, ее глаза засияли как звезды.

Оказалось, что она заказала для гостьи два платья, сшитых на турецкий манер. Оттенки топазовый, изумрудный и золотой сменяли друг друга, и сказать, какое из платьев красивей, было невозможно. Мэри приложила их к себе, и солнечный свет из расположенных высоко вверху небольших окошек заставил платья сверкать, подобно драгоценным камням. Юбки были украшены темно-золотыми нитями, а яркие шали усыпало множество крохотных жемчужин. Также Мэри преподнесли очаровательные золотые туфельки с меховыми помпонами, и этот мех

точь-в-точь подходил к меховой отделке темно-малиновой накидки, которую Ханум держала в руках, чтобы Мэри могла ее примерить.

Довольная тем, что накидка оказалась ее гостье впору, Ханум накинула на голову Мэри шарф, оставив ее длинные локоны свободно развеваться. От чего ее лицо разгорелось больше — от новой дружбы или от щедрых подарков, — Мэри и сама не могла бы сказать, но в одном она была уверена: счастливый блеск ее глаз и благодарная улыбка отнюдь не были данью дипломатической вежливости. И хоть она не могла произнести и двух фраз на языке Ханум, она не сомневалась, что они понимают друг друга.

— Теперь вы одна из нас, — повторила синьора Пизани вслед за Ханум, и Мэри, не дослушав ее английских слов, поняла их значение и пылко обняла новую подругу.

Неожиданный приход капитан-паши прервал веселье. Он оглядел комнату недоумевающим взглядом и что-то спросил у сестры. Внезапно все присутствующие прыснули от смеха, а переводчица обратилась снова к Мэри:

— Капитан-паша спрашивает свою сестру, куда она вас подевала.

— Капитан-паша, разве вы меня не узнаете? —

лукаво спросила Мэри.

— Совершенно не узнал. Передо мной настоящая турчанка, — заявил он, и глаза его блеснули весельем. — Сегодня к нам пожаловал особый гость. Думаю, он будет рад встрече с вами.

Паша приказал всем женщинам удалиться на свою половину во втором этаже дома и проводил лорда Элджина к себе. Солнце уже спряталось, и комнату, в которой сейчас находилась одна Мэри, освещала лишь небольшая лампа. За дверьми послышались голоса приближающихся мужчин, углубленных в беседу.

— Это мой личный кабинет, — услышала она слова хозяина, и он распахнул дверь.

Элджин сделал шаг внутрь и внезапно испуганно отпрянул.

— О, извините, мадам, — воскликнул он и, быстро отступив, встретил смеющийся взгляд хозяина.

— Как вы вежливы с дамами, оказывается, господин Элджин, — произнесла Мэри.

Элджин резко обернулся. Перед ним, выйдя из сумрака, стояла жена.

— Замечательно, хитрецы вы оба эдакие! — воскликнул он и, обняв талию жены, прошептал: — Какая же вы негодница, леди Элджин.

Хоть Элджину до сих пор докучали головные боли и приступы кашля, которые доктор называл астматическими атаками, состояние его после пережитого на Рождество припадка заметно улучшилось. Но его болезнь, какой бы она ни была, начала глодать его нос. Странным образом кожа около ноздрей не только не приобрела здорового вида, но за последний месяц даже ухудшилась. Мэри потихоньку поинтересовалась у доктора Маклина, не заболел ли ее муж проказой или оспой, но доктор уверил ее, что Элджин в довольно сильной форме подвержен какой-то инфекции, симптомы которой пока не являются ясными. Картина заболевания должна проясниться со временем. Мэри надеялась на лучшее и каждую ночь молилась Богу о выздоровлении мужа и даже, пряча от себя собственную смелость, о том, чтобы к нему вернулась прежняя красота. Ей совсем не нравилось, как стал выглядеть ее Элджин, а ведь именно его красота и вызывала у нее те приливы нежности и любви, которые так привлекали ее мужа.

— Я привез фортепиано леди Элджин, — объяснил он, когда паша ввел его в гостиную.

— Дамы пожелали послушать, как я играю, потому я и послала за инструментом, — объяс-

нила его жена. — Утром я непременно поиграю для них, но я не предполагала, что посыльным окажется такой важный господин.

— Вы останетесь у меня на обед? — спросил хозяин дома.

— К сожалению, дела мешают мне принять ваше приглашение. Я вынужден вверить свою супругу вашим заботам.

В душе Мэри обрадовалась тому, что Элджин не остался на обед, поскольку, если бы это случилось, женщинам пришлось бы не покидать своей половины, а она с нетерпением жаждала вернуться в их общество. Когда муж оставил дом капитан-паши, Мэри осталась наедине с хозяином, и это обстоятельство заставило ее поначалу нервничать, поскольку ей было известно его пылкое увлечение ею. Сейчас она вспомнила утверждение Элджина, сделанное им едва ли не сразу по прибытии в Константинополь, о том, что турки настолько не уверены в своем самообладании, что вынуждены держать женщин подальше от глаз. Должно быть, он уже изменил свое мнение, ибо оставил ее наедине с красивым и привлекательным турком.

Это действительно так? Элджин переменил мнение на этот счет? Или же он готов пожертво-

вать честью жены ради достижения своих целей в Греции?

— Покажите мне, пожалуйста, как играют на этом инструменте, — попросил паша, присаживаясь рядом с нею около фортепиано.

Он нажал пальцем на одну из клавиш, но, услышав раздавшийся звук, резко отдернул руку, будто испугавшись, что что-то натворил.

— А что бы вы хотели научиться играть? Танцы или что-нибудь другое? — спросила Мэри.

— Я бы предпочел что-нибудь более серьезное.

Одной рукой она наиграла мелодию сонаты Иосифа Гайдна, которую как раз недавно разучивала.

— Конечно, эту вещь надо исполнять обеими руками, но для первого урока, я думаю, хватит и одной.

Капитан-паша внимательно наблюдал за движениями ее пальцев и потом довольно уверенно сумел их повторить. Он запоминал не больше четырех тактов зараз, но в конце концов исполнил небольшой отрывок из шестнадцати и, к своей радости, узнал мелодию, которую исполняла она. Он был так сосредоточен, повторяя за ней движения пальцев, что Мэри подумала, что примерно так же этот человек разрабатывает стратегию

какой-либо битвы.

— Но у вас же настоящий талант! — воскликнула она.

— Это вы оказались хорошим учителем, — пожал плечами капитан-паша.

Она чувствовала себя довольно смущенной, сидя так близко к нему, поэтому предложила перейти на диван и попросить подать кофе. Он будет счастлив выполнить ее желание, отвечал капитан-паша.

Кофе был подан в золотом, украшенном филигранью кофейнике, к тому же усыпанном рубинам и жемчугами. Когда слуга принялся разливать кофе по крохотным чашкам, Мэри неосторожно выразила свое восхищение, и паша тут же велел слуге отправить кофейный сервиз к ней домой, не став и слушать никаких возражений. Она горячо протестовала, пока не сообразила, что своим отказом наносит обиду великодушному хозяину.

— Есть кое-что еще, что я хотел бы преподнести вашему мужу. Если я передам подарок через вас, он, я думаю, не обидится.

Паша что-то бросил слуге, и тот, выйдя из комнаты, тут же вернулся, но не один. Двое слуг несли роскошное, украшенное драгоценными

камнями седло.

— Но оно же великолепно! — воскликнула Мэри. — И я не думаю, что мой муж нашел бы в себе силы отказаться от такой вещи.

— Но он уже отказался от жеребца, которого я предлагал ему раньше вместе с этим седлом, — улыбнулся паша. — Я просил вашего мужа принять от меня такой дар, но он ни за что не пожелал согласиться, сказав, что мое великодушие переходит границы.

— В таком случае почему вы думаете, что он примет этот подарок теперь?

— Потому что не допускаю мысли о том, что вам можно в чем-либо отказать. На это не способен не только я, но и, как мне кажется, ваш супруг.

Мэри готова была расцеловать этого прекрасного человека, но сдержалась, конечно. Какой же он все-таки милый, и добрый, и такой обходительный. К тому же он так красив иногда, как, например, сейчас, когда кажется похожим на поэта или музыканта. А иногда капитан-паша выглядит настоящим воином. По слухам, султан и сам был чуточку поэтом и большим любителем музыки. Даже самолично придумывал мелодии. Видимо, турецкие мужчины, в некоторых вопросах придерживающиеся довольно варварских

обычаев, вовсе не считают зазорным предаваться занятиям, требующим участия души. Мэри также успела заметить, что некоторые из военных, такие как, например, генерал О'Хара, с которым она немного флиртовала на Гибралтаре, или паша, известные своей доблестью на поле брани, буквально безоружны перед женщинами, как бы пытаясь компенсировать таким образом свою преданность Марсу.

— Госпожа Элджин, могли бы вы мне объяснить, отчего ваш супруг отверг прекрасного коня, предложенного ему в дар, но рассыпается в благодарностях из-за каких-то старых осколков, которых полно в каждой деревне? Я этого не могу понять, а наши отношения с вашей страной только начали складываться. У вас существует обычай принимать в подарок только заведомо ничего не стоящие пустяки?

— Но для господина Элджина эти камни вовсе не являются пустяками. Я думаю, он вам уже рассказывал о своих планах относительно греческих Афин.

Мэри не сомневалась, что муж, беседуя с капитан-пашой о разных материях, не преминул подготовить почву для того, чтобы впоследствии иметь возможность обратиться к нему с просьбой

о помощи.

— Господин Элджин взял на себя миссию развития изящных искусств у нас на родине, — продолжала она. — Знакомый ему архитектор, некий мистер Харрисон, убедил его в том, что молодым английским художникам будет полезно ознакомиться со слепками и точными зарисовками, сделанными с древних греческих храмов. Цели, которые преследует мой муж, идут далеко, а его намерения благородны.

— Да, он рассказывал мне об этом, — кивнул ее собеседник.

— Разве вы не одобряете такое желание?

Иногда ей казалось, что она и сама его не одобряет. Подчас Элджина больше расстраивали неудачи с греческим проектом, чем срывы, которые иногда случались на дипломатической службе.

— Нет, не то чтоб не одобряю. Какие б склонности ни питал человек, он не должен отказываться от них, если, конечно, такие склонности угодны Богу. Но я как-то раз говорил лорду Элджину, что, будь я на его месте, я бы предпочел наряжать свою красавицу жену, чем тратить средства на бесчувственные камни.

Мэри было приятно слушать такие слова о при-

оритетах, которые должны существовать для ее мужа. Но тем не менее она поспешила прервать их с капитан-пашой уединение, оставляя комнату и попросив извинить ее за то, что вынуждена удалиться, чтобы переодеться к обеду.

Константинополь, апрель 1800 года

Георг Чарльз Константин, лорд Брюс — лорд Брюс настоящий, а не его мама, выряженная в мужской костюм, — довольно гулил на руках Калицы, своей греческой няньки, устроившейся в уголке детской на диване, пока Мэри сидела за бюро, отвечая на накопившиеся письма. Имя Георг он получил в честь короля, правившего в те годы Англией, имя Чарльз — в честь отца Элджина, а Константин — в честь христианского наименования Константинополя, города, в котором он появился на свет. Ребенок родился здоровеньким и миловидным и, Мэри в том не сомневалась, достойным тех страданий, которые она перенесла, производя его на свет. Только сейчас, спустя три недели после родов, она наконец смогла сидеть, не испытывая боли. Какое же это было наслаждение! И только сегодня были отменены дозы лауданума, препарата, который помог ей перенести страдания во время родов и затем облегчил последствия этого тяжелейшего испытания. Мысли в ее голове обрели почти прежнюю ясность.

— Самый славный мальчишка на свете! — вос-

кликнул Элджин, когда младенца, вымытого и запеленатого, показали ему в первый раз.

Мэри, хоть и намучилась во время родов, необычно долгих и тяжелых, не хотела, чтобы муж видел ее неприбранной. Мастерман расчесала ей волосы, протерла губкой лицо, а то чуть рассеянное выражение, которое сообщал ее глазам лауданум, только сделало ее краше.

— Ты похожа на небесного ангела, — сказал Элджин.

«Это потому, что всего час назад я молилась, чтоб они взяли меня на небеса вместе с младенцем», — подумала она, но вслух этого не произнесла.

— Скажите, доктор, страдания, которые мне пришлось испытать, являются обычными для рожающей женщины? — спросила Мэри у доктора.

Если это так, она откажется рожать еще детей. Руки доктора дрожали, когда он наливал себе в стакан свою привычную — ровно на четыре пальца — порцию бренди.

— Ничего подобного, леди Элджин. Уверяю, что вам пришлось вынести муки гораздо более тяжелые, чем достаются, как правило, женщине во время родов. Я даже опасался за вашу жизнь. Но разве результат не стоил перенесенных стра-

даний?

И он поднял на руках младенца, показывая его матери.

«Будто я не видела его уже прежде», — подумала Мэри и устало улыбнулась.

Тяжелые муки? Она и предположить не могла, что такое бывает. Во время родов у нее случился приступ удушья, он-то и напугал так сильно бедного, растерявшегося доктора Маклина. Мэри, с разрываемой агонией кашля грудной клеткой и жестокими схватками, едва находила силы молиться, прося Бога послать ей смерть. Когда же способность нормально дышать вернулась к ней, схватки стали почти непереносимыми. Вдруг ее дитя, вместо того чтобы уютно лежать у нее в матке, оказалось среди кишок? Ей казалось, что оно ведет безжалостную борьбу с ее внутренностями. И в таких муках прошла почти половина суток. Она умоляла дать ей болеутоляющее средство. Но ничто не помогало. Она металась на кровати, комкая простыни и одеяла, в безумном страхе, что боль снова вызовет приступ удушья. Вскоре она почувствовала, что ребенок внутри ее начал продвигаться. Не сомневаясь, что от этого продвижения ее тело разорвется, она решила перед смертью помолиться о том, чтобы Элджин, буде

он останется здоровым, сумел вырастить малыша, если тот появится на свет. Если же Элджину это не удастся, то ее мать и отец, без сомнения, пригреют бедного крошку.

Последние месяцы Элджин и сам чувствовал себя из рук вон плохо. Его мучили приступы лихорадки, последствиями которых были беспричинные ознобы, сменявшиеся приступами жара. Он постоянно обливался потом, а суставы у него так болели, что ему случалось кричать по ночам. Лечение препаратами ртути и кровопускания, прописанные доктором Маклином, не облегчали боли, поэтому он сам себе прописал употребление препаратов другого рода. Элджин стал много пить. Мэри страдала от резких перемен его настроения, но не находила сил винить мужа за то, что он ищет спасения в вине. Когда же ей приходилось смотреть на пиявок, присосавшихся к его вискам, Мэри начинало казаться, что хороший стакан бренди ей бы тоже не помешал.

Но с рождением сына самочувствие Элджина заметно улучшилось, как улучшилось и его настроение. Перестали требоваться кровопускания, боли в суставах оставили его, приступы лихорадки прекратились. Мэри случайно подслушала, как он диктовал письмо, собираясь отправить

его своей матушке, вдовствующей леди Марте, с сообщением о прибавлении в семействе.

Мэри сама не своя от счастья и беспрестанно любуется малышом. Наслаждение, которое она испытывает, возясь с маленьким мальчишкой, заставляет ее забыть о перенесенных страданиях и боли.

Когда он диктовал эти строки своему секретарю, голос Элджина сочился восторгом.

В действительности правда состояла как раз в обратном. Хоть Мэри и вправду уже обожала малыша и каждый день молилась о его здоровье, она не забыла того, что пришлось пережить. Да и как было забыть об этом? Груди ее уже не так переполняло молоко, как в первые дни после родов, аппетит потихоньку возвращался, прекратилось кровотечение. Но страх перед новой беременностью не оставлял ее, она боялась возобновления интимных отношений с мужем. Мэри казалось, что она не сможет пережить такого потрясения еще раз.

— Дорогой, позволь мне, пожалуйста, наградить себя за то, что произвела на свет здорового наследника твоего рода. Не могли бы мы ненадолго умерить свои желания, чтоб я обрела силы

поправиться? — сказала она Элджину однажды ночью самым ласковым голосом.

Она чувствовала, что необходимо забыть о нечеловеческой боли, истерзавшей ее тело, до того, как она позволит мужу возобновить отношения, которые могут опять привести к зачатию. Мысли о новой беременности наполняли ее таким ужасом, что ей часто случалось с криком просыпаться. Элджин же в ответ лишь улыбнулся и уверил ее, что крепкая и здоровая женщина может оправиться от родов очень быстро.

На двадцать второй день рождения Мэри, когда малышу исполнилось ровно восемнадцать дней, первым, кого она увидела утром, была нянька, входившая к ней в спальню с младенцем на руках. В одной ручонке его был зажат листок бумаги, который нянька с улыбкой попросила Мэри взять. Записка гласила:

Дорогая мамуся, прими, пожалуйста, этот подарочек от твоего любящего Баба. Зеленый камушек в кольце — символ того, что надежды мои безграничны, пока твоя рука поддерживает меня.

С любовью,
твой Баб

Голова Элджина просунулась в дверь.

— Как тебе наш маленький турчонок? Разве этот парень не самый галантный кавалер?

— Он и его папа сделали меня самой счастливой женщиной в мире.

Она улыбнулась, протягивая мужу обе руки и целуя его. Недомогания лишили Элджина его счастливой внешности и моложавого вида, но не его приятного обхождения.

— И вообще он славный парень, правда?

— Конечно правда. Замечательный наследник твоего титула и моего состояния. У нас есть наследник, Элджин. Здоровенький, крепкий мальчишка! — ответила Мэри.

Она все время собиралась затронуть вопрос о том, что ей следует предохраняться от беременности, хотя бы временно, но никак не могла выбрать подходящего момента. Но если она не найдет в себе храбрости теперь же, то как бы не стало слишком поздно. Элджин вступит в свои супружеские права, и если она не проявит осторожности, то опять понесет.

— Да, Мэри, мы с тобой счастливцы! Только подумай! Ты еще так молода и сможешь родить мне пять-десять детей!

— Сколько? Пять? Десять? Я, конечно, помню,

мы с тобой говорили о том, как хорошо иметь много детей, но не слишком ли рано ты об этом говоришь? Наш первенец только что появился на свет. В конце концов, дай мне возможность позаботиться об этом ребенке.

— Чепуха, Мэри. Разумеется, ему всегда будет принадлежать особое место в наших сердцах, как перворожденному сыну. Но нельзя же ограничиваться единственным ребенком.

Тон Элджина неожиданно стал очень серьезным, он говорил даже с тревогой.

— Старший из моих братьев скончался в раннем возрасте, только потому я и унаследовал титул. Мы с тобой должны позаботиться о том, чтоб наш род не прервался.

— Конечно, дорогой, но подчиняясь разуму. Мы все-таки не животные. Как ты сказал, я еще молода, зачем же так торопиться? Я не хочу опять оказаться на одре страданий, задыхаясь, истекая кровью и изнемогая от боли!

Она подняла на него глаза, понизила голос.

— Это было так страшно, Элджин! Я ведь могла умереть. Даже доктор Маклин этого боялся.

— Обычные страхи женщины, рожающей впервые, — равнодушно отрезал Элджин. — Все говорят о том ужасе, который пережили,

но поскольку ребенок родился здоровым и ты оправилась наилучшим образом, следующий раз окажется гораздо более легким.

— Ты, должно быть, прав.

Мэри согласилась с мужем, но про себя поразилась тому, что он, как, наверное, и каждый мужчина, отнюдь не будучи врачом, считает себя экспертом в делах деторождения.

— Наш король Георг и его супруга имеют пятнадцать ныне здравствующих детей, и в частной беседе его величество наверняка признается, что ни одного из них не считает достойным наследником трона. Нет, Мэри, никакой уверенности в этом вопросе быть не может. Особенно не чувствует ее мужчина. Мы должны смотреть в будущее. Как только ты наберешься сил, я сразу же позабочусь о том, чтоб ты понесла второй раз.

Элджин говорил с такой уверенностью и безапелляционностью, будто беседовал с великим визирем.

— Как? Сразу же?

— Конечно. Даже если не брать во внимание практическую сторону вопроса, должен заметить, что материнство пошло тебе на пользу. Ты стала гораздо более соблазнительной, чем была.

— Но я сомневаюсь в том, что разумно растить

детей в этом городе, где бушуют постоянные эпидемии оспы. Каждый раз, когда я смотрю на наше дитя, я безумно тревожусь о нем.

— Разумеется, мы должны оберегать его от болезней. — Элджин произнес эти слова, нежно поцеловал ее и, взяв из ее руки изумрудное кольцо, надел его ей на палец. — Ты ярчайшая из звезд Константинополя, это признают все. Твой блеск покорил оба берега Босфора, сияет над Европой и Азией. Я люблю тебя, Полл.

— И я люблю тебя, Эджи, — проворковала она, решив про себя пока оставить вопрос о деторождении нерешенным.

Несколько минут спустя в кабинет Мэри вошла служанка и сообщила, что она отнесла обед мистера Маклина к нему в комнату, как он всегда просил это делать, и нашла его неподвижно распростершимся в кресле. Доктор был мертв.

Мэри понимала, как сильно ей будет не хватать этого человека, хоть она и знала его недолго. И если ей придется еще раз рожать в чужой земле, у нее не будет даже доктора, на которого можно положиться.

Лето 1800 года

Мэри даже не догадывалась, как сильно она соскучилась по родителям и как одиноко ей без них жилось, пока не увидела отца и мать. Когда те появились в посольском особняке, она ожидала, что сразу утонет в их объятиях, ведь, в конце концов, она их единственное и обожаемое дитя, но пришлось на собственном опыте убедиться в справедливости старого правила: внуки слаще деток. Едва успев звучно расцеловать дочку в обе щеки, чета Нисбетов шмыгнула мимо нее к юному лорду Брюсу, восседавшему на руках у Калицы. Миссис Нисбет издала не более одного-двух восторженных возгласов, как младенец тут же перекочевал к ней на руки. Она выхватила его у кормилицы с такой поспешностью, будто испугалась, что эта женщина непременно похитит его во тьме ночи. Мистер Нисбет то и дело похлопывал Элджина по плечу, громогласно восклицая: «Отличная работа, сынок!» — с таким видом, будто именно тот собственноручно произвел на свет это дитя.

Мэри сделала все возможное, чтобы визит ее родителей в Константинополь был как можно

более приятным, сердечным и полезным. Заго-дя приготовленные для них комнаты были настолько роскошными и пышными, насколько, по ее мнению, требовало этого их богатство и общественное положение и насколько позволяло шотландское благоразумие. Она позаботилась о встрече родителей с самыми важными особами — как иностранными дипломатами, так и высокопоставленными англичанами и знаменитыми турками. Капитан-паша устроил в честь их приезда настоящий прием, пригласив всю семью к себе в гости, и там, на глазах у ее родителей, вынул из своего тюрбана аметист сказочной величины и с поклоном преподнес его Мэри, дабы продемонстрировать, как он сказал, то огромное уважение, которое питает к госпоже Элджин. В другой раз она провела со своей матерью целое утро на рынке, где та накупила бесконечное множество вышитых шалей и тканей, золотых заколок для волос, перламутровых и слоновой кости застежек, перьев экзотических птиц, косметики, кремов для лица, еще не известных на континенте. На миссис Нисбет произвели огромное впечатление как умение Мэри сохранять полнейшее самообладание перед агрессивной тактикой рыночных зазывал, так и та высоко-

развитая техника торговаться с ними, которой овладела ее дочь. Нужно отметить, что обе дамы посетили тот рынок, где в основном торговали женщины и большинство покупателей также были женщинами.

Перед приездом родителей жены Элджин несколько раз серьезно с ней беседовал об их визите. Он даже разработал специальный график, которому она должна была следовать.

— Мы не можем позволить себе ни неудачи, ни промедления, — втолковывал он жене на протяжении нескольких недель до прибытия супругов Нисбет. — Осуществление наших планов в Афинах становится все более и более дорогостоящим. Нам приходится выплачивать жалованье огромному количеству людей, а турецкие чиновники требуют все более крупных взяток и платы за разрешение работать на Акрополе. Капитан-паша собирался было прийти мне на помощь, но не успел, так как его срочно отозвали в Египет.

— Какое это имеет отношение к моим родителям? — спросила Мэри, уже зная ответ.

— Мэри, мы нуждаемся в деньгах.

— Но мы и так немало получили от них!

Она так усердно трудилась, подготавливая их приезд, хотела их убедить, с одной стороны, в сво-

ем умении комфортабельно устроить посольских сотрудников и держаться на дружеской ноге с самыми знатными представителями турецкого общества, а с другой стороны, показать, что сумела достичь этого весьма скромными средствами. Мэри страшилась предстоящего разговора с отцом о деньгах. Мистер Нисбет предоставил жене и дочери всю роскошь, которой требовало их социальное положение, стараясь держаться при этом в необходимых пределах. «Роскошь, но умеренная» — этот лозунг был его девизом, и великие планы Элджина не могли, конечно, встретить у такого человека сочувствия.

— Мой отец считает, что он сделал более чем достаточно. Он уверен, что ты позволяешь себе слишком большие затраты. И он не отступит от своего мнения.

— Но разве мистер Нисбет не понимает, что такое долг истинного патриота? — спрашивал ее Элджин. — Не понимает, что каждый выделенный им пенс пошел на военные расходы армии генерала Аберкромби в борьбе с Наполеоном?

Это было чистой правдой. Элджин перевел огромные суммы денег английской армии в Египет. Генерал Аберкромби справедливо рассудил, что гораздо легче обращаться за деньгами

на военные расходы в английское посольство в Турции, чем просить их у короля. Элджин уверял своих банкиров так же, как он уверял в том Мэри, что правительство возместит им затраты. Но пока военные расходы, вместе с афинским проектом и расходами на содержание посольства, заставляли семью Элджин постоянно ощущать нехватку денег. И только Мэри могла надеяться получить дополнительные средства.

— Твой отец должен понять, что британское правительство временно относится ко мне как к частному фонду, к которому можно обращаться по мере надобности.

Мэри не знала, что возразить Элджину. Лично ей отношение правительства к ее мужу казалось просто отвратительным, но Элджин не мог свести к нулю все расходы. Отчасти это происходило из-за его щедрости, примером которой был его подарок на ее двадцатидвухлетие. Изумруд был прекрасен, муж знал о ее слабости к красивым камням. Мэри и вправду обожала драгоценности и все-таки посчитала такой расход неразумным, особенно в это тяжелое время. Но разве может человек отказаться от прекрасного подарка, который муж этого человека гордо ему преподносит? Продолжая осыпать Элджина благодарностями,

она по секрету написала лондонским ювелирам и поинтересовалась, сколько может стоить изумруд такой величины. Мэри предполагала, что, возможно, ей придется однажды расстаться с ним для оплаты других предприятий мужа.

Перед приездом родителей она спрятала изумруд подальше и, притворившись встревоженной, при первой же возможности обратилась к родителям с вопросом о деньгах.

Но мистер Нисбет тоже подготовился к дискуссии и прибыл в Константинополь со своими собственными вопросами.

— Я не спорю с тем, что лорд Элджин действует из самых что ни на есть патриотических побуждений, Мэри. Меня больше тревожат другие аспекты, — начал ее отец.

Мэри молчала, ожидая продолжения речи отца, но его прервала супруга.

— Он может лишиться Брумхолла! — воскликнула она взволнованно.

— Как это лишиться?

Элджин не упоминал ни о каких сложностях с его — их — поместьем в Шотландии.

— Они с мистером Харрисоном, архитектором, просто помешались на своих планах относительно Брумхолла.

— Грандиозных планах. Дорогая, выражайтесь более точно, — насмешливо произнес мистер Нисбет.

— Да, они их именно так и называют. Но осуществление этих грандиозных планов будет стоить им целое состояние, гораздо больше, чем они предполагали, — продолжала мать Мэри. — Банкиры Элджина принимают его долговые расписки, но из чистой любезности сообщили о них нам. Если Элджин не станет более осмотрительным и не умерит свои амбиции относительно этого дома, он лишится всяких средств задолго до окончания постройки и вынужден будет продать имение.

— И окажется не первым из расточителей-аристократов, попавших в такой переплет, — добавил мистер Нисбет. — На самом деле сметливые землевладельцы в округе поджидают подобные банкротства, чтоб приобрести землю по дешевке.

— Конечно, мы слышим разговоры, что идут в графстве, дорогая. Несчастная мать Элджина постоянно шлет ему письма, советуя урезать расходы по строительству, но он ничего и слышать не хочет.

— Его банкир уже послал ему предупреждение

на этот счет. Он с тобой, конечно, не поделился этим известием, не так ли? Я не сомневался в этом, — поддержал миссис Нисбет ее муж.

Мэри не отвечала, обескураженная своей неосведомленностью в делах мужа.

Мистер Нисбет покачал головой.

— Точь-в-точь его отец. Упокой, Господи, его банкротскую душу.

— Но вы, конечно, не допустите, чтоб случилось наихудшее? С вашей дочерью и внуком?

Она каждый день мечтала о возвращении в Шотландию и о том, как они станут поживать в своем роскошном Брумхолле. Боже, да в своих фантазиях она уже украсила каждый его дюйм. Когда ей случалось проводить ночи без сна, в тоске по родным краям, она рисовала в воображении его комнаты, представляла, как задрапирует стены покоев прекрасными богатыми индийскими и турецкими тканями, как украсит окна своего будущего шотландского дома.

— Где же мы с сыном будем жить?

— Любой мужчина должен нести ответственность за своих жену и детей, — наставительно произнес отец. — И если ты дашь себе труд припомнить, то признаешь, что я тебя предупреждал.

Госпожа Нисбет бросила укоризненный взгляд в сторону мужа. Мэри понимала, что мать, конечно, не позволит ее отцу спокойно сидеть и смотреть, как Брумхолл идет с молотка и уплывает из рук Элджинов. Но мистер Нисбет имел свои резоны.

— Мне приходится заботиться о пропитании шестидесяти работников посольства, — сказала Мэри в надежде, что родители почувствуют, до чего ей приходится нелегко, — Вы даже не знаете, как я вынуждена экономить на всем.

— Зато я знаю, что ты позволила лорду Элджину нанять камерный оркестр.

Замечание отца Мэри сочла уж слишком колким. Разве он не понимает, что в их положении приходится заботиться и о престиже тоже? Все посольства проводят подобные развлечения, только правительство не хочет этого понять. Да Мэри и сама с радостью наслаждалась музыкой на своих вечерах. Она с трудом сдержала слезы, когда из-за отсутствия средств вынуждена была распустить небольшой оркестрик.

— Мне пришлось обидеть людей, когда я при найме на работу спрашивала, согласятся ли они получать жалованье прислуги, — пожаловалась она.

Нанять хороших музыкантов, которые согласились бы пойти на ее условия, было нелегкой задачей, и лишь спустя шесть месяцев Мэри была вынуждена признать поражение и отпустить их домой, в Англию.

— Лорд Элджин сообщил своему архитектору о том, что его люди разыскивают античные мраморы, с которых он велит сделать слепки и отослать в Шотландию для установки в его поместье. Разве такие экстравагантности необходимы? — спросила миссис Нисбет.

— Одни только транспортные расходы будут феноменально велики, — поддержал ее муж.

Мэри о таких планах не слышала.

— Ходят слухи, дочь, что цель его греческой экспедиции превратить Брумхолл чуть ли не в подобие афинских дворцов.

— Что за абсурдное предположение, — в сердцах возмущенно сказала Мэри. — Единственное, чего хочет Элджин, — это поднять уровень художественного образования в Англии, вот и все. В этой благородной задаче я его поддерживаю. И моя мама со мной согласна.

Она обернулась к матери:

— Или, мама, ты уже имеешь другое мнение об обязанностях доброй супруги?

Миссис Нисбет покраснела. Очевидно, она не забыла совет, который дала дочери, когда тема афинского проекта была впервые поднята в беседе между ними. Тогда Мэри была удивлена словами матери о том, что ей придется во всем поддерживать Элджина, но именно ими она руководствовалась в каждом своем решении со времени прибытия в Константинополь. Теперь, когда ее поддержка начинаний мужа стала так дорога и затруднительна, ей не хотелось, чтобы мать отступила от своих слов.

— Нет, я не переменила своего мнения. Разумеется, долг каждой жены — помогать мужу в его службе. Но цена, которую приходится платить тебе, является просто неразумной.

— К тому же долг доброй супруги и в том, чтоб пытаться умерять притязания мужа, — вставил мистер Нисбет.

— Моя мама справляется с этим долгом? — ехидно поинтересовалась Мэри.

— До сих пор в этом не было необходимости, — последовал быстрый ответ матери, но глаза она принуждена была отвести в сторону.

Мэри показалось, что в тоне миссис Нисбет мелькнуло легкое сожаление, смешанное с гордостью.

Действительно, Мэри следует обуздать непомерные запросы Элджина. Но разве экстравагантность его стремлений не является знаком незаурядности его натуры, с жадностью поглощающей все лучшее, что может предложить жизнь? Желание оставить свой след, хоть чуточку улучшив мир? Миссис Нисбет, возможно, и наслаждается трезвым подходом своего супруга к жизненным ценностям, но разве ей знакомо волнение, которое может дать такой человек, как Элджин? Счастье, которым он одаривает женщину как в интимных отношениях, так и в социальной сфере? Мать Мэри живет достойной и счастливой жизнью потому, что мистер Нисбет ведет свои дела, сохраняя взвешенную умеренность и практичность. Но здесь Мэри, украшение оттоманского двора, женщина, которую балуют вниманием самые высокопоставленные мужчины, находится в самом центре исторических событий. Нет, она не станет менять свои привычки и довольствоваться скучным и глухим прозябанием.

Они вырвали его у нее из рук, схватили хрупкое тельце, сорвали с головки крохотный кружевной чепчик, который прислала ее бабушка в качестве крестильного подарка, обнажив язвы, сплошь

покрывшие фарфоровую кожу младенца. У нее не было сил ни сохранить ему жизнь, ни спасти своего первенца. Мужчина с телегой был сильнее ее, его ручищи вынырнули откуда-то из глубин оранжевого одеяния и выхватили у нее ребенка. Мэри хотела позвать мужа, но побоялась сказать ему о смерти их первенца. Она потеряла мужа и не сумела спасти сына. Как же она слаба, слаба физически и духовно. Она позволила себе наслаждаться ухаживаниями мужчин, которые были для нее чужими. Она оставалась здесь, принимая грошовые подарки из их огромных рук, надевала шелковые платья и вызывающе яркие драгоценности, любила плыть в паланкине над головами других людей — а ведь эти люди были ничем не хуже ее самой, — когда ей следовало настоять на том, чтобы Элджин увез ее и ребенка домой. Она так сильно тянула ребенка к себе, что боялась вырвать его хилые ручонки из суставов, и знала, что именно ее тщеславие, а не чума, не страшный яд, текущий в жилах половины населения этого города, погубили ее, а вместе с ней и ее сына. Она боролась изо всех сил, но мужчина с телегой был силен как бык. Она не смогла осилить ни его сопротивления, ни холодного обвиняющего взгляда его глаз. И она уступила, отвела взгляд от

своего мальчика, когда его мертвое тельце оказалось брошенным поверх остальных детей. Она услышала глухой звук падения, звук, с которым дитя, которого она так недавно носила в чреве, упало в телегу.

Мэри проснулась задолго до рассвета и сбросила тяжелое одеяло, чувствуя приближение приступа удушья. Постаралась успокоиться, делая мелкие глотательные движения и мысленно обратив краткую молитву к Богу. Если она не будет слишком жадно хватать ртом воздух, возможно, Господь будет милостив этим утром и она преодолеет подступающий приступ.

Элджин уже проснулся и лежал на спине около нее, глаза его были открыты, руки подложены под голову.

— Ты чем-то взволнована. Приснилось что-то плохое?

По причинам, которые она даже себе не могла объяснить, ей не хотелось рассказывать ему свой сон. Ее ненаглядный сын спокойно спал рядом в колыбельке, но вина перед ним, которую она ощутила во сне, не оставила ее и наяву.

— Кошка твой язык проглотила?

Дыхание уже вернулось к ней, и Мэри сумела ответить.

— Да, какая-то чепуха. Что-то, как будто связанное с эпидемией оспы. Не помню, что именно.

— Ты слишком много думаешь об этом. Ни один человек из нашего окружения не имеет ни малейших симптомов заболевания.

— Это всего лишь случайное везение, — возразила она.

— Или же воля Провидения. Но на мой взгляд, скорее в этом заслуга здорового образа жизни, который мы ведем. Также важно и определенное развитие медицины и гигиены, конечно.

— Любимая жена великого визиря потеряла десять из своих одиннадцати детей. И я не думаю, что условия, в которых живем мы, сильно превосходят по удобству те, в которых живет Юсуф-паша и его дети.

— Возможно, это и так. Но что касается развития медицины и гигиены, тут, конечно, задает тон Британия, и ты, дорогая, не станешь спорить. Думаю, это очевидно.

— Но не глазам султана и его приближенных.

— Тем не менее беспокоиться нет причин.

— Элджин, появилась новая вакцина против оспы. Об этой новости сообщил мне доктор Скотт.

Вместо доктора Маклина в штате посольства

теперь работал отличный, прогрессивно мыслящий врач. Доверие Мэри к этому новому человеку росло с каждым часом, проведенным в беседах с ним. Доктор Скотт был, безусловно, человеком идеи, к тому же, что тоже было немаловажно, руки у него не дрожали, когда он подносил лекарство.

— Формула этой вакцины стала известна от местных докторов в Константинополе, — продолжала Мэри, — но в последние несколько лет врачи и ученые в Англии заметно улучшили ее. Хоть ее применение имеет некоторые трудности, доктор Скотт уверен в эффективности вакцины.

— И впрямь, Мэри, настали времена потрясающих научных открытий.

— Тебе не кажется, что мы могли б оказывать более заметное влияние на ход жизни в этом городе?

Элджин расхохотался.

— Ты имеешь в виду создание радикально нового союза между Портой и Великобританией? Помимо того шага, который ты сделала, оказавшись первой европейской женщиной, ступившей за порог гарема? И приобретя дружбу и преданность его владыки, одного из самых могущественных людей в Турции? Послушай, Мэри,

скажи мне, какие еще цели ты преследуешь?

Мэри не хотелось признаваться в том, что она действительно имеет некоторые желания, которые могут идти вразрез или быть для нее более важными, чем желания самого Элджина. В последние дни его так легко расстроить. Кратковременное улучшение, наступившее после рождения ребенка, миновало, и Элджина снова стала одолевать лихорадка. Едва ли не каждый день его мучили озноб или жар, мучительно болели суставы. Он стал страдать от таких же приступов удушья, которые досаждали Мэри. А прекрасный орлиный нос, которым так восхищалась Мэри в дни ухаживания, почти напрочь исчез, так сильно изглодала его болезнь, не поддававшаяся никаким, даже самым сильнодействующим и новейшим препаратам.

— Я просто подумала о том, что мы могли б использовать влияние, которым обладаем, и сообщить здесь о новой вакцине.

— Дорогая, предупреждаю, ты затеяла опасную игру. Действие вакцины не доказано, и применение ее может оказаться чрезвычайно опасным. А если ты поинтересуешься моим мнением, то я скажу, что не особенно в нее верю. Ее действие не основано на разумных основаниях. Кто доказал,

чтоб заражая пациента тяжелой болезнью, можно тем самым снасти его от нее? Если вакцина будет тут испытана и принесет кому-либо из близких султана вред, разве можно предсказать, чем это обернется? Кто знает, какие обвинения последуют и какое они вызовут наказание? Ты доверяешь этим людям, Мэри, но потому, что ты сама — честное и любящее существо. Но должен тебя предупредить, что в душе здешние жители глубоко отличны от нас. Жизнь человеческая тут не слишком в цене и головы легко слетают с плеч. Людей бросают в тюрьмы по одному только подозрению, и никто не спешит их оттуда вызволять. Будь предусмотрительна хоть раз в жизни.

— Ты совершенно прав, Элджин. А я просто наивная дурочка, сама знаю. Но я так горюю из-за того, что оспа здесь просто косит людей. И если есть даже малый шанс на то, что я смогу облегчить горе матерей, видящих, как жатва смерти уносит их детей, я предприму все, что в моих силах.

— Разумеется, — сказал Элджин.

— А теперь, может, нам еще немного поспать?

Ночные страхи оставили ее, рассвет еще не занимался.

— Боюсь, мне не заснуть больше. Вчера мне

доставили известие, которое надолго лишит меня сна.

Элджин говорил, не открывая глаз, будто боялся, что если он их откроет, то факт, о котором он не хотел сообщать, станет реальностью.

— Наполеон со своей эскадрой находится в Тулоне. Есть сведения, они доставлены нашими людьми и им можно верить, что он намерен высадиться в Греции. Этот человек давно строил такие планы.

От страха внутренности Мэри сжались. Казалось, война настигает их.

— Но что это может означать для нас? Для Турции? Она будет следующей страной, на которую он собирается напасть? Эджи, в таком случае мы должны уехать отсюда. Здесь становится опасно. Или, по крайней мере, мы должны отправить нашего ребенка с моими родителями на родину.

— Что с тобой, Полл? Такая пугливость на тебя не похожа.

— Думаю, это материнство сделало меня трусливой.

— Похоже на то. Что иное могло случиться с той отчаянной девчонкой, которая хлопала в ладоши от азарта, когда наблюдала за преследованием французского военного корабля?

В тоне Элджина как будто звучало некоторое сожаление о том, что та сорвиголова, на которой он когда-то женился, исчезла.

Мэри знала, что теперь ее переполняют опасения и осторожность. Трудные роды дали опыт страданий, которого не знала прежде беззаботная жизнь. Мэри не могла отрицать, что зловещие страхи окрасили как ее сны, так и ее действительность. Лучше быть поосторожней, чем впоследствии сожалеть о легкомыслии. И если уж она верит в свои предчувствия, то не оставит их без внимания.

— Но для паники нет оснований, — продолжал Элджин. — Я получил предписание отправить кого-нибудь из своих сотрудников в Грецию с предупреждением турецким властям, управляющим этой провинцией, о нежелательности их переговоров с французами. Но ты же знаешь, каковы эти люди. Несколько монет переходят из одних рук в другие, и все наши долгие усилия по созданию англо-турецкого альянса идут прахом. Я намеревался послать туда Морьера, но он отправился в Египет. Кажется, следует обдумать кандидатуру преподобного Ханта для поездки в Грецию.

— Если только его дипломатические дарования

превосходят его способности как проповедника. Если ты позволишь ему произносить речи перед турецкими чиновниками, завтра же вся Греция заговорит по-французски.

Элджин выдавил из себя кривую улыбку. Наконец он открыл глаза, но Мэри не видела в них супружеской теплоты.

— Ты ведь понимаешь, не так ли, что мы должны сделать все возможное и поспешить с афинским проектом? Если Наполеон высадится в Аттике, все будет кончено. Наших людей из Акрополя тут же вышвырнут, если не бросят в тюрьму или вообще не прикончат. Французы захватят все плоды их работы вплоть до последнего рисунка. Все, что уже сделано, все, что приобретено, все, над чем мы трудились и — как это ужасно, Мэри! — за что платили собственными деньгами, все пропадет. Мы не должны позволить такому случиться.

— Но что мы можем сделать?

Она еще не сообщила Элджину об итоге переговоров с родителями.

— Тебе это и самой известно. Пока твои родители здесь, мы должны внушить им, насколько срочно нужно закончить нашу работу. Надо, чтобы они поняли: все поставлено на карту.

— Я говорила с ними. Они не расположены оказывать дальнейшую материальную поддержку, — неохотно произнесла Мэри.

— Но это просто невозможно. Ты рассказала им обо всем, что знаешь? Объяснила, как серьезно обстоят наши дела?

— Думаю, что я сумела объяснить им главное, суть дела. Но, видишь ли, они сильно обеспокоены твоими незадачами с домашним строительством.

Она давно выбирала наиболее подходящий момент для разговора о Брумхолле. Мысль, что им, возможно, предстоит потерять родное гнездо, была непереносима для нее.

— О чем ты говоришь?

— Родители боятся, что вследствие перерасхода тебе придется продать Брумхолл.

Он подозрительно уставился на нее.

— Откуда они это взяли?

— Надеюсь, ты не думаешь, что твоя жена станет пугать тебя лживыми угрозами? Им это стало известно от твоих банкиров и кредиторов в Эдинбурге. Похоже, вся Шотландия в курсе предстоящего несчастья. Все, кроме, разумеется, твоей жены.

Она была уверена, что Элджин вспылит и

разразится негодованием, но он продолжал совершенно спокойно:

— Я бы от души желал, чтоб и моя жена, и ее родственники не слушали досужих сплетен.

— Но они и не слушают сплетен! — вспылила она сама, потеряв терпение. — Перед их глазами закладные бумаги.

— Мэри, скажи, пожалуйста, ты представляешь себе важность нашей нынешней позиции? Разве ты не догадываешься, как резко возрастет ко мне доверие, когда я окончу здесь службу? Все меры, предпринятые генералом Аберкромби, стали возможны только благодаря той помощи, которую мы ему оказали. Мы оба, ты и я, работаем ради победы над Наполеоном.

— А откуда ты знаешь, что Англия победит?

Элджин выпрямился, рука его легла на сердце, будто он выступал на трибуне перед иностранными представителями.

— Англия победит, поскольку обладает более высокой культурой, дисциплиной и моралью, чем французы. Это совершенно очевидно, и просто непатриотично предполагать обратное. Когда же придет день победы и все рисунки и слепки окажутся у нас на родине, нашим усилиям отдадут должное.

Он выбрался из постели и стоял перед женой, уперев руки в бока.

— Разве ты не понимаешь, что мы с тобой будем нуждаться в жилище, соответствующем нашему новому положению? Разве можно вернувшись на родину с почестями и славой, довольствоваться каким-то обшарпанным арендованным жильем? Ты этого хочешь для себя и своих детей? Разве такого дома заслуживает тот, кто благородно служил своему королю?

Мэри лежала притихнув. Снова, в который раз она недооценила мужа. Конечно, Элджин продумал все возможные возражения, которые могут выдвинуть родители его жены. Решение, принятое им, основывается на непреложных фактах и вере как в самого себя, так и в Великобританию, чьи интересы он назначен оберегать и представлять. А она не сумела должным образом доказать его правоту перед своим отцом, принявшим окончательное решение, и теперь никакими силами его не разубедить.

— Но ты должен понять и их точку зрения. Отец составил свой капитал самыми рассудительными и благоразумными мерами, трезвым отношением к денежным средствам, а не героическими актами патриотизма. Он настоящий прагматик.

— Мэри, Ханту понадобятся огромные средства, когда мы снарядим его в Грецию. Только деньги могут купить нам расположение пашей, турецких наместников в Греции. Кроме того, нам придется удвоить наши усилия в Афинах, чего бы это ни стоило. Туркам нет дела ни до одного произведения искусства. Они с радостью продадут весь Парфенон за пригоршню монет французам, если те, конечно, не дадут себе труда просто захватить греческие сокровища по праву победителя.

Очевидно, Мэри задержалась с ответом, потому что он добавил:

— Честно. Ты со мной согласна? Мы зашли слишком далеко, отступать поздно.

— В таком случае поговори с моим отцом ты. Со всей откровенностью. Ты должен внушить ему, что твоя карьера еще впереди, что та репутация, которую ты зарабатываешь именно сейчас, составит тебе имя в глазах его величества.

В конце концов, его неудача будет провалом не только его, но и ее тоже, и их обожаемого внука.

— Я поговорю с твоим отцом, Мэри, но у меня есть лучший план. Давай устроим им поездку в Афины вместе с нашим Хантом. Организуем это путешествие, дадим возможность оценить

величие античных сокровищ. Думаю, что ни один человек на свете, тем более твой отец, не сможет устоять перед подобным великолепием и не пожелать участвовать в его спасении. В этих античных развалинах есть что-то абсолютно неотразимое. Степень их совершенства заставляет человека стремиться к обладанию ими.

— Нет, ты не понимаешь моего отца, — сказала Мэри. — Он считает подобные вещи чрезмерными, отдавая предпочтение необходимому. У него нет ни малейшего интереса к романтике или роскоши.

— Я, может, и не понимаю твоего отца, но ты, дорогая, не понимаешь честолюбия мужчин. В том, что касается славы, мы все одинаковы. Ты лучше беседуй со своей матерью, а мне предоставь мистера Нисбета.

Капитан-паша обратил внимание на уныние, завладевшее Мэри после отъезда родителей, и заявил, что озабочен ее грустным видом. Он отправил чете Элджин послание с приглашением на обед, приписав в конце, что намерен сообщить им приятную новость. Оба долго ломали головы, что это могло значить: планирует ли паша преподнести им еще какой-нибудь необычный подарок, чтобы увидеть выражение счастья на

лице Мэри? Не так давно он подарил Элджину корабль с великолепной оснасткой, соперничающей с оснасткой самых знаменитых судов в мире. Теперь Элджин мог совершать любые поездки в водах Оттоманской империи.

«О чем же может идти речь в данном случае?» — недоумевала Мэри.

Им уже посылали драгоценности, лошадей, седла, бесценные ткани, ковры, редчайшие специи Востока, но главным, чем дарил их паша, были его дружба и влияние. Мэри считала, что дары становятся излишними. Каждый раз, когда паша преподносил ей нечто новое и экстравагантное, ее женское тщеславие ликовало, но в то же время страдала шотландская практичность. Ей казалось, что наступил предел и она больше не должна принимать никаких подарков. Или, по крайней мере, воздерживаться от проявлений бурного восторга.

Но в тот вечер, после завершения обеда, когда был подан кофе, паша не стал делать никаких подарков, а объявил, что госпожа валиде-султан, мать великого султана и по традиции самая влиятельная из женщин империи, расспрашивала его о леди Элджин, о которой так много и неустанно говорят.

— Превосходно! — воскликнул Элджин. — Мэри, ведь госпожа валиде опекает Акрополь.

Он обернулся к хозяину:

— Вы ведь знаете о том, как жизненно важно для меня предприятие, которым заняты мои люди в греческой столице?

— Госпожа валиде-султан намерена пригласить госпожу Элджин в свои покои во дворце и дать ей частную аудиенцию, — продолжал паша. — Она уже год, как слышит о леди Элджин и хотела б видеть ту, которая покорила все сердца в городе. Я намеренно дал вам знать о предстоящем приглашении заранее, поскольку осведомлен о том, какую важность дамы придают таким вопросам, как наряды и украшения.

— Является ли такое приглашение обычным явлением при дворе султана? — Задавая этот вопрос, Элджин почти был уверен в ответе, который получит.

— Ни в коем случае. Ваша супруга будет первой европейской гостьей, которая посетит гарем султана, — ответил паша и улыбнулся Мэри, будто это приглашение было результатом его хлопот. — Это высочайшая честь для вас, госпожа супруга посла, как, впрочем, и для любой другой женщины.

Позже в тот же вечер, когда супруги остались наедине, Элджин выразил свой восторг более откровенно:

— Чем больший интерес при дворе султана ты вызываешь, тем верней обстоят наши дела в Афинах. Главное сейчас — это время, Мэри. Срок моих полномочий подходит к концу. И наше предприятие тоже.

— Конечно, — согласилась Мэри.

Ей хотелось сказать это поласковее, но на самом деле она была раздосадована отношением мужа: каждый ее успех он воспринимает только как средство для достижения своих собственных целей.

— И я думаю, что мне следует воспользоваться моим визитом к госпоже валиде и донести до нее идею о вакцине.

— О, мы же об этом говорили, — вздохнул Элджин. — Пожалуйста, не теряй из виду основное. Один ошибочный шаг с вакциной — и все предприятие окажется под угрозой. На карту поставлены постройки времен Перикла.

В тот вечер муж не пил много, и Мэри решила воспользоваться его благодушием.

— Я вижу, что, несмотря на твою любовь к делам Перикла, его слова ты не очень-то высоко

ценишь.

— О чем ты говоришь, Мэри?

Он бросил на жену опасливый взгляд.

— Я дочитала книгу Плутарха «Жизнь Перикла». Помнишь, как он выразился в своей знаменитой траурной речи? Перикл сказал, что лучшая из женщин — та, о которой меньше всего говорят. Неважно, дурные это разговоры или хорошие. Весь Константинополь столько сплетничает о твоей жене, что слухи докатились даже до госпожи валиде, а ты и внимания не обращаешь.

— Зато о жене самого Перикла, можешь назвать ее как хочешь — любовница, наложница, куртизанка, так вот, о ней сплетничали не только в Афинах, но и по всему Пелопоннесу. Очевидно, Перикл имел в виду что-то совсем иное.

— Но известность, которую приобрела Аспасия, доставила много проблем Периклу. Его даже обвиняли в том, что из-за нее он начал войну с Самосом. Интересно, может быть, и вправду для женщины небезопасна известность любого рода? Не об этом ли и говорил он?

Она припомнила Эмму Гамильтон. О королеве, супруге Георга III, в лондонском свете говорили меньше, чем об этой женщине. Но при всем том, что сплетни были нескончаемы, о добрых делах

«этой особы», тех, которые сэр Уильям так расхваливал перед Элджином, не упоминал ровным счетом никто. Как видно, эти дела никого не интересовали, в то время как сплетни о ее частной жизни, которую надлежало бы держать в секрете, регулярно обсуждались и на страницах журналов, и в салонах по всему континенту. Парадокс, да и только.

— Мне иногда кажется, что о женщинах отзываются лишь уничижительно. О респектабельных же дамах просто никто и не удосуживается вспомнить.

— Боже, да вы, женщины, сегодня — во всяком случае, европейские женщины — связали нас, мужчин, по рукам и ногам. Разве ты не согласна? Полагаю, что Перикл, например, был главой в собственном доме, если уж он являлся главой афинского правительства. К этому стремлюсь и я, хоть главой правительства не являюсь.

— Ты мне, право, льстишь, — промурлыкала Мэри. — Я уж точно не глава посольства, как и нашего хозяйства, по сути.

— И мы постараемся сохранить это положение как можно более долго, не так ли? Несмотря на любые посторонние помехи.

— Думаю, мы его сохраним.

— Но не забудь, пожалуйста, моя милая Полл, что, хоть Перикл и был отчаянно влюблен в Аспасию, афинские поэты называли ее не иначе как бесстыжей шлюхой. Так что давай позаботимся о том, чтоб о тебе не говорили уж слишком долго.

— Хорошо, — рассмеялась Мэри. — Отличная мысль.

Ей хотелось спросить у мужа, какой стратегии им придерживаться и какую часть своих планов он намерен претворить в жизнь, пока не начнет оберегать ее репутацию, но Элджин вдруг зевнул. Поэтому вместо продолжения беседы она коснулась губами его щеки и повернулась на другой бок.

Но сон не приходил, и Мэри прекрасно знала тому причину. Она не спала вот уже три ночи, ровно с тех пор, как начала подозревать, что вновь беременна. Ее обычные недомогания запаздывали на десять дней, и если тело еще не дало ей почувствовать своей тягости, душой она уже приняла этот сигнал. Мэри понимала, что крошечное семя брошено и готово дать всходы, но откуда ей это известно, она не могла бы сказать. У нее пока не было отчетливого предчувствия, но неопределенное женское чутье, сопровождающее самые важные моменты в жизни — рождения, смерти,

зачатия — подсказывало ей, что произошло.

Всем сердцем Мэри надеялась, что недавний ночной кошмар был навеян всего лишь материнскими страхами, основанными на слухах о болезнях и соображениями о необходимой осторожности, а не страшным предчувствием.

Но как знать? Предугадать Божью волю не дано никому. Неважно, насколько счастливой она себя чувствовала, неважно, насколько усердно она молилась, с чего Господь станет защищать ее от того, что Он посылает тысячам другим матерей? По Его воле она испытала такие мучения во время родов, вполне возможно, они были предупреждением о том, что им с Элджином не следует мечтать о большой семье. Но муж ее не хотел об этом и думать. Относя ее переживания к области обычных суеверных страхов, он превыше всего ставил логику и разум, которые ценил так же высоко, как любой мужчина их века. Мэри пыталась подбодрить себя мыслями о появлении в их семье еще одного здоровенького краснощекого младенца, но пережитое страдание не оставляло ее, как будто тело в себе самом хранило память о прошлых болях.

Она ведь чуть не умерла тогда. Неужели Элджин не любит ее? Или же для него она всего

лишь сосуд, машина, вынашивающая его детей? Допускать даже тень подобной мысли ужасно. Она уверена, что это не так. Он любит ее, конечно любит. Но в чем же тогда причина испытываемой ею тревоги?

Нужно спросить об этом его самого. Что, если малыш Брюс осиротеет из-за того, что она погибнет следующими родами? Эти закончились и впрямь прекрасно, но все могло пойти по-другому.

«Неужели ты хочешь остаться один? — хотелось ей спросить у мужа. — Проводить в одиночестве дни, одному принимать гостей, одному делать визиты? Присматривать за хозяйством и беспокоиться о шестидесяти сотрудниках?»

Мысли о собственной огромной ответственности переполнили ее ум, она закрыла глаза и погрузилась в сон.

Писано в Афинах, июнь 1801 года

Милая наша дочь, мы счастливы сообщить тебе, что архиепископ Афинский осчастливил нас необыкновенной ценности подарком. Как нам сказали, преподнесли нам его, чтоб почтить твою известность и влияние. Возможно, что такой поступок архиепископу был подсказан самим капитан-пашой или даже султаном. Во всяком случае, милая наша дочь, мы чрезвычайно горды тем, что ты имеешь возможность оказывать услуги нашей дорогой родине, и тем, что ты доставила почести своей родной семье.

Этим драгоценнейшим подарком является трон гимнасиарха[30]*, на котором полагалось сидеть судьям во время древних панафинских игр, которые каждые четыре года проводились в Акрополе. Именно это торжественное событие изображено на фризе работы Фидия, украшающем Парфенон, хоть часть которого и лежит в руинах, но зато оставшееся весьма прекрасного вида. Конечно, тебе, дочь, об этом известно, ибо,*

---

[30] notes: 30

Руководитель гимнасии в древних Афинах, избирался сроком на один год, следил за воспитанием и соревнованиями.

как сообщил нам преподобный Хант, ты изучала труды древних греков с настойчивостью настоящего ученого. Он даже сказал, что Перикл и Фидий, которым мы обязаны самим существованием шедевров архитектуры и ваяния в Афинах, так сильно интересуют леди Элджин, что она изучила труды Геродота, Плутарха и других античных историков с жадностью, которую редко можно наблюдать. Мы очень гордимся тобой, наша дочь.

Трон же этот имеет прекрасную резьбу с изображением священной оливы, а также совы Минервы, венка, присуждавшегося победителю, кубка со священным маслом и треножника, а также и другие превосходные символы и изображения. Сиденье этого трона, конечно, сильно изношено, но деревянная резьба в отличном состоянии. Мы поставим его в саду и будем наслаждаться видом этого произведения античного искусства все дни нашей жизни. Мы также благодарим тебя и твоего супруга за организованную для нас поездку.

Сейчас мы собираемся проследовать на Мальту, где нам предстоит выдержать карантин против оспы, прежде чем отправимся обратно на континент.

Дедушка и бабушка шлют многочисленные

поцелуи своему любимому внуку.
Твои любящие мама и папа

Писано в Афинах, июль 1801 года

Уважаемый лорд Элджин, мистер и миссис Нисбет были настолько любезны, что включали мистера Карлайла и вашего покорного слугу во все свои развлечения и путешествия. Связь мистера Нисбета с вами, милорд, открыла его милости все двери как Акрополя, так и других достопримечательностей древней столицы. Ныне Афины Перикла предстали передо мной во всей своей первозданной красоте.

Храм богини Афины, называемый Парфенон, я не могу описать словами, достойными того впечатления, которое он производит. Могу только сказать, что это самое волнующее воплощение союза красоты и простоты, какое только можно вообразить. К несчастью, Парфенон и знаменитый Великий портал, который древние называли Пропилеи, и все то, что находится внутри стен Акрополя, сейчас используется турками в качестве крепости и наводнено мелкими торговцами и надменными янычарами. Пренебрежение, в котором каждый день находятся эти величайшие из монументов, больно даже описывать.

Солдаты распродают фрагменты этих строе-

ний любому желающему. Каждый путешественник в меру сил добавляет разрушений в общую картину. Турки сбивают головы со статуй. Известны примеры, когда они разрушали даже сами статуи и другие архитектурные сооружения для того, чтоб добыть скрепляющий их свинец и обратить его в боеприпасы. Камни со стен и колонн были использованы при постройке тех жалких жилищ, в которых обитают эти дикие люди. Засвидетельствовать все оскорбления, которым подвергаются прекрасные творения, невозможно.

Парфенон Фидия, бесспорно, находится в состоянии разрушения. Мы должны действовать немедленно, дабы сохранить то, что уцелело, и завершить важную работу, начатую вашей милостью. Турецкие чиновники ежечасно чинят препятствия вашим художникам и модельщикам. Комендант не позволяет никому даже приближаться к Парфенону без фирмана самого султана. Фирман — это письменное разрешение, подписанное и снабженное печатью повелителя. Без такого фирмана эти великие барельефы, величественный фриз, метопы, статуи богов на фронтонах — последние уцелевшие чудеса древней цивилизации — не могут быть ни срисованы, ни

отлиты в копиях вашими сотрудниками.

Каждый день, что они проводят в бездействии, несет потенциальные разрушения этим творениям, ибо кто знает, что может случиться завтра? Комендант собственноручно сбил с постамента одну из статуй, чтоб свинцом с нее набить свой пистоль. Действовать надо без промедления, уверяю вас.

Остаюсь ждущим ваших дальнейших распоряжений.

С уважением,

преподобный Филипп Хант

— Разве это не разрывает сердце? — спросил Элджин у жены. — И это сведения из первых рук. Как непереносимо узнать о печальной судьбе Афин времен Перикла и Фидия!

Элджин имел вид человека, которого постигло крайнее горе.

Мэри внимательно прочитала письма — оба пришли с одной почтой, — как и частное письмо от ее отца Элджину. В последнем мистер Нисбет сообщал о новых, выделенных им фондах на афинский проект, который Элджин с такой похвальной смелостью — по оценке Мэри — продемонстрировал перед ним. Кроме того, ее отцом были предложены дополнительные средства на

содержание посольского штата.

Она подивилась тому, как ловко Элджин разыграл свои карты. Энтузиазм, который испытывал ее отец, обуревающие его чувства читались буквально в каждой строчке письма. Элджину удалось отыскать подход к нему, понять, как разжечь интерес даже такого расчетливого и скептичного человека, как мистер Нисбет. Информация же, сообщенная Хантом о плачевном состоянии греческих памятников, только помогла Элджину утвердиться в его стремлении сохранить для будущих поколений хотя бы то немногое, что возможно.

Должно быть, Мэри ошибалась, считая его увлечение чрезмерным. Цели мужа были несомненно достойными, раз уж ее отец принял участие в этом проекте. Может быть, женщинам несвойственны мудрость или предвидение, которые позволяют оценить такие возвышенные стремления и предугадать их воплощение? Женщины фокусируют внимание на частностях, на таких домашних заботах, как личный покой, комфорт, безопасность. Может, им следует оставить тревога большого мира мужчинам, которые, кажется, не знают границ в преследовании кажущихся недостижимыми целей. Наверное, это и есть

путь, по которому в мир приходят перемены. Возможно, склад ума Аспасии представлял собой уникальный случай и был адекватен мужскому, и именно тем она покорила Перикла. Могла ли Мэри Нисбет, обычная шотландская девушка, надеяться достичь такого величия духа?

Руины когда-то величественных Афин должны быть спасены. Славу этого города следует сберечь, его красоту подобает сохранить для будущего, как об этом мечтает Элджин. Чувства, которые сейчас испытывает ее отец, — это такой же подъем духа, который прежде вселил в нее Элджин. Отец видел величие Афин настолько мощным, что это заставило его пообещать зятю помощь. Каковы бы ни были личные потребности и желания Мэри, она должна все их — даже ее жизнь, если будет нужно, — оставить и помнить только о том, что она соратник Элджина в его исторической миссии.

Афины, шестой год тридцатилетнего перемирия со Спартой

Перикл отсутствовал уже долгие месяцы, и я старалась отдавать как можно больше времени занятиям с учениками и клиентами, чтобы не тосковать в одиночестве. Он отбыл с афинской флотилией для подавления мятежа на Самосе. Афины силой сумели свергнуть мятежный режим и привести к власти правительство, готовое сотрудничать с ними. Но население острова еще не примирилось с произошедшим, поэтому Перикл решил подвергнуть Самос блокаде и вынудить островитян к капитуляции. Блокада все длилась и длилась, и в Афинах стали роптать против подобной меры. Издержки оказались огромными, как человеческие, так и денежные ресурсы были исчерпаны, а поскольку война шла у чужих берегов, большинство афинян уже позабыли о ее целях и только беспрестанно жаловались на рост налогов.

В эти дни я старалась пореже покидать дом, избегая слышать критику в адрес Перикла, и посвятила себя изучению проблем — и романти-

ческого плана, и сугубо практических, — которые заботили мужское население Афин. У меня сложилась такая репутация, что люди стали обращаться за советом в вопросах брака и любовных отношений. Они спрашивали, как выбрать невесту, как отличить честную сваху от слишком уж хитроумной, и о том, как управлять домашним хозяйством после женитьбы. Отцы присылали ко мне своих сыновей обучаться ораторскому искусству, умению добиваться успеха в любовных беседах и публичных выступлениях. Я была счастлива оказать посильную помощь. Хоть в законном супружестве мне судьбой было отказано, наш союз с Периклом был счастливым, и я не хотела видеть ни одного юноши или молодой женщины томящимися в несчастном браке.

— Не вздумай слушаться свахи Кассандры, когда она станет рекомендовать невесту твоему сыну, — сказала я однажды одному богатому отцу застенчивого и робкого юноши по имени Лисандр.

Некоторое время назад я учила Лисандра произносить речи, в частности цитировать аксиомы Семи Мудрецов, и прониклась к нему симпатией.

— Эта женщина не скажет тебе правды о де-

вушках, она берет взятки и за это возносит фальшивые хвалы, называя красавицей безобразную, а глупца умником.

Я всегда советовала юношам уделять внимание образованию невесты, если она выходила замуж невеждой.

— Деятельность мужа приносит в дом деньги, но лишь осмотрительность жены в ведении хозяйства сделает его благополучным, — говорила им я. — Мне известно, что большинство женщин не разбираются в науках, но жена, умеющая читать, писать и считать, знающая, как вести расходные книги, — настоящий клад для мужа. Таких жен следует ценить на вес золота.

Эти соображения подсказывал мне здравый смысл, но люди почему-то воспринимали их как откровения мудрости из божественного источника.

Я не брала денег за свои услуги. Если бы я так поступала, меня бы подвергли суровой критике. Софисты иногда вызывали презрение за то, что облагали своих учеников платой. А для женщины принять деньги за деятельность, которой она отдавала свое время, означало быть поставленной на одну доску с городскими шлюхами. Я же, которая жила в доме самого уважаемого человека

в городе, должна была проявлять максимальную осторожность.

Замкнутый образ жизни не избавлял меня от выслушивания нападок в адрес Перикла. Люди, которые приходили ко мне в качестве учеников или клиентов, приносили с собой сплетни и рассказы о событиях дня. Так однажды до меня дошла новая молва, которая, видимо, уже полнила не только Афины, но и все греческие полисы.

— Правда ли, что Перикл затеял войну с Самосом из-за тебя? — вдруг спросил меня человек, с которым я только что беседовала об устройстве его брака.

— Что ты такое говоришь?

Я впервые услыхала, что военную экспедицию Перикла относят на мой счет.

— Так болтают на рынках. И я слышал, что такое предположение было даже выдвинуто перед Народным собранием. Говорят, что Перикл решил наказать самосцев не за их мятеж, а за то, что они объявили войну Милету. Все знают, что ты родом из Милета, поэтому легко установили причину войны.

— Они говорят это, наверное, в шутку, — сказала я. — Перикл отправил к острову флотилию потому — и только потому! — что Самос подры-

вает авторитет Афин. Афины и союзнические города обратились к нему с просьбой защитить их интересы и подчеркнуть верховенство Афин. Но теперь они же его упрекают за это и возводят безосновательные обвинения именно за то, что он действовал по их мандату.

— Я не возвожу обвинений, Аспасия. Я лишь повторил тебе то, что слыхал на рынке.

— Понимаю. И так как это обвинение — откровенная бессмыслица, думаю, оно завянет, не успев расцвести.

Сказав так, я поспешила поскорей выпроводить его из дома, не желая показать, до чего расстроена.

Мой образ жизни стал еще более затворническим, я даже не замечала, как бежит время. Однажды, сидя во внутреннем дворике, я заметила, каким теплым стал воздух, и с удивлением припомнила, что до Элафеболиона, первого весеннего месяца, остается всего десять дней и что надвигаются Великие Дионисии, праздник возрождения жизни после уныния зимы. В самый канун праздника, устав от одиночества, я надела маску и выскользнула из дома, чтобы посмотреть, как старинный священный образ Диониса торжественно провезут в колеснице

по улицам. На передней части этой колесницы обычно устанавливают голову мула, украшенную плющом, виноградными лозами и гирляндами фруктов. Ядро дионисийского культа составляли женщины, но им не разрешалось участвовать в уличных процессиях, исключение из этого правила делалось лишь для уличных женщин, нищенок и торговок, привозивших в Афины свой товар. Я взяла с собой Хилариона из Газы, юношу, служившего в доме Перикла. Ему было всего семнадцать, но он выглядел крепким, умел обращаться с ножом и мог служить мне защитой. В дни праздников это было нелишним, ибо на улицах, запруженных хмельными, возбужденными мужчинами, одинокая женщина могла подвергнуться нешуточной опасности.

Мы шли за процессией до самого театра Диониса, где священнослужителями культа тайно совершалось жертвоприношение. В качестве жертвы обычно служил козел, которого закалывали на алтаре, размещенном в центре сцены. Как только этот обряд заканчивался, начинались театральные представления, и я надеялась, что смогу побывать хоть на одном из них даже в отсутствие Перикла.

Мы с Хиларионом отправились домой, не

став дожидаться разгула веселья, когда в сумерках мужчины начинают бегать с факелами по улицам, распевать гимны, посвященные богу веселья, и искать повод для потасовки или пьяного дебоша.

За последующие дни я не посетила ни одного из театральных представлений. Предыдущие два года я побывала на многих из них, но тогда я приходила с Периклом, что гарантировало мне безопасность. Теперь же, в его отсутствие, да еще когда по городу гуляет этот глупый слух, я не хотела подвергать себя открытому риску. Но на четвертый вечер празднеств Фидий неожиданно пригласил меня пойти на комическое представление, пообещав сопровождать. Я подумала, что театральное действо — во время него актеры в гротескных масках обычно выкрикивали смешные дерзости, трясли фальшивыми, карикатурной величины фаллосами — может развеселить меня. В комедиях, как правило, высмеивались знатные и видные горожане, те, кто и в обычной жизни был на языке у всех. Все это делало комические представления привлекательными.

Когда-то Перикл впервые приобрел известность, финансировав постановку пьесы Эсхила

«Персы», и именно тогда сам воспылал страстью к театру. Это увлечение делила с ним и я. Мы провели немало дней и ночей, наслаждаясь плодами трудов лучших драматургов и актеров Афин. Обычно женщинам не дозволялось посещать театральные представления; стоило им появиться среди зрителей, как поднималось всеобщее шиканье и не утихало до тех пор, пока они, скрыв лицо покрывалом, не уходили. Конечно, мужчины часто приводили своих любовниц, да и жрицы храмов сидели в отведенном им переднем ряду по соседству с первыми лицами города. Так как меня ославили куртизанкой, то никому не было дела до того, что я разделяю с мужчинами их привилегию развлекаться.

В этот вечер из уважения к отсутствующему Периклу его место было оставлено пустым. Пока мы с Фидием проходили меж зрителей, я чувствовала, что на нас устремлены десятки глаз, но это не было для меня чем-то новым. Известная как любовница первого лица в городе и к тому же женщина-философ, я всегда была темой досужих сплетен и разговоров. Дом Перикла посещали многие, и так как я всегда принимала участие в их беседах, то постепенно стала чувствовать себя своей в компании мужчин. Без сомнения,

стоило им оставить общество Перикла, они позволяли себе грубые намеки в мой адрес, но в моем присутствии обращались ко мне с уважением и почтительно.

Как только мы заняли свои места, представление началось. Нам показали пантомиму, изображавшую состязание боксеров, и смотреть на эту пародию было много забавней, чем наблюдать за настоящим спортивным поединком, когда тела боксеров покрываются кровью и опухают от ударов. Как славно наслаждаться ловкостью и артистизмом бойцов без кровопролитной драки. В тот вечер актеры выступали особенно хорошо, двигаясь в такт музыке флейт и цимбал, которые сопровождали каждый их выпад подчеркнуто звучным аккордом. Следующим было выступление танцоров. Их обнаженные тела, прикрытые лишь легкими шарфами, красиво двигались, изгибаясь в подражание змеям. Выступление танцоров сопровождалось барабанной дробью. Публике так понравилось их мастерство, что она потребовала повторения танца.

Наконец началось комическое представление. Я уселась поудобнее, желая насладиться им сполна. Установленные на арене декорации изображали фасады трех домов, скаты крыш также

были отлично видны зрителям, чтобы актеры могли изображать подглядывание и подслушивание или театральное бегство от преследования — трюки, которые присутствовали почти в каждой комедии. Размещенный высоко над сценой балкон символизировал небеса и был украшен пухлыми облаками и цветами. На таком балконе по ходу действия пьесы могло появиться божество, и раз балкон был сооружен на сцене, значит, в сегодняшней комедии будут высмеяны даже обитатели божественного Олимпа. Я любила те недоразумения, неожиданные повороты событий и путаницу, которые обычно составляли суть комедии. Тяжелое настроение, владевшее мной со времени отъезда Перикла, куда-то улетучилось, и я приготовилась от души насладиться весельем.

На арене появился хор — дюжины актеров в масках стариков, с накладными задами и огромными животами. Публике не понадобилось много времени, чтобы догадаться, что участники хора имитируют заседание членов Народного собрания.

— Если б Перикл был здесь! — воскликнула я, обращаясь к Фидию.

— Дорогая, думаю, он достаточно насмотрелся на их задницы в жизни, чтоб рассматривать их

еще и в театре, — буркнул тот в ответ.

Персонаж, который был объявлен как Честный Гражданин, появился перед хором и начал свой монолог. Он не произнес и половины, как я перестала улыбаться. Честный Гражданин сообщил публике, что он только что вернулся с Самоса, где испытал ужасные страдания во время войны, которую навязал острову некий продажный лидер Афин. Так как афиняне и их правительство отказываются заключить с островом мир, то Честный Гражданин приехал сюда сам, чтоб изложить перед Ассамблеей свое дело.

Я подумала, что, пожалуй, у меня не хватит сил в течение целых двух часов выслушивать нападки на Перикла.

— Я пришла сюда не для того, чтоб слушать глупости, — прошептала я Фидию. — Ты очень расстроишься, если мы незаметно уйдем прямо сейчас?

— Аспасия, тебя знают все Афины, — ответил мне скульптор. — И я не понимаю, что ты имеешь в виду, когда собираешься уйти «незаметно». Можешь быть уверена, любое твое движение завтра же станет темой пересудов, поэтому лучше оставайся на месте и делай вид, что веселишься так, будто присутствуешь на самом веселом пред-

ставлении в мире.

Если Фидий не собирается выйти со мной, я и в самом деле не тронусь с места. В конце концов, он прав: мой уход всеми будет замечен. Поэтому я откинулась на спинку сиденья и приняла по возможности более веселый вид. Почти в ту же минуту до моих ушей долетела реплика одного из персонажей:

— И какова же причина этой несчастной войны?

Тот, к которому обратились с этим вопросом, обернулся лицом к публике, и я могла бы поклясться, что его взгляд устремился прямо на меня.

— Оказывается, двое гуляк из Афин, прибыв на Самос, похитили с острова какую-то развеселую бабу по имени Симета. Странно, но на Самосе приняли это близко к сердцу и, взбодрившись изрядной выпивкой, выкрали пару девок из борделя Аспасии[31]. Так Греция оказалась замешанной в военную заваруху, ибо, как ты думаешь, что случилось потом? Наш олимпиец Перикл воспринял происшедшее как личную обиду и отвел душу, отправив корабли на Самос.

---

[31] notes: 31

Приведенный монолог является отрывком из «Ахарнян» Аристофана.

Нет нужды говорить, что зрители, присутствовавшие на Дионисиях, нашли эту ерунду в высшей степени забавной. В театре раздался такой громовой хохот, что я чуть не оглохла. Жаркий румянец залил мне щеки, сердце сильно забилось, я чуть не задыхалась. Фидий взял меня за руку, и я изо всех сил сжала его пальцы, стараясь не разрыдаться или не закричать. Раскаты оглушительного смеха эхом звучали в ушах, чуть не доведя меня до безумия. Глаза забегали по сторонам, будто ища пути к бегству, какая-то часть моего существа жаждала раствориться в ночи так, словно ничего не случилось. Ничего и вправду не случилось, но каждый, кто сидел поблизости, не сводил с меня глаз, ожидая, что я стану делать.

— Смейся, — прошипел Фидий едва слышно. — Не показывай никому, что ты расстроена.

Но я не могла выдавить из себя даже улыбки. Только недавно я поверила в то, что и для меня есть место в Афинах и в сердце Перикла. Оказалось, это всего лишь мои фантазии. Пока я воображала, что жители Афин готовы принять Аспасию, общественное мнение вооружалось против меня насмешками, которые были много обидней пересудов на рыночной площади.

Неужели и вправду эти люди верят в то, что я подговорила Перикла подвергнуть остров Самос блокаде? Какой же, по их предположениям, властью над этим человеком я обладаю?

Несмотря на то что фабула пьесы была язвительным приговором войне, большая часть публики реагировала громкими выкриками в поддержку Перикла, хотя актеры всякий раз произносили его имя с ухмылками. И я ободрилась, поняв, что многие поддерживают его. Когда представление окончилось, я схватила Фидия за руку и повлекла к выходу из театра, заставляя себя при этом держать голову высоко поднятой и не опускать глаз перед любопытными. Я встретила много насмешливых взоров, глядя смело в лица людей, но смотрела на них невидящими глазами. Когда мы вместе с толпой оставили театр, я вздохнула с облегчением.

Я никак не могла понять, почему Фидий надумал пригласить меня посетить его мастерские.

— У меня родилось одно радикальное предложение, — шепнул он мне, когда после представления той злополучной комедии мы расставались с ним у дверей дома Перикла.

Но ни одним намеком не дал понять, что это за идея. Однажды я попросила разрешения за-

глянуть в мастерскую посмотреть на его работы, но Фидий так высмеял меня, что больше я на подобные просьбы не отваживалась. В тот раз он заявил, что присутствие женщины в мастерской сорвет всю работу, так как мужчины станут отвлекаться, разглядывая меня. А на это он не может пойти, ибо работа над непомерно дорогой статуей Афины Парфенос и так вызывает много противоречий.

Будто в насмешку над моими огорчениями и неприятностями, день выдался прекрасным. На рыночной площади царило веселое оживление даже после полудня, когда воздух становится жарким и серебристо-зеленые листья маслин вяло повисают. Домашние рабы, посланные на рынок, заканчивали торговые перепалки с продавцами над последними тушками рыбы, которую те торопились продать, пока полуденное солнце не испортило товар окончательно и рыба не пошла на корм собакам, принося убытки продавцам. Протухшие куски уже издавали дурной запах, и я прижала к лицу надушенный лавандовым маслом клочок льняной материи, припасенный мною заранее.

Красивые белые колонны Парфенона сверкали на солнце. Никто словно и не замечал меня.

Немногие встречные знакомые, вежливо кивнув, торопились пройти мимо. Но в этом не было ничего удивительного. Никто из мужчин не хотел, чтобы его видели на площади Агоры болтающим с куртизанкой. Сплетни, которые об этом событии тут же разнесли бы невольники по всем Афинам, непременно вызвали бы домашние неурядицы. Ни одна из жен не имела права жаловаться на похождения мужа, но ворчать и упрекать мужа в тратах на продажных женщин они могли сколько угодно.

Комедия, представленная накануне, была красноречивым упреком войне, но укорять меня казалось настолько абсурдным, что публика приняла представление как безосновательную пародию, а не серьезное обвинение. Никто не выкрикивал грубостей в мой адрес, как я того боялась, жизнь на рынке шла как обычно. Пьесы этой, конечно, не станут повторять до следующих праздников, если вообще когда-нибудь снова поставят на сцене. Возможно, унижение, испытанное мною прошлым вечером, было последним.

Я направилась в тень колоннады, спасаясь и от жарких лучей солнца, и от толкотни прохожих и торговцев. К тому ж я не хотела, чтобы весь рынок знал, куда я иду. Мимо проехала запря-

женная волами телега, на которой возвышались две огромные глыбы мрамора. Я, конечно, сразу поняла, куда она направляется, и решила следовать за нею.

Мрамор был точно таким, как рассказывал Фидий: добытый на горе Пентеликон в десяти милях от городской черты, он был самым белоснежным во всей Греции. Храм, посвященный Афине, будет весь выстроен из особенного афинского мрамора.

— Этим камнем нельзя не восхищаться, — твердил Фидий, — его гладкостью, тонкой структурой, белизной. По сравнению с ним любой мрамор, добытый на островах, кажется грубым и слишком блестящим.

— В Афинах даже мрамор самый лучший, — в шутку сказала я.

Фидий рассмеялся, но выбор камня был для него, конечно, нешуточным вопросом.

— Да, Аспасия, наш мрамор и вправду превосходит мрамор любого другого греческого города.

Мастерские Фидия представляли собой временное помещение на южном конце Акрополя, сооруженное там для того, чтобы добытый из каменоломен мрамор не приходилось далеко везти. Таким образом не только уменьшались

затраты на транспортировку, но и опасность повредить камень оказывалась меньше. Даже если б я не знала, где находятся мастерские Фидия, я бы нашла их по звучным ударам прилежно стучавших зубил, киянок и молотков. Никем не замеченной я вошла в здание, состоявшее из одной лишь комнаты с высоким потолком и тучами плотно висящей в воздухе пыли. Лица рабочих были закрыты повязками для защиты органов дыхания. Я тоже поспешила приложить к носу платок, как вдруг услышала голос, заглушивший рабочий шум.

— Входи же!

Звучно произнесенное приветствие привлекло внимание работавших, их руки застыли в воздухе, шум мгновенно стих, дюжины глаз уставились на меня.

— За работу, за работу, не отвлекаться, — приказал Фидий, и снова послышались удары по камню.

Везде на полу громоздились выполненные из мрамора или слоновой кости фрагменты статуй. Каждый такой фрагмент — среди них были и маленькие, и огромные — представлял собой часть человеческого тела. Лежавшая прямо передо мной мраморная копия человеческой

руки превосходила величиной меня, ладонь ее была раскрыта таким образом, будто рука эта готовилась схватить что-то брошенное с небес. Двое скульпторов трудились над устрашающей величины ногами, обутыми в сандалии, каждая из ног была не меньше двадцати футов в длину. Работники обтесывали камень, следуя гигантским, выполненным из дерева моделям такого же размера.

— Боги, возможно, трудились так же, вытачивая тело будущего человека, — сказала я.

— У нас это тело все еще в разобранном состоянии, — отвечал Фидий, — но когда статуя Афины будет надлежащим образом собрана, она превратится в самый великолепный из созданных когда-либо образов женщины и богини. Ее тело, сорока футов в высоту — представляешь, Аспасия? — будет покрыто слоновой костью и украшено золотом. Столько драгоценного металла ни один из людей в своей жизни не видел, как не увидят ни его дети, ни внуки. Зрелище, достойное того, чтобы смертные запомнили его.

— Когда, по твоим оценкам, эта дама будет готова занять предназначенное для нее место? — спросила я.

— Это зависит лишь от денег, которые мы полу-

чим. Народное собрание продолжает отказывать нам на том основании, что Афины не могут одновременно вести войну и возводить гигантские монументы. Но это не так, Афины не только имеют эту возможность, но поступать так велит им долг. Ты, случайно, не шпионить сюда послана?

Я рассмеялась.

— Нет. Отношения между мной и Ассамблеей не настолько хороши.

— Отлично. На твой вопрос могу ответить — моя работа может быть окончена к великим панафинским празднествам следующего года, — ответил Фидий. — Видишь, как много мы уже сделали?

И он жестом обвел части статуй, заполнявшие пространство мастерской.

— Все эти руки, ноги, торсы, ступни, ладони вполне закончены, как ты видишь. Мы работали очень напряженно, вдохновляемые самой богиней, которая покровительствует ремеслам и наукам. Крылатая Ника, которая будет водружена на ладони богини, уже готова. А вот здесь ты видишь щит Афины, он будет покоиться сбоку у ее ног.

Щит, о котором он говорил, показался мне чудовищным, размером он был вдвое длиннее

человека и сейчас лежал на деревянной опоре. На поверхности щита была изображена битва с амазонками в тот момент, когда женщины-воины рвались к Акрополю, а греки пытались отбросить их назад, защищая крепость.

— Я думала, что Парфенон должен стать памятником нашей победы над персами, при чем же тут амазонки?

— Во-первых, эти женщины тоже явились с востока. Во-вторых, они тоже были варварами. И потом, персы нанимали войско амазонок на службу во время войн. Ты разве не слышала об Артемизии из Карии, которая командовала их флотом? К ее советам Дарий прислушивался внимательнее, чем к советам кого-либо из мужчин. Подобно тебе, она сумела нарушить природный порядок вещей.

— Интересно. А я уж думала, что единственная в истории женщина, которая давала военные рекомендации мужчине, — это я.

— Что ж, теперь тебе известно, что ты, по крайней мере, вторая.

— Надеюсь, Артемизия не была предметом всеобщих насмешек?

Мне не хотелось упоминать о событиях прошлого вечера, но если до Фидия дошли какие-нибудь

новые сплетни, я бы хотела услышать о них.

— До этого мне нет дела. Ты ведь сама почти амазонка, Аспасия. И такая же сильная. Недаром здесь, у нас в Афинах, тебя побаиваются. Всем известно, что и во время битвы, и после нее мужчине не устоять перед женщиной.

— Тебе тоже?

— Что касается меня, у меня есть другие уязвимые места, — ответил он.

В Афинах Фидий был известен в качестве большого поклонника мужской любви, но прекрасного товарища таких женщин, как я. Мы интересовали его, но не волновали.

— Ты оставил лицо богини незаконченным? Каким ты его представляешь?

Фидий взглянул на меня так странно, будто мой вопрос испугал его.

И вместо ответа пригласил пойти с ним. Мы оставили мастерскую и направились к Парфенону, работы над сооружением которого уже близились к завершению. Я видела здание храма на разных этапах строительства, и на каждом из них оно вселяло в меня благоговейный страх.

— О, это лучшее из всего, что ты сделал, Фидий, — восхищенно произнесла я.

Храм возвышался на холме с таким спокойным

достоинством, словно сам являлся божеством. Высокая торжественная колоннада окружала четырехугольное здание[32], устремляясь к небу так, будто вырастала из земли, а не представляла собой лишь тяжелые каменные глыбы, уложенные человеческими руками. Сами колонны слегка заужались кверху, что создавало впечатление и легкости, и симметрии. Хоть Фидий поручил надзор за техническими деталями архитекторам Иктину и Калликрату, он не оставлял без внимания ни один участок строительства. Знаменитый скульптор отдавал должное усилиям всех своих работников, но мне казалось, что он полагает возведение храма исключительно собственным делом.

На некотором расстоянии от здания храма, в яме был разведен небольшой костер, который поддерживали двое рабочих. На огне стоял горшок для плавки свинца, издававший тошнотворный запах.

— Так мы готовим отливки металлических скоб, которыми будем крепить каменные украшения. Чтоб камень стал прочнее, в него следует добавлять горячий свинец, — объяснил мне

[32] notes: 32

Замечание неверное, ибо колонны не окружали здание, а формировали его. Стен Парфенон не имел никогда.

Фидий и, указав на лежащие на земле блоки мрамора с вырезанными на них сценами битвы между кентаврами и людьми, продолжал: — Скоро все эти метопы будут установлены на предназначенные им места. Большая часть каменных картин уже водружена над колоннами, размещенными между триглифами.

Жестом он указал на уже установленные метопы под фронтонами. На тех, что оставались еще на земле, были изображены эпизоды похищения кентаврами женщин. Чудовища закинули их на свои могучие плечи, сильные лошадиные ноги готовы унести добычу, в то время как мужчины отчаянно пытаются предотвратить насилие.

— Те метопы, что еще остались, будут подняты с помощью вот этих машин. — Фидий показал сложную систему вращающихся барабанов и переплетенных канатов. — Всего я сделал девяносто две метопы; когда последняя из них окажется на месте, крыша будет закончена и мы украсим фронтоны скульптурами.

— Ты сделал кентавров такими грозными, что у меня нет уверенности в том, кому в итоге будут принадлежать эти женщины, — пошутила я.

Кентавры, с выкатившимися глазами, обросшими бородами лицами и волосатыми телами,

казались дикими и обезумевшими. Острые кончики ушей выглядывали из-под густых шапок нечесаных грив. Когда я смотрела на эти рельефы, то вдруг задала себе вопрос: а каково это, быть похищенной таким чудищем — голова и грудь мужчины принадлежит крупу и ногам дикого необузданного коня.

— Я вижу, что женщины в ужасе отталкивают похитителей, но нет ли тени желания в выражении их лиц? Не находят ли они этих чудовищ более привлекательными, чем их смертные мужья?

Фидий выглядел оскорбленным.

— Я нахожу, что мои молодые ученики хорошо справились с работой.

— Конечно, это так, Фидий. Тела смертных вырезаны просто прекрасно. Я в жизни никогда не видела таких красивых форм.

Мускулатура грудной клетки, тугие мышцы брюшного пресса заставили бы меня мучиться желанием и страстью, если бы мне случилось смотреть на них слишком долго. Какой красивый юноша вон там, он почти полностью обнажен, лишь легкий плащ обвивает его плечи, когда он старается нагнать убегающего кентавра. Напряжение, которым дышит его тело, кажется таким

героическим и одновременно таким прекрасным и жизненным, что мне захотелось обнять его.

— Неужели все мужчины выглядят такими без одежд?

— По моему мнению, это именно так, — лукаво отвечал он. — Кроме того, для человека кардинальным является стремление к победе. Фигура, которой ты так восхищаешься, это Тесей. Его пригласили на свадебный пир к царю лапифов Фессалии, кентавры же явились на торжество незваными и, напившись, попытались похитить присутствовавших там женщин. Грязные скоты!

— С тех пор греки и одерживают победы над чужеземными чудовищами?

— Ты абсолютно права.

— Каждая фигура на метопах более выразительна, чем предыдущая. Твой гений тоже одерживает победы.

— Я осознаю это. Над каждым изображением я работал сам. Другим мастерам я позволяю набросать сцену на камне начерно, разумеется, тоже только после моего одобрения. Но вся основная работа выполнена мной, и нужно ли говорить, что на рельефе нет и царапины от неосторожного резца.

— Но эти метопы будут расположены так высо-

ко, что только боги увидят твою работу и смогут оценить ее, — сказала я.

— А если боги довольны, что может, в конце концов, значить чье-либо мнение? — заметил Фидий.

— Ты рассуждаешь как философ.

Мой ответ заставил его рассмеяться. Фидий обернулся, чтобы подняться по ступеням лестницы в здание храма, меня же что-то заставило задержаться. Пугающая своим совершенством красота здания остановила меня. Фидий, должно быть, прочел мои мысли и сказал:

— Пойдем же, Аспасия. Храм еще не освящен жрецами и не посвящен богам. А пока этого не произошло, он не имеет отношения к богине.

Внутри все помещение заливал солнечный свет, проникавший через незаконченную крышу, которая опиралась на массивную структуру из кедровых стволов. Наверху я заметила четырех человек, укладывавших на стропила мраморные плиты. Храм состоял из двух помещений, в большем из которых предстояло находиться статуе великой богини, а в меньшем должна содержаться казна афинян. Фидий указал мне на то место, где будет стоять статуя.

— У ног Афины я расположу неглубокий бас-

сейн, и блики воды будут играть на деталях из слоновой кости, отражаться на золотом наряде богини. В результате вся статуя будет сверкать невиданным блеском.

— Да, именно огромное количество золота, что потребуется для твоей Афины, заставляет всех болтать об огромных издержках.

— Они просто чешут языками. Как Перикл объяснил в Народном собрании, золото будет уложено таким образом, чтоб в случае нужды его можно было легко снять.

Скульптор покачал головой, как бы сокрушаясь о мелочности своих врагов.

— Я предпочитаю сосредоточиться на главном результате, который, как ты видишь, может быть достославным. Когда все это дурачье уже упокоится в могилах, статуя Афины будет стоять как стояла. Гордая, наряженная, как и подобает богине, украшенная драгоценностями — золотом, дорогими камнями, стеклянными мозаиками. Лишь немногие счастливчики смогут похвастать, что видели ее, но молва о величественном монументе достигнет ушей каждого.

Доступ на Акрополь получали лишь жрецы, служительницы храмов и самые выдающиеся люди страны. Вследствие моих отношений с Пе-

риклом такого разрешения удостоилась и я.

— Сейчас расскажу, зачем пригласил сюда тебя, — продолжал Фидий. — Я как раз размышляю над тем, каким должно быть лицо богини, мне хочется создать его необыкновенным. Я не хочу изображать Афину такой, какой изображают ее все. Мне хочется дать ей настоящее человеческое лицо — лицо, которое выражает мудрость, отвагу и сострадание. Но таких лиц я не видал ни у одной из женщин, кроме тебя, Аспасия. И я хочу придать богине твои черты и твое выражение.

Я просто онемела от такого предложения. Мысль о том, что лику великой богини будут сообщены черты лица женщины с сомнительной репутацией, казалась более смелой, чем любой из проектов Фидия.

— Эта мысль пришла мне в голову вчерашним вечером, когда мы выходили из театра, — продолжат он. — Твое лицо в тот миг было прекрасным — такое гордое и непокорное выражение оно имело. Но все это, разумеется, должно остаться сугубо тайным. Причины тебе, думаю, ясны.

— Да, твоим недругам, Фидий, не следует знать, что моделью для изображения Матери Афин послужила женщина, которую тут наградили непристойным прозвищем. Это уж точно не

вызовет благоприятной реакции у почтенных афинян.

— Ты изложила суть коротко и ясно. — В его тоне не было и тени сожаления о моей участи. — Но то, что я сказал о твоем лице, — это правда. Возможно, твой жизненный путь наделил тебя более сильным характером, чем имеют остальные женщины, с колыбели обреченные на роль лишь супруги и матери. А может быть, тут сказался твой природный ум или же твоя откровенная, но дипломатичная манера выражать мысли. А возможно, и то, что тебе свойствен тот стратегический, мужской тип мышления, которым обычно наделяют саму Афину. Какова бы ни была подлинная причина, я склоняюсь к этой мысли. Что скажешь ты на это?

— Мы расскажем Периклу?

Предложение Фидия заинтриговало меня, но я не знала, смогу ли сохранить его в секрете от человека, которого люблю. Хотя, конечно, не сомневалась в том, что он держит в тайне от меня многое.

— Его сейчас нет в городе. Давай же не будем его отвлекать от дел. Перикла и так много бранят, как мы с тобой вчера убедились, за его связь с тобой.

— Не за это, — возразила я. — Перикла бра-

нят не за то, что он живет с любовницей. Им не нравится, что я оказываю на него влияние. Но никакого влияния на самом деле нет — по крайней мере, оно не таково, каким его воображают эти люди. Я внимательно выслушиваю то, что Перикл мне рассказывает, иногда высказываю свои соображения, вот и все. А можно подумать, что я прямо околдовала его, чтоб заставить выполнять мои желания!

— А меня ты не околдовала, Аспасия? Поняла, что тебе удастся приобрести полезных друзей среди членов Ассамблеи, и надумала наслать на меня чары, чтоб заставить работать побыстрее и с дешевыми материалами, а?

Это мысль сильно развеселила его, да и меня тоже. Но где-то глубоко в сердце сидело жало нанесенной мне обиды.

— Почему меня подвергают оскорблениям за то, что у меня хватает ума беседовать со своим возлюбленным и обсуждать с ним вопросы, занимающие его ум?

Какую угрозу представляла я, девушка, не имевшая приданого, сирота, живущая в доме любовника, на его хлебах и содержании, для тех афинских аристократов, которые выплевывали мне вслед оскорбления? Иногда мне начинало

казаться, что меня они страшатся больше, чем Перикла. Это, конечно, было чепухой, но как иначе объяснить столь парадоксальное поведение этих людей?

— Не имеет смысла задавать вопросы, на которые не существует ответа, Аспасия.

— А я как философ вижу свою задачу в формулировании вопросов. Таких вещей, как конкретный или удовлетворительный ответ, в природе не существует, но нужно довольствоваться той тропой, которую логически обоснованный вопрос делает ясно видимой.

— Вот первые умные слова, что я услышал за нынешний день, — послышался чей-то незнакомый голос позади нас.

Мы обернулись и увидели крепкого юношу, только что с инструментом и тряпками вошедшего в зал храма. Он поклонился нам и занялся полированием длинной мраморной доски, которой предстояло служить будущим пьедесталом для статуи. Он старался делать вид, будто целиком поглощен своей работой, но по его лицу я видела, что ему не терпится услышать продолжение нашей беседы. Фидий обратился к нему.

— А, Сократ[33], вижу, ты наконец-то решил взяться за ум. Наверное, те, кто работал по соседству, уже устали от твоей болтовни и попросили тебя заняться делом?

Юноше было лет примерно двадцать пять, то есть мы с ним были ровесниками. Он был мускулистым, сильным парнем с непричесанными волосами, широким носом и почти уродливо выпяченным ртом. Его слегка навыкате глаза напоминали глаза кентавров на Фидиевых метопах, руки и предплечья были покрыты густыми волосами. Мне не нравится такая внешность, мысленно я не могу представить такого человека иначе чем в виде сатира с рожками, копытами и гигантским возбужденным пенисом, какими их обычно изображают.

— Этот парень мог бы стать хорошим скульптором, — обратился Фидий ко мне, — но уж очень много он болтает. Да еще возымел привычку приставать со своими вопросами ко всем людям. Его отец, Софроникус, — один из лучших каменотесов в Афинах, и сын мог бы следовать по этому пути, если б не терял время на глупые занятия.

— Благодарю тебя, Фидий, но все Афины знают,

---

[33] notes: 33
Древнегреческий философ (470–399 гг. до н. э.).

что как скульптор я не многого стою. Можно даже сказать, я вообще мало что знаю, вот потому-то и задаю вопросы. Именно в этом я превзошел многих. Как раз накануне я серьезно обдумал свои дела и решил, что мог бы сколотить деньжат в качестве зазывалы, поскольку приглашать других туда, где они могут получить удовольствие, и есть то, что мне особенно нравится делать.

Я от души расхохоталась. Не знаю, чего именно добивался этот Сократ — рассмешить меня или повеселиться самому.

— Вот опять он чешет языком, когда нужно тесать мрамор! — в притворном гневе вскричал Фидий.

Я не могла бы сказать, не заигрывает ли со своим молодым работником Фидий — вполне возможно, что он находил его в известном смысле привлекательным и пытался сделать своим любовником. Что ж, это было б не первой из его любовных связей с собственными подмастерьями.

— Что за историю рассказывают эти рельефы? — спросила я, указывая на значительной длины рельеф, который обтесывал Сократ, когда Фидий прервал его.

Фидий уже собрался было начать объяснения,

но Сократ опередил его, заговорив так, будто мой вопрос был обращен к нему.

— Историю Пандоры, женщины, которая впустила в мир злосчастье. Эта широко известная легенда повествует о том, что боги-олимпийцы были раздосадованы похищением у них огня Прометеем. А так как он передал свой дар людям, то боги и решили наказать не только Прометея, но и смертных, создав существо, которое будет не только соблазнять их, но и приносить при этом неприятности.

— Конечно же, этим существом оказалась женщина, — вставила я.

— Так была создана Пандора. Боги принесли ей немало даров и, в частности, один таинственный ящик. — Сократ махнул рукой в сторону фигур, вытесанных на пьедестале статуи. — Взгляните сюда, видите: каждый из богов преподносит такие же подарочки, что Афина даровала нашему городу. Пандора получает умение ткать, ей даруют знание того, как собирать урожай или ковать оружие, ее наделили также мудростью и умением обучать. Единственное, что имела Афина, но чего не было у Пандоры, это разрешение открывать заветный ящик. Боги запретили ей делать это при каких бы то ни было обстоятельствах! Но он

был таким привлекательным.

— Уверена, что Афина не забыла также внушить Пандоре любовь к красивым вещам, — усмехнулась я.

Сократ дидактическим жестом поднял вверх палец, как делает учитель, желая, чтобы ученики обратили внимание на главное.

— Будучи любопытной и непослушной, Пандора отбросила все дары, поскольку не могла противиться искушению заглянуть в неведомое. И она открыла ящик, из которого в мир посыпались беды.

— Ты полагаешь, что женщина зловредна и капризна с самого рождения? И несет ответственность за мировое зло?

— Я всего лишь излагаю события так, как слышал о них сам, — спокойно ответил Сократ. — Я не изобретаю нового.

— У меня есть другое предположение. Не может ли быть, что Пандора, выпустив в мир беды, сделала тем самым его гораздо более привлекательным местом? В конце концов, откуда бы мы знали, что хорошо, а что плохо, если б не могли сравнивать противоположное?

— Мне нравится твой подход к фактам с самой неожиданной стороны, — пробормотал Сократ.

— Возможно, Пандора была первым философом греческого мира. Как и я, она не удовлетворилась тем, что приняла дары, но внесла собственный исследовательский подход в порядок вещей.

— Да, интересное наблюдение, и я бы хотел обсудить его с тобой.

— Только прошу, займись этим в другой раз, а не тогда, когда я жду окончания твоей работы, — вмешался в разговор Фидий.

— Я давно мечтаю побеседовать с тобой, Аспасия, и самому убедиться в том, что слух о твоей мудрости не ложный.

— Но ты видишь меня впервые. Откуда тебе меня было знать?

Сократ рассмеялся.

— Все Афины, да и большая часть греческих полисов наслышаны об Аспасии. О ней заговорили не только во вчерашнем представлении комедии. Стоило мне тебя увидеть, как я сразу догадался, что передо мной Аспасия. Никем другим эта женщина быть не могла.

Кровь бросилась мне в лицо, но Сократ улыбался, в его улыбке не было и следа насмешки. Может, и вправду вчерашнее представление показалось зрителям не более чем шуткой.

— Значит, все-таки существуют явления, в

которых ты уверен? А ранее ты утверждал, что уверен лишь в том, что ни в чем не уверен[34].

— Очевидно, да. И я не сомневаюсь, что мужчины в Афинах тоже считают тебя умной, если уж прибегают к твоим советам в любовных делах.

— Вот уж это действительно правда, — согласилась я. — Ни одному из мужчин не легко применить в этой области свой, данный ему природой ум. Вмешательство со стороны, как мне говорили, человека, сведущего в вопросах любви, вот что ценят они.

— Госпожа, я являюсь одним из адептов величайшего из учителей философии любви.

— Ты адепт такого великого человека? Кто ж он? Я о нем не слыхала.

Мне не доводилось слышать о философе, софист он был или нет, который объявил бы себя учителем философии любви.

— Это женщина, она много старше тебя и, конечно, далеко не так красива. Хоть, как она сама утверждает, красота в глазах влюбленного, а не на лице возлюбленной.

— Хватит вам! — воскликнул Фидий. — Любители досужей болтовни не требуются там, где

---

[34] notes: 34

В тексте романа не приводились подобные утверждения философа, чтобы о них могла знать Аспасия.

людям полагается честно трудиться. Выбери для своих разговоров другое время, да так, чтоб я тебя не слышал. Или выпил достаточно вина, чтоб не обращать на них внимания. Пойдем со мной, Аспасия. Если мы не уйдем отсюда, он ни за что не примется за работу.

Я пригласила Сократа посетить меня и выразила пожелание познакомиться с его учителем, подумав про себя, что если его взгляды не раздражат Перикла с первых же слов, то наверняка позабавят. Сама я уже мечтала познакомиться с моей более старшей и менее красивой соперницей по философским спорам, учившей мудрости любви.

— Мне пора идти, — сказала я Фидию.

Тот, едва выйдя из Парфенона, расчихался от пыли, забившей нос. Скульптор выглядел утомленным и явно нуждался в послеобеденном отдыхе. Капли пота выступили на его лбу, становившемся все выше из-за редеющих волос. Фидий отнюдь не казался стариком, но именно в тот день мне пришло в голову, что он уже далеко не молод. Я понадеялась, что его огромный труд принесет ему признание, которое он заслужил и к которому стремился, не слишком поздно, а тогда, когда этот человек еще будет в силах на-

сладиться его плодами.

— Раз ты оставляешь Акрополь, зайди посмотреть на новую статую, изображающую трех граций. Этот странный парень, я говорю про Сократа, артист в своем деле. Грации по-настоящему прекрасны, в их движениях чувствуется жизнь. Он мог бы добиться многого, если б приложил немного усилий.

Эти фигуры называли грациями потому, что они олицетворяли собой красоту, радость, здоровье[35]. Входя в свиту великой богини Афродиты, они привносили дополнительный блеск тому неотразимому обаянию, которое она излучала. По утверждениям некоторых, грации являлись ее дочерьми от Диониса, и при виде их легко было поверить в то, что эти прелестные создания произошли от обоих богов, повелителей чувственности. Фидий оказался прав: скульптура, рожденная мастерством и вдохновением Сократа, говорила о его таланте. Эти магические создания были прекрасно раскрашены, их волосы сияли, словно освещенные ярким солнцем. Я удивилась, применил ли Сократ особую краску,

[35] notes: 35

Слово «грация» имеет латинское происхождение, и что могла знать о его значении Аспасия, неизвестно. Автору следовало бы употребить греческое слово «харита».

которая придала естественность их лицам и телам и тем драгоценным уборам, что украшали их шеи и уши. Или же это другой художник явился следом за ним и поработал над скульптурой?

В любом случае статуэтка казалась превосходной. Женские фигуры были полуобнажены, тела всех трех обвивала широкая лента, которая сбегала по их рукам и ногам, объединяя фации в бесконечно выразительном танце. Руки их переплелись, а изящные тела словно клонились друг к другу. Мои уши почти слышали музыку, под которую они исполняли свой соблазнительный танец. Но лица девушек несли печать независимости и индивидуальности. Удивительное лицо Аглаи, покровительницы красоты, выглядывало из-под краешка ленты, лукавое и дразнящее. Талия, само олицетворение веселья, в полном самозабвения жесте запрокинула голову назад. А Евфросина, харита радости, смотрела на меня в упор.

Мне совсем не понравилось выражение, с которым она смотрела на меня, будто у нее на уме есть что-то, что она не намерена открыть. Две другие грации казались более благожелательными, но и чуть отстраненными, Евфросина же словно несла ко мне какой-то непонятный призыв. Могло ли

быть, что те же насмешки, что я выслушала вчера, сегодня летели ко мне с мраморного лица статуи? Я отвернулась от творения Сократа, восхищаясь его одаренностью и говоря себе, что при встрече надо не забыть рассказать ему о той тревоге, которую вселила в меня одна из его скульптур. С этой мыслью я рассталась с грациями и начала долгий путь домой.

Константинополь, 9 июля 1801 года

Дорогой отец!

Рада сообщить тебе, что нам посчастливилось добиться успеха и получить фирман от султана Порты! Получение этого документа означает, что всем нашим художникам дозволено производить работы на Акрополе, снимать копии и делать слепки с любых произведений искусства, находящихся там, разрешается сооружать подмостки вокруг Парфенона, а также производить раскопки на месте древних фундаментов и вывозить любые мраморные древности, достойные того из-за имеющихся на них надписей. Художникам и ремесленникам, нанятым нами, никто из солдат или чиновников не имеет права ни под каким предлогом мешать. Скажи, разве это не замечательно? Я просто счастлива, потому что было б безумно обидно потерпеть неудачу в том, что мы считаем главным в нашей миссии, да еще после всех понесенных расходов.

Папа, до чего я была рада получить от вас с мамой письма из Афин! Я знаю, что ты прежде не приходил в восторг от планов Элджина относительно Акрополя, как, должна признаться,

и я. Но теперь, когда я узнала о том, что ты выразил одобрение его работе, я испытываю большое утешение. Эти произведения древних мастеров являются высочайшими и по мастерству, и по стилю. Получив твою поддержку, я стала чувствовать себя уверенней. Элджин тоже в восторге от того, что ты принял такое участие в его заботах. Твой приезд, без сомнения, поднимет дух художников, и они примутся за работу с новой энергией.

Последние несколько недель мы, спасаясь от невыносимой константинопольской жары, провели в прекрасном Белграде. Что может быть лучше этого города с его источниками, которые оказались полезны для хронических ревматизмов бедного Элджина. Город также изобилует прекрасными садами с тенистыми тропинками, которые ведут к Черному морю[36]*. Но боюсь, что здесь мы подвергаем себя риску заболеваний, и нам следует воздерживаться от употребления местной воды, поскольку доктор Скотт предупредил нас, что вода является источником лихорадки. Маленький Баб приболел, и было так ужасно видеть его страдания. Узнав, что вы*

---

[36] notes: 36

Ошибка автора. Белград расположен в нескольких сотнях километров от Черного моря.

покинете Мальту, как только окончится карантин, и отправитесь домой на родину, я вам даже позавидовала. Как я скучаю по своим дорогим папочке и мамочке.

Ваша любящая дочь,

М. Элджин

Афины, 1 августа 1801 года

Уважаемый лорд Элджин, ворота Акрополя ныне открыты для нас так же, как улицы Афин. Художники получили свободу и могут заниматься своим делом: копировать, делать раскопки и отбирать особо понравившиеся творения. Последние несколько дней были для нас особенно волнующими. Корабельный плотник и пять человек из команды судна взобрались на стену храма Афины и, призвав двадцать местных жителей, с помощью системы канатов спустили на землю одну из метоп, ту, на которой была изображена битва между Тесеем и кентавром. И самое примечательное, что произвести эту операцию удалось, не причинив ни малейшего вреда бесценному произведению искусства, которым давно уже восхищается мир. Должен сказать, что и вправду трудно даже вообразить что-либо равное этому рельефу по красоте и изяществу. Вторая метопа, соседняя с первой и продолжение того же сюжета, тоже была спущена на землю и уложена горизонтально без всяких повреждений. Лусиери уверяет, что в мире нет более совершенных творений.

На западной стороне Парфенона находилось изображение Зевса-громовержца, представляющего свою дочь Афину совету небожителей. Многое из этого шедевра утрачено, но мы, усомнившись, что эти обломки исчезли без всякого следа, разрушили соседний дом и стали осматривать котлован. Выкопав значительной глубины яму, мы вдруг обнаружили мраморный торс Зевса и крупные обломки тела крылатой богини, которая, как полагает Лусиери, изображала посланницу богов Ириду. Он судит по драпировкам ее одежд, которые настолько легкие и тонкие, что напоминают современную ткань муслин и самым красивый образом подчеркивают контуры изящного тела юной богини. Реализм этой статуи таков, что смотрящий отказывается верить собственным глазам! Воображение не может согласиться с тем, что это изображение выполнено из камня. Кроме того, там же, под землей, мы обнаружили часть тела Гермеса, вестника богов и сына Зевса, тешащего, как можно догадаться, объявить о землеколеблющем появлении Афины из головы отца.

Но, уважаемый милорд, у нас нет никаких рычагов, чтоб остановить расхищение турецким гарнизоном того, что еще осталось от Пар-

фенона. Невежественные солдаты постоянно отбивают отовсюду куски мрамора для того, чтоб извлечь из них свинец, использовавшийся для крепления отдельных мраморных блоков друг с другом. Я не испытываю ни тени сомнения в том, что не пройдет и половины столетия, как от Парфенона не останется ни одного камня, поэтому было б хорошо, ми — лорд, если б вы смогли приобрести в собственность оставшееся или же сделать возможное для спасения и сохранения его хотя бы в настоящем состоянии.

Надеюсь видеть вашу милость в Афинах в самом скором времени. До того прощаюсь с вами и остаюсь

преподобный Хант

Константинополь, осень 1801 года

Леди Мэри Кристофер Брюс, которую называли просто малышка Мэри, появилась на свет в последний день августа. Вторые роды прошли для матери много легче, чем первые. Но до сих пор Мэри не могла изгнать из памяти тягот деторождения, мысленно удивляясь тому, как верно слово «тяготы» отражает процесс родов. Она все еще не оправилась от потрясения, пережитого в то время. Ровно два дня спустя после рождения дочери, когда французы потерпели поражение от английской и турецкой армий под Александрией, Элджин вбежал в дом, сжимая в руке письмо с этим счастливым известием, и с того дня жизнь английского посольства в Константинополе завертелась в вихре развлечений. Посольскую чету приглашали на все празднества, проводимые султаном, — а их было великое множество — и на все торжественные ужины и грандиозные балы, устроенные в честь победы.

Не прошло и трех недель после появления на свет дочери, а Мэри уже каждый вечер отправлялась на большом барке любоваться прекрасными фейерверками, и продолжалось это развлечение

целую неделю. Присутствие супруги посла было обязательным, Элджин на каждый из праздников получал особое приглашение. В один из этих вечеров их лодка повстречалась с огромным кораблем султана. Когда суда поравнялись, Селим приветствовал английского посла. Обернувшись через минуту еще раз взглянуть на прекрасный барк, Мэри увидела, что султан навел на их судно подзорную трубу и смотрит прямо на нее. В этот же момент она заметила, как ей приветственно машут женщины гарема, затворницы уютной маленькой темницы.

Почему бы не разрешить им вместе со всеми любоваться праздничным зрелищем? Ведь это самые выдающиеся женщины империи, разве мужчины не хотят насладиться их обществом по такому знаменательному случаю? Мэри даже вообразить не могла, чтобы ей пришлось смотреть на Элджина издали. Нет, она уверена, что и он хотел видеть ее рядом с собой.

Во всяком случае, валиде, должно быть, заметила, как ее сын разглядывал в подзорную трубу англичанку, потому что давно откладываемое приглашение наконец было получено.

— Имейте в виду, госпожа валиде весьма незаурядная женщина, — поучала Мэри синьора

Пизани, растолковывая ей принятые в гареме правила. — Ее имя — только не вздумайте произносить его — Михрисах, что означает «Повелительница солнца». Родом она из далекой страны Грузии, что в Кавказских горах, и узнала в жизни немало горя. Вы, наверное, слыхали, что иногда в Турции наследника престола могут заключить в тюрьму, что является единственной альтернативой его гибели. Так вот, нынешний султан Селим провел в темнице пятнадцать лет, ожидая, пока освободится престол после его дяди Абдулхамида. И все эти годы госпожа валиде жила во Дворце слез, предназначенном для вдовствующих женщин. Лишь двенадцать лет назад престол освободился и Селим стал султаном.

— Его мать имеет влияние при дворе? — поинтересовалась Мэри.

— Из всех людей, возможно, именно госпожа валиде имеет самое большое влияние на султана. Большее, чем любой из его советников. Ей сообщают обо всем, что происходит, ни одно решение не принимается без ее предварительного разрешения или одобрения.

В течение нескольких недель Мэри внимательно изучала протокол и готовилась к этому визиту. И вот назначенный день настал. Для валиде и

близких к ней лиц, среди которых была одна из жен великого визиря, с которой Мэри хотела побеседовать о прививках, она приготовила в качестве подарков несколько предметов меблировки, изящных и богато украшенных. Также из Англии были присланы хрустальные канделябры, жирандоли, кружева, серебряная посуда, чайные сервизы и даже экзотический самовар. Все это было надлежащим образом начищено и упаковано. Гардероб Мэри был заранее обдуман. В течение дня ей предстояло сменить несколько платьев, как то бывает в пятиактных пьесах господина Шекспира, и Мэри намеревалась блеснуть в каждом из них.

Ранним утром за ней прибыла лодка. Путешествие на другой берег залива не было приятным: погода стояла пасмурной, поднятые ветром волны раскачивали легкое судно и брызгали на платье, шел дождь, рассвет занимался медленно и неохотно. Мэри сидела, съежившись под натянутым пологом, кутаясь в меха и мысленно воображая, что ее несет, косолапо ступая по неровной земле, в могучих лапах огромный медведь. Последние два месяца воздух хранил чрезвычайную влажность, и ее проблемы с легкими возобновились. Приступы были не тяжелыми,

но довольно продолжительными, поскольку ей пришлось несколько вечеров подряд провести вблизи воды. А если она не была на борту судна, то до утра танцевала на каком-нибудь из балов шотландские рилы. Наконец нос судна ткнулся в берег, навстречу Мэри вышла фаланга черных евнухов, и ее торжественно проводили в сераль к валиде.

Как только Мэри миновала охраняемые янычарами двери, ворота за ней захлопнулись, евнухи исчезли, и Мэри с сопровождавшими ее Мастерман, синьорой Пизани и двумя горничными была встречена дюжиной женщин в самых великолепных нарядах. Две из них под руки новели ее вперед, а третья шла перед ними, неся в руках золотой филигранный поднос с курящимися благовониями. Густой аромат индийских курений — коры коричного дерева и сладкой мирры — сопровождал Мэри, пока она поднималась по лестнице. Ханум уже ожидала ее и при виде подруги вскрикнула от радости. Она ввела Мэри в небольшую комнатку, где та могла оправить свой пышный наряд после дороги. Две женщины поднесли Мэри зеркало, но в эту минуту она больше удивлялась выражению лица Мастерман, стоявшей напротив, чем глядела на собственное

отражение. Наскоро пригладив волосы и оправив юбки, она шепотом осведомилась у горничной, что с той случилось.

— Да вы бы поглядели на то зеркало, что они держали перед вами, — так же шепотом отвечала та. — Небось, сроду не видали таких жемчугов да алмазов, какие к нему приклеены.

Как только присутствующие освежились поданными фруктами и кофе, Ханум объявила, что настало время встречи с валиде. Она ввела Мэри в зал с нарядно выложенными изразцами стенами, украшенными еще и изящными надписями, вязь которых напоминала грациозный танец. Хрупкая женщина, с наброшенной на плечи прекрасной алой шалью в золотых блестках, была валиде-султан! Она сидела на диване, скрестив ноги — a la настоящая турчанка, — что, как Мэри показалось, было ее любимой и наиболее привычной позой. Шаль была задрапирована таким образом, что ноги женщины казались отрезанными, волосы же были убраны под конусовидную шапочку ярко-желтого шелка, впереди украшенную густой бахромой. Как Мэри тут же обратила внимание, все присутствовавшие женщины причесывали волосы таким же манером, очевидно подражая валиде-султан.

— Вот уж это каменья так каменья, — послышался у нее за спиной шепот Мастерман.

В ту же минуту Мэри пригласили сесть на диван напротив валиде. Действительно, драгоценности, украшавшие эту женщину, были редкой красоты. Восемь сказочной величины бриллиантов составляли тиару на ее голове, а на мизинце красовался самый огромный и сверкающий бриллиант, какой Мэри когда-либо видела. Он был даже больше, чем тот знаменитый камень — стоимостью двенадцать тысяч фунтов, — которым они с матерью однажды любовались в витрине лондонского магазина «Рунделл и Бридж». Лежавшие на подушке рядом с валиде часики тоже сверкали бриллиантами, а на столике перед ней стояла чернильница и лежала большая папка для бумаг, и обе эти вещи сплошь были усыпаны рубинами и крупными гладкими морскими жемчужинами. Подле валиде лежало небольшое зеркальце с ручкой из драгоценных камней. Те щедрые дары, которыми дружески настроенные турки баловали Элджинов, были, возможно, для них совершенными пустяками.

Мэри отвесила три поклона, как требовал протокол, после чего ей предложили сесть. Синьора Пизани стала с листа читать заготовленную

Мэри речь.

Валиде-султан внимательно ее выслушала, затем достала из-под дивана лист бумага и протянула его Ханум. Это оказалось полным комплиментов приветствием Мэри, в котором было сказано, что валиде-султан и ее сын пригласили супругу английского посла в сераль для того, чтоб мир узнал об их отношении к английской державе. Последние слова приветствия были такими:

«Мы не в силах выразить нашу благодарность вам и вашим соотечественникам, его величеству, а также армии и флоту вашей страны. Мы надеемся, что лорд Элджин сочтет возможным остаться в Оттоманской империи, поскольку здесь умеют ценить его дипломатический опыт, предусмотрительность и здравый ум. Помимо этих качеств нами весьма ценимо его дружественное отношение к нашей стране».

Мэри рассыпалась в благодарностях, а затем валиде, к удивлению собравшихся, обратилась к ней сама, при этом вид у нее был такой взволнованный, что Мэри испугалась, не совершила ли она какого-нибудь серьезного промаха. Но мать султана сообщила, что она недовольна условиями, в которых гостье пришлось совершить утреннюю морскую прогулку. Она велела

выслать ей навстречу свой самый нарядный корабль, но евнухи умудрились каким-то образом саботировать это распоряжение. Их смутило то, что такая невиданная честь будет оказана иностранной женщине. Валиде была разгневана и твердым голосом сказала Мэри, что виновных она разыщет и непременно накажет.

Поскольку повелительница гарема обращалась непосредственно к ней, Мэри отвечала так же, надеясь, что не слишком нарушит принятый во дворце этикет.

— Но никакого беспокойства мне это не причинило, и я прибыла в сераль вполне благополучно, — ответила она.

Ей вовсе не хотелось быть причиной того, что с плеч евнухов полетят головы. Она уже понимала, что любезность, с которой к ней относятся здешние высокопоставленные лица, отнюдь не распространяется на всех приближенных. Тех, кто имел несчастье вызвать их гнев, могли ожидать большие неприятности.

— Я заметила, что вы смотрели на убранство моих покоев, — продолжала валиде. — На всех этих изразцах вычерчены изречения из Корана, книги боговдохновенной. Мой сын, Тень бога на земле, является падишахом, и над нами здесь ви-

тает дух Аллаха. Эти стены не слыхали ни одного слова неправды.

Дрожь пробежала по спине Мэри. Не то чтобы она намеревалась сегодня рассказывать небылицы, скорее ее тревожила та правда, о которой ее тут могут расспрашивать. Но валиде прекратила разговор, объявив, что для Мэри настаю время совершить прогулку в сад, после чего будет сервирован стол для угощения. И не успела Мэри подняться на ноги, как две прислужницы пригласили ее в соседнее помещение, чтоб она могла переодеться для прогулки.

Прежде чем женщины спустились в сад, выходивший на южную сторону пролива Золотой Рог, послышались зычные голоса евнухов, о чем-то грозно и громко объявлявших.

— Они осматривают окрестности, предупреждая, что каждый, кто станет подсматривать за нами, будет покаран смертью.

Так ответила синьора Пизани на невысказанный вопрос Мэри. Удовлетворенные тем, что в садах не оказалось ни одного мужчины, евнухи проводили женщин через ворота, за которыми простиралась длинная аллея тенистых деревьев, бежавшая вдоль высоких двойных стен сераля. Как оказалось, дождь кончился и небо прояс-

нилось. Обрадованные выглянувшим солнцем, некоторые женщины распустили волосы, увитые нитями жемчуга. Вся сдержанность поведения была отброшена, едва они оставили помещения дворца, и красавицы радостно подставляли свету дня лица и шеи. Миновав аллею, они вступили под сень апельсиновых деревьев, за которыми выше по склону располагались сады. Гуляя по ним по длинной мощеной тропке, Мэри видела, как далеко в стороны убегает турецкое побережье.

Женщины подвели гостью к красивому павильону, в котором находились низенькие столы с блюдами из золота и дрезденского фарфора, на которых было подано угощение.

Ханум села на подушки дивана рядом с Мэри.

— За вами будут ухаживать все самые знатные дамы гарема, — сказала она. — О такой большой чести распорядилась сама валиде. Вам здесь будет прислуживать даже главная жена великого визиря.

— Кто же она? — заинтересованно спросила Мэри.

Ханум указала на дородную женщину в красном шелковом платье и таких же туфлях, носки которых были круто загнуты вверх.

— Юсуф-паша любит ее больше остальных шести жен. И он пообещал ей, что если их сын, единственный оставшийся сейчас в живых, достигнет десятилетнего возраста, он, Юсуф, прогонит всех других жен и оставит одну ее.

Супруга великого визиря, вежливо поклонившись, поставила на стол блюдо с жареным цыпленком. Мэри взяла небольшой кусочек и жестом попросила женщину сесть рядом. Ханум подвинулась, освобождая побольше места, другие, заинтересовавшись происходящим, тоже подошли поближе.

— Эта дама является хранительницей ключей дворца, — стала представлять их друг другу Ханум. — Очень важный пост, и наш падишах ценит ее службу.

Мэри заговорила неторопливо и осторожно. Раз уж ей представился случай сообщить этим важным госпожам о новой вакцине, она постарается сделать это как можно убедительней.

— У меня растут двое детей, и я могу понять ту боль, которую вы испытываете, теряя из-за различных болезней ваших деток. И хочу выразить вам свои самые искренние соболезнования и соболезнования моего супруга, лорда Элджина, поскольку он, как отец, питает нежные чувства

к детям. И я уверена, такие же чувства питает к детям и Юсуф-паша.

Женщина вежливо кивнула, когда ей перевели сказанное. Она выглядела довольно озадаченной, поскольку не понимала, почему эта иностранка завела разговор на такую тему.

— И я хотела б предложить вам средство, которое может облегчить страдания отцов и матерей вашего города, — продолжала Мэри. — Английские врачи разработали лекарство от оспы. Моя дочь, которой всего несколько месяцев, получила это лечение, когда ей было шестнадцать дней от роду. Я с радостью могу сообщить вам, что она ничуточки не страдала и что сейчас моя девочка находится в самом прекрасном состоянии здоровья.

В памяти Мэри встал день, когда ее малышке была сделана прививка. Она не спускала глаз со своего ребенка до самого вечера, боясь атаки болезни. Но ничего подобного не произошло. Малышка ела и спала так же отлично, как и перед вакцинацией. Она родилась очаровательной крошкой с черными волосиками и ярко-голубыми глазками и так мило сформированными лодыжками, что, как уверял счастливый Элджин, впоследствии непременно станет покорительни-

цей многих сердец.

Мэри очень боялась вакцинации, но видение страшного тележечника, собирающего ночную жатву, пугало ее еще больше. И она решила, что не будет иметь права предлагать лечение другим женщинам, если не подвергнет ему своего собственного ребенка.

Турчанки о чем-то энергично и взволнованно заговорили между собой, Мэри и переводчица внимательно прислушивались к их беседе. Наконец жена великого визиря сделала знак синьоре Пизани, что хочет что-то сказать, и та стала переводить.

— Если паша изъявит согласие, то она пошлет за доктором Скоттом, чтоб тот сделал такое же лекарство для ее сына, какое он сделал для твоей дочери. И другие женщины то же сказали. Раз ты не сомневаешься в этом снадобье и разрешила дать его своей маленькой дочери, то они тебе верят.

Жена визиря сложила ладони вместе в знак согласия с предложением Мэри и продолжала что-то говорить.

— Она сказала, что хочет взглянуть на лицо твоего мужа, — объяснила синьора Пизани, — она слышала, что вы сильно любите друг друга.

Мэри сняла с шеи медальон и расстегнула замочек, чтобы показать портрет Элджина. О, если б ее муж был таким же, каким был в пору, когда писали этот портрет! Но за последние месяцы болезнь так усилилась, что от его носа почти ничего не осталось.

— Счастлива женщина, которая является единственной женой у своего мужа, — мечтательно произнесла жена визиря.

Но Мэри не могла представить себя на месте женщины, жизнь которой зависит только от того, сумеет ли она произвести на свет наследника. В оттоманских землях муж не может оказать предпочтения женщине, которая потеряла десять своих детей, перед той, которая произвела на свет здоровых младенцев и сумела их вырастить. Это может быть жестоко, но в этом есть своя логика.

Женщины предались недолгому отдыху, затем Мэри показали помещения гарема, и ее поразило количество его обитательниц. Она осмотрела две комнаты, в которых увидела молодых девушек, склонившихся над вышиванием. Перед ними на деревянных рамах были натянуты ткани, покрывала, чехлы для подушек, будущие шали. Оставаясь незамеченной, Мэри с удивлением следила, как снуют иглы и тянут за собой сквозь лен

и шелковые ткани золотую нить. В другом помещении, еще большем, дюжина трудениц ткали яркие разноцветные ковры, которые здесь называют «килим». Мэри нашла их прекрасными.

Под конец этой прогулки ей продемонстрировали выступление хора. Девушки, которые в нем пели, не были ничьими любовницами, женами или наложницами, как ей объяснили, но всего лишь невольницами, которых научили петь и играть на разных музыкальных инструментах. Мэри, конечно, хотелось послушать турецкие песни, но из уважения к знатной гостье хор исполнил английский гимн.

К концу дня она прикинула, что повстречала не меньше сотни женщин, обитавших в гареме. Откуда они берутся? Ей была неприятна мысль о том, что этих несчастных похитили из родных домов и привезли сюда, чтобы они ублажали султана или трудились, умножая его добро. А может, когда-то пираты захватили корабли, на которых путешествовали эти женщины — такие же порядочные и благородные, как сама Мэри, — и продали в гарем, где им пришлось подчиниться принуждению? Но все комнаты гарема, по которым она сегодня проходила, жужжали ровным рабочим гулом. Она не заметила

ни малейшего следа того, что женщин склоняли к труду силой или угрозами, хоть не сомневалась, что неповиновение может повлечь за собой суровое возмездие. Мэри поймала себя на мысли, что хотела бы получить подтверждение печальных рассказов о несчастных, томящихся в неволе женщинах.

— Откуда в вашем гареме столько девушек? — спросила она у той, которую назвали «ключницей», надеясь, что получит честный ответ. — Это пленницы, которых захватили во время военных действий?

— Очень немногие из них. Есть сироты, но большинство из девушек были проданы сюда своими собственными семьями, поскольку их родные не имели средств содержать их. Здесь же они накормлены, обустроены, и их обучают всему, что положено им знать. Они трудятся для того, чтобы заслужить свободу. Когда девушки войдут в возраст, им подыщут хороших мужей. Такова судьба большинства из них. О них печется сама валиде, благослови ее за это Аллах!

И, будто прочтя мысли Мэри, жена визиря добавила:

— Этим бедняжкам не пришлось оказаться на улице и в бесчестье добывать себе хлеб, как это

бывает в других странах. У нас они защищены от посягательств мужчин.

После долгого дня Мэри была приглашена к валиде еще раз. В этот поздний час мать султана сидела, укутавшись в мех горностая, подбитый розовыми шелками, и казалась еще более представительной, чем утром. Шитая золотом шаль была накинута на ее плечо. Мэри, которая переоделась в парадное платье, украшенное бусами и цехинами, получила комплимент от валиде, которая попросила Мэри присесть рядом и снять перчатки, что та в недоумении и сделала. Эта женщина пожелала взглянуть на ее ногти? Но тут же поняла, что эти слова нужно рассматривать как приглашение задержаться подольше. Валиде в приятных выражениях высказала одобрение внешности ее молодой гостьи и пригласила провести ночь в гареме.

— Море сегодня бурное, — объяснила она. — Я бы не хотела, чтоб такая важная дама рисковала своим здоровьем, переправляясь по волнам.

— Я не боюсь высоких волн, — с улыбкой отвечала Мэри. — К тому же я мечтаю поскорей вернуться к своим милым деткам.

— Мне лишь хотелось избавить вас от неприятного путешествия и, может быть, познакомить с

кое-какими из наших обычаев. По тем вопросам, которые вы задавали, я вижу, что вам непонятны причины удаленности нас, женщин, от внешнего мира. Вы полагаете, мне незнакома жизнь за пределами этого дворца? Вы полагаете, мы многого лишены, живя так замкнуто? Но нам известно, что женщина должна оставаться чистой. Ей требуется святость. Она есть сосуд жизни, ибо Аллах посылает людей в мир через ее чрево. Потому женщина обязана блюсти чистоту.

— Благодарю за ваше гостеприимство, — сказала Мэри. — Но меня ждут дома, и малыши будут скучать, если меня долго не увидят. Думаю, вы, как мать, меня поймете.

— Надеюсь, как надеется и мой сын, на то, что граф и графиня Элджин еще надолго останутся в нашем городе. Падишах намерен возвести новое здание посольства, и оно будет построено в полном соответствии с вашими пожеланиями. Кроме того, падишах хочет основать орден Полумесяца, которым он наградит лорда Элджина и нескольких других своих английских друзей. Султан сообщит об этих решениях вашему супругу в самое ближайшее время. Надеюсь, вы разделяете те чувства дружбы, которые питаем к вам и ко всем английским людям мы с падишахом.

Мэри поняла, что ее ответа ждут, но не могла сразу сообразить, что ей следует сказать, ибо знала, что каждое ее слово будет долго обдумываться. Ее муж говорил когда-то, что если дипломат не знает, что сказать, то ему следует промолчать или дать ответ самый краткий.

— Честь, которую вы нам оказываете, неожиданна, — сказала она.

— Вы можете идти, и пусть с вами будет защита Господня.

Валиде кликнула своих приближенных, и те внесли подарки для Мэри и Элджина.

— Примите их в знак нашего расположения. Прошу вас не отказываться.

Сопровождавшим Мэри служанкам было выдано по изящно завязанному платочку, в которых что-то находилось.

Так же присев в трех поклонах, Мэри распрощалась с валиде и ее приближенными.

Оставив покои дворца, Мастерман и другие горничные тут же полюбопытствовали и развязали платки, в которых оказались свернутые в трубочку английские фунты, и сумма их вдвое превышала годовое жалованье горничной. Мэри не стала распаковывать подарков, мысли ее были заняты другим. Всю дорогу до дому она

размышляла над тем, правы ли турки, считая, что женщинам необходима такого рода защита от посягательств мужчин. Эта идея на первый взгляд казалась правильной, но на практике оборачивалась невыносимым гнетом. Для нее, например, это было бы именно так. Сейчас, когда султан так отличает Элджина среди других послов, предстоит ли им двоим остаться в этой странной и прельстительной стране, где к ним такое доброе отношение, но где они все равно останутся чужаками?

Утомленная долгим днем, Мэри, опираясь на руку спутницы, вошла в лодку и начала обратный путь через Золотой Рог. Воды залива были бурными, но они словно баюкали те вопросы, которые волновали ум Мэри, и она скоро заснула.

Часть вторая
Афины

Афины, восьмой год тридцатилетнего перемирия со Спартой

Мы — группа нескольких горожан, наделенных этой привилегией, — стояли на высоком шатком помосте, сооруженном внутри Парфенона, и любовались только что оконченной работой Фидия. Фриз, созданный им, шел вдоль потолка храма и обегал весь его по периметру.

Хоть в храме было довольно темно и мы, как я уже сказала, столпились на площадке из нескольких связанных между собой веревками досок, представшее нашим глазам зрелище гнало прочь страх. Солнце садилось, лишь тонкая полоска бронзового цвета виднелась на западе. Вечереющее небо быстро наливалось синевой, и невольникам было приказано внести факелы, чтобы осветить огромный рельеф. Перикл вернулся домой после победного окончания войны на Самосе как раз вовремя, чтобы успеть на освящение нового храма, блистательного Парфенона. Сейчас мы с ним стояли рядом, и он держал меня за руку, слушая речь, с которой Фидий обращался к своей небольшой аудитории.

— Сотни футов непрерывного скульптурного рельефа, такого фриза не создавал еще ни один художник, — говорил он.

В тоне его не было хвастовства, лишь констатация факта.

— В отличие от метоп, каждая из которых изображает отдельный эпизод, фриз весь посвящен лишь одному событию — великому, грандиозному, драматическому, — подобному тому, которое начнется на рассвете завтрашнего дня. Я, конечно, говорю о процессии великого панафинского праздника.

Самые священные для Афин религиозные ритуалы проходили раз в четыре года, и кульминацией их было подношение нового пеплоса статуе богини Афины Полиады[37]. Эта статуя, небольшая по размерам скульптура из оливкового дерева, была выточена не руками смертного, а когда-то, в далекой древности, упала с неба, указав место, где следует заложить великий город, носящий ее имя.

— Созданная мной скульптура изображает всю процессию, которой прошли наши сограждане в год битвы при Марафоне, — продолжал Фидий,

---

[37] notes: 37
Афина Полиада — Афина Градская.

жестом указывая на свое творение.

Его белый хитон раздувался от порывов легкого ветерка, налетавшего с севера.

— Этот великолепный замысел, выношенный Периклом и выполненный мною, посвящен знаменитому сражению с персами, которое изменило ход афинской истории. В тот год великие Панафинеи отмечались всего за четыре недели до решающего сражения. Как мы видим, пышные почести, которые наш город воздал богине, оказались угодны ей, что послужило причиной ее заступничества. Богиня даровала нам победу, несмотря на то что войско персов было значительно больше.

Публика наградила выступление скульптора вежливыми аплодисментами. Оглядывая собравшихся, я, к собственному удивлению, обнаружила, что в толпе знатных афинян присутствуют и их жены. Обычно женщин не допускали на публичные демонстрации произведений искусства, даже если эти демонстрации проходили среди узкого круга лиц, как было в этот вечер.

Но еще больше меня удивило то, что некоторые из женщин смело задавали Фидию вопросы.

— Почему вы выбрали для фриза темно-синий фон? — спросила одна из них, нарядно одетая.

По тому беспокойному жесту, которым она теребила ожерелье на шее, задавая этот вопрос, было заметно, как сильно ее волнение.

— Потому что, госпожа, такой фон сделает изображенные фигуры видимыми более отчетливо. Ведь зрители, когда помост, на котором мы стоим, уберут, будут рассматривать фриз снизу, с большого расстояния. По этой же причине фигуры, изображенные в верхней части фриза, сделаны чуть менее глубокими, чем те, что расположены в нижней. Такие ухищрения в приемах создадут более живое восприятие, ведь только вам посчастливилось осматривать фриз с такой удачной позиции.

— Лишь мы с вами принадлежим к числу тех из смертных, кому выпало счастье видеть этот фриз вблизи. Таким, каким его видят боги.

Перикл подчеркнул сказанное Фидием для того, чтобы произвести впечатление на присутствовавших, некоторые из которых протестовали против финансирования работ по сооружению Парфенона.

— Вырезали же этот фриз тогда, когда мраморные плиты были уже установлены на своих местах, — продолжал объяснения скульптор. — Откровенно говоря, мне часто являлись по ночам

кошмары, в которых я видел, как эти огромные мраморные плиты обрушиваются вниз и раскалываются на мелкие обломки. На помосте, на котором сейчас находимся мы с вами, стояли, работая, дюжины мастеров, каждый из которых обладал незаурядным умением и опытом. Рядом со скульпторами трудились художники, ученики школы Полиглота, знаменитого живописца, создавшего фрески священного оракула Аполлона в Дельфах и множество ваз, которые в качестве призов будут вручены победителям соревнований на предстоящей неделе[38].

Он обратил наше внимание на первую группу фриза, отображавшую начало прохождения Панафиней.

— Вы видите, как готовятся к скачкам возничие, — драматическим тоном объявил Фидий, указывая на длинную кавалькаду всадников.

Молодой наездник, опередивший других, подавал знак своим товарищам, приглашая следовать за ним. Позади него были видны поднявшиеся на дыбы кони. Некоторые из всадников были почти

---

[38] notes: 38

Ошибка автора. Полигнота, одного из знаменитых мастеров краснофигурной вазописи, следует отличать от великого живописца с таким же именем. Фрески, созданные последним в Дельфах, принадлежат Книдской лесхе (залу собраний), а не оракулу.

наги, их легкие накидки развевались на ветру. Фигуры беспокойных сгрудившихся коней, молодые всадники в шлемах и доспехах являли своей живостью настоящее чудо. Фидий посоветовал нам взглянуть направо, на длинный плоский рельеф, имевший не больше нескольких дюймов[39] в глубину.

— Так как смотреть на него будут со значительного расстояния, я не мог рассчитывать на то, что по выражению лиц этих юношей зрители поймут обуревающее их волнение. Поэтому подчеркнуть остроту момента призваны их драматические жесты, динамика фигур.

Я изо всех сил вытянула шею, рассматривая фриз подробнее, и в ноздри мне хлынул свежий запах краски. Выгнутые шеи лошадей — головы одних были вскинуты, у других пригнуты к земле — были подобны набегающим волнам. По всей длине фриза кони словно двигались в одном ритме с всадниками, сливаясь с ними в полете. Такими живыми казались эти фигуры, что не представляло труда вообразить себя свидетелем реального события.

Золотая краска подчеркивала глубокие, вы-

---

[39] notes: 39
Дюйм — величина измерения, не известная Древней Греции.

разительные цвета фриза и сверкала в свете пляшущих огней. Я видела блеск металлической сбруи на лошадях, различала кожаные вожжи, которые их удерживали. Некоторые колесницы управлялись десятком возничих, они до предела откинулись в легких повозках и бешено нахлестывали мчащихся коней. Так же и завтра помчатся вперед колесницы во время состязаний.

Мы следовали за Фидием, который продолжал рассказ. Факелы освещали все новые участки фриза, перед нашими глазами оживали новые сцены. Вот блюдоносы протягивают политые медом ячменные лепешки жертвенным животным, подманивая их к алтарю. Некоторые из быков шли по своей воле, других — они непокорно вскидывали огромные головы — приходилось тащить. Одна из жертв откинула морду назад, ее пасть была широко распахнута, словно в последней мольбе о пощаде. Вот остальные участники церемонии жертвоприношения богине — девушки, одни из них несут в руках чаши с вином и маслом для совершения возлияний, другие — высокие кадильницы. Впереди девушек двигалась процессия старейшин, магистратов, верховных чиновников, они, опираясь на посохи, возглав-

ляли шествие, направляя его к центру фриза, где были изображены боги-олимпийцы. Божества восседали с неземным бесстрастием, не обращая внимания на царящую вокруг суету, в спокойном ожидании момента, когда афиняне придут воздать им должное.

Хромой бог Гефест, согнувшийся под тяжестью доспехов, сидел лицом к Афине, которая в правой руке держала копье. Богиня была изображена не в воинственной позе, а словно лениво откинувшейся на скамье в ожидании дани. За спиной Афины виднелась одна из смертных, девушка, принимавшая пеплос из рук архонта, руководителя религиозных церемоний города. Позади него стояла жрица Афины, взгляд ее был устремлен на вереницу молодых дев, несущих на головах скамьи. Зевс, отец Афины, сидел рядом с Герой, своей супругой. Другие боги: Ника, Арес, Деметра, Посейдон, Артемида, Афродита и Эрос — расположились, отдыхая, на скамьях и не обращали никакого внимания на приближающуюся процессию смертных.

— Фидий, — с интересом спросила я, — отчего ты выбрал для богов такие позы? Почему представил всех богов отвернувшимися от тех, кто приносит им жертвы?

— Потому что эти жертвы их не интересуют, — уверенным тоном бросил скульптор, глаза его сверкнули. — Мы не можем быть уверены даже в том, что их интересуем мы, наши самые отчаянные мольбы и просьбы. Разве вам подчас не кажется, что боги нас просто не замечают?

Его ответ прозвучал слишком быстро и, на мой взгляд, слишком откровенно. Из задних рядов группы до меня донеслись испуганные вздохи, перешептывания, сорвавшиеся с чьих-то уст. Художников часто критикуют за их безбожие, и Фидий, которого уже давно в чем только не упрекали, не боялся пополнить список своих прегрешений.

Мне никогда не приходилось видеть подобных украшений в храмах. Обычные в них художественные изображения всегда повествуют о героических мифах и историях древних героев. Здесь же, на фризе Парфенона, было изображено событие из самого недавнего прошлого. Помню, однажды я вызвала Фидия на спор о том, почему именно такую концепцию он избрал в качестве украшения храма, посвященного Афине.

— В твоей работе смертным уделено больше внимания, чем самим богам, Фидий. Кажется, что главным для тебя было отдать почести не вечным

богам, а людям, составляющим процессию. А ведь некоторые из них живы и по сей день, — сказала я. — Мне только хочется надеяться, что это не будет рассмотрено как кощунство.

— Может, для афинян пришло время быть запечатленными наряду с богами? — Таков был его ответ.

— Изображенные тобой, они кажутся заслужившими это, — заметила я.

Он рассмеялся.

В тот день я оставила мастерскую с тяжелым чувством: меня беспокоил и выбор, сделанный скульптором, и то, как наиболее консервативные из критиков воспримут его.

Но сейчас, когда я шла вдоль фриза, разглядывая его подробно, странное чувство владело мною. Мне казалось, будто свиток будущего медленно развертывается, и эти, полные жизни образы готовы наступающей ночью облечься в плоть и кровь и на рассвете влиться в процессию, собирающуюся у Пропилей, чтобы принять участие в празднике наравне с живыми. Я предположила, что создать такое ощущение у зрителя и было целью Фидия.

А может, чувства, которые я испытываю, имеют отношение к тому факту, что завтра все Афины

увидят лицо богини? Та, которая стоит сейчас внутри храма, задрапированная в льняные холсты, завтра предстанет перед всеми, и люди увидят, что ее лицо похоже на мое. Я позировала Фидию всего несколько раз, на первой стадии его работы; все сеансы прошли в те дни, когда Перикл еще не вернулся с войны. С тех пор я не видела лица богини и не знала, каким оно — покрытое красками и украшенное — выглядит теперь.

Фидий уверил меня, что ко времени окончания им статуи никто из его работников не заметил между мной и Афиной ни малейшего сходства.

— Считаю, что оно больше принадлежит духовной сфере, нежели внешней, — заметил он однажды. — Я скорее пытался наделить образ богини твоими качествами, чем ее лицо твоими чертами.

Когда же я сказала, что не вижу в своем лице отражения ни смелости, ни мудрости, Фидий ответил:

— Конечно, ты их и не увидишь. Зато я вижу их в тебе и знаю, что в чертах твоего лица отразился твой жизненный опыт.

Я была польщена тем, что самый великий скульптор наших дней отыскал во мне такие качества, но все-таки меня продолжал терзать

главный вопрос: «Заметит ли кто сходство между мной и богиней? И если такое случится, не вызовет ли это возмущение людей?»

Когда мы осмотрели весь фриз, ко мне подошел некий Лисикл, человек, разбогатевший на том, что пас отары овец на землях, доставшихся ему от предков. Он был завсегдатаем вечеринок, которые устраивали мы с Периклом, и я всегда получала удовольствие от бесед с ним.

— Аспасия, дорогая, я обращаю к тебе вопрос, который уже задавал Периклу, но который он посоветовал обратить к тебе.

Лисикл имел приятную внешность и был годами десятью старше меня. Смуглая кожа, возможно загоревшая от долгих лет пребывания под солнцем, составляла контраст с глубоко посаженными голубыми глазами, а ресницы у него были такими темными и длинными, что им могла бы позавидовать любая женщина.

— Что же за вопрос преподнес ты Периклу, что для ответа на него возникла нужда во мне?

— Дело вот в чем. Некоторым из женщин, в том числе и моей жене, надоело лишь по рассказам узнавать о тех пирах, что задаете вы с Периклом. Тем более что многие из мужей, принуждаемые к откровенности, не могут вполне ясно припом-

нить, что конкретно там было.

— Особенно если они не забывали наполнять кубок вином, — рассмеялась я.

— Хм. Никогда не думал, что женщин могут заинтересовать философские беседы. Но может, их интересует вовсе не то, о чем говорят их мужья во время пирушек, а то, что они там делают. Но просьбу женщин я все-таки должен тебе сообщить. Они желают посетить один из твоих знаменитых вечеров.

Я была до крайности удивлена. Учитывая количество спиртного, которое поглощается на этих пирушках, и то, что многие из них заканчиваются в спальнях наверху, куда некоторые из мужчин удаляются с приглашенными продажными девками, я не могла поверить, что о подобном кто-то мог откровенно рассказывать собственной жене.

— Лисикл, ты и вправду предлагаешь, чтоб на завтрашний пир мужчины привели своих жен?

— Не я предлагаю это, Аспасия, это предлагают сами жены. Завтрашний вечер праздничный, ты назвала в дом гостей, вот они и не захотели оставаться в стороне.

— Поскольку я сама женщина, я не могу отказать им. Это было б нелогично. Передай женщинам, что я посылаю им наилучшие пожелания и

приглашаю посетить завтра дом Перикла.

Я кивнула Адельфе, у которой при моих словах загорелись глаза. Если мужья не видят необходимости оставить жен дома, то почему я должна возражать? К тому же будет забавно видеть, как может измениться ход пиршества из-за присутствия на нем респектабельных женщин.

Позже в тот же вечер я рассказала об этом Периклу. Мы обедали в небольшой комнате, где я принимала пищу, возлежа на ложе, иногда на том же, что и мой возлюбленный. Когда у нас бывали гости, разумеется, я сидела на обычной скамье. Даже профессиональные куртизанки, когда их приглашали к столу, не позволяли себе принимать пищу лежа, будучи слишком хорошо воспитанными для этого.

Комнатка была уютная, хоть и простая, стены ее я украсила, развесив несколько выразительных масок сатиров, которые мне особенно нравились. Полы были каменные, посредине стояли два небольших низких столика для блюд со съестным и напитков, в сторонке сложена кипа одеял и меховых покрывал, которыми мы пользовались в зимние месяцы. Черная ваза с красными фигурами — на ней был изображен сатир, который подергивал нимфу за волоски лона, — стояла на

треножнике. Именно здесь мы проводили самые приятные наши часы, делясь мыслями, обсуждая что-то важное и неизменно заканчивая вечер в объятиях друг друга.

— Ты не думаешь, что эти женщины решили прийти, чтоб понаблюдать за мной? Узнать обо мне побольше, а потом ославить на рыночной площади?

— Не думаю. Скорее слава о тебе дошла даже до женских покоев, и их обитательницам стала любопытна женщина, заслужившая уважение всех мужчин города.

— Увидим. Нам, наверное, не следует в этот раз приглашать продажных женщин, как ты считаешь?

Меня беспокоил этот вопрос. Я не могла даже вообразить реакцию знатных дам, когда они лицом к лицу встретятся с разнузданными девками из афинских борделей, несмотря на то что мы, как правило, приглашали самых приличных из них. И я, признаться, всегда ожидала, что Перикл, того и гляди, отправится с какой-нибудь из них наверх в спальню, но, к счастью, он никогда этого не делал. Я допускала мысль, что втайне от меня он вступал в близость с другими женщинами. Мы страстно любили друг друга, и как интимная,

так и духовная связь между нами была сильна, и все же я не могла поверить, что я единственная его любовница. А впечатление, как ни странно, складывалось именно такое.

— Если жены нескольких афинян решили посетить пирушку мужчин, то, думаю, им следует представить полную картину, — возразил Перикл. — Если им не понравится присутствие публичных женщин, они могут уйти, но если мы таких не пригласим, то, боюсь, не будет конца сетованиям мужчин, которые явятся без жен. Нет уж, давай завтра соберем всех: и почтенных замужних женщин, и проституток, — всех, кто захочет прийти в наш дом. В конце концов, это праздник Афины, а богиня равна в своем отношении к каждому из свободно рожденных афинян.

Несмотря на то что была подругой самого знаменитого мужа в Афинах, я все равно была принуждена носить красные одежды во время великого панафинского празднества. Такие одежды должны быть надевать все чужестранки. Каждый, кто имел средства добраться до Афин, мог стать зрителем великой процессии и наблюдать за ее прохождением, но только афинские граждане имели право принять в ней участие без особого на то приглашения.

— Таково желание богини, — объяснил мне Перикл. — Ведь наш город буквально принадлежит афинянам. В отличие от других греческих городов он не пал жертвой захвата. Мы всегда тут жили, и члены десяти родов — это прямые потомки великих героев: Эрехтея, Аякса, Леоса, Кекропа[40] и других. Мы вскормлены и вспоены этой почвой.

Мы с Каллиопой решили, что раз уж нам положено в отличие от остальных участников праздника быть одетыми в красное и тем выделяться в глазах всего города, то в таком случае мы должны выглядеть великолепно. Мы сшили себе платья из самого лучшего алого льна и отделали их золотыми шелковыми лентами. Незадолго до наступления праздника Каллиопа предложила попробовать соорудить красивые прически, поэтому она пришла ко мне, мы отпустили прислугу и накрутили друг дружке волосы с помощью специальных шпилек. В точности так мы с ней делали, когда были детьми. На следующее утро, едва проснувшись, мы вплели в свои длинные

[40] notes: 40

Эрехтей (Эрехтоний) — легендарный царь Афин. Аякс — герой Троянской войны. Леос — личность неустановленная. Кекроп — первый царь Аттики, автохтон (рожденный землей), именно он, по преданию, разрешил спор между Афиной и Посейдоном за власть над Афинами.

локоны алые ленты и завязали их красивыми бантами, оставив с каждой стороны по нескольку прядей, обрамлявших лицо.

Первый день празднества начался задолго до рассвета. Возглавлять процессию предстояло Периклу. Игры и состязания должны были продлиться целых пять дней, но сегодняшний был целиком отдан священному ритуалу, который состоял во вручении Афине нового одеяния, сотканного женщинами города, которое ей преподносят аррефоры[41], юные знатные афинянки, выбранные из наиболее почетных семей. Во время захода солнца у алтаря храма на Акрополе должно свершиться главное жертвоприношение Пандросос[42]. Жрица богини, по верованиям, могла предсказать нападение на город эпидемии чумы, но, оповестив об этом, она получала повеление принести жертвы Пандросос, единственной проявившей послушание дочери царя Кекропа. И эти жертвоприношения могли задер-

---

[41] notes: 41

Четыре молодые девушки, ежегодно избираемые на празднике Аррефорий, во время которого они преподносят богине Афине сотканный ими пеплос и приносят корзины с тайным содержимым в ее храм.

[42] notes: 42

Пандросос — дочь Кекропа, по греческой мифологии, первая жрица Афины. Изображение ее находилось на восточном фронтоне Парфенона.

жать приход болезни на десять лет.

С Каллиопой и Алкивиадом я встретилась перед началом процессии. Сестра моя выглядела очень красиво. На шее у нее было золотое ожерелье, которое досталось нам в наследство от матери, а я надела длинные золотые серьги, потому что считала, они хорошо гармонируют с моими зачесанными наверх волосами. Кроме того, ожерелье было дороже, и из нас двоих именно Каллиопа, как старшая, получила привилегию носить его.

Утро едва занималось, но золото ярко сияло у сестры на шее, красиво оттеняя бледное лицо. Жизнь ее не была счастливой. Алкивиад, старше ее многими годами, обращался с женой так, будто она была служанкой, живущей в его доме за хлеб и жалованье. Стоило ей улучить минуту, как она прибегала ко мне жаловаться на грубость мужа. Может, эти жалобы были типичными для женщин, но я не могла разделить их с сестрой. Мне не хотелось сделать ее еще более несчастной, рассказав, что не все мужчины относятся к женам по-скотски, к тому же я была уверена, что такой старый ворчливый пес, как ее муж, никогда не изменит своей природе. Лучшее, на что мы могли надеяться, это на то, что Алкивиад проживет не настолько долго, чтобы впасть в

еще более отвратительную старость.

Но однажды я все-таки решила поговорить с ним серьезно. Накануне сестра рассказала мне о пощечине, которую получила от него, пролив нечаянно вино.

— Послушай, Алкивиад, я знаю, что ты ни в грош не ставишь мое мнение об управлении домом, хоть многие из афинских мужчин прислушиваются к нему, — начала я. — Но я все-таки намерена заметить тебе, что жена, с которой обращаются с кротостью и добротой, расцветает от подобного обращения и приносит в дом счастье и процветание, в то время как жестокости лишь заставят ее состариться раньше времени.

— Я, кажется, не спрашивал твоего совета, Аспасия, — холодно отвечал он. — Мне известно, что те ненормальные из окружения Перикла, что ходят к нему в дом, охотно слушают болтовню его бабы. Но, по моему мнению, ты всего лишь крикливая девка, и мне нет нужды в твоем мнении относительно моих домашних дел.

Больше я с ним не говорила об этом, так как знала, что мои слова лишь дадут повод обрушиться на Каллиопу с новыми упреками. В доме мужа ее слово не имело никакого веса. Она была чужестранкой, а следовательно, по закону,

введенному Периклом, и она сама, и ее дети не имели афинского гражданства. Зато, по мнению ее мужа, как и по мнению многих других, общественное положение Каллиопы было гораздо выше моего, поскольку она являлась законной женой афинянина[43].

В это утро я с радостью кинулась к ней, торопясь рассказать о предстоящем событии. Мне отчаянно хотелось видеть ее на праздничном вечере, а потому я, по правилам, принятым в этом городе, обратилась к ее мужу за разрешением.

— Алкивиад, не знаю, собираешься ли ты почтить своим присутствием вечером дом Перикла. Видишь ли, многие из мужчин намерены сегодня прийти в сопровождении своих жен, и потому я приглашаю тебя с моей сестрой на такой особый праздник.

В глубине души я знала, что он не собирался приходить. Ни Перикл, ни я терпеть его не могли и никогда не приглашали.

— Аспасия, я не одобряю того, что моя жена навещает тебя, когда ты остаешься одна, но чтобы я разрешил ей появиться в доме Перикла, когда

---

[43] notes: 43

Утверждение автора, которое противоречит главной фабуле романа. Раз брак Алкивиада признается законным, то почему в такой брак не мог вступить Перикл?

самые отъявленные пьяницы и гуляки Афин собираются там высказывать свои крамольные идеи, вообще немыслимо. И никогда не начинай этого разговора впредь.

Его лицо приобрело свое обычное выражение — надутый, сварливый индюк. Он резко отвернулся, взял Каллиопу за руку и повел прочь. Она бросила на меня печальный взгляд и ушла.

Я же отправилась искать Перикла. Когда он заметил меня, на его лице появилась улыбка и он привлек меня к себе. Впереди предстоял долгий хлопотливый день, и я предпочла надеть самые удобные из сандалий, а не те нарядные, на высокой подошве, которые носила, чтобы казаться в сравнении с Периклом более представительной.

Празднество было назначено на двадцать восьмой день Гекатомбиона, самого жаркого месяца года, но утренний воздух пока дышал прохладой. Мы с Периклом подошли к Пропилеям как раз в ту минуту, когда забрезжил рассвет. Сотни, возможно, тысячи людей уже выстроились в одну линию, огибавшую строение, в котором хранились принадлежности для праздника. Живая людская река текла далеко вперед, на

целые мили[44]. Как правило, вдоль дороги стояли зрители, желавшие видеть торжественную процессию, состоявшую из всадников, возничих колесниц, жриц, аррефор, дев, несущих богине дары и музыкантов. Специально выбранные городские власти и сам архонт повезут телегу с огромным, как парус, пеплосом, предназначенным для статуи богини в храме. Обычно только участники процессии имели право входить в храмы, но Перикл решил сделать по-другому. Раз в этом году происходило посвящение великой Афине ее храма, каждый из жителей города мог последовать вслед за процессией и войти в Парфенон, где строй стражников направлял поток людей, желавших полюбоваться колоссальной статуей богини.

— Почему не все афиняне могут видеть открытие нового храма и великой статуи, если его сооружение велось на их деньги? — Так отвечал он на возражения некоторых членов Народного собрания.

Аристократ по рождению и характеру, Перикл имел тот демократический склад мышления, который заставлял его принимать во внимание

---

[44] notes: 44

Так в тексте оригинала. Хоть миля — величина, неизвестная Древней Греции.

интересы простого народа.

Солнце осветило восточную сторону Акрополя, и церемония началась. Перикл взошел на подиум, сооруженный специально на время праздника, и обратился к собравшимся. Конечно, его речь не могли услышать все, кто пришел сюда, но многие шепотом пересказывали ее стоявшим дальше. Кроме того, писцы торопливо записывали каждое слово, чтобы в последующие дни продавать на рыночной площади составленные от руки тетради с его речью.

— Храм Афины Парфенос и колоссальная статуя богини, которые будут сегодня показаны вам, были сооружены с дозволения и одобрения Народного собрания. Вы увидите: они совершенны по виду и огромны по размеру, но позвольте мне напомнить вам, граждане Афин, о том, чем мы заслужили такие монументы и в честь каких подвигов, совершенных совместно с нашими союзниками по Делосскому союзу, они созданы.

Произнеся эти слова, он сделал значительную паузу. Я подавила непочтительный смешок при мысли о том, как же, наверное, не терпится собравшимся послушать рассказ о собственных прекрасных деяниях.

— Наши союзные города не посылают нам

коней, или солдат, или кораблей для ведения войн, — продолжал Перикл. — Все, что они дают нам, — это денежная помощь, которую мы используем для того, чтобы защитить не только себя, но и их. Тяжкую ношу войны мы несем сами. Мы отогнали персов от наших берегов, заставили их отступить по всей Греции и Малой Азии. Теперь персидские войска остались лишь в Египте и на востоке, откуда продолжают угрожать нам вторжением. Мы не щадим ничего, защищая тех, кто возложил на нас обеспечение их свободы и безопасности. Но разве мы не имеем права истратить оставшиеся средства на украшение Афин и сооружение храма, который прославит наш город на все времена?

Афиняне! Подумайте о том, что выполнение этих работ принесло вдохновение каждой отрасли искусства, обеспечило работой каждую пару рук. Ведь возможность заработать появилась у всех жителей города. Каждому досталась доля из общественного богатства, но никому она не досталась за безделье и пустую болтовню. Мы привлекли к участию в работах все ремесла и производства. При строительстве были использованы такие материалы, как камень, бронза, слоновая кость, золото, наряду с черным деревом,

древесиной кедра и другими. Те, кто добывал эти материалы, так же как и те, кто взял на себя их доставку морем или сушей, получили вознаграждение. Мы нанимали плотников, отливщиков, скульпторов, живописцев, каменотесов, красильщиков, резчиков по камню и по металлу, медников, вышивальщиков, граверов и других. Поставщиками всех строительных материалов были торговцы, моряки, лоцманы, дорожные рабочие, вязальщики веревок, шорники и все те, кто на каждом этапе помогал им. Труд каждого — от необразованных рабочих до самых одаренных художников — был оплачен. Мы брали на работу тех, кто работает руками, и тех, кто умеет работать головой.

То, что вам предстоит увидеть, не только грандиозно, оно неподражаемо по уровню исполнения. Каждый из создававших этот шедевр в мастерстве превзошел самого себя. Тем не менее все они трудились с необыкновенной быстротой и эффективностью, так, что ни деньги, ни время не были потрачены зря. Противники этого проекта утверждали: потребуются поколения, чтоб закончить задуманное нами. Но посмотрите, граждане, и вы убедитесь собственными глазами в том, что за несколько лет напряженного тру-

да и терпения был создан монумент, который принес вознаграждение каждому афинянину и который возвеличит нашу славу для грядущих поколений.

Перикл обернулся и взглянул на Акрополь. Солнце поднялось еще выше, теперь его лучи сверкали на мраморной крыше Парфенона. Мне показалось, что здание сейчас взлетит с вершины холма. Толпа зааплодировала речи Перикла, люди стали выкрикивать его имя. Как обычно, на лице его не отразилось никаких эмоций, он спокойно спустился с трибуны и присоединился к процессии.

Меня пригласили повести группу юных девушек, таких же чужестранок, как я сама, которых родители послали поднести дары богине. Все они, разумеется, были одеты в красное, хоть такого нарядного платья, как на мне, не было ни у одной. В руках девушки держали сосуды с маслом, благовониями, специями; все это должно быть возложено к ногам древней статуи Афины при вручении ей нового пеплоса.

Шествие началось, возглавляли его представители десяти родов, некоторые из них шли пешком, неся штандарты, другие скакали на прекрасных конях. За ними в полном вооружении

следовали строем пешие солдаты, присланные от каждого города-государства, союзного Афинам. Свои шлемы и нагрудники они несли на флагштоках.

Так начался долгий путь панафинейской процессии. Наша колонна помедлила, пропуская вперед группу юношей, которые несли священный огонь с алтаря Эроса. Им предстояло бегом доставить его к алтарю Афины на Акрополе. Они быстро прошагали мимо нас с горящими факелами в руках, и мы тоже тронулись в путь, сделав недолгую остановку перед храмом Гефеста, чтоб принести небольшое пожертвование богу металлов и оружия. Через дорогу городские горшечники собрались около огромного здания мастерской, в котором они работали и жили. Ради праздника все двадцать его помещений были закрыты, и его обитатели стояли на крыльце. Небольшая делегация горшечников, несшая сосуды для возлияний, влилась в процессию как раз позади нас. Позже в эти сосуды будет разлито масло с олив священной рощи Афины и в качестве призов роздано победителям состязаний.

Подле Царской стои архонт, религиозный деятель Афин, присоединился к процессии. Все мы шли медленно и торжественно, я была, как нико-

гда, довольна тем, что надела удобные сандалии. Было еще не очень жарко, но воздух нагревался по мере приближения полудня. Мы перешли дорогу и остановились около алтаря Древних Героев, где юноши, отобранные за свою красоту на специальном конкурсе, возложили дары у подножия каждой из десяти бронзовых статуй. Женщины, представительницы десяти родов, выткавшие знамена с символами этих героев, задрапировали ими статуи, а маленькие девочки обвили их цветочными гирляндами. Но самый драматический момент настал, когда выступил вперед жрец Ареса с прислужниками и они стали совершать жертвенные возлияния. В сосудах находилась кровь жертвенных животных, а так как считалось, что умершие герои питаются ею, то таким образом афиняне даровали им спокойствие в загробной жизни.

Напротив алтаря Героев возвышался алтарь Богов-олимпийцев, место, откуда измерялись все расстояния в Афинах. Тут тоже была организована короткая церемония и совершены подношения великим богам и богиням; затем последовала традиционная воинственная пляска, исполняемая под грохот барабанов солдатами с копьями и щитами.

Танцоры и барабанщики тоже присоединились к процессии, и мы вошли в ту часть агоры, где находилось начало Дромоса — места состязаний в беге и гонок на колесницах, соревнования, которое должно было пройти позже. Здесь процессию покинули колесницы, телега с пеплосом и всадники, так как предстоящий подъем был для них слишком крутым. Расстелив на руках и показав всем собравшимся ярко-голубой пеплос — женщины выткали на нем картину битвы между богами и титанами, — девы и жрицы сложили его и вручили архонту, который должен был доставить его в храм на холме.

По временам меня тоже охватывало волнение от торжественности праздника, но по большей части я испытывала лишь тошноту от страха, что сейчас я увижу лицо богини. Чем выше мы взбирались по дороге на холм, тем лучше становился виден Парфенон и тем труднее мне было дышать. Хотелось выскользнуть из процессии и попытаться спрятаться в рядах зрителей. Но я понимала, что яркий цвет моего наряда, как и то, что многие из жителей города знают меня в лицо, привлечет ко мне внимание. Меня и так уже критиковали по многим поводам, а нарушить порядок религиозного праздника означало

подбросить хворосту в огонь.

Я двигалась как во сне, переставляя одну ногу за другой, стараясь дышать глубже, чтобы унять волнение, пока мы не дошли до Пропилей, охраняемых воинами в блестящих доспехах и вооруженных мечами. Они сразу при входе с большой серьезностью объявили шествовавшим, что им предоставлена редкая и особая возможность увидеть великую богиню в ее новом храме. Строгое выражение лиц воинов дало понять, что никаких вольностей допущено не будет.

Едва ступив внутрь Пропилей, мы пали жертвами магии творения Фидия. Нас объяла темнота, так как потолок главных ворот при входе на Акрополь был выкрашен в синий цвет полночного неба. Нарисованные на нем золотые звезды ярко сверкали. Мы чувствовали себя так, будто боги овладели каждым из вошедших, подготавливая нас к лицезрению святынь.

Миновав портал и снова оказавшись под светом солнца, я заметила, как все тут вычищено ради праздника. По обеим сторонам прохода были расставлены многочисленные цветущие кусты и невысокие деревца в больших горшках. На террасе Парфенона их разместили между бронзовой статуей Аполлона работы Фидия и ря-

дами бюстов знаменитых мужей города, включая Перикла и его отца Ксантиппа.

На земле стояли статуи, которые впоследствии будут расположены на фронтонах. Они были полностью закончены и окрашены. Накануне ночью, когда мы были здесь, я пыталась их разглядеть, но неверный свет факелов был слишком слаб, чтобы увидеть детали, которые теперь щедро выявило солнце.

И вправду, мне никогда не приходилось видеть такой красоты. Одна из сцен изображала появление Афины из головы отца на горе Олимп в присутствии богов. Колесница бога солнца Гелиоса поднималась из-за моря. Дионис, юный обнаженный бог, приветствовал рождение богини, как приветствовали его и Деметра с Персефоной. Обе богини наблюдали, радуясь, за появлением могучей дочери громовержца, когда она, потрясая оружием, выпрыгнула из головы Зевса. Афина была в полном вооружении, сверкающий меч она подняла над головой, словно ее первым действием было вступление в битву. Ее отец сжимал в руках разящие молнии, готовый метнуть их в любого, даже, если придется, и в рожденное им чадо. Афина и в самом деле выглядела грозной, казалось, она угрожала и своему

отцу, повелителю богов, словно и он был в ее власти. На скульптуре была изображена маленькая девочка, которая скорчилась в ужасе перед ликом новой богини. В дальнем углу этой сцены богиня Луны Селена спускалась со своим конем в ночь.

— Настоящий театр в мраморе, — сказал один из зрителей.

Нам позволили пройти дальше и осмотреть с обеих сторон вторую скульптурную сцену, которая изображала спор между Афиной и Посейдоном. Каждый из них, объезжая в колеснице Акрополь, должен был явить чудо, и тот, кто победил бы в этом состязании, получал власть над городом. Посейдон ударил своим трезубцем о камень, и оттуда забил источник, что означало приношение воды в дар городу. Выиграла же соревнование Афина, но не военной силой, а тем, что по ее приказу из земли появился росток оливкового дерева. Сама богиня была изображена в полном великолепии, на ней сиял увитый змеями нагрудник, дар отца. Слева от нее изящный нагой юноша выходил из воды, а справа от Посейдона Ирида, вестница зари, объявляла о прибытии его колесницы. Ее убор сверкал и переливался так, что казалось, будто она бежит.

Я заметила, что все фигуры уже закончены,

великолепно и потрясающе вылеплены и раскрашены как спереди, так и сзади, хотя, когда они будут установлены на фронтоне, никто не увидит их с обратной стороны.

— Совершенство не принимает в расчет зрителя, — сказал мне однажды Фидий. — Оно существует само по себе, не заботясь о мнении других и независимо от него. Увидев работу законченной и установленной на предназначенном месте, ты узнаешь силу божественной пропорции. Это математическое уравнение, которое я изобрел, заставляет изображение выглядеть наиболее прекрасным и приятным для человеческого глаза.

Он казался довольным собой, и я понимала почему. То, что я видела, превосходило, должно быть, работы всех художников и архитекторов, которые жили до него.

Осмотрев статуи фронтона, мы стали подниматься по ступеням и вошли в огромные распахнутые двери Парфенона. Мне опять стало дурно от страха, что, как только я войду, все увидят сходство между моим лицом и ликом статуи и толпа станет преследовать меня. Голова закружилась, и я чуть не упала, потеряв равновесие и прислонившись к шедшему позади мужчине. Он поддержал меня и участливо спросил, не

больна ли я.

— Это от жары, — ответила я.

Медленно продвигаясь вперед, я оставила позади огромные деревянные двери, и вот передо мной оказалось колоссальное изображение божества, которое словно царило в этом зале. Я была поражена.

Фидий стоял рядом со своим творением. Наблюдая за медленно проходившими мимо афинянами, он мог убедиться, что все глядят только на его статую и всех она восхищает. Из-за одного лишь поразительного размера этого грандиозного изваяния на него нельзя было смотреть без страха. Я слышала, как у вошедших перехватывало от удивления дыхание, когда перед их глазами представала огромная фигура. На поверхности воды у ее подножия мерцали сверкающие блики ее золотого наряда и украшений из слоновой кости.

Облик богини почти слепил своей красотой. Когда я стала внимательно вглядываться в ее лицо, то не нашла в нем тех черт, которые видела, глядясь в зеркало. Ее лик излучал мудрость и уверенность, но взгляд серых глаз поражал безжалостностью. Эта фигура была божеством, достойным поклонения, в то время как я — всего лишь обыкновенной смертной, охочей до удо-

вольствий и простых радостей. В ней не было и следа снисходительности, материнского участия или сострадания. Это была настоящая антитеза красавице Афродите или богине Земли Гере. В отличие от них Афина не знала, что такое женская уязвимость. Возможно, Зевс и создал ее именно такой, он мечтал о сыне, и тот слился с духом дочери, поэтому появившееся на свет существо не оспорило верховной власти отца, оставив его повелителем всех богов. Я понимала, что тоже, подобно Афине, наделена этой андрогинной особенностью. В то время как многие хвалили меня за то, что я, женщина, научилась мыслить по-философски, находились и другие, которые считали, что логические размышления изгнали женственность и очарование из моего облика. Эти качества не находили отклика в моем рациональном складе ума, который стремился выявить логику во всем.

Но главная моя тревога улеглась. Украшенная многими драгоценностями и покровами величественная богиня ничем не казалась похожей на меня, как, впрочем, и на любую другую земную женщину. Никто из зрителей не заподозрил и тени сходства между мной и богиней. Я поклонилась Фидию, когда проходила мимо. Его ответная

улыбка была такой безразличной, будто перед ним прошла еще одна обычная зрительница, глазевшая на его работу.

Испытывая облегчение от того, что все обошлось без неприятностей, я вместе с процессией направилась дальше, к святилищу Афины Полиады, где находилась первая, вытесанная из дерева статуя богини — покровительницы Афин, которая когда-то упала с неба. Уже сама древность этой статуи вызывала к ней почтение. С пением религиозных гимнов жрица, архонт и аррефоры развернули пеплос и окутали им маленькую фигурку богини.

Когда я наблюдала за этой церемонией и слушала гимны, меня не покидала мысль, что этот смиренный, пострадавший от времени образ остро противоречит колоссальному творению Фидия. Деревянная статуя до того стерлась от многих прикосновений, что в ней было не узнать ее первоначального облика, было видно только, что эта скульптура имела более округлые формы тела, чем огромная статуя Афины в Парфеноне. Она выглядела женственной, под нарядным покровом отчетливо обрисовывались большие груди, выступающий живот. Она казалось настоящей матерью Афин, будто ее лоно было не каменным,

а плотским, когда-то давшим жизнь одному или нескольким существам. По моему мнению, новая статуя принадлежала скорее богине Разума, в то время как эта представляла собой богиню Тела. Обе они воплощали и мужское, и женское начало, но мы, смертные, можем вообразить существо, принадлежащее только к одному полу, и потому требуем разных изображений для разных ипостасей богов.

Воины направили процессию к выходу через Пропилеи, а я отыскала Перикла, и мы вместе прошли к Одеону, моему любимому зданию в Афинах, послушать состязание хоров. Перикл отдал приказ построить его, чтобы удовлетворить страсть жителей города к музыкальным соревнованиям, всегда проходящим во время празднеств. Флейтисты, трубачи, кифаристы соревновались между собой, как соревновались и мужские хоры, которые со временем приобрели большую популярность. Кроме того, сочинители пьес представляли свои новые работы здесь, перед тем как их ставили на большей сцене театра Диониса. Афиняне просто с ума сходили по театральным зрелищам и радовались любой возможности посетить театр, а критические замечания, которыми они наделяли сочинителей и

актеров, помогали тем в работе. Одеон, по замыслу Перикла, был создан как памятник военным подвигам. Имевший в плане форму дворца Ксеркса в Персии, он в знак оскорбительной насмешки был выстроен из обломков персидских кораблей, потопленных афинским флотом.

Мягкий ветерок витал над нашими головами, когда мы слушали исполнение мужскими хорами волнующих гимнов Афине. Судьи объявили свое решение, и Перикл вручил руководителю хора-победителя треножник и вазу, наполненную оливковым маслом, а также обвил гирляндами всех участников хора. Слушатели горячо аплодировали, и нас окружила группа женщин, уже ждавших Перикла. Когда он появился на ступенях театра, они бросились к нему и обвили гирляндами цветов его шею.

— Это тебе за победу над Самосом! — крикнула одна из них.

— В благодарность за нашу безопасность!

— За превосходство Афин на суше и на море!

Не было конца этим возгласам и не было конца венкам. Перикл не казался польщенным, как был бы польщен другой в такой ситуации, но скорее относился к этой церемонии настороженно. Я чуть было не рассмеялась, поскольку, на мой

взгляд, он больше походил не на великого победителя, а на провинившегося, принимающего наказание.

— Пусть эти островитяне знают, что им не совладать с городом Афины, владыкой морей! — воскликнул один из мужчин.

— Правильно, — раздался из задних рядов пьяный мужской голос; в его тоне явно слышался сарказм. — Пусть никто не вздумает спорить с тираном Периклом, а то как бы этому спорщику не выкатиться из Афин на собственном заду и не оказаться на каком-нибудь из ничтожных островков, распивая их мерзкое вино и распутничая с их жалкими девками. Да еще и утешая островитян за то, что им приходится приносить ежегодную дань владыке морей. Или надо говорить «хозяину»? Ибо кажется, что у нас в Афинах желание одного человека заменило демократическое голосование.

Это говорил Стефанос, один из сыновей политика, известного своими консервативными взглядами и заядлой враждой к Периклу и его проекту. Его подвергли остракизму на десять лет после того, как он до смерти надоел всем афинянам.

— Демократическое голосование и определило

судьбу твоего отца, это сделал не я, — спокойно ответил Перикл.

— Но ты убедил их своими выдумками и обещаниями великолепных зрелищ. И ты преуспел в этом, разве не так? — продолжал глумиться тот и, указывая на Парфенон, заметил: — Как и предсказывал мой отец, ты потратил немало денежек — наших денежек, — чтоб вырядить Афины наподобие тщеславной девки.

Неожиданно одна из женщин, звали ее Эльпиника, появилась в центре собравшейся толпы. Всем было давно известно, что несколько лет назад она состояла в любовной связи с Полигнотом и, по слухам, в таких же близких отношениях еще с несколькими мужчинами, включая даже своего старшего брата Кимона, героя персидских войн. Теперь она была уже стара, но все еще сохраняла некоторую представительность и наряжалась в яркие ткани и украшения, купленные, без сомнения, на деньги ее бывших любовников. Но ни морщин, бежавших от переносицы к вискам, ни увядших и сухих губ нельзя было не заметить, хоть она и подчеркнула выразительность своих все еще ярких глаз с помощью краски на веках.

— Хватит болтать, Стефанос! Ты слишком пьян. Перикл обрядил наш город так же, как он обря-

жает свою потаскуху. Твой отец знал, что так оно и случится, и предупреждал людей об этом. А за его правду твоего отца, как и моего брата Кимона, подвергли остракизму.

Она говорила негромко, но я в жизни не слышала в человеческом голосе столько злобы. Она буквально выплевывала слова, посылая их, будто стрелы.

— Что же за храбрые деяния совершил ты на Самосе, Перикл, — продолжала она, — где погибло столько мирных граждан? Ведь сражался ты не с персами и не с другими врагами, с которыми сражался мой брат Кимон, а против дружественного и родственного нам города!

Позиции Перикла и Кимона были враждебны, и это привело к тому, что афиняне решили объявить последнему остракизм. Когда это случилось, Перикл отказался участвовать в преследовании Кимона. Лишившись брата, любовника и средств к существованию, Эльпиника не простила этого Периклу, несмотря на то что через несколько лет после изгнания Кимона он голосовал за его возвращение. Почему она не ценит этого шага и не покончит с обидами? Действительно, семьи изгнанников никогда не умели прощать, и сегодня они будто объедини-

лись в борьбе с Периклом, чтобы поносить и позорить его.

— Тебе бы стыдиться участия в такой войне, — продолжала она. — А вы, глупые женщины, те, кто украсил его этими гирляндами, вам должно быть еще более стыдно. Вашим мужьям следовало б забрать вас отсюда, а дома хорошенько отколотить, я считаю.

Я почувствовала себя задетой ее грубыми словами в мой адрес и обратилась к ней:

— Кому-то следовало б отвести домой и отколотить тебя, старая женщина. Как ты осмеливаешься оскорблять меня, называя потаскухой, когда всем Афинам известно, что в твоей постели перебывала толпа мужчин, а я за всю жизнь познала только одного. Кто же тут потаскуха, согласно смыслу этого слова?

Я хотела победить старую каргу логикой, но она тут же перешла в наступление и повела атаку с другой стороны.

— Да нам всем прекрасно известно, что Перикл отправился покорять Самос потому, что эта красотка обработала его в постели. Ей, видите ли, захотелось отомстить за нападение самосцев на Милет. Война, которая стоила так много афинской крови и потребовала столько денег, была

низкой и подлой.

Перикл открыл было рот, но я решила, что буду защищаться самостоятельно, пресекая подобные слухи раз и навсегда.

— Кто я, по-твоему, Эльпиника? Елена Прекрасная наших дней? Твои слова, что Перикл решился вооружить сорок кораблей и отправить их сражаться из-за моих капризов, просто смехотворны!

— До чего ты красноречива, Аспасия! И вправду имеешь дар вести беседы. Жаль только, что не имеешь привычки говорить правду.

— Но это и есть правда.

Я оглядела собравшуюся вокруг нас толпу, постаралась заглянуть в глаза тех, кто стоял рядом.

— Перикл волен в любой момент выбрать другую женщину и ему незачем ради меня объявлять войны. Будто вы не знаете, что хлеб и вино, которыми я живу, принадлежат ему. Как принадлежит ему и мое сердце.

Мои откровенные слова вызвали одобрение. Афиняне вообще любят публичные дебаты любого толка, даже если их ведут старая карга и презираемая обществом женщина сомнительной репутации. Перикл же продолжал хранить самообладание, его поведение ничуть не изменилось,

даже дыхание оставалось спокойным. Наконец он тоже заговорил:

— Когда много лет назад ты пришла в мой дом, Эльпиника, и предложила мне себя в обмен на мое согласие вмешаться и отменить остракизм, которому подвергли твоего брата, я уже тогда сказал тебе, что старовата ты для таких дел. Но ты и до сих пор ничему не научилась. Ступай отсюда и будь рада, что у тебя еще не все зубы выпали.

Лицо ее мгновенно приняло выражение такой неистовой злобы, что я подумала: передо мной одна из взбешенных фурий-мстительниц. Ей не хватало только извивающихся змей в руках и львиной шкуры на иссохшей груди. Ноздри ее раздувались, глаза презрительно прищурились.

— Ничего подобного! — завопила она. — Все Афины знают, что я никогда б не дошла до такой низости даже ради спасения родного брата!

В толпе послышались смешки. В основном они исходили от людей постарше, тех, кто хорошо помнил всю эту историю. Один из мужчин громко спросил:

— Родного брата? А может, ты прилагала старания удержать его задницу в своей кровати?

— Да как ты осмеливаешься чернить имя моего брата? Того, который доставил в Афины кости

Тесея с острова Скирос! Он был героем, каких сегодняшние Афины не знают!

— В постели он тоже неплохо геройствовал, а, Эльпиника? — выкрикнул кто-то еще.

Раздался громкий хохот, от которого она пришла в еще большее неистовство. Я обратила внимание, что Перикл не присоединился к этим грубым шуткам. Но Эльпиника тем не менее направила свой гнев против него.

— Я, может, и стара, Перикл, но не надо меня недооценивать. И я, во всяком случае, слышу то, о чем говорят люди. А потому знаю, что девка, которую ты подобрал, частенько позировала Фидию, когда он лепил лицо статуи Афины, что сегодня стоит на Акрополе. Мне об этом рассказали ученики Полигнота, они, представь, как и их учитель, любят побеседовать со мной. Так что приглядись повнимательней к статуе, за которую ты заплатил из наших денег.

Он взглянул на меня, ожидая, что я заговорю, но что я могла сказать в свою защиту? А толпа вокруг зашумела, загудела, подобно рою кружащих над ульем пчел. Я не могла ни шелохнуться, ни заговорить. Видя, что ситуация переменилась в ее пользу, Эльпиника приблизилась к Периклу и прошипела ему прямо в лицо:

— Ты думал, я когда-нибудь забуду оскорбления, которые ты нанес моему брату и мне? Нет. И я еще не поквиталась с тобой ни в малейшей степени. Моя вражда умрет только вместе с одним из нас.

Она обернулась к толпе.

— Фидий не только лепил лик нашей великой богини с этой девки, что безбожно и нечестиво, он к тому же — ради шутки, шутки над вами, афиняне, над теми, кто сделал его богатым и знаменитым! — изобразил свое лицо и лицо своего друга Перикла на щите богини!

Люди стояли, пораженные ее словами как громом. Никто не находил слов от изумления, затем чей-то голос воскликнул:

— Кощунство!

— Ответь на эти ужасные обвинения, Перикл! — выкрикнул другой.

Перикл, взяв меня за руку, произнес:

— То, что ты тут мелешь, Эльпиника, всего лишь пустая старушечья болтовня! Мы оба даже не считаем нужным отвечать на эти оскорбления.

Он повернулся спиной к собравшимся, и мы стали пробираться сквозь толпу. Но Эльпиника продолжала кричать. Теперь она обращалась к

своим возмущенным слушателям.

— Попытайтесь войти в храм, чтоб убедиться в моей правоте. Ручаюсь, вас туда даже не впустят.

Солнце уже стояло высоко в небе, жара начала донимать всех, но я дрожала, как в лихорадке, когда мы уходили прочь от Эльпиники и ее криков.

— Можно немного отдохнуть в тени, пока не начались священнодействия, — предложил Перикл.

Мне пришло в голову, что сказанное Эльпиникой он считает столь неправдоподобным, что даже не собирается спрашивать у меня, правда ли это. Я мечтала испытать облегчение, хотела поверить, что в последний раз слышала об этой истории. Действительного сходства между мной и лицом статуи практически не было, и отрицать возводимые обвинения было довольно просто. Но я не хотела ничего скрывать от Перикла. Если этот разговор возникнет вновь, я скажу ему, что всего лишь оказала любезность Фидию, потому что он счел мои черты сильными и выразительными, но что мы никогда не намеревались наделить лицо богини — покровительницы Афин — чертами ненавистной афинянам Аспасии.

Я согласилась немного отдохнуть в тени, но на

самом деле мечтала укрыться в доме и спрятаться от всех, хоть и праздничный это был день. Я знала, что сейчас такой отдых для меня невозможен. Перикл, видно, почувствовал, насколько мне тяжело, потому что заговорил так, будто прочел мои мысли.

— Лучшее, что можно сделать, — это не придавать значения происшедшему и провести нынешний день так, как мы намеревались. Слова этой женщины развеются дымом, она ненавидит меня с тех самых пор, как я отказался иметь дело с ее дряхлыми прелестями.

Если он окажется прав и обвинения, возведенные Эльпиникой, действительно развеются как дым и я никогда их больше не услышу, то я сохраню происшествие в тайне от Перикла. Если же этого не случится, я вынуждена буду признаться.

— Не думаю, что кто-либо из женщин, независимо от возраста, оказавшись отвергнутой, не почувствует обиды, — предложила я самое простое объяснение выходке Эльпиники, косвенно отрицая ее обвинения.

— Именно по этой причине право избирать возлюбленную, как и многие другие права, надлежит оставить мужчинам.

Как и любой из тех, кто наблюдал за священ-

нодействиями Диотимы, главной жрицы города, я чувствовала страх перед ее властью. К числу ее обязанностей принадлежало толкование различных предзнаменований, и не так давно, несколько месяцев назад, Диотима предрекла, что в Афинах разразится эпидемия чумы. Объявляя, что страшная болезнь уже на пути к городу, она сказала, что слышит, как скачет по равнинам Аттики ужасный всадник, сея вокруг себя смерть, как приближаются звуки барабанного боя, сопровождающего его. Это пророчество наделало много страхов. Люди запирали свои дома и разъезжались из Афин. Некоторых охватил такой ужас, что они предпочли броситься с обрыва и разбиться, чем пасть жертвой чумы. Беременные старались выкинуть плод, мужчины готовы были собственноручно лишить жизни своих детей, только бы не наблюдать в бессилии, как убивает тех страшная болезнь. Желая прекратить этот массовый психоз, Диотима пообещала принести во время празднования в жертву овна и таким образом отсрочить приход чумы на десять лет. По истечении же этого срока она еще раз попытается узнать волю богов.

Я не собиралась посещать эти священнодействия. Солнце уже садилось, и мне хотелось

только одного — скрыться от людских глаз и отправиться домой присмотреть за приготовлениями к предстоящему нынешним вечером пиру. Но распорядок празднеств предусматривал еще жертвоприношение Пандросос, служительнице Афины, наиболее послушной ей, а оттого и самой любимой. Я попросила Перикла позволить мне присутствовать на них, только не рассказала, почему это для меня так важно. Когда же жертвенная кровь пролилась на алтарь, я мысленно вознесла молитву о том, чтобы нависшее надо мной несчастье было задержано так же, как чума, угрожающая Афинам, а если возможно, и вообще исчезло.

В течение всех пяти дней праздника сотни волов бывали принесены в жертву богине на ее алтарях на Акрополе, но жертвоприношение в честь Пандросос считалось особо важным.

История Пандросос излагалась во многих версиях, но каждая их них имела одно общее место — Гефест, хромоногий бог-кузнец, воспылал страстью к Афине, прекрасной девственной богине. Когда он сумел выковать для нее удивительной красоты щит и нагрудник, Гефест решил, что теперь богиня согласится одарить его ласками. Но любовные утехи были отвратительны Афине,

и когда он приблизился к ней, богиня оттолкнула его с такой силой, что семя возбужденного Гефеста изверглось на ее обнаженную ногу. Пораженная происшедшим, она мгновенно смахнула его на землю, из которой тут же выполз Эрехтей — полумальчик-полузмей, первый афинянин. Афина подняла его и, положив в прекрасный ларец, отдала трем дочерям Кекропа, наказав девушкам беречь его, но никогда не заглядывать внутрь. Пандросос послушалась приказания богини, но ни Герса, ни Аглая не смогли устоять перед искушением. Когда они открыли ларец, вид мальчика-змея так ужаснул их, что обе бросились с вершины Акрополя вниз.

Такова судьба всех непокорных женщин. Более же разумной Пандросос было посвящено святилище на том же холме, рядом с храмом Афины, где люди многие века почитали их. Поскольку жертвоприношение Пандросос отчасти уходило корнями в те времена, когда в жертву приносили невинных девушек, то ныне этот ритуал был более торжественным, чем остальные. Например, обычно мясо жертвенных быков раздавалось всем собравшимся, но овна с алтаря Пандросос могли отведать только немногие посвященные.

Святилище дочери Кекропа было расположено

на участке Акрополя, посвященном ей. Оно было так близко к храму Афины с древней деревянной статуей богини Полиады, что дерево оливы, когда-то подаренное богиней будущему городу в споре с Посейдоном, оказалось рядом с ним. Это дерево было священным для всех жителей Афин, и свое магическое происхождение оно доказало тем, что, будучи когда-то дотла сожженным ворвавшимися на Акрополь персами, сумело возродиться. Старики, помнившие до сих пор то ужасное вторжение, клялись, что своими глазами видели чудо — на месте обугленной головешки на следующий же день стояло деревце высотой в локоть.

Сегодня не меньше двухсот человек собрались во дворе храма, но мы с Периклом и некоторые из видных граждан стояли в самом центре. Музыканты выбивали дробь на обтянутых козьими шкурами барабанах, трубы выводили тягучие, унылые мелодии. Мрамор алтаря, носивший многие следы давних жертвоприношений и сильно выбитый, сейчас был тщательно вымыт и очищен от кровавых пятен. Двое юношей, одетых в жилеты из змеиной кожи, олицетворяли Эрехтея, они держали овна, украшенного по такому случаю гирляндой. Мужчины и женщины, участ-

вовавшие в ритуале, были обряжены в шкуры животных, а головы женщин украшены венками цветов.

Увидев рядом с алтарем Сократа, я удивилась. Как мог молодой ремесленник, не принадлежавший к знатной семье, получить позволение пройти к такому почетному месту? Возможно, он был любовником очень важного лица? Если так, то он не признался мне в этом. Но я удивилась еще больше, когда увидела, что Диотима, которая в эту минуту появилась в своих белых одеждах у алтаря, кивнула ему как хорошему знакомому.

Мне случалось видеть, как жрицы обращаются за помощью к юношам, чтобы те держали жертвенное животное, но Диотима явно не собиралась этого делать. Ей было не меньше пятидесяти пяти лет, но эта женщина сохранила прямизну осанки и силу в руках. Ныне все интересы ее жизни были отданы служению Афине, ибо жрицам богини, пока они не оставили своей службы, были запрещены сексуальные отношения с мужчинами. Диотима уже давно овдовела, имела одного взрослого сына, но в ее облике и высокой фигуре не было ничего от сутулости и вялости женщин ее возраста.

Усталость одолевала меня, так как хлопоты

начались задолго до рассвета, а впереди предстоял еще более долгий вечер праздника. Запах жарящегося мяса жертвы, принесенной на главном алтаре Афины, струился по воздуху. У меня стала кружиться голова, я сама не знала почему — то ли от голода, то ли от крепости этого запаха, мне хотелось прислониться к Периклу, но я не осмеливалась этого сделать. Такое поведение, без сомнения, показалось бы фривольностью тем, кто неустанно наблюдал за нами двоими, где бы мы ни находились. Шум начал раздражать меня, я жаждала одиночества. Барабанная дробь становилась все более стремительной, в ожидании священнодействия женщины начали раскачиваться, с их губ срывались выкрики. Животные подле других алтарей жалобно мычали и блеяли. Казалось, все собравшиеся по-своему соревнуются, выражая нетерпение.

Наконец Диотима воздела руки к небу, и ритуал жертвоприношения начался. Юноши обвязали веревкой шею овна и медленно потянули его к алтарю. Диотима сильным рывком уложила голову животного на алтарь, при этом буквально вздернув его на дыбы. Один из юношей протянул ей нож, жрица левой рукой обхватила морду овна и запрокинула ему голову. В ее правой ру-

ке сверкнуло длинное и острое лезвие, которое мгновенно вонзилось в горло жертвы. Медленно и аккуратно жрица прочертила лезвием разрез, а затем переместила лежавшую голову таким образом, чтобы хлынувшая из горла кровь заливала алтарь во всех направлениях равномерно. По правилам, если не вся поверхность алтаря оказывалась смоченной жертвенной кровью, приношение считалось не состоявшимся и не угодным богине. Все присутствующие, затаив дыхание, следили, как густая жидкость растекается по алтарю, медленно направляясь к четырем углам.

Диотима отрывистым жестом велела музыкантам снова играть, и, сопровождаемое музыкой, раздалось ее пение: «Дай нам порядок в городе, чтобы сыновья женщин крепли в юношеских играх, а их дочери резвились и плясали средь цветов в медовых лугах. Мы, женщины, просим этого у тебя, великая и могущественная богиня».

Звуки пения замолкли как раз тогда, когда капли крови заструились с алтаря в специально подготовленные сосуды, которые держали двое юношей и две девушки. Диотима опять подала знак, и они вылили собранную кровь обратно на алтарь, чтобы он лучше пропитался ею, Пан-

дросос получила причитающееся ей и могла вступиться за людей перед Афиной.

Мой взор невольно избегал зрелища льющейся крови. Кислая вонь от горшков с жиром, сжигаемым на другом склоне Акрополя в качестве жертвоприношения, соперничал с запахом цветов гирлянды Перикла, стоявшего рядом со мной. Голова закружилась, из живота поднялась и встала в горле горечь, меня затошнило, темнота хлынула к моим глазам, и все исчезло. Я успела лишь почувствовать, что падаю и Перикл не успевает меня подхватить.

Неясная фигура появилась перед моими глазами, будто внезапно выплыв из мрака. Огненные искры рассыпались позади ее темного контура, внезапно обозначились крылья. Она казалась прекрасной, но лик ее был суров. Ногами она упиралась во влекомую грифонами колесницу. Два ужасных создания охраняли божественную возницу, их огромные, похожие на орлиные крылья распахнулись, подобно двум щитам, грозные клювы нацелились в мою сторону. Я хотела закричать, но мне не удалось издать ни звука. Сердце с силой билось о ребра, львиные лапы готовились меня схватить. Я тут же представила, что произойдет, если эти длинные черные когти

вонзятся в мое тело. Странное создание, стоящее на колеснице, смотрело на меня в упор, и в его взгляде не было жалости, будто эта женщина знала о совершенном мною страшном проступке. Я молила ее взглядом, но тщетно. Она не шелохнулась, не остановила грифонов и не преградила им путь ко мне. Они подступали все ближе и ближе. Я попыталась отползти от них на коленях, но не сумела продвинуться и на пядь. Корчась в грязи, я пыталась убраться с их дороги, когда вдруг до меня донесся звук надвигающейся колесницы. Она все ближе и ближе, она настигает меня. Я в страхе оглянулась через плечо… Ничего. Позади не было ничего.

Вода обрызгала мне лицо, и я резко распахнула глаза. Рядом со мной стоял на коленях Перикл, держа в одной руке черпак. Где же ужасное видение, только что напугавшее меня? Но действительность оказалась не такой страшной. Диотима по-прежнему вела ритуал жертвоприношения. Рядом со мной находился также и Сократ, взгляд его выражал страх за меня, они с Периклом помогли мне подняться с земли. Я чувствовала на себе взгляды десятков глаз, головокружение не проходило, в памяти стоял страшный призрак… Мне хотелось исчезнуть.

Я не чувствовала под собой ног, но торопливо заговорила:

— Мне нужно бежать домой. Надо присмотреть, как прислуга готовится к приему гостей.

Должно быть, это заявление прозвучало в высшей степени комично из уст женщины, которая только что очнулась от обморока.

— Разумеется, — серьезно сказал Перикл. — Но я должен остаться. Мне предстоит принять участие в ритуале.

— У меня с собой небольшая тележка, которую я оставил у подножия холма, — вмешался Сократ. — Я могу отвезти Аспасию.

Перикл отпустил меня, и я оперлась на руку Сократа. Когда мы стали спускаться с холма, я оглянулась, и последним, что я увидела, был взгляд Диотимы, устремленный прямо на меня. Рукава ее одеяния были обрызганы кровью, глаза хранили мудрое и непроницаемое выражение.

У подножия холма нашлась та самая тележка, на которой Сократ обыкновенно перевозил глыбы мрамора для своих скульптур. Пока мы шли к ней, я описала ему свое видение как можно подробнее, надеясь, что он сможет помочь мне понять его значение.

— Понятия не имею, что это могло бы означать,

Аспасия, — ответил он. — Но я могу спросить об этом у Диотимы. Даже попробую организовать для вас встречу.

Средства позволяли Периклу выстроить для себя более роскошный дом, но он воздерживался от этого, полагая, что, обитая в скромном жилище, избежит кривотолков и пересудов. Я не знаю, сколько сотен людей перебывало у него в гостях, но обычно толпа заполняла каждую из комнат дома на обоих этажах, в теплую погоду даже выплескиваясь во внутренний дворик. По моему плану нынче вечером выступления акробатов и музыкантов должны были проходить именно там, но сейчас во дворике столпилось столько гостей, что я, сунув артистам немного денег, попросила их выступать в разных комнатах, переходя из одной в другую, как настоящие странствующие актеры.

Главным среди них был один бывший раб, захваченный когда-то в плен в далекой стране мидиан[45]. Великолепный акробат, он заслужил свободу тем, что умел развеселить своего хозяина-грека, и впоследствии сколотил труппу из музыкантов, сказителей историй, танцоров и

[45] notes: 45

Мидия — царство, расположенное в северо-западной части Иранского нагорья, к 550 г. до н. э. было завоевано персами.

акробатов. Кроме того, с ними обычно выступали две флейтистки, которых мужчины обычно называли кильками, потому что обе были ужас до чего бледные и худые. Главной же причиной появления такого прозвища была глупая, но, к сожалению, обычная практика наделять женщин, особенно продажных, кличкой по названию какой-либо из рыб. Эти «кильки», как и другие музыкантши и акробатки, не отказывались заработать пять-шесть драхм, угождая пригласившим их мужчинам после представления.

Но нынешний вечер привел с собой необычную группу гостей — это были старомодно одетые жены афинян. Из внимания к ним я велела продажным женщинам и актерам воздерживаться от откровенно непристойных выходок и не уступать домогательствам гостей на глазах у всех. Домашнюю прислугу я попросила разбавить вино, которое они станут подавать женщинам, зная, что большинство гостий не привычны к крепким винам, а мне не хотелось, чтобы уже на следующее утро по рынку гуляли слухи о том, как я развращала невинные души знатных афинянок.

Женщины, украшенные цветами и надушенные ароматами глицинии и нарцисса, жаждали побеседовать со мной. Во время разговора они

прикрывали рты веерами — считалось неприличным для порядочной женщины демонстрировать открытый рот, — в отличие от проституток, которые обычно разговаривали без подобных предосторожностей, а хохотали так откровенно, что вы могли бы пересчитать все зубы у них во рту. Но пока женщины не углублялись в разговоры. Каждая лишь сообщила свое имя да имя мужа и то, сколько детей она произвела на свет. Я вежливо слушала, но, пригласив их в дом и предложив освежиться напитками, больше уж не знала, о чем с ними и говорить. Мужчины не хотели, чтобы в зале, где они принимали пищу, возлежа и обсуждая свои любимые темы, присутствовали жены.

— Не нуждаемся, чтоб нас подслушивали или чтоб кое-кто задавал бессмысленные вопросы, когда мы стремимся дать пищу уму. — Так объяснил их поведение муж одной из пришедших.

В отличие от своих мужей, как и от меня или от куртизанок, эти женщины вели обычно очень замкнутый образ жизни, разговаривать им полагалось только друг с другом, детьми и домашней прислугой. В Афинах считали, что лишь продажная женщина не стыдится при посторонних открывать рот. Утверждение, которое

должно было заставить порядочных женщин чаще помалкивать. Мне лично всегда казалось странным, что мужчины, которые так стремятся иметь образованных любовниц, настаивают, чтобы их собственные жены не имели понятия об искусстве чтения или письма, а уж тем более об искусстве вести содержательные беседы. Разумеется, об астрономии, медицине, математике и риторике они не знали ровно ничего. Это обстоятельство навело меня на мысль, что я могла бы оказаться полезной представителям как мужского, так и женского иола, разработав философию брачной жизни в интересах обеих заинтересованных сторон. И решила при первой же возможности непременно обсудить эту идею с Периклом. Зачем мне просвещать только мужчин, если я могу делиться своими знаниями также и с женщинами, помогая и тем и другим достичь благополучия?

Но должна признаться, что сейчас я разговаривала с женщинами слишком рассеянно, ибо все мое внимание было поглощено сценой, происходящей поодаль. Там стоял Перикл, осаждаемый особами легкомысленного поведения. Две из них ухватили его за руки, а третья водила пальчиками вверх и вниз по его груди, медленно и нежно.

Они словно объединились в стараниях уговорить его сделать что-то. Он, должна признать, стоял, как обычно, совершенно невозмутимо, лишь время от времени переводя взгляд с одной из них на другую, в зависимости от того, которая к нему обращалась. Я вдруг испугалась, что именно сегодня и произойдет событие, давно меня пугавшее: Перикл поднимется наверх с одной из приглашенных девок. Разумеется, поступить так он имел полное право. Я могу сердиться, могу обижаться, но у меня нет оснований запретить это. Я даже не попыталась послать ему укоряющий взгляд, решив, что лучшее в этих обстоятельствах — отвернуться от увиденной сцены и притвориться, что я ничего не замечаю.

И как раз когда я покидала группу женщин, одна из них выпалила в меня вопросом, который я надеялась никогда больше не слышать:

— Аспасия, скажите, это правда, что вы позировали Фидию, когда он ваял Афину?

Итак, сплетня не умерла, а значит, подобные вопросы неизбежны, ибо не так уж мало людей присутствовало при разоблачениях, выдвинутых Эльпиникой. Простой арифметический подсчет показывает, что потребуется всего несколько часов, чтобы каждая пара ушей в Афинах озна-

комилась с этой информацией, особенно если учесть, что в городе праздник и все горожане толкутся вместе. Я решила избрать тактику слабой женщины и укрыться за авторитетом мужчины.

— Видите ли, Перикл назвал это обвинение слишком смехотворным, чтоб мы стали отвечать на него. Извините, но беседовать на подобную тему я отказываюсь.

Я сумела произнести эти слова со сдержанной улыбкой, хотя внутри у меня все дрожало.

Внезапно я с облегчением и немалым удивлением увидела, что в наш двор входит Сократ и с ним рядом не кто иной, как Диотима. Раньше я была уверена, что жрицы, когда они не участвуют в религиозных церемониях, проводят все свое время, погрузившись в благочестивые размышления. К тому ж, когда Сократ сказал, что намерен организовать нашу с Диотимой встречу, я понятия не имела, что это может произойти так скоро.

— Прошу прощения, — быстро произнесла я, обращаясь к женщинам, — но мне придется оставить вас. К нам только что пришла жрица Афины.

Я отвернулась от них и направилась прямо к Сократу и его необыкновенной спутнице.

В отличие от того рокового, бестрепетной рукой приносящего кровавые жертвы служителя культа, которым она казалась мне утром, сейчас Диотима выглядела примерно так же, как любая из женщин. Она переоделась в свежий бледно-голубой наряд, роскошно задрапированный широкими складками и перехваченный на талии плетеным золотым поясом. Ее волосы явно были завиты щипцами и красиво уложены, в ушах сверкали золотые серьги. Лицо казалось освещенным сиянием божественного света. Оно словно несло на себе печать вечности, подобно тому, как несут эту печать статуи богов. Держалась она исключительно прямо и походила на человека, уверенного в себе. Я могла понять, почему ксенофобы-афиняне допустили ее, чужестранку — Диотима была уроженкой Мантинеи, — осуществлять их связь с покровительницей города. Когда-то она была замужем за афинянином, но после его смерти посвятила себя служению богине.

Когда я подошла к ним, мысленно прорепетировав приветствие, с которым обращусь к ней, Диотима заговорила первой.

— Я пришла ненадолго. Можем мы поговорить наедине?

— Конечно.

Я поторопилась ввести ее и Сократа в нашу небольшую столовую, одну из тех комнат, которые я держала запертыми во время приемов гостей. Здесь мы с Периклом проводили наши лучшие часы, и мне вовсе не хотелось, чтобы ее забрызгали вином или обслюнявили пьяными ртами наши разгульные гости. По моему знаку невольник принес угощение и зажег лампы, а я присела на одно из четырех лож и пригласила гостей сделать то же.

— Давно я уже испытываю желание познакомить двух великих женщин-мыслительниц, — начал Сократ. — Одну из вас я бы назвал философом любви, а другую — философом семейного очага.

— Я много слышала о вас, дорогая Аспасия, — заговорила Диотима, — о том, что вы очень умны, но не предполагала, что вы к тому же и очень молоды.

Я не была расположена выслушивать речи, обращенные ко мне свысока, но поскольку ее возраст и положение давали ей такое право, то спокойно промолчала и улыбнулась.

— Я — пророчица, — продолжала она, но не с выспренностью посвященного, а словно констатируя не подлежащий сомнению факт. — И

обладаю даром предсказывать будущее, а иногда, даже если мне того и не хотелось бы, читать в душе человека.

— Вам Сократ рассказал о видении, которое меня посетило?

— Рассказал. Фигура, которую вы видели на колеснице, принадлежала Немезиде, богине мщения. Той, которая часто выполняет волю Афины.

— Мщения?

— Движение колесницы заставляет вращаться колесо судьбы. Участь людей находится у нее в руках. Всех, кто не угоден Афине, крушит этот возничий либо оставляет их на растерзание своим грифонам.

— О, помогите мне, Диотима! — вскричала я в страхе: сбывались мои самые ужасные опасения. — Я нанесла оскорбление богине и теперь должна расплатиться за это.

— Но разве вы имеете дар предвидения? Думаю, что нет, поэтому позвольте уж мне одной разгадывать ваши видения. Каким образом вы оскорбили богиню?

— Вы, должно быть, уже слышали об обвинениях, предъявленных мне? — ответила я.

— Я слышала о многих, предъявляемых вам, мой юный философ, но всегда считала, что это

выдумки врагов Перикла.

— Не совсем так. По крайней мере, одно из возводимых обвинений справедливо.

И я рассказала обо всем ей и Сократу — о том, как по просьбе Фидия позировала ему, надеясь, что об этом никто не узнает. Рассказала и о том, что намеренно оставила в неведении об этом Перикла.

— Я оскорбила богиню, и она готова в наказание наслать на меня мщение, — проговорила я. — Таково, думаю, значение моего видения, разве не так? Разве не об этом вы пришли мне рассказать?

— Не совсем так, — сказала Диотима. — Я пришла затем, чтоб сообщить вам о том, что, как мне кажется, вы ожидаете ребенка.

— Ребенка? Я?

Мысль об этом давно не приходила мне в голову. Прожив почти пять лет с Периклом, я даже перестала думать о возможности зачатия.

— В том-то и причина твоего обморока, — вмешался Сократ. — Диотима поняла это в тот же миг и настояла на том, чтоб сегодня принести тебе известие.

В присутствии жрицы он вел себя более сдержанно, чем всегда. Я никогда не видела, чтобы

он ставил себя в положение подчиненного, даже в присутствии такой знаменитой личности, как Фидий, но этой женщине он покорялся, как покоряется ягненок льву.

— Срок ваш еще очень ранний, — продолжала Диотима, — и вам следует побольше отдыхать и есть. Отец будущего младенца Перикл?

— Конечно! Мне показалось, вы сказали, что не верите слухам обо мне.

— Я и не верю им. Но кто хочет знать правду, должен задавать вопросы. К тому ж мораль женщин часто расходится с их делами. Думаю, вы это и сами уже заметили.

— Вы принесли мне счастливую весть. Но могу ли я радоваться ей, если Афина готова наслать на меня Немезиду? Не отнимут ли они мое дитя?

Жрица равнодушно пожала плечами. Почему б богине не наказать меня, отняв мое новорожденное дитя? Такой сюжет уже разработан не одним драматургом.

Диотима подняла чашу с вином и осушила ее. Затем, опустив глаза, заглянула на дно, будто хотела прочесть по осадку так же, как читала по внутренностям жертвенного овна. Я ждала ее слов, но она просто молча улыбнулась.

— Вам было дано откровение? — спросила я.

Она рассмеялась, выплеснула из чаши последние капли и, опрокинув, показала мне осадок на дне.

В карикатурном виде фигурка очень напоминала обнаженного атлета, державшего в одной руке метательный диск, а в другой свой огромный эрегированный пенис.

Как могла она забавляться такими вещами, когда только что принесла мне столь радостное и одновременно столь тревожное известие?

— Аспасия, я всего лишь передаю людям то, что позволила мне узнать богиня, поэтому вам не следует задавать мне вопросы. Афина — покровительница мудрости, поэтому как философы, так и искатели правды и знания могут надеяться на ее помощь. Вы вполне можете полагаться на ее расположение.

— Значит, вы не считаете, что она разгневана на меня?

— Я не могу ответить на этот вопрос сейчас. Но ваши намерения были довольно безобидны. В конце концов, Фидий хотел лишь как можно лучше воплотить ее образ.

— Могу я в таком случае спросить вас о намерении Немезиды?

— Ответ потребует от меня размышлений, а от

вас — подношения, которым придется почтить богиню мщения. Возможно, и не одним. Это будет стоить расходов, — заключила она.

— Я готова к ним.

Я тут же решила сказать Периклу, что мне нужно новое платье, в таком случае он, пожалуй, даст мне денег.

— Но даже и в этом случае богиня может дать ответ далеко не сразу. Боги беседуют с нами не тогда, когда этого хотим мы, а когда считают нужным. Придется набраться терпения.

Внезапно мои мысли устремились к Периклу. Чем он сейчас занят? Не поднялся ли наверх с публичными женщинами? Мне страстно захотелось выбежать из комнаты. Возможно, я еще успею задержать его, а если расскажу о том, что беременна, то он, может, и не захочет уходить с ними.

— Темное облако омрачило лоб Аспасии, — заметил Сократ.

— Мне нужно разыскать Перикла и сообщить ему новость.

Я встала, надеясь, что они поймут меня и распрощаются.

— Сядьте, — сказала Диотима.

Я послушно села. Мне не хотелось возражать

жрице Афины. Сократ приподнял чашу, как бы требуя еще вина.

— Когда мы вошли сюда, я заметила взгляд, которым вы смотрели на Перикла, когда с ним были те женщины, — продолжала она. — Вам не следует об этом беспокоиться.

— Я беспокоюсь потому, что Перикл, как и остальные мужчины, склонен позволять себе удовольствия, когда предоставляется такая возможность.

Меня расстроило то, что она подметила мое настроение и прочитала мысли. Я не думала, что они так очевидны.

— Не разделяю вашего мнения, — сказала она и вздохнула. — И намерена просветить вас обоих, но вам придется напрячься, чтоб понять меня. Каждый нерв вашего тела должен отзываться на мои слова.

Сократ, подобно усердному ученику, кивнул, а я не чувствовала желания спорить с ней.

— Вы можете думать, что Периклом движет жажда наслаждения, в то время как на самом деле это жажда душой бессмертия.

Я ахнула. Если до этих слов меня томило желание броситься поскорей к Периклу и выложить ему мою новость, то сейчас эта мысль вылетела

из головы. Мой мозг с присущей ему склонностью анализировать все услышанное тут же ухватился за нее.

— Но по-моему, жажда наслаждения прочно коренится именно в мужском теле, — попыталась найти возражения я.

— Мечта о бессмертии не оставляет душ смертных. Мы не можем чувствовать себя удовлетворенными, не обладая бессмертием.

— С этим я согласна. Именно потому мы надеемся обрести бессмертие, рожая детей, — сказала я и про себя подумала: «Научит ли меня этот философ любви чему-нибудь новому?» — Потому я так и тороплюсь сообщить Периклу новость.

— Да, ему она будет приятна, — кивнула Диотима. — Но люди, подобные Периклу, имеют и более важные желания в жизни.

— Какие же это?

Признаться, я была несколько раздосадована ее тоном, она говорила о Перикле так, будто знала его лучше, чем я.

— Любовь к славе. Он ищет своего места в славном свитке имен бессмертных.

Она произнесла это с такой убежденностью, что я усомнилась в ее готовности отвечать на мои вопросы.

— Не понимаю, почему вы рассказываете мне это, — призналась я.

— Философ вы или нет, Аспасия? Подумайте. Для того чтоб обрести славу, мужчины способны на самые отчаянные и опасные дела. Ради этого они могут пойти даже на большее, чем ради своих детей. Ради славы они способны истратить все до последнего, способны умереть от изнеможения. Разве вы не замечали такого за своим Периклом?

Мне пришлось признать ее правоту. Перикл имел двоих взрослых сыновей, которых горячо любил, но рискнуть своим высоким положением в городе он отважился только ради осуществления своего проекта строительства на Акрополе. И Диотима заставила меня понять это.

— Да, вы правы, — протянула я. — Во всяком случае, в отношении Перикла.

— Конечно права. Думаете, Ахилл согласился бы умереть из-за своей любви к Патроклу, если б не было предсказания о том, что это принесет ему бессмертную славу? Нет мужчины, не тоскующего по ней. И чем благороднее он, тем грандиознее его запросы.

— То есть мужчины влюблены в славу, — подытожила я.

— Нет! — Диотима почти вскричала. Кажется,

теперь она уж никогда не поверит в мою репутацию умной женщины. — Только потому, что влюблены в мечту о бессмертии.

Ее глаза сверкали; хоть говорила она тихим, но и твердым голосом, интонации все время менялись, будто она стремилась изъясняться убедительно и быть понятой.

— Эротическая любовь и желание иметь детей — вот ставки на достижение бессмертия. Но и наши дети, и дети наших детей всего лишь смертные, и через несколько поколений память о нас угаснет. В то время как созданное Периклом на акропольском холме будет более верным залогом достижения этой цели, залогом бессмертия. Воздвигнутый храм простоит века, если не тысячелетия. И все это время он будет нести имена своих творцов.

— Понимаю.

Я и вправду поняла. Но для чего она стремится донести до меня свою философию? Может быть, на этом настаивал Сократ, стремясь получить возможность обсуждать затем поднятую тему со мной, как мы с ним делали по другим вопросам? Но может, цель, которую преследовала Диотима, была более скрытой?

— Вы говорите, мне следует считать, что для

Перикла строительство в Афинах более важно, чем наше будущее дитя?

— Нет, Аспасия. Я говорю вам лишь следующее. Ваше дитя не переживет ни одного из его зданий. Вы понимаете, что женщина, производя на свет ребенка, может прикоснуться к вечности, но мужчина — мужчина-мыслитель, конечно, — должен возводить памятники в поисках славы.

— Понимаю.

И я опустила голову.

— И согласитесь с тем, что страсть вашего Перикла не обратится на публичную женщину, ибо она, его страсть, обращена к камням Акрополя. Поймите это и не сделайте ошибки. Не высокомерие им движет. Душа его откликается на зов вечности.

В ее словах звучала такая правда, что я не смогла произнести ни слова в ответ. Ни единого слова.

— А теперь, Аспасия, ступайте к своему возлюбленному. Он не ушел с теми женщинами. По крайней мере, не ушел в этот раз потому, что желания, обуревающие его сердце ныне, направлены на другие цели.

— Ваша беседа окончена? — спросил Сократ.

Все время он слушал нас с довольным выра-

жением лица, вино словно вовсе не оказывало на него действия. Он повернулся к Диотиме и сказал:

— Добрая женщина, нет для меня дороже занятия, чем слушать ваши слова.

Она не ответила, но снова обратилась ко мне:

— Ступайте же к нему, скажите о том, что ждете ребенка. Ему будет приятно это известие. Это так. — Она словно приказывала, а не предлагала. — Можете нас не провожать, мы уйдем сами.

Сократ открыл было рот, но она продолжала:

— Оставайся тут. Пей вино до рассвета, чтоб и завтра на играх был весел и пьян.

— Я навестила дом, в котором живете вы, философ, — сказала Диотима мне. — Навестите же тот, в котором живу я. И не приходите с пустыми руками.

— Аспасия, заставьте своего Перикла пожалеть бедную женщину, которая вынуждена торговать своим телом!

Я и не воображала, что девки, льнувшие к Периклу, обрадуются моему приходу, но это оказалось именно так. На их лицах заиграло оживление, когда они увидели рядом меня. Фидий тоже присоединился к этой группе. Конечно, как клиент он для этих женщин не существовал, например,

на сегодняшний пир он явился со своим любовником, Агоракритом, талантливым молодым скульптором, одним из своих учеников. Их отношения омрачало лишь подозрение Фидия, что его возлюбленный ценит не столько его ласки, сколько возможность подучиться ремеслу прежде, чем откроет собственную мастерскую. Как раз в эту минуту его молодой спутник флиртовал во дворе с пришедшими к Периклу афинянками, и Фидий, притворяясь увлеченным перешучиванием с девками, не сводил с него ревнивых глаз.

— По-моему, с вами достаточно щедро расплатились за услуги, что потребовались от вас нынче, — сказала я.

В этом у меня не было сомнений, ибо все расчеты с управляющим в доме я вела сама.

— И не вижу, на что вам жаловаться.

Я жаждала избавиться от них поскорей, чтобы поговорить с Периклом.

— Но рука Перикла и отняла то, что успела дать, — вмешалась в наш разговор другая.

— Как же это? Вам тут не отказывали ни в вине, ни в угощении. Чем в таком случае вы недовольны?

— Эти дамы жалуются на увеличение налогов, которые им приходится платить с заработанно-

го, — пояснил Перикл.

— И правильно жалуемся, — заговорила та, что была постарше. — Сегодня, когда мы присутствовали на открытии статуи Афины в Парфеноне, я услышала, как какой-то человек говорил, что Перикл и Фидий наряжают Афины, как мужчина наряжает тщеславную девку. Тогда я обернулась и сказала ему, что так и должно быть, поскольку именно эти девки и платят налоги, на которые строят храмы на Акрополе.

Остальные труженицы на ниве любви при ее словах разразились хохотом. Даже Перикл изобразил подобие улыбки. Я же подумала, что уже, наверное, весь город повторяет ее слова.

— Хватит об этом. Возвращайтесь к трудам, — сказала я, указывая им на гостей.

— В последний раз мы пригласили такую орду к себе, — сказал Перикл. — Каждый хочет сюда затесаться, преследуя свои цели. Оказывается, даже шлюхи озабочены этими соображениями. В будущем нам следует ограничиться приглашением только тех, чья преданность не вызывает сомнений.

— Разве это причина для такой осторожности? — поинтересовался Фидий. — Настало время нашей славы.

— Сейчас наилучшее время для осторожности. Триумф сеет вражду более щедро, чем сеет ее поражение, — возразил Перикл. — Ты слыхал о тех курьезных обвинениях, что нам были предъявлены сегодня? Эльпиника, бывшая любовница Полигнота, распустила слух о том, что Аспасия позировала тебе для лепки лица Афины. Как и о том, что ты изобразил меня, да и самого себя на щите богини в виде двух воинов.

— Э-э, но, видишь ли, это в какой-то мере правда. Во всяком случае, в том, что касается Аспасии. Я, признаться, не думал, что об этом можно догадаться, сходство начисто отсутствует.

— Объяснись, пожалуйста.

На этот раз Перикл обращался не ко мне, а к Фидию.

— Мне нужно было изобразить лицо молодое и прекрасное, но несущее отблеск мудрости. Я попросил Аспасию позировать, и она согласилась. Что же касается второго обвинения, то никаких объяснений я представить не могу, это чистая ложь.

Перикл обернулся ко мне:

— Почему ты не рассказала мне?

— Мы не думали, что кто-нибудь заметит сходство, — прозаикалась я. — Я позировала тайком

ото всех. И мы хотели защитить тебя от дурных слухов. И так обо мне ходит много разговоров.

— Да, разговоры о тебе действительно идут. — По его тону я поняла, что он рассматривает мое поведение как предательство. — Ни одному из вас не следует больше говорить об этом. Ни с кем. Если спросят, продолжайте утверждать, что вымысел ложный. Длинный язык Эльпиники, конечно, разнесет этот слух на все четыре стороны, но вам следует молчать. Ни слова не должно исходить из ваших уст. А теперь, извини, Аспасия, я оставлю тебя, чтоб пойти попрощаться с нашими гостями. Мне пора отдохнуть.

Он отвернулся, оставив Фидия и меня. Молча мы смотрели ему вслед, когда он проходил через двор, ни на кого не взглянув и ни с кем не обменявшись ни словом.

Вечеринка приобретала все более веселый характер. Двое дискоболов, оказавшихся победителями во время дневных состязаний, перебрасывали друг другу одну из «килек». Взлетая в воздух, девушка хохотала как сумасшедшая. Перикл поднялся по ступеням, не обратив ни малейшего внимания ни на это, ни на акробатов с их трюками, ни на кого из гостей, пытавшихся привлечь его внимание.

Я терялась в размышлениях о том, не решилась ли только что моя судьба и судьба моего будущего ребенка. Не помню, сколько прошло времени до того, как я увидела входящего в наш двор Алкивиада, но когда я заметила его, было уже слишком поздно. Прежде чем я успела укрыться от него — в том состоянии, в котором я находилась, у меня не было сил общаться с такой неприятной личностью, — я увидела выражение неподдельного испуга на его лице, которое тут же сменилось негодованием. Я проследила за его взглядом. Дискоболы прекратили игру в «мяч», которой забавлялись с одной из «килек», и теперь обе девушки скачут, усевшись на них верхом, лицом к лицу партнера, а те придерживают их за ягодицы. Через мгновение я разглядела, что каждый атлет подбрасывал свою партнершу, совершая движения пенисом, к вящему восторгу остальных гостей. Некоторые из женщин следили за сценой с явным удовольствием, и я подумала, не ожидают ли они своей очереди позабавиться.

Алкивиад не вымолвил ни слова. Я даже не была уверена, что кто-либо вообще заметил его приход, а тем более его молчаливый гнев. Все гости были так поглощены разыгравшейся сценой, что не думали ни о чем постороннем. Плотно

сжав губы, он отвернулся и пошел прочь с той же стремительностью, с какой и появился. В следующее мгновение он исчез с моих глаз, и я поняла, что буря, царящая в его мыслях, может привести к несчастью.

Афины, Турция, апрель 1802 года

Мэри наклонилась, чтобы, как посоветовал Элджин, видеть фриз во всю длину. Она была на третьем — едва ли не самом тяжелом — месяце третьей беременности, но все-таки взобралась по ступенькам на шаткий подиум посмотреть скульптуры в их первоначальном виде. Собираясь в Афины, они по просьбе синьора Лусиери привезли с собой огромные пилы, поскольку Элджин собирался удалить гигантские плиты мрамора, поднятые и уложенные еще Фидиевыми подручными. Греческий скульптор посадил каждый фрагмент фриза на толстую основу, которая страшно увеличивала вес плит, делая их совершенно неподъемными. Поэтому рабочие, нанятые Элджином, сбивали эти дополнительные слои перед погрузкой мраморов на корабли для отправки в Англию.

— Ну разве это не самые поразительные скульптуры, которые ты когда-либо видела? — спросил Элджин у жены. — Эта великолепная процессия, словно живая, проходит перед глазами.

— О да, очень жизненно изображено! Будто наблюдаешь за торжественным маршем.

Или смотришь балет, решила она, поразмыслив, глядя на волнообразное движение скачущих коней и их всадников. Тут же ей пришлось отвести взгляд от фриза, ибо доски под ногами внезапно заплясали. Рабочие на другой стороне здания сражались с метопой, которая явно не собиралась сдаваться. Раскачивание помоста тут же отозвалось в животе, Мэри затошнило, и она смутилась. Ей вовсе не хотелось позориться в Парфеноне, на котором сосредоточивались грандиозные устремления ее мужа.

— Давай обойдем фриз по кругу, — предложил Элджин. — Понаблюдаем, как идет дело.

Число нанятых рабочих исчислялось дюжинами, имелось и несколько каменотесов. Суетясь среди протянутых канатов и подъемников, они трудились над каменной кладкой, стараясь высвободить мраморную метопу, расположенную между двумя триглифами, ряд которых украшал весь периметр наружной стены храма. Пока каменотесы отбивали плиту, остальные, по мере высвобождения ее из орнамента скульптуры, обвязывали метопу веревками.

«Этот рельеф особенно великолепен», — решила про себя Мэри.

Он изображал кентавра, похищающего жен-

щину, которая, по мнению Мэри, отнюдь не выглядела недовольной.

— Ты видел когда-либо столь совершенные линии тела? — спросила она мужа.

— Ты имеешь в виду женщину?

— Нет, я о кентавре. Уверена, что Фидий специально создал его таким неотразимым. На некоторых из этих метоп кентавры, как мне кажется, скорее соблазняют дев, чем похищают их.

— Соблазняя, облегчаешь похищение, — усмехнулся Элджин.

Мэри задумалась над причиной его веселья. Пришло ли ему на ум какое-либо из его прошлых приключений, или он припомнил свое ухаживание за нею. И впрямь он сначала соблазнил ее, а затем похитил и увез в далекие земли.

— Благодаря нашим трудам мир получит возможность увидеть эти превосходные произведения. — Он наклонился и поцеловал жену в лоб. — Французам удалось завладеть несколькими из этих метоп, но больше им ничего не получить. Зато нам теперь, когда эти плиты выломаны из общего ряда, надо торопиться с дальнейшим, пока нам не помешали.

Элджин был очень плох последние месяцы. Здешний более сухой климат пошел ему на

пользу, а прогресс его великого предприятия способствовал поднятию духа. Каждый день он поднимался до рассвета и, довольный, наблюдал за работами по снятию мраморных скульптур. Ничто не могло ускользнуть от его внимания.

Снова доски под ногами задрожали. Мэри глянула вниз и увидела, что по ступеням взбирается доктор Скотт. Оказавшись наверху, он обратился к ней:

— Леди Элджин, разумно ли в вашем положении скакать по таким ненадежным конструкциям, как эта?

— Мне хотелось видеть фриз прежде, чем его разберут и опустят вниз. Кроме того, кто знает, сколько времени эти помосты еще простоят.

Команде Элджина пришлось некоторое время назад разобрать весь помост, поскольку дисдар обвинил рабочих в том, что они соорудили его, чтобы подсматривать за женщинами из гаремов, в которые турки превратили прежние храмы. Он предупредил, что подобные дерзости влекут за собой соответствующее наказание — смертную казнь. Всякие работы тотчас замерли. Но последовал новый фирман от султана, и рабочие соорудили помост снова, он был необходим для удаления метоп, фрагментов фриза и статуй на

фронтоне, на которые нацелился Элджин. Дисдар оказался у него в кармане, причем в буквальном смысле — он требовал ежедневных взяток. Только получая их, он, даже при наличии фирмана, не вмешивался в ход работ.

— Доктор Скотт, прошу вас, составьте моей жене компанию, — попросил Элджин. — Я хотел бы спуститься вниз и внимательней присмотреть за работами. Когда имеешь дело с сокровищами, никому не следует доверять. Поверите ли, я приказал снести дома вокруг Парфенона, чтоб провести раскопки в этих местах, поскольку тот старый дурак, который руководил их сооружением, со смехом заявил, что повалившиеся статуи он велел использовать при сооружении своего дома. Этой грязной лачуги!

— Пожалуйста, можете заниматься своим делом, лорд Элджин, пока не все из этих ценностей утрачены. Леди Элджин и я станем осматривать фриз вместе.

Суматоха, царившая внизу, поглотила Элджина, и Мэри была рада, что сама остается вне беспорядка и клубов пыли. Оттуда, где она находилась, открывался прекрасный вид. В одну сторону уходили равнины, окружающие Афины, а по другую возвышался холм Ликабетт. На

его вершине стояла старая, еще византийской постройки, часовня. Именно там Мэри слушала пасхальную службу всего несколько дней назад. Но видеть нищие лачуга, полуразвалившиеся маленькие домишки и хаос современных неряшливых построек, разрушавших красоту античных руин и ландшафта, было тяжело.

Турецкие власти, разумеется, разрешили застройку Акрополя, и холм был весь покрыт домами. И офицеры, и рядовые войск султана сооружали свои жилища, используя кладку храмов и тех прекрасных построек, что были возведены по приказу Перикла и гением Фидия. Мэри много времени отдавала изучению этих древностей. Иногда, пытаясь вообразить их прежний вид, она едва могла заставить себя взглянуть на древние здания, которые теперь представляли собой не более чем развалины, изъеденные временем, войнами и небрежением. Промежутки между своими жилищами и древними руинами турки засадили фруктовыми садами и овощными грядами, которые, добавляя неопрятности несчастному холму, казалось, процветали, несмотря на общее запустение и отсутствие порядка. У каждого турецкого солдата имелся прислужник, обеды готовились в котлах на открытом огне, и днем

удушливый дым застилал округу. Маркитанты — неужто они сопровождают каждую армию? — сновали везде, предлагая съестное и амуницию и добавляя лихорадочного шума в общую адскую атмосферу. Среди невообразимого зноя люди искали хоть клочок тени, чтобы там, став на колени, пробормотать свои молитвы. Несколько чахлых кипарисов цеплялись за землю, как хилые символы прежних, более безмятежных времен.

Тем не менее Парфенон еще дышал достоинством, неся следы многочисленных ранений. Портик был обнесен грубой стеной, так как там держали боеприпасы, в то время как стены целлы[46] зияли дырами, поскольку из них добывали свинец. Но общий облик еще хранил прежнюю грандиозность и величие, и турки тоже постепенно научились ценить красоту древнего храма, вернее, признали присущую ему торжественность. Они могли бы сровнять его с землей, но предпочли соорудить внутри небольшую мечеть. Она и теперь находилась в Парфеноне и продолжала посещаться верующими, которым работы, проводимые рабочими Элджина снаружи, не мешали творить молитвы. Мэри предупредили

[46] notes: 46
Внутреннее помещение античного храма.

о том, что она может проходить внутрь полуразрушенного храма только тогда, когда не будет богослужений.

— Подумать только, ведь по этим камням ступали боги и герои! — напыщенно произнес доктор Скотт, глядя вниз. — В это трудно поверить, не так ли?

— Отчего столь высокоразвитая цивилизация дошла до такого падения? — недоумевающе покачала головой Мэри.

— Но это случилось далеко не сразу, — возразил ее собеседник. — Разрушение всех этих памятников началось еще в дни римского завоевания Греции, когда Тиберий Нерон совершил набег на Акрополь и захватил чуть ли не все найденные там статуи. После чего свез их к себе и установил в собственном саду.

— Я знаю, конечно, что распад продолжался долгие столетия. Я много читала о правлении Перикла, и подчас мне начинало казаться, что я современница этих событий. Я бы даже не удивилась, если б, приехав в Афины, увидела заседание Ассамблеи и самого Перикла стоящим на подиуме, — смеясь, сказала Мэри.

— Но этот старичок еще держится. — Доктор Скотт взмахнул руками, будто обнимая огромный

Парфенон. — Каким только богам ему не довелось служить! Визиготы разграбили Акрополь в третьем веке, но его благородные кости уцелели. Затем настал черед христиан, и они превратили его в церковь. Возможно, каждый, лицезревший эти колонны и фронтоны, невольно находил себя покоренным его красотой и стремился сохранить ее.

— Вообразите же, каково это было — великий храм во всем его первоначальном блеске, — сказала Мэри, пытаясь вообразить Парфенон без маленького купола, который турки водрузили на лишенный кровли храм. — Если говорить честно, доктор, я бы предпочла видеть его христианской церковью. И могу спорить, что ранние христиане не стали б распродавать его обломки любому желающему.

Мэри испытывала гордость оттого, что находит доводы, защищая своих единоверцев.

— Вы правы, они были весьма далеки от того, поскольку видели в храме святилище. Хоть греки, подобно остальному цивилизованному миру, обратились на путь христианства, они никогда не переставали гордиться своим славным прошлым.

Когда император Феодосий Великий[47] объявил христианство главной религией римского государства, он приказал разрушить все языческие храмы. Но афиняне ухитрились проигнорировать его эдикт, для чего изменили посвящение своего Парфенона: вместо великой Афины храм стал носить имя Марии. Вполне достойный путь, если подумать хорошенько.

— Что же случилось с той колоссальной статуей богини, что была создана руками Фидия?

— Полагают, что она, как и великая Афина Промахос, которой горячо восторгался Павсаний[48], была разобрана. Некоторые считают, что оба великих монумента погибли при землетрясении. По мнению же других, эти статуи были вывезены в Константинополь, где служили символами новой империи, а уж там следы их затерялись. Возможно, они погибли в городском пожаре.

— Вот в это я охотно поверю! — воскликнула, рассмеявшись, Мэри. — Ибо что ни строили в

---

[47] notes: 47

Феодосии I, или Великий (ок. 346–395) — римский император с 379 г. Утвердил господство ортодоксального христианства, в преследованиях ариан и язычников приказал сжечь Александрийскую библиотеку, отменил Олимпийские игры и т. д.

[48] notes: 48

Павсаний — древнегреческий писатель, живший во II в. до н. э. Его «Описание Эллады» своего рода путеводитель по наиболее примечательным памятникам Греции.

этом городе, все непременно пропадало в огне.

Одной из главных причин их переезда в Афины был разразившийся в городе пожар, в котором здание английского посольства жестоко пострадало.

— Я сама видела, как сотни ведер воды выливали на нашу прекрасную мебель и ковры. Уж когда турки берутся гасить огонь, ничему не уцелеть.

Элджин счел несчастье предзнаменованием и решил, что им следует оставить город на то время, пока в здании посольства идут ремонтные работы. Конечно, Мэри понимала, что ее муж просто искал повод расстаться со своими обязанностями в Турции и отдать все силы главному предприятию в Афинах.

— Мы не можем винить только турок за разрушение Парфенона. Овладев этим храмом, они не разрушили ни одного камня, просто побелили стены и росписи, добавили минарет, но не причинили вреда зданию. Должно быть, его величие находило отклик даже в самых варварских сердцах, — произнес доктор.

— Я думала, что вы относитесь к туркам с уважением.

До Мэри донесся запах жарящегося на углях мяса, и она прикрыла платком нос.

— В известных пределах это так, — согласился ее собеседник.

— Ведь в действительности не турки причинили наибольшие разрушения этому храму, а венецианская осада, — продолжала Мэри. — В одна тысяча шестьсот восемьдесят седьмом году какой-то глупый генерал отдал приказ стрелять по Парфенону, где турки устроили склад боеприпасов. Огромное здание уничтожил сильнейший взрыв, в котором погибли и все его обитатели[49].

— Леди Элджин, вы превосходно изучили историю. Я поражен, — сказал доктор Скотт.

— В этом большая заслуга моего мужа. Но вернемся к самим памятникам, доктор Скотт. Можно ли без огорчения смотреть на их нынешнее жалкое состояние, особенно зная, чем они когда-то являлись?

Пока продолжалась беседа, помост еще несколько раз тряхнуло, но Мэри старалась не обращать на это внимания. Метопа, которую рабочие все утро пытались удалить, упорно сопротивлялась, словно не желая покидать привычное, как родной дом, место. Мэри нервничала, но не хотела уходить, пока не узнает, что останется от фриза,

---

[49] notes: 49

О каких обитателях может идти речь, если Парфенон был складом боеприпасов?

расположенного так высоко над землей, что лишь птицы да небожители могли видеть изображенное на нем. Она читала посвященное Парфенону описание, написанное Павсанием во втором столетии христианской эры, но упоминания о фризе в нем не содержалось. Теперь она понимала почему: рассматривая храм с земли, он просто не имел возможности видеть эти скульптуры.

Главные участки рельефа были уже удалены, тщательно упакованы и дожидались отправки. Их она сможет увидеть, только когда вернется в Англию, но остальное Мэри стремилась рассмотреть на месте. Во фризе уже зияли огромные пустоты, мешавшие воспринимать его как одно целое и представить процессию в первоначальном виде. Художники, нанятые Элджином, описывали в своих письмах, какими они увидели мраморные плиты, некоторыми из них она восхищалась на сделанных рисунках. Особенно ей хотелось увидеть фрагмент, изображавший богов сидящими спиной к процессии, но он уже отсутствовал.

Мэри обратила внимание, что ни одного изображения Афины в храме не осталось. Когда-то великая богиня царила над всем Акрополем, наблюдая за его населением мудрым и забот-

ливым взглядом, но ныне ее здесь не отыскать. Статуи Афины, которые располагались на двух фронтонах Парфенона — один из них представлял момент ее рождения, другой — ее спор с Посейдоном, — давно разрушены. Никто не мог бы сказать точно, что с ними произошло, но раскопки, предпринятые по приказам Элджина, не принесли успеха.

Возможно, даже статуи богини, упавшие с пьедесталов, турки использовали в качестве строительного материала. У Мэри тошнота подступала к горлу, когда она думала, что прекрасные творения Фидия непоправимо уничтожены, обращены в известь и наряду с обыкновенным бетоном составляют стены неприглядных жилищ.

Даже на метопах, в тех местах, где было изображено лицо богини, имелись сколы. Да, в городе, носящем имя Афины, нигде не отыскать ее изображения. Не случится ли так, что однажды, в далеком и почти невообразимом будущем, окажется стертым лик Христа? Она вздрогнула от этой страшной — и, возможно, еретической — мысли.

И снова помост, на котором они стояли, сильно зашатался под ногами, и Мэри едва не упала в объятия доктора Скотта. До ее слуха донеслись

взволнованные крики рабочих, раздался свист взвившихся в воздух веревок, и в тот же момент какая-то неимоверная тяжесть обрушилась вниз с грохотом, подобным грому.

— Вы не ушиблись? — спросил с тревогой доктор, заглядывая Мэри в лицо.

— Нет, со мной все в порядке.

Она подавила страх и поскорей подбежала к краю помоста, желая разглядеть, что произошло, мысленно взмолившись, чтобы происшедшее несчастье не означало, что прекрасная метопа непоправимо разрушена.

Но творение Фидия лежало внизу невредимым. Случилось так, что инструменты рабочих расшатали смежную с метопой каменную кладку, изящно сработанный карниз, и он обрушился. Вся земля вокруг была усыпана белоснежными осколками мрамора. Дисдар вынул трубку изо рта, который то ли от удивления, то ли от отвращения так и остался открытым.

— Telos! — завопил он.

Это слово было одним из десятка греческих слов, которые уже успела узнать Мэри, и означало оно «конец».

Мэри взглянула на мужа, стоявшего внизу. Он не смотрел на нее, но, заслоняя глаза от солнца,

внимательно разглядывал поврежденный угол здания. Мэри проследила за направлением его взгляда. Обломки старой стены торчали, словно корни зуба, там, где прежде проходил безжалостно вырванный карниз.

Переезд в Афины отнюдь не был приятным. Почему только она уже второй раз, нося в чреве дитя, соглашается на поездку по бушующему морю в утлом суденышке? Разве первое плавание, во время которого они совершили переезд в Константинополь, не послужило ей достаточным уроком? Нынешнее путешествие было ничуть не более приятным, чем предыдущее. Как ни плохо было ее самочувствие, оно не шло ни в какое сравнение с состоянием здоровья Элджина. Месяц назад, в день третьей годовщины их брака, доктор Скотт отнял почти треть носа Элджина. Мэри было больно смотреть, как уродуют прекрасное лицо мужа, но после долгих недель непрерывных нарывов и нагноений в области носа и горла пришлось согласиться с доктором, что альтернативы этой операции нет.

Болезни Элджина в Константинополе почти истощили его силы. Он клял влажность и дым от сжигания угля, который наполнял воздух в этом городе, и уверял себя и окружающих, что в более

теплом климате он непременно выздоровеет. Мэри не могла отрицать, что муж тяжело болен, но прекрасно знала, что, ратуя за переезд в более теплые края, он имеет в виду исключительно Грецию. Элджин стремился сам наблюдать за решающей и последней стадией своего афинского предприятия.

Мэри понимала, что сохранение античных памятников — последняя надежда Элджина. Впервые она столкнулась с практикой использования услуг дипломата, которого некоторое время держат под руками, а потом оставляют в небрежении. С самого начала миссия, порученная мужу, носила деликатный и ответственный характер, и менее опытный и осторожный политик мог легко разрушить складывающиеся отношения между Англией и Портой. Ловкость Элджина как дипломата в сочетании с очарованием его молодой жены не раз спасали этот союз. Но после того как французы были изгнаны из Египта, султан не видел особых причин поддерживать своих бывших союзников, а в Англии не считали нужным содержать в Константинополе посла.

Как оказалось, там не находили резона и вознаграждать его старания. Элджин надеялся, что огромные средства, которыми они с Мэри

субсидировали ведение войны в Египте, будут возмещены, но, к своему удивлению, получил отказ. Осознав поражение в области финансов, он стал претендовать на звание пэра, полагая эту награду наименьшим из того, что может сделать для него британское правительство. Если бы ему удалось стать пэром, это означало бы членство в палате лордов в обход выборов. Но и здесь его ожидал полный провал. Оказалось, что ни английский парламент, ни король не озабочены положением своего посла.

В декабре предыдущего года, после заключения перемирия с Францией, в Константинополь прибыл молодой французский офицер, Гораций Франсуа Батистьен Себастиани, назвавшийся родственником Наполеона и представителем Франции в Леванте. Мэри и Элджин отнеслись к юноше благосклонно, хоть поначалу трудно было заставить себя не думать о французах как о врагах. Мэри покорили щегольской облик молодого повесы и его галантные манеры. Молодой человек красовался в туго натянутых бриджах, носил цветные жилеты и плоские бальные туфли, пышный галстук несколько раз обвивал шею, а длинные волосы красиво обрамляли лицо.

— Что за неряха! — воскликнул при виде его

Элджин, но Мэри сообщила супругу, что такова новая мода, пришедшая во Францию после революции.

Себастиани и она были ровесниками, и юный француз, казалось, только о том и думал, как произвести на нее впечатление.

Помимо откровенного восхищения Мэри Себастиани высказывал также перед нею и Элджином самые соблазнительные идеи. Молодой маршал, в чьи намерения входило как можно скорей возвратиться во Францию, рисовал им картины того блестящего положения, которое они смогут занять, если Элджин — во время наступившего перемирия — будет назначен послом во Франции. Мэри никогда не бывала в Париже, и молодой человек разжигал ее страсть к культуре и роскоши заманчивыми рассказами о жизни в этом городе. А великолепные сценарии почестей, которыми осыплет своего посланника британское правительство, вынужденное теперь иметь дело с Наполеоном, Себастиани рисовал перед самим Элджином. Перспектива сменить Константинополь на Париж того весьма заинтересовала.

Однажды вечером во время бала он был так раздосадован бесконечными ухаживаниями, с которыми молодой француз увивался около

Мэри, что подошел к нему и сердито произнес:

— Сэр, следует ли мне напомнить вам, что муж этой дамы находится здесь же?

В ответ Себастиани рассмеялся и сказал, что именно присутствие супруга и дает ему возможность ухаживать за Мэри.

— Лишь бесчестный соблазнитель имеет нахальство оказывать даме знаки внимания за спиной ее супруга.

После чего, к недовольству Элджина, Себастиани стал посещать особняк английского посольства в те часы, когда его заведомо не было дома. Мэри досадовала на впечатление, которое на нее производит обаяние молодого офицера, при том что муж, больной и обезображенный, более, чем когда-либо, нуждается в ее внимании. Но она не находила в себе сил сопротивляться обаянию утонченного француза. Его пикантные рассказы и шутки, то, как он старался улучить любую минуту, чтоб поцеловать ей руку, покоряли ее. Интерес к Себастиани и отвращение, которое у нее вызывала кровоточащая и мокнущая рана на когда-то красивом лице мужа, привели к тому, что Мэри стала избегать интимной близости с Элджином. Но по прошествии нескольких недель она почувствовала себя настолько виноватой, что

позволила мужу овладеть ею. Именно вследствие этой неосторожности она снова забеременела. И теперь отвратительное самочувствие и бурное волнение моря заставляют ее мечтать о смерти.

Но до отъезда ее увлечение Себастиани достигло такого накала, что обуревавшие Мэри сейчас чувства были одновременно печальными, лихорадочно возбужденными и неприязненными. Зная, что срок представительства лорда Элджина в Турции подошел к концу, нахальный француз зашел так далеко, что предложил Мэри вступить с ним в интимные отношения.

— Это ваша судьба, — сказал он, жадно обегая ее фигуру с ног до головы карими глазами.

Он имел привычку встряхивать своими длинными темными волосами, которые, как ни странно, делали его внешность еще более соблазнительной, хоть многие сочли бы ее недостаточно мужественной.

Мэри собиралась вновь наполнить его бокал, но удержала руку.

— Думаю, вина вам достаточно.

Она постаралась выразить голосом упрек и убрала бутылку со стола. Себастиани схватил ее руку и, вскочив на ноги, пинком отшвырнул стоявший позади стул. Мэри почувствовала, как

дрожь волнения пробежала по телу.

— Почему вы отказываете себе в этой радости? — Тепло его горячего дыхания обдавало ее шею. — Ваш муж имел немало приключений в своей жизни.

— Как вы можете такое говорить? — воскликнула она и отпрянула от него.

— Доказательства тому налицо. Вернее, на лице у вашего мужа. Болезнь носа, непроходящие нарывы. Это сифилис, ne'est-ce pas[50]?

— Ничего подобного. Элджин страдает от ревматизмов, которые усиливаются от странного микроба, распространенного здесь, в Турции, — горячо заговорила она и тотчас осознала, что эта горячность делает ее защиту скорее несостоятельной, чем убедительной.

— Mais oui[51], — подхватил он, ухмыляясь. — У нас во Франции такой вирус называется «la syphilis».

Он откровенно смеялся. Какой, должно быть, наивной он ее считает.

— Мне доводилось уже слышать эти отвратительные сплетни, monsieur. Время от времени

---

[50] notes: 50
Не так ли? *(фр.).*

[51] notes: 51
Ну да *(фр.).*

их распускают вновь и вновь враги моего мужа, но вас я не считала в их числе. Уверяю, я не раз беседовала о болезни мужа и с ним самим, и с его врачом. Лорд Элджин проходит лечение препаратами ртути, которые оказывают благотворное действие на ход болезни, но разрушительное — на кожные покровы.

— Ах, препараты ртути. Они как раз и используются в случае заболевания сифилисом. — Он не оставлял этой темы. — Послушайте, леди Элджин, Мэри, Marie, я никогда не спорю с красавицами. Будем откровенны друг с другом. Английские мужчины позволяют себе многое, но почему не их женщины? Когда вы приедете в Париж, вы не сможете устоять передо мной. В моем доме я буду для вас charmant[52], еще более неотразим.

Он поцеловал ее руку, а она чувствовала себя слишком взволнованной, чтобы запретить ему это.

— Сэр, вам пора уходить, — сказала она, стараясь не смотреть на него.

Себастиани улыбнулся, с подлинно парижским очарованием пожал плечами, одновременно так рассеянно и так прельстительно. Она поскорей

---

[52] notes: 52
Очаровательный *(фр.)*.

покинула гостиную и взбежала по лестнице. Оказавшись у себя в спальне, она приняла тройную дозу лауданума, чтобы волнение не вызвало приступа удушья, и немедленно отправилась спать.

На следующее утро она попросила у доктора Скотта частной консультации. Встретившись с ним, Мэри сообщила об инсинуациях Себастиани и потребовала от врача полной откровенности.

— В конце концов, в опасности находится и мое здоровье тоже.

— Ртутные препараты используются при многих заболеваниях, леди Элджин, — отвечал доктор, беря ее руку и успокаивающе похлопывая по ней. — Они, может, и углубляют симптомы болезни, которой страдает ваш супруг, но ему они приносят облегчение. Вам не следует обращать внимание на подобные оскорбительные предположения. Эти французы распространяют свою развращенную мораль на всех остальных.

Себастиани оставил Мэри, не уступившей его тактике соблазна, — она никогда не станет изменять мужу! — но снедаемой желанием видеть Элджина посланником во Франции.

— Если нам удалось произвести такое благоприятное впечатление на константинопольский двор, вообрази, чего мы сумеем достигнуть в

Париже, — твердила она мужу. — Британское правительство многим обязано тебе, дорогой. Стоит тебе только чуть понастойчивее бороться за это назначение, и ты его получишь.

Элджину тоже нравилась мысль о службе во Франции. Ему казалось, что именно такой человек, как он, сумеет поддерживать хрупкое перемирие, которое установилось между наполеоновской Францией и Британией. В том случае, конечно, если первый консул не затаил зла на Элджина за препятствование французам в приобретении античных реликвий.

— Если этот маленький капрал джентльмен — в чем лично я сомневаюсь, — он не станет возражать против моей кандидатуры только потому, что я отправил своих людей конфисковать ту стелу с уникальной надписью, — говорил Элджин.

Едва весть о поражении французов в Египте достигла британского посольства, Элджин поручил своему секретарю Уильяму Гамильтону войти в сношения с генералом Жаком-Франсуа де Мену относительно древних ценностей, найденных французскими археологами. Элджин знал, что среди многих редкостей, готовящихся отправиться во Францию, есть один уникум, который он отчаянно стремился приобрести для Англии.

Гамильтону было поручено не спускать глаз с огромного каменного монумента, именуемого французскими учеными «каменной Розеттой»[53]. Опытнейшие лингвисты и археологи утверждали, что надписи на нем выполнены на трех языках и помогут расшифровать древнеегипетские иероглифы. Элджин негодовал с тех самых пор, как Наполеон, три года назад, объявил о находке «Розетты».

— Наполеон ценит находку. Когда этот камень был найден, он не мог отказать себе в удовольствии объявить его собственностью Франции. Славный мальчуган этот Гамильтон. Ему удалось обнаружить, что генерал Мену прячет «Розетту», эту редчайшую драгоценность, у себя в палатке закутанной в тюки одеял, выдавая ее за свои пожитки.

Элджин явно гордился своим учеником.

Мэри хорошо помнила, как два года назад пообещала этому ученику, что не оставит его голодать. За прошедшее время молодой человек прошел хорошую школу.

— Гамильтон своевременно информировал полковника Тернера, тот захватил находку, и в

---

[53] notes: 53

«Розеттский камень» — базальтовая плита с параллельными текстами от 196 г. до н. э., найденная близ г. Розетта, Египет, в 1799 г.

этот момент, когда мы с тобой разговариваем, перевозит ее морем в Англию, — продолжал Элджин. — Как только о ней станет известно королю Георгу, я немедленно дам ему знать, что именно действия моего секретаря спасли этот ценнейший объект для Англии.

Мэри относилась к подобным утверждениям как к пустым фантазиям мужа. Последнее время его величество на все просьбы Элджина отвечал неизменными отказами, и Мэри не сомневалась в том, что королю Георгу не будет до этой находки никакого дела. В первый раз ей пришло в голову, что ее муж рассматривает афинский проект как свое личное состязание с французским консулом в охоте за древностями. Она была бы счастлива оставить его в этом заблуждении, если б не высокая цена, которую пришлось бы за это уплатить.

Чтобы перевезти афинскую коллекцию, пришлось купить мужу судно. Сейчас этот корабль, под названием «Ментор», уже оставил Афины, неся на борту десять огромных ящиков, груженных слепками из Парфенона, несколькими, огромной тяжести, мраморными торсами из раскопок под западным фундаментом храма и частью фриза. Загруженному таким образом судну еще предстояло взять на борт в Александрии

Уильяма Гамильтона. Поэтому вопрос о переезде на нем семьи Элджин в Афины не мог даже рассматриваться. Несмотря на дороговизну переезда, вызванного пожаром, уничтожившим здание посольства, Элджин не мог отказаться от поездки в Афины, как бы Мэри ни протестовала, ссылаясь на свое недомогание. Поэтому она согласилась, понимая, что после оскорбительных отказов, полученных от английской короны, которой он так преданно служил, Элджину — человеку, обогатившему английскую империю древними памятниками и сокровищами и способствовавшему развитию искусств, — как никогда важно добиться успеха.

Двадцать восьмого марта, снабдив необходимыми инструкциями сотрудников, остающихся в посольстве справляться с последствиями пожара, Элджин погрузил на корабль, направляющийся в Афины, свою семью. В путешествии участвовали лорд Брюс, которому едва исполнилось два года, и малышка Мэри — шести месяцев от роду. А также Мастерман, лакей по имени Эндрю, только что получивший от Мэри нагоняй за то, что подал старшему из ее детей на завтрак вина, и Калица, толстуха-нянька, ныне пестовавшая младшую дочку дипломата. Элджин пребывал в

прекрасном настроении, с нетерпением ожидая прибытия в Афины, чтобы самому убедиться в успехах своих сотрудников, а также стремясь оказаться в сухом и теплом климате. Но состояние Мэри, которая была подвержена морской болезни, отягощенной теперь утренними приступами тошноты, сразу же стало очень тяжелым. Тяготы путешествия вызвали в ней прежние страхи. Она не могла покинуть грязную каюту, тело постоянно сотрясали приступы рвоты, во время которых Мастерман подносила к ее рту флягу и придерживала затылок. Умываться приходилось уксусной водой, а дозы лауданума увеличить втрое. Все это заставило Мэри вспомнить не только свое первое путешествие в Константинополь, но и страдания первых родов. Не внесла ли своей доли в них корабельная качка, которой она подвергла себя и свое не рожденное еще дитя? Мэри спросила об этом у доктора Скотта, который неуверенно отвечал, что это весьма возможно, но маловероятно. Он не вполне мог объяснить, почему ее второе дитя, выношенное на суше, появилось на свет много легче.

— Вторые роды, как правило, проходят не так болезненно, — заметил доктор.

— А третьи? — требовательно спросила она.

И немедленно уловила в собственном голосе нотки робости, от которой считала себя начисто свободной. Но сейчас, когда она, беременная, снова находилась в открытом море, воспоминания о перенесенных тяжких страданиях нахлынули на Мэри.

Но Элджин этих забот не разделял.

— Во всяком случае, беременность — состояние вполне нормальное и к тому же временное, — заявил он, коснувшись пальцем небольшой маски, которую теперь вынужден был носить все время, прикрывая то, что осталось от его носа.

Этот жест Мэри поняла как отказ сочувствовать ее жалобам. Тем не менее в некоторых вопросах она сохранила непоколебимую твердость. Доктор Скотт отправился с ними в Афины потому, что Мэри не могла доверить жизнь ожидаемого ребенка и здоровье двоих детей иностранным врачам. Более того, хоть флот Наполеона усилиями лорда Нельсона был сокращен до катастрофических размеров, море кишело судами пиратов. Поэтому переезд семьи Элджина в Афины совершался в сопровождении нескольких кораблей охраны. Вблизи Патмоса их настигли штормы, двое членов экипажа были смыты за борт, трюм затопило. После этого несчастья в течение двух недель семье

Элджина и другим пришлось терпеть влажную, с отвратительным запахом, духоту кают. Когда вонь и качка стали невыносимы, Мэри настояла, чтобы их высадили на ночь на берег. Добираться до стоянки пришлось верхом на осле, путешествие на редкость неприятное. Ночь, которую они провели на берегу, показалась измученным людям благословенной, но рассказы о бесчинствах пиратов так их напугали, что уже утром вся семья поспешила вернуться в безопасность судна.

Следующей ночью им пришлось в течение шести часов пробираться по берегу верхом до ближайшей деревни. Когда они добрались, Мэри возликовала, надеясь наконец-то провести ночь в комфорте, но, не успев заснуть, вскочила, разбуженная нашествием блох, которыми кишели и ее кровать, и кровати, в которые уложили детей. На следующее утро ей сообщили, что от Афин их отделяет девятичасовое путешествие. И снова пришлось скакать верхом на ослах, детей везли в корзинах, накрепко привязанных к спинам животных. К счастью, малыши, утомленные переездом, так и проспали всю дорогу, ибо предыдущей ночью они, как и мать, не могли заснуть из-за блох.

Третьего апреля, когда они наконец прибыли

в Афины, Мэри почувствовала себя счастливой, еще не догадываясь, что здесь их ждут не только те же ужасные условия существования, с какими они встретились в пути, но беспорядки и всевозможные опасности. Вступив в пределы города, путешественники увидели две одинокие колонны, остатки акведука, сооруженного Адрианом[54].

— Нельзя остановиться и оглядеть эти сооружения? — поинтересовалась Мэри.

— В них обыкновенно прячутся разбойники, поджидая неосторожных путешественников, чтоб ограбить их, — ответил один из проводников. — Нам нужно держаться как можно ближе друг к другу.

Мэри не могла даже вообразить, до какой степени разрухи доведены Афины. Конечно, она не сомневалась в том, что золотой век Перикла, с которым она знакомилась по литературным источникам, безвозвратно миновал и город пострадал, как от безжалостного времени, так и от войн и набегов врагов. Но ничто не подсказало ей, что город практически весь лежит в развалинах.

---

[54] notes: 54

Адриан (76–138) — римский император с 117 г., династии Антонинов. И в Риме, и на границах империи при нем были созданы мощные оборонительные укрепления.

Население его едва насчитывало тысячу обитателей, одну половину которых составляли греки, другую — турки и горстка албанцев. Кривые, узкие улицы, ни одной гостиницы или постоялого двора, так что исполнявший обязанности английского консула грек вынужден был уступить им свое жилье. Мэри осведомилась, не найдется ли таверны или комнаты для сотрудников посольства, но получила ответ, что таких здесь не существует.

Редкие жилища были скудно разбросаны по всей округе, лишь в самом центре города они сгрудились более плотно, образуя подобие улиц. Над каким-то немощеным проходом возвышался дорический портик. Дома и улицы выглядели безлюдными. Единственными их обитателями казались журавли, время от времени лениво пролетавшие над головами. Да в углу старого здания одинокая чайка — их единственный сосед — свила гнездо в обломках бюста кого-то из цезарей, многочисленных завоевателей Греции.

Едва успев устроиться в доме грека, Элджины вместе с предложением освежиться и поесть получили информацию о том, что в стране готовится восстание против многолетних поработителей.

— Нам до смерти надоело турецкое владычество, — сказал один из мужчин. — Наш родной язык больше не является государственным в нашей же стране. Наших детей заставляют учить чужой язык, а дочерей, едва они успеют вырасти, отправляют в гаремы. Нам даже не позволяют, в большинстве случаев, исповедовать нашу религию.

— Если французы сумели сбросить с трона своего собственного короля, мы, конечно, сумеем выгнать из Греции этих наглых оккупантов, — заявил другой.

Преподобный Хант, только что вернувшийся из поездки по Пелопоннесу, куда был отправлен с двоякой миссией — отыскать древности, которые можно было вывезти, и выяснить поточнее политический климат в стране, добавил:

— Везде формируются секретные общества. Их предводители вступили в сношение с русскими, которые, как вы знаете, мечтают захватить земли Оттоманской империи.

На следующее утро супруги отправились осматривать Акрополь.

— Какая прекрасная погода, — восторгался муж Мэри.

Действительно, климат Афин показался им

теплее и суше, чем где-либо в Турции. Элджин был в приподнятом настроении: его лицо ласкало теплое солнце и он видел наконец перед собой те памятники, о которых так долго мечтал. Вот он, величественный и бессмертный Акрополь, с незапамятных времен господствующий над этой долиной. Парфенон в окружении других древних развалин возносил к утреннему небу свои величавые колонны с самой высокой точки холма.

— На такое зрелище невозможно смотреть без благоговения, — сказала Мэри, когда они приблизились.

Элджин улыбнулся и потрепал ее по руке.

Но стоило ему приглядеться получше и понять, в каком состоянии находится храм, как его настроение стало меняться.

Турки, одетые в халаты, в тюрбанах на головах, сидели, привалившись спинами к древним колоннам великих Пропилей, и задумчиво перебирали четки.

— Они что, не нашли другого места, чтоб творить свои молитвы? — неприязненно пробормотал Элджин.

Мэри было ясно, что ответа он не ждет, но она решила вмешаться.

— Перебирая четки, они называют разные ипо-

стаси своего Бога, — пояснила она. — Священного, милостивого, правдивого, бесконечно мудрого. Мне кажется, это неплохой способ молиться, где бы они это ни делали.

Элджин проигнорировал ее объяснения. Он стоял, не сводя глаз с двух феллахов в тюрбанах, прислонившихся к колоннам, и без того уже вытертым добела.

— Очень досадно, не так ли?

— Ты о чем?

— Неприятно смотреть, как турки распоряжаются греческими ценностями.

— Ты бы предпочел видеть за этим занятием французов? — провокационным тоном поинтересовалась Мэри.

Что он, собственно, ожидал увидеть? Они еще не покинули пределов Оттоманской империи.

— Разумеется, нет, Мэри. Но скорее мы являемся духовными наследниками века Перикла. Мы, а не турки.

Она так надеялась — даже молилась, — что Элджину понравится увиденное на Акрополе. Она боялась, ему не вынести еще одного разочарования, подобного тому, какое заставило его испытать собственное правительство.

Лусиери встретил их около Парфенона, там, где

располагался бивуак для художников, занятых работой. К счастью, настроение Элджина стало быстро улучшаться, когда он увидел, как деловито снуют со своими инструментами нанятые им художники и рабочие, входят и выходят из раскинутых для них белых палаток, взбираются на помосты у стен и колонн Парфенона. Дюжины работников трудились над сложной системой веревок; очевидно, они были заняты удалением мраморных плит, чтобы впоследствии переправить их в снятое Элджином для этой цели хранилище в порту.

Внутри одной из палаток Лусиери соорудил отличную выставку работ, выполненных им за эти два года. Он, как и другие рисовальщики и живописцы, сделал десятки, если не сотни рисунков и набросков с древних храмов, начиная с общей панорамы всего Акрополя и кончая подробнейшими зарисовками монументов в целом и каждой их архитектурной детали.

— Когда мы с вами впервые встретились, мистер Лусиери, я сказала, что ваши рисунки превосходят все виденное мною в Англии. Но сейчас мне кажется, вы поистине превзошли самого себя, — обратилась к художнику Мэри. — Многие поколения художников и архитекторов оценят

работу, которую вы выполнили.

— Я должен сообщить вам кое-что очень важное, — сказал Лусиери. — Луи Фовель на свободе, он вышел из заключения и намерен возвратиться в Афины. В этот раз в качестве представителя Наполеона.

Луи-Франсуа-Себастьен Фовель, азартный коллекционер и торговец антиквариатом, провел в Афинах долгие годы, пытаясь собрать как можно больше сокровищ для себя и Бонапарта. Когда Наполеон вторгся в Египет, он, как и остальные французы, подвергся аресту и был сослан в Константинополь. Официальные лица, управлявшие Афинами, милостиво отдали Лусиери все хитроумное оборудование, которым запасся Фовель, включая огромную телегу и инструменты, без которых проведение раскопок было невозможно.

— Боже милостивый! — воскликнул Элджин. — Значит, нам придется вернуть ему все снаряжение?

— Лишившись его, я не смогу производить работы, лорд Элджин.

Лусиери, казалось, находится на грани истерики.

— Эта французская собака чинила препятствия нашей работе, даже находясь в тюрьме, — стал

он объяснять Мэри. — Его агенты в Афинах умудрялись то и дело нарушать подачу воды, срывая наши работы. А теперь он получил в свое распоряжение деньги от Бонапарта! Фовель уже пробовал подкупить наших людей, чтоб добыть рисунки, выполненные для вас, лорд Элджин. Французы пойдут на что угодно, лишь бы отнять у нас плоды всех наших усилий.

Он понизил голос и наклонился ближе к Мэри и Элджину:

— Я воспользовался средствами, что вы пересылали мне, для сбора кое-какой информации. Греки не меньше турок любят взятки и маленькие подарочки. Они говорят, что Наполеон уже снаряжает, маскируя под торговые, корабли, чтоб разведать, что вы скрываете в складах, устроенных в портовых доках. Даже сейчас французы пытаются разузнать, где вы храните свои сокровища.

В тот же вечер, уложив детей спать в наскоро сооруженной на верхнем этаже детской комнате и плотно прикрыв за собой дверь, чтоб предприимчивый маленький лорд Брюс не отправился среди ночи на поиски приключений, Мэри поведала о своих страхах Элджину.

— Безопасно ли здесь детям? При готовом

вспыхнуть восстании греческого народа и рыщущих везде шпионах Наполеона?

— О, вполне безопасно. Этот греческий народ готовит свое восстание уже не один десяток лет, не пошевелив при этом и пальцем. Русские сорок лет уламывают их отделиться от Турции. У меня есть свои источники сведений, Мэри, и я щедро оплачиваю их услуги. Если появится угроза непосредственной опасности, я тут же отправлю и тебя, и детей на родину.

— А ты поедешь с нами?

— Пока не будет окончена моя работа — нет. Как ты слышала собственными ушами, мы должны действовать энергично.

Мэри стояла на вершине Акрополя, пытаясь укрыться от жаркого солнца под зонтиком, с восторженным удивлением рассматривая новый объект, на который были обращены мечты ее мужа. Этот храм, под названием Эрехтейон, был посвящен Афине Полиаде, древней статуе, вырезанной когда-то из масличного древа, мальчику-змею по имени Эрехтей и его преданной воспитательнице, послушной Пандросос. Храм сильно пострадал от того же взрыва, который снес крышу Парфенона. Мэри давно мечтала увидеть этот храмовый комплекс, описанный

в каждой из прочитанных ею книг о Древней Греции. С тех пор как ей стал известен миф о Пандросос, дочери Кекропа, награжденной за послушание, Мэри часто размышляла о нем. Считая себя тоже послушной дочерью, она знала, что наделена любопытством и некоторой долей авантюризма. Выполнила бы она приказ богини и не стала заглядывать в корзинку с младенцем или ослушалась бы и оказалась стоящей на краю обрыва с двумя другими, более любопытными сестрами Пандросос?

Эрехтейон был одним из четырех задуманных Фидием зданий, составляющих часть общего плана Перикла. Сейчас храм, как и Парфенон, был лишен крыши, а пробраться внутрь, в заваленный осколками мрамора и кучами камней зал, не представлялось никакой возможности. Этот храм был по объему много меньше Парфенона, и его основным украшением являлся обращенный к югу портик, поддерживаемый кариатидами — женскими фигурами в летящих одеждах, — которые служили колоннами. Лица статуй были исполнены торжественности и сдержанной силы, будто, удерживая свою ношу, эти женщины исполняли гражданский долг.

Кариатид — наряду с орнаментом, шедшим по

карнизу и капителям, — все знатоки архитектуры единодушно считали непревзойденным произведением искусства, и Мэри тоже нашла их самым выдающимся памятником из всех, что ей до сих пор удалось увидеть в Греции. Первоначально портик Эрехтейона опирался на шесть кариатид, но люди Элджина успели удалить одну из них, оставив в фасаде храма зияющий провал. Так, по крайней мере, показалось Мэри. Оскорбляло ее взгляд не столько нарушение симметрии здания, сколько что-то неизмеримо более важное.

— Храм кажется осиротевшим, создается впечатление, что семья лишилась одного из членов, — вслух произнесла она, глядя на портик, который в течение двух тысячелетий украшали шесть сестер.

— Что за сентиментальная чепуха, Мэри, она недостойна тебя, — отмахнулся Элджин.

Статуя, о которой шла речь, уже находилась на складе в Пирее и ожидала только прибытия судна для отправки в Англию. У Элджина кариатиды вызвали глубокое уважение, руководствуясь которым он немедленно прогнал прочь троих нищих, пристроившихся в их тени на отдых. Он не мог без боли смотреть, как всякого рода оборванцы эксплуатируют элегантные творения

древних.

— Эрехтейон, священнейший из храмов Акрополя, еще до недавнего времени использовался турками в качестве одного из помещений гарема, — объяснил преподобный Хант. — К счастью, сейчас это не так.

Мэри казалось, что храм этот стоит необитаемым уже долгие века.

— Он выглядит скорее ограбленным, чем заброшенным, — высказала она свое наблюдение. — По Павсанию, именно этот храм был самым роскошным, он был буквально набит статуями, фресками, его украшали позолоченные росписи. Они все еще были на месте, когда он посетил эти места, что произошло через пятьсот лет после Перикла. Теперь же от всего этого не осталось и следа!

Элджин скрестил руки на груди.

— Думаю, мы могли б увезти его целиком, — деловым тоном сказал он.

— Великолепная идея, — тут же поддержал его преподобный Хант. — Что нам мешает разобрать его, а затем собрать у нас на родине?

— Если б нам удалось нанять военный корабль, думаю, это можно было б осуществить, не так ли? — продолжал Элджин свою мысль.

— Но затраты на оплату рабочих и транспортные расходы будут слишком велики, — возразила Мэри.

Она попыталась представить, какое письмо ей придется отправить отцу, чтобы он согласился финансировать еще и этот проект. До сих пор он охотно отзывался на просьбы Элджина о деньгах, особенно со времени его собственного путешествия в Грецию, но перевозка целого храма из Афин в Англию — это предприятие, которое не по средствам ни одному шотландскому землевладельцу.

— У нас почти неразрешимые трудности с перевозкой одной статуи кариатиды, которую взяли отсюда. — Она кивком указала на фронтон храма. — Я уже разговаривала на этот счет с мистером Лейси.

Не вступавший до сих пор в беседу Томас Лейси был капитаном королевских инженерных войск, которого Элджину удалось освободить от службы в Египте и пригласить в Афины для осуществления контроля за перевозками греческих сокровищ.

— Позвольте заметить, лорд Элджин, — с обычной невозмутимостью заговорил он, — мистер Дик, капитан «Цинтии», наотрез отказывается

перевозить статую кариатиды. Я полагал, что сумею его убедить, но он послал своего работника на склад, и тот произвел примерную оценку веса груза. Результаты показали, что он чрезмерно велик.

— Но вы сумели убедить его погрузить на «Цинтию» другие мраморы? — спросил Элджин.

— Признаться, сэр, он осмотрел все, что хранится у вас в порту Пирея, и отказался взять что-либо на борт корабля. Он сказал, что не имеет приказа ни от адмирала Нельсона, ни от адмирала лорда Кейта на перевозку таких грузов. При постоянной угрозе пиратского нападения — а их корабли сейчас безнаказанно бороздят моря — он считает слишком опасным нагружать корабль сверх меры.

— Не оказал ли определенного влияния на его решение адмирал Нельсон? — спросил Элджин.

— Насколько мне известно, нет, сэр. Капитан не получал конкретных указаний от адмирала Нельсона относительно перевозки этих предметов.

— Что нам делать теперь? — поинтересовалась Мэри.

Валявшиеся поблизости от них на земле статуи — изуродованные, с отбитыми головами — казались несчастными, прильнувшими друг к другу,

чтобы обрести поддержку. Элджин указал на них, как бы иллюстрируя свои слова.

— Неужели вы хотите, чтоб эти творения постигла та же судьба, что и разрушенные здания? Бонапарту не получить сокровищ, подобных этим, от расхитителей, которыми он наводнил Италию и Египет. Я напишу адмиралу Кейту немедленно же и попрошу его предоставить в мое распоряжение корабль с подходящей грузоподъемностью для вывоза самых ценных произведений искусства. Не сомневаюсь, он поймет, какую неоценимую услугу я оказываю развитию английской культуры.

— В том случае, если он человек такого же широкого кругозора, как вы, лорд Элджин, — вступил в разговор преподобный Хант. — И если мы добьемся успеха в найме подходящего средства перевозки, то можно было б захватить с собой и тот маленький, посвященный Пандросос храм, который я видел на Пелопоннесе.

Мэри невольно подумала, что скоро ничто в Греции не будет напоминать о дочери Кекропа, как не напоминает об Афине.

— Каковы настроения за пределами Афин? — поинтересовался Элджин. — Я слышал, что некий антиквар, Эдвард Кларк, столкнулся с определен-

ными трудностями в Элевсине[55].

— Да, он намерился приобрести статую Деметры, которая стояла в открытом поле, за городом. Ее возраст датируется несколькими тысячелетиями, она была создана раньше Парфенона. Он нанял полторы сотни рабочих и огромное судно для ее перевозки. Но жители соседней деревни запротестовали, стали кричать, что если богиню увезут с их поля, оно перестанет давать урожай. Деметра как богиня плодородия покровительствовала им, по крайней мере, они все еще верят в такую чепуху, хоть и принадлежат православному вероисповеданию. Крестьяне считают, что эта статуя Деметры — ровесница мироздания и всякий, кто посягнет на нее, будет наказан.

— Все греки — лишь невежественные крестьяне и просто не заслуживают счастья обладать такими сокровищами, — отрубил лорд Элджин.

С испугом подумав, что кто-либо из нанятых ими на работу греков может достаточно владеть английским языком, чтоб понять, о чем идет речь, Мэри поспешила сменить тему.

— Что же случилось дальше с мистером Кларком? — спросила она у Ханта.

---

[55] notes: 55

Древний юрод около Афин, культовый центр богини земледелия Деметры, место проведения Элевсинских мистерий.

— А знаете, суеверия этих невежественных крестьян подтвердились. Стоило рабочим расчистить почву для извлечения статуи из земли, как буйвол вырвался из упряжи и стал носиться по полю, напугав собравшихся до состояния паники. Местный священник объявил это дурной приметой и пригрозил, что антиквару придется заплатить за оскорбление богини. Буйвола тем временем все не удавалось унять, он бесился и даже бросался рогами на статую.

— Просто немыслимо, чтоб разумный человек стал верить в языческие божества, — с отвращением произнес Элджин.

— Позже корабль, нанятый Кларком, попал в шторм, потерпел крушение и затонул. Понадобились целые недели — и настоящая прорва денег и труда, — чтоб поднять его. Тут уж, полагаю, даже мистер Кларк убедился в том, что Деметра не хочет оставлять свой народ.

— Павсаний утверждал, что когда люди пренебрегают Деметрой, землю постигают несчастья.

Мэри дословно повторила прочитанную в книге фразу.

— Почему, интересно знать, даже самые умные из женщин так легко впадают в подобные бессмысленные суеверия? — вслух заметил Элджин.

— Но не я придумала это, Элджин, я лишь повторила то, что вычитала у историка, — стала защищаться Мэри, хотя знала, муж придал правильный смысл ее высказыванию.

Что-то глубоко внутри ее сопротивлялось происходящему, она сомневалась в том, что эта оптовая распродажа греческого наследия справедлива. Возможно, она прочла слишком много мифологических рассказов. Например, Мэри читала, что Посейдон, бог морей, был влюблен в Деметру, иногда принимавшую облик кобылы, и обращался в жеребца, чтобы соблазнить ее.

— Разве трудно поверить жителям этой деревни, когда они утверждают, что Посейдон объединился с Деметрой, чтоб отомстить за увоз статуи? — продолжала она. — Эти два античных божества были влюблены друг в друга.

— Не следует позволять косному мышлению необразованных крестьян брать верх над нашими взглядами, — укорил ее Элджин. — Полагаю, что нам, как образованным и просвещенным людям, подобает другой стиль поведения.

Мэри понимала, как глубоко прав Элджин. Было бы просто стыдно, возможно, даже преступно позволить этим ценностям остаться там, где они либо будут уничтожены по неосторожности, либо

пойдут на строительные материалы. А возможно, дисдар разрешит украсть их, польстившись на несколько монет. А что случится с этими сокровищами, если в Греции начнется новая война? Новая осада? Загремят взрывы? Многое свидетельствует о том, что вся Греция готова восстать против оттоманского ига.

— Я непременно напишу лорду Кейту и попрошу его предоставить в мое распоряжение военный корабль. И если моя просьба будет удовлетворена, я готов вывезти Эрехтейон — весь, до последней статуи, карниза и колонны, — в Англию.

Мэри оставила беседующих мужчин и отправилась бесцельно бродить, чтобы разобраться в собственных мыслях. Она не сомневалась, что лорд Кейт оставит просьбу Элджина без внимания и ничего не сделает для вывоза архитектурных ценностей. Ей уже было вполне ясно, что в этом предприятии никто принимать участие не намерен. По всему видно, ни один капитан не станет рисковать ни своим кораблем, ни экипажем ради тех тонн мрамора, которые Элджин насобирал и хранит в Пирее. После погрузки мраморов на собственное, приобретенное в Турции судно «Ментор» коллекция их сокровищ продол-

жат возрастать. Она увеличилась уже на шесть плит, выломанных из фриза, и одну, найденную при раскопках. Были обнаружены обломки еще одного фриза, принадлежавшего храму Ники, также стоящему на Акрополе. Эти обломки были вмурованы в стены, окружающие крепость. Массивные архитектурные детали, которые Элджин полагал крайне важными при изучении искусства: пилястры, антаблементы, карнизы, капители колонн и другие фрагменты храмов и святилищ Акрополя, — были отобраны и ждали своей очереди на складе в порту. Все осколки метоп тщательно собрали и уложили рядом со статуей кариатиды и отливками, сделанными художниками с архитектурных произведений, которые нельзя было удалить из здания. Монеты, надписи, бюсты, головы и неимоверное количество ваз — все из найденного, что представляло хоть какую-то ценность, — хранилось на складе Элджина.

В день, когда главное украшение Парфенона — головы лошадей из колесницы Селены, богини Луны, были опущены на землю, Мэри решила, что амбиции ее мужа удовлетворены и семья может вернуться в Константинополь.

Но скоро ей пришлось понять, как далек он от

этой мысли.

— Нам следует объехать всю Грецию, — объявил он, и Мэри спросила себя, а знает ли этот человек вообще, что она ожидает третьего ребенка. — Мэри, мы с тобой должны прочесать всю страну. Причем нужно сделать это именно сейчас, пока я еще обладаю официальным статусом посла. Такой возможности нам больше не представится. Французов освободили из турецких застенков, и они скоро наводнят всю страну. Они будут подкарауливать меня на каждом шагу, понимаешь? Мы должны знать, что можно вывезти из других районов Греции. Преподобный Хант уверяет, что Афинам принадлежит лишь малая толика сокровищ этой страны!

Темперамент Элджина, который обычно находил выход в его сексуальности, теперь был обращен на греческие ценности. Но и его любовный пыл не угас полностью. Мэри, будучи беременна, не отказывала ему в близости. Ее муж, к сожалению, больше не был красив, но она по-прежнему находила удовольствие в их половых сношениях, особенно когда красавчик Себастиани покинул Константинополь и она утратила почву для сравнений. Риска беременности тоже больше не было — дело уже сделано! — и

ее наслаждение стало даже более полным. Так как Мэри не имела привычки закрывать глаза в интимные моменты, то требовалась темнота, чтобы она могла насладиться экстазом.

Она присела на остаток подножия статуи и стала припоминать слова мужа. Светило стояло высоко в полуденном небе, а доктор Скотт предупредил ее, что хоть по календарю еще весна, но безжалостное греческое солнце может быть опасным для женщины в «таком положении». Она не поверила ему. В «таком положении» ей пришлось совершить двухнедельное плавание на вонючем, насквозь промокшем судне, а затем едва ли не сутки скакать верхом на осле, и с ней ничего не случилось. Но сегодня усиливающаяся жара и ослепительный блеск солнечных лучей внезапно заставили ее почувствовать усталость. Мэри встала и принялась искать клочок тени, но везде натыкалась на какого-нибудь сидящего на корточках турка.

Сквозь пролом в ближайшей стене она заметила росшее внутри храма кривое оливковое дерево. Осторожно перебравшись через груды камней, она заглянула туда. Большая часть крыши была сметена взрывом, и свет беспрепятственно падал на находившуюся посредине

плоскую глыбу мрамора. Мэри полезла через пролом и забралась внутрь храма, где оказалось совершенно пусто, если не считать обросших мхом старых камней да груды обломков в углу. Внезапно оттуда донесся шорох, и, подумав, что там может быть прибежище крыс, она двинулась к центру.

Плоская мраморная глыба покоилась на пьедестале, середина ее была сильно выбита. Уставшей Мэри пришлось бороться с соблазном прилечь на нее, чтобы отдохнуть. Она сказала себе, что в таком случае будет похожа на жертву, приведенную на заклание, и в ту же минуту вспомнила, на что именно походит этот мраморный постамент. На древний алтарь! И пьедестал, и сама плоская глыба не имели никаких украшений из тех, что так ценил Элджин, оба были очень простые. Во всем их облике было что-то донельзя примитивное, как будто этот алтарь не принадлежал тому нарядному зданию, в котором находился. Он явно не относился к временам, в которые работал Фидий, и не входил в число его творений. Нет, скорее это место напоминало те, где устраивались мистерии, о которых Мэри прочла в книгах.

Она приложила ладонь к холодной поверхности, на которой, возможно, когда-то лилась

кровь жертв. Голова кружилась, жара донимала. Наверное, ей все-таки следует присесть в тень, подумала Мэри. Если она сейчас вернется к оставшимся, мужчины сумеют обеспечить ее каким-нибудь комфортом. Может быть, ей следует позвать доктора Скотта? Она повернулась было уйти, но снова бессильно прислонилась к мраморной плите и оперлась на нее обеими руками, чтобы не упасть. У нее иссякают силы, ей просто необходим отдых. На секунду Мэри показалось, что она слышит далекий гул барабанов. Может ли быть такое? Он словно становился все громче и громче, головокружение усиливалось вместе с ним. Наверное, это муэдзины призывают правоверных на молитвы? Но разве барабанный бой является частью мусульманского молитвенного ритуала? Мэри почти упала на каменную скамью и застыла. Мир померк в ее глазах.

В пещере было темно, но свет факелов лился на неровные стены и низкий, грубо сработанный потолок. Мэри нужно ползти по проходу, но острые грани камней царапают колени, платье цепляется за каждый выступ, и чем быстрее ползти она пытается, тем труднее приходится ее телу подчиняться командам разума. Ей казалось, что она плывет в каком-то густом сиропе. Нужно

убежать от ужасного визгливого шума, преследующего ее. Что же это за существо, что за страшное создание, которое способно издавать такие звуки? Они словно разрывали ей уши, от этого воя разламывалась голова. Мэри подняла глаза. У входа в пещеру стоял Элджин, и свет, падавший снаружи, создавал подобие ореола над его головой. Он протянул к ней руку, желая помочь, но шум вдруг стал оглушительно громким, пещера позади наполнилась грохотом и хлопаньем. Они становились все ближе и ближе, как будто какое-то крылатое чудовище настигало ее. Мэри распласталась по земле, защищая себя и ребенка в своем чреве от гнавшегося за нею монстра. Она даже не могла представить, что это за существо, что оно от нее может хотеть, какому наказанию подвергнуть. Мэри попыталась что-то крикнуть, предупредить о его приближении Элджина, но не сумела издать ни звука. Она не могла ни пошевелиться, ни закричать. А шум становился все оглушительней, он был почти непереносим. Она зажала руками уши, боясь взглянуть наверх, но зная, что должна помочь Элджину, найти способ спасти его, ибо он все еще стоит там, протягивая ей руку. Внезапно огромные распростертые крылья — кому они принадлежали? Порождению ада,

одному из созданий Сатаны? — загородили выход из пещеры. Силуэт Элджина исчез. В темноте она услышала, как он закричал, когда чудище схватило его.

«Мэри! — кричал он. — Мэри!»

Представшая ее взгляду женщина, тоже с огромными черными крылами, безучастно смотрела, как страшное чудовище напало на Элджина.

«Помогите ему!» — отчаянно взмолилась Мэри, но женщина не слушала ее вовсе.

И голос мужа становился все тише и тише, все слабее и слабее.

«Мэри! Мэри!»

— Мэри! Проснись же!

Она открыла глаза. Рядом с ней стоял Элджин, солнечный свет лился прямо сверху, и силуэт мужа казался странным черным пятном. Все было спокойно. Из-за плеча Элджина выглядывал доктор Скотт.

— Где я? — спросила Мэри и ухватилась за рукав мужа.

— Капитана Лейси встревожило, что ты бродишь тут одна.

Элджин помог ей сесть.

— Так нельзя поступать, Мэри. Ты не в Лондоне! Здесь опасности подстерегают на каждом шагу, и

особенно женщину.

— Но я так устала. Мне показалось, я просто засыпаю на ходу.

— Леди Элджин, мы все ценим вашу необыкновенную выносливость, но сколько раз мне нужно повторять вам, что женщина в вашем положении нуждается в отдыхе в жаркое время суток?

Доктор Скотт глядел на нее так же сердито, как Элджин.

— Именно это я пыталась сделать, доктор, — ответила она.

— Но мы обнаружили тебя лежащей на древнем алтаре в позе священной жертвы, — заметил Элджин.

— Элджин, мне нужно тебе кое-что сказать. Прошу, попроси остальных отойти и оставить нас одних.

— Мы будем ждать вас на том месте, где раскинут наш лагерь, — заторопился доктор Скотт. — И я бы хотел осмотреть вас, леди Элджин. Нельзя полагаться на случай в том, что касается вашего здоровья.

— Как сочтете нужным.

Мэри хотела, чтобы он как можно скорее ушел. То, что она должна сказать Элджину, не предназначено для чужих ушей. Одно дело показаться

глупой женщиной в глазах собственного мужа, который и так невысокого мнения о тебе, и совсем другое — демонстрировать подобные слабости при посторонних.

— Произошло нечто ужасное, Элджин. Я безумно испугана. Мне просто страшно.

— Ради бога, что произошло, Мэри? Надеюсь, с ребенком все в порядке?

И он приложил руку к ее животу.

— Нет, не в этом дело. Мне стало нехорошо. Усталость одолевала меня. Стала кружиться голова. Я испугалась, что могу потерять сознание. Это и случилось. В беспамятстве я опустилась на эту скамью.

Мэри посмотрела вниз, на покрытый омерзительными пятнами — желтыми, темно-красными, белыми — мрамор и подумала, что они вполне могут быть следами пролитой когда-то крови.

— И передо мной вдруг возникло видение. Оно напоминало те предчувствия, какие у меня когда-то случались. Это было ужасно. На тебя напало страшное чудовище, какой-то монстр из древних мифов, с крыльями и клювом!

И она описала мужу все, что видела. Он терпеливо выслушал, продолжая держать ее руку в

своих, но выражение лица его оставалось скептическим на протяжении всего рассказа.

— Ты просто заснула, Мэри, и это был всего лишь сон, дурной сон. Конечно, врагов у меня немало. Не было ли чудище похожим на Наполеона? Я бы не удивился, если б у маленького капрала вдруг обнаружились большие крылья.

Элджин расхохотался, и Мэри поняла, что ее рассказ он не принял всерьез.

— Но боюсь, с тобой может произойти что-нибудь плохое. Я не могу объяснить эту тревогу, но не хочу, чтоб ты видел во всем только глупые суеверные страхи.

— Ты допускаешь мысль о том, что боги-олимпийцы жаждут мщения? Разве они не станут скорее испытывать благодарность к нам за то, что мы спасаем то немногое, что здесь осталось от их изображений? — Он в изумлении всплеснул руками. — Господи, да я уже стал рассуждать почти так же глупо, как ты и Лейси.

Конечно, он прав. Смешно считать, что языческие идолы, даже если они существовали когда-то, до сих пор бродят по земле. Но нельзя отрицать и того, что здоровье Элджина страшно ухудшилось с тех пор, как он увлекся этим афинским проектом. Уж не говоря о том, что надежды,

которые он питал относительно наград за свои дипломатические заслуги, оказались обмануты. Разве в Греции его дела поправились? И тем не менее она не находит слов, чтобы объяснить ему свои страхи.

— Извини, дорогой. Я просто напугалась, вот и все. Конечно то, что ты делаешь, совершенно правильно. Именно этим надлежит заниматься здесь и дальше.

— Теперь, когда ты ознакомилась с реальностью, разве это не стало совершенно понятно, Мэри? Афины — царство гения и свободы старых времен. Какая из наций сейчас может именоваться так, Мэри, если не Англия? Сколько раз мне нужно это объяснять?

— Я с тобой полностью согласна. Прежде ты не объяснял этого так понятно. По крайней мере, для меня.

— Очень трудно представить его первоначальную планировку, — говорил Элджин, когда они шли по тропе над театром Диониса, разглядывая его руины сверху.

Почти ничего из знаменитых мраморов, когда-то украшавших театр, не сохранилось. А то немногое, что осталось, было полностью скрыто под беспорядочными обломками. Грязь и му-

сор громоздились в том месте, где угадывался прежний просцениум. Дикие коты, бродившие здесь стаями, страдая от жары, разбрелись в поисках укрытия от солнечного пекла. Одну смелую стрекозу, неотступно преследовавшую Мэри, ей приходилось то и дело отгонять веером, в то же время стараясь не оступиться на неровной тропинке.

Разрушенный театр представлял собой еще одно удручающее зрелище.

— Где же Одеон? — спросила Мэри у проводника грека.

Вместо ответа тот указал на самую высокую из груд мусора.

— Вы точно знаете это?

Грек отвечал утвердительно. Он абсолютно уверен, что эта куча была прежде Одеоном, то есть тем залом, который велел выстроить Перикл для проведения в нем музыкальных соревнований. В основе проекта этого здания лежал гигантский павильон Ксеркса.

— Но в нем проводились не только музыкальные состязания. Одеон был местом для производства правосудия, — запротестовала Мэри. — Это очень важно! И театром, в котором Софокл и Еврипид впервые ставили свои замечательные

пьесы!

Возможно, это вследствие беременности она стала такой раздражительной, а может, просто устала все время видеть перед собой безнадежные развалины.

— Рассказывают, здания, что стояли когда-то на холме, повыше театра, разрушились во время одного из землетрясений и рухнули на театр Диониса, похоронив под собой всех собравшихся зрителей, — принялся объяснять преподобный Хант.

И в самом деле, кроме отдельного ряда вытесанных из мрамора кресел, которые, похоже, служили местами для знатной публики, вся аудитория были погребена под обломками камня.

— На мой взгляд, весьма возможно, что Одеон постигла такая же судьба. Он полностью разрушен.

Опираясь на походные трости или используя их в качестве балансира для сохранения равновесия, вся группа осторожно обходила провалы между камнями, спускаясь вниз по склону к уцелевшим креслам. Их украшал орнамент такой красоты, что великолепия резьбы просто нельзя было не заметить, к тому ж состояние чудом сохранившихся кресел было прекрасным. Как прекрасен

был и мрамор, блестевший оттенками серого и кремового.

— Они великолепны! — воскликнула Мэри. — Настоящие королевские троны.

— Вы могли бы распознать сюжеты резьбы на креслах? — спросил Элджин у священника.

— О да, вполне. Полагаю, здесь изображен эпизод борьбы Тесея или кого-то другого из героев с амазонками.

Они медленно обходили сиденья, чтобы полюбоваться орнаментом на их спинках.

— Вот венки из оливковых ветвей, символы победы. А здесь, смотрите, щит Афины. Перед нами изображения символов афинской демократии и свободы.

— Давайте присядем и немного отдохнем, — предложил Элджин.

Мэри уселась на самое красивое из кресел. Уставшей спине было приятно ощущать тепло нагретого солнцем мрамора. Элджин сел рядом, и оба не могли отвести глаз от одиноких свидетелей бывшего великолепия театра — две колонны коринфского ордера обрамляли колоссальной величины статую, лишенную головы.

— Эта система укреплений носила название «стена Кимона», в честь одного из героев персид-

ских войн, — объяснил Хант.

— Ах да, Кимон! Враг Перикла, брат Эльпиники, — подхватила Мэри. — Он был славным человеком, насколько я поняла из сведений, что донесла до нас история.

— Леди Элджин, — сказал преподобный Хант, — вижу, вы выучили сочинения Плутарха чуть не наизусть. После остракизма, которому его подвергли Афины, Перикл припомнил заслуги Кимона и стал ратовать за его возвращение на родину.

— Прекрасные колонны, что стоят перед стеной Кимона, и статуя Диониса были сооружены гражданином Фризаллосом несколько сотен лет спустя после времен Перикла.

— Бедный Дионис, — вздохнула Мэри, — ему не взглянуть больше на его театр. Осталось ли хоть где-нибудь в Афинах его изображение?

— Корпус статуи великолепен по своему исполнению. — Элджин словно отмел сентиментальную чепуху жены. — Постарайтесь добиться для меня получения этой статуи, мистер Хант.

— Охотно постараюсь, — отвечал священник после некоторого размышления. — Для этого мне придется встретиться с некоторыми чиновниками из турок и постараться убедить их в том,

что полученный нами фирман распространяется на все произведения искусства, расположенные на склонах Акрополя. Ибо в противном случае они станут пытаться нам мешать. Дисдар и так расстроен из-за того, что в результате работ в храме обрушился карниз.

— Может, делу помог бы небольшой подарок? — предположил Элджин. — Позаботьтесь, чтоб начальству дисдара был преподнесен в подарок хороший конь, возможно, прибавьте халат и седло. Думаю, после этого все пойдет на лад. Ну и конечно, небольшую сумму самому дисдару. Пусть купит табаку для своей трубки.

— Но так мы исчерпаем наши возможности!

Может, вследствие жары, или необъятности замыслов Элджина, или стоимости претворения их в жизнь, но Мэри почувствовала, как нарастает ее раздражение. После того видения, что явилось ей на древнем алтаре, она поклялась себе поддерживать все начинания Элджина, чтобы в конце концов это предприятие завершилось и они могли о нем забыть. Она мечтала вернуться домой — не в Константинополь, конечно, где, как она надеялась, работы по свертыванию посольства тоже заканчиваются, — нет, она мечтала о возвращении в Лондон и в Шотландию, где

они наконец начнут жизнь, которую ей обещал Элджин. Обоснуются в роскошно отделанном Брумхолле, поблизости от которого живут ее родители и где дети будут наслаждаться свежим и чистым деревенским воздухом.

— Послушайте, мистер Хант, — заговорила она, — и передайте, прошу, мои слова мистеру Лусиери. Если будет хоть малейший намек на сопротивление, то заявите местным властям, что я раздобуду от султана еще более категоричный фирман. Все знают, что госпожа валиде, мать султана, и капитан-паша принадлежат к числу моих друзей. Сомневаюсь, что после этого вам будут в чем-либо препятствовать. Лорд Элджин и я не потерпим вмешательства в наши планы.

— Хорошо, леди Элджин. — согласился священник.

— Умница, моя Полл. — Элджин уже несколько месяцев не называл ее этим ласковым именем. — И давайте позаботимся о том, чтоб наши усилия не оказались напрасными. Французы пытаются чинить мне препятствия, а если греки поднимут восстание, турки в отместку уничтожат каждый камень, оставшийся от древнегреческой цивилизации.

— Вы совершенно правы, лорд Элджин, — го-

рячо согласился со своим собеседником Хант. — Нужно не оставлять здесь ничего, что они могли бы разрушить.

— Совершенно верно. Ни этой великолепной статуи Диониса, — поддержал его Элджин, — ни того прекрасного трона, на котором сидит моя жена. Все это следует немедленно увезти и отправить на наш склад. Эти мраморы прекрасно украсят наш сад в Брумхолле.

— Лорд Брюс! Вы просто маленький негодник! Овощи следует непременно скушать, иначе вы будете плохо расти и никогда не станете большим и сильным.

Мэри отослала сына спать, оставив его без порции сладкого. Мальчик не желал есть ничего, кроме мяса, отвергая блюда из овощей, рекомендованные доктором Скоттом для укрепления здоровья ребенка. Элджин убедил Мэри присоединиться к нему в поездке по Пелопоннесу, доверив детей воспитателям. В их отсутствие малышка Мэри сильно подросла и потолстела. Но Брюс, порученный заботам Эндрю, который относился к двухлетнему ребенку ровно так же, как относился бы к взрослому владельцу ленного поместья, рос неуправляемым.

Но он оставался ее милым первенцем, и Мэри

приходилось отворачиваться от больших, вопрошающих голубых глаз, когда надо было строго отчитать его. Сейчас в Афинах она вела дом сама. Элджин организовал для них обоих еще одну поездку, в этот раз по центральным областям Греции, но она упросила его отправиться без нее. Не хотелось снова оставлять детей без присмотра, а самой трястись на осле. Ей уже довелось преодолевать верхом предательские горные тропы, едва не на четвереньках пробираться по грозящим обвалом археологическим развалинам, долгие ночи проводить в жалких хижинах и палатках. На седьмом месяце беременности, став неповоротливой и грузной, она боялась возвращения атак удушья. Возможно, из-за летней жары — она шла на пользу Элджину, но не он ведь вынашивал в чреве дитя — Мэри страдала, как никогда прежде. К счастью, доктор Скотт располагал неисчерпаемыми запасами опия, а этот препарат прекрасно успокаивал ее нервы и, как она полагала, предотвращал приступы удушья. По крайней мере, она сохранила крепкий ночной сон.

— Одна строчка от тебя — и я тут же примчусь обратно, дорогая, — пообещал ей Элджин при отъезде.

К нему вернулись его прежние мужественные

и заботливые манеры после долгих недель верховых прогулок, лазанья по кручам и утесам и поездок под жарким солнцем.

— Я не стану звать тебя, как бы сильно мне этого ни хотелось, — ответила она.

Мэри про себя таила мысль о том, что без мужа сумеет управиться лучше. Античные древности — а их были тонны и тонны — хранились упакованными на складе в Пирее. С Акрополя они увезли все, что можно. Из одного только Парфенона было вывезено пятьсот двадцать четыре фута фриза, пятнадцать метоп и семнадцать статуй с восточного и западного фронтонов, считая прекрасную голову лошади. Четыре рельефа они забрали из храма богини Ники. Множество отливок, слепков, рисунков, описей и мерок оставались в Афинах. Статуя кариатиды ожидала погрузки на корабль, как и большое мраморное кресло из театра Диониса. Судьба Эрехтейона оставалась под вопросом до тех пор, пока не будет найден корабль для его транспортировки. Теперь дюжины больших и малых произведений искусства, что отыскал Элджин во время поездки по Пелопоннесу, стекались сюда, а сам он держал путь в Фивы для дальнейшей охоты.

Но лорд Нельсон продолжал отказывать ему

в просьбах выделить даже одно военное судно для перевозки ценностей. Лусиери беспокоился, что турецкие власти, ответственные за греческие территории, начнут бить тревогу, оттого что поток мраморов покидает Акрополь.

Мэри опасалась, что в случае неудачи со своим афинским предприятием Элджин снова превратится в того болезненного ревматика, каким он был к концу их пребывания в Константинополе. И сейчас, по его отъезде, она думала, что видит возможность помочь мужу, и стремилась привести свой план в исполнение.

На борту «Мьютина», одного из кораблей королевского флота, в Афины прибыл капитан Хосте, двадцатидвухлетний шкипер, которого Мэри принимала в своем доме в Константинополе. Он был очень болен, туберкулез точил силы юноши, и Мэри устроила его в верхних комнатах дома, в котором обосновались они сами. Молодой человек не сомневался, что смерть стоит у него за плечами, но Мэри выходила его, обеспечив прекрасной здоровой диетой на молоке и сыворотке. Помимо этого она сумела убедить юношу в том, что его высоко ценит адмирал Нельсон, что он — краса королевского флота его величества, и она не позволит ему умереть так далеко от родного

дома. Молодой человек не покидал корабля на протяжении уже девяти лет и все это время не виделся со своей семьей. Мэри была уверена, что именно это в значительной степени и вызвало его болезненное состояние. Она заботилась о юноше так, будто он был ее собственным сыном, хотя разница в возрасте между ними составляла всего около двух лет. Молодой моряк поправился, и когда он достаточно окреп, чтобы вернуться на корабль, Мэри отправилась с ним в порт, где подвела к складам и показала тюки, ждавшие отправления в Англию.

Что он мог сказать?

— Ваше судно, как сказал мне лейтенант, отправляется прямо на Мальту, капитан Хосте, — обратилась к нему Мэри. — Встреча с врагами практически исключена. И вы могли бы сделать для меня большое одолжение.

Юноша взглянул на свою заботливую опекуншу и клятвенно пообещал взять на борт столько ящиков, сколько возможно.

— Ничто не может быть для меня приятнее, чем оказать вам услугу, мадам. Но на этой неделе у греков какой-то праздник, и ни один из них не согласится выйти на работу. Как же нам доставить такой огромный груз на борт?

Но она уже обдумала эту проблему и нашла выход.

— Не беспокойтесь, капитан Хосте. Я вручила докерам небольшой бакшиш, и они пообещали все сделать.

Затем Мэри отправилась к Лусиери и потребовала, чтобы он, приостановив работы, выделил немедленно несколько человек для упаковки всех ценностей, которые еще оставались на Акрополе и ждали перевозки.

— Никогда не видел ничего подобного, леди Элджин, — отозвался итальянец, поняв, что от него требуется. — Я просто поражен вами.

В качестве дополнительных мер страховки Мэри обратилась также к капитану Доннелли, которому предстояло перевезти их семью обратно в Константинополь, и к капитану Кракрафту, командиру судна «Ансон». Мэри уделила особое внимание последнему, хоть он был старше, чем Доннелли и Хосте, а парик, который он носил, всегда сидел криво на его лысой, выбритой голове. Результатом этих усилий, для нее ничуть не удивительным, оказалось заявление капитана Кракрафта, что в качестве личного одолжения леди Элджин он готов погрузить на свой корабль все, что останется непогруженным на «Нарцисс».

А так как увеличение этой коллекции было вполне возможно — кто мог знать, что Элджин привезет из Фив? — она провела переговоры и с другими офицерами, подкрепив свои позиции несколькими бутылками отличного вина и последними кругами сыра из семейных запасов. Когда их «Ментор» с Уильямом Гамильтоном на борту возвратился в Афины, Мэри лично убедилась в том, что места на нем достаточно для любых приобретений Элджина, которые он, возможно, сделает во время своих последних странствий по Греции.

Мэри чувствовала себя победительницей. Когда все было кончено, она написала мужу:

С Акрополя вывезено все, и мы можем смело встретить наших врагов! Я организовала перевозку мраморов, и так удачно, что она не стоила нам ни одного пенни, уж не говоря о тех огромных затратах, которых мы так боялись!

Как обычно, женское красноречие одержало победу. Это моя заслуга, Элджин, и я так горжусь собой. Теперь ты меня любишь еще больше, не правда ли?!

И не удержалась от искушения добавить:

Нынче я вполне уверилась в том, что всегда по-

дозревала: насколько большего могут добиться женщины в сравнении с мужчинами, если проявят настойчивость. Готова спорить на что угодно, что если бы этим занимался ты, то не смог бы добиться и половины сделанного мною.

Ее родители находились сейчас в Париже, и она организовала для них встречу с Себастиани. Как бы Мэри хотела увидеть свою мать сидящей за чаем с таким любезным кавалером французом. Мэри жаждала узнать, что родители разделяют с ней надежды на назначение Элджина послом в Париже. Из Англии было получено известие, что его не отзывают из Константинополя, а предоставляют решить самому, оставаться там или покинуть Турцию. Чрезвычайно почетное предложение для молодого дипломата.

Когда Мэри оглядывалась на прожитые годы, ее охватывала радость. Ей еще нет и двадцати пяти. Она счастлива в браке, растит двух превосходных здоровеньких малышей и ожидает появления третьего. Она молода, полна сил и жаждет дальнейшего — больше жизни, больше опыта, приключений, счастья. Вакцина от оспы, начинание, столь дорогое ее сердцу, прибыла в Константинополь и, по последним сообщениям, начинает получать распространение. Элджин

блестяще справился с обязанностями посла и к своим тридцати четырем годам[56], без сомнения, стоит в самом начале долгой и успешной карьеры. Она стремилась завершить их афинское предприятие и начать новую эпоху жизни, которая, она не сомневалась, будет замечательной.

[56] notes: 56

Простой подсчет показывает, что герою романа в 1802 г. исполнилось 36 лет.

Греция, 15–29 июня 1802 года

Зной становился совершенно непереносимым. Не только ночные часы не приносили облегчения, но даже день, проведенный на море, когда супруги Элджин направлялись на борту «Нарцисса» к Марафону, оказался кошмарным. Мэри чувствовала, что все руины надоели ей до смерти, но посетить место исторической битвы, победа в которой вдохновила создателей памятников на Акрополе, она мечтала с нетерпением. Надеялась, что, несмотря на долгую вереницу протекших с тех пор веков, эта долина хранит много интересного.

И она не была разочарована. Еще с моря Мэри увидела курган, под которым, очевидно, покоились погибшие в сражении. В облике этого холма скорби, заросшего ныне травой и сорняками, было что-то такое, что вызывало у Мэри дрожь. Когда все участники поездки стали сходить на берег, капитан, с которым леди Элджин только что вела беседу о битве, происшедшей когда-то здесь, приказал нескольким членам команды соорудить для Мэри тент, подставками для которого могли служить разбросанные по равнине

столбики. Она почувствовала себя настоящей греческой дамой, когда уселась в сооруженный паланкин и они направились к курганам.

Уильям Гамильтон, только что прибывший из Александрии на борту «Ментора», должен был встретиться здесь с Элджином. Корабль, доставивший его, сейчас стоял в гавани Пирея, где на его борт было погружено так много ценностей, как только было возможно. Но когда Элджин узнал, что капитан судна не позволил загромождать проходы самыми крупными из контейнеров, он вышел из себя от гнева.

— Но мы уже добились так многого, — поспешила успокоить его Мэри, поглаживая руку мужа; последние дни он выглядел таким довольным, и ей вовсе не хотелось, чтобы эта новость опять навела на Элджина уныние. — И непременно что-нибудь придумаем. Капитан погрузил на борт все, кроме четырех больших контейнеров. Конечно, мы найдем способ отправить их в Англию.

Было раннее утро. Жара еще не стала непереносимой, и Мэри от души наслаждалась прогулкой на свежем воздухе. Небольшую долину окружали горы. Деревья — маслины, кипарисы и другие вечнозеленые — росли редкими группами, словно старались защитить друг друга от палящего

солнца.

Гамильтон рядом с мистером Хантом брел по полю битвы, пытаясь разгадать расположение войск противников.

— Войско персов превосходило афинское в численном отношении два к одному, — говорил Гамильтон. — Спартанцы обещали прислать подкрепление, но неожиданно вестник, прибывший от них, предложил афинянам отложить сражение на несколько дней, ибо гадания возвестили, что посылка войска из Спарты должна состояться не ранее новолуния. Или какую-то другую чепуху в этом роде.

— Персов было не менее двадцати тысяч, — подхватил Хант. — Греки могли отступить, но предпочли начать наступление на врага. Только вообразите, какого мужества это потребовало.

— Персы сочли это наступление просто помешательством, — сказала Мэри. — Так писал Геродот.

— У вас замечательная память, леди Элджин.

Тон преподобного Ханта был подобен тону учителя, довольного ответом ученика.

— Я представляю себе этих воинов неопытными юношами, — продолжала она, когда вся группа остановилась, оглядывая погребальный

холм. — Мальчики, вырванные из родных домов, объятий близких, разлученные с матерями.

— Могу предположить, что персы, должно быть, похоронены здесь, под этими поросшими травой холмами. Их собственные военачальники бросили тела погибших прямо на поле битвы, как падаль. Дарий всегда приказывал оставлять раненых и убитых в ходе неудачной битвы на растерзание хищникам.

— Но греки оказались более благородными, — заметил Гамильтон, на что Элджин добавил:

— Почти как английские джентльмены.

— Но разве не были б погребальные курганы значительно больше, если б тут покоились все погибшие в сражении? — спросила Мэри.

— Отличный вопрос. Тела персов были сожжены и похоронены без всяких памятных надписей.

— Греки совершили погребение противников лишь в силу своего благородства, Мэри. Они намеревались соорудить в память своих павших героев погребальный курган, который остался бы стоять в веках.

Группа англичан уже преодолела не меньше половины равнины и стала обходить холм.

— Примерно шестьсот футов в диаметре, могу

поспорить, — сказал Хант. — И сорок футов в высоту, хоть, конечно, надо учесть, что с течением времени курган сильно осел. Думаю, что две тысячи лет назад он был много выше.

Мужчины обратили внимание на довольно большие отверстия в глинистой, высохшей почве и на разбросанные кругом черепки.

— Местные жители уверяют, что каждую ночь отсюда доносится ржание лошадей и слышится шум сражения. Они, конечно, уверены, что посещать это место грешно.

— Ну, джентльмены, — Элджин не обратил внимания на комментарий и огляделся, — не начать ли нам раскопки?

— Что нам может помешать? — сказал Хант. — Но мне кажется, что кто-то уже побывал здесь с такой же целью.

— Не сомневаюсь, это Фовель, французский дьявол. Он просто преследует меня, куда бы я ни направился, но все-таки последнее слово будет за мной.

Были доставлены лопаты.

— Разумно ли вести раскопки вблизи погребального кургана? — спросила Мэри.

Ее слегка подташнивало при мысли о том, что они не только ступают по телам древних воинов,

но собираются рыть землю, в которой эти тела покоятся еще с 490 года до Рождества Христова. Но ей не хотелось показывать свою женскую слабость, поэтому она не покинула спутников, а стала внимательно следить за ходом раскопок.

Немного времени спустя стали попадаться многочисленные глиняные черепки, к сожалению, слишком маленькие для того, чтобы решить вопрос об их происхождении, затем был обнаружен массивный серебряный слиток, возможно образовавшийся в результате сплавления нескольких предметов.

— Трудно даже представить, чем эта вещь могла быть прежде, — пробормотал Хант.

Эти находки возбудили всеобщий энтузиазм, и раскопки решено было продолжать. Вскоре лопаты уже выбрасывали на землю кости, но принадлежали ли они погибшим воинам, никто не мог бы сказать.

— Кем же еще могли быть эти люди? — вслух задала вопрос Мэри.

Ей пришлось отвернуться. Это были останки благородных героев, тех, без кого, быть может, не появилась бы на свет демократия. Если б победу в сражении под Марафоном одержали персы, а греки проиграли, наверное, не был бы построен

прекрасный Парфенон, не было бы ни великолепного фриза, ни фронтона с изображением рождения Афины, ни Эрехтейона — словом, ни одного из тех памятников, которыми человечество восхищается уже почти две тысячи лет. Не было б ни одного из тех произведений искусства, которые ее муж так страстно мечтает сохранить. Может быть, не было бы и самой Греции, золотого века Перикла, великой западной демократии. Весь мир мог быть совершенно иным. Греция попала бы под власть Персии и управлялась бы сатрапами персидских владык так же, как сегодня ею управляет Оттоманская империя.

Все те, кто пришел сейчас сюда, включая ее мужа, не сомневаются, что доброта и благородство обязаны своим появлением самопожертвованию захороненных здесь. И вот теперь они торопливо вонзают в землю лопаты, выбрасывая на поверхность кости героев.

Мужчины скоро устали от непривычных усилий, лопаты были возвращены прислуге с приказом их унести. Стали ожидать завтрака.

После полудня группа верхом отправилась к соседнему селению, где Элджин хотел посмотреть остатки храма Немезиды.

— Как утверждал Павсаний, персы, уверенные

в своей победе над афинянами, прибыли в Грецию с огромной колонной паросского мрамора, намереваясь соорудить здесь трофей в честь выигранной битвы, — говорил Хант. — Но после сражения афиняне захватили эту колонну и привезли в Афины, где Фидий изваял из нее колоссальную статую Немезиды. Греки построили храм в честь богини мщения неподалеку от места боя и поместили в нем статую.

— Самонадеянность оказалась по заслугам наказанной, — заметил Элджин.

— Геродот писал, что высокомерие несет возмездие в самом себе, — подхватила Мэри. — Боги наказали гордыню, наслав на одержимых ею Немезиду. Она является богиней мщения.

Храм Немезиды располагался над заливом Эвбоикос, воды которого сверкали под заходящим солнцем. Это прекрасное зрелище, подумала Мэри, наверное, и вдохновило греков на мщение захватчикам. Не так уж много осталось ныне от прежних дней, кроме остатков сложной системы городских стен, мраморных полов, оснований нескольких возвышавшихся когда-то внутри храма колонн и фрагментов внешних помещений. Сорняки росли на каждом шагу, кустарник густо покрыл всю окрестность, затрудняя прогулку.

Но в такой сияющий день представить картину прежнего величия храма было нетрудно.

— Колоссальная статуя, должно быть, находилась здесь, в центре целлы, — высказал предположение Хант. — Еще одна утраченная работа Фидия!

Мужчины сделали попытку разобрать мусор там, где могли находиться мраморные монументы, в надежде отыскать либо фрагменты статуи, либо небольшие скульптуры, которым удалось избежать внимания грабителей. Последнее время в этот послеобеденный час Мэри часто начинала одолевать усталость. Так было во время первых двух ее беременностей, и эта не представила собой исключения. Она присела на остов колонны, когда-то возвышавшейся в центре помещения, огляделась. Мусор, покрывавший плиты мраморного пола, сформировал поблизости от нее какой-то причудливый рисунок. Кончиком туфли Мэри смахнула его в сторону — очертания стали яснее, теперь они явно напоминали морду какого-то загадочного зверя с большим клювом и огромными, похожими на львиные лапами. Он казался запряженным в повозку, ибо все тело стягивала упряжь. Что-то странно знакомое она видела в очертаниях этого существа. Мэри

соскользнула с обломка, на котором сидела, опустилась было на колени, но тут же почувствовала приступ головокружения. Тогда она прислонилась спиной к остову колонны, чтобы не упасть, и принялась разгребать мусор руками. Понимая, что легко может пораниться об острые грани камней, она тем не менее продолжала расчищать грязь с изображения, ногтями доставала камешки, застрявшие в желобках рельефа.

Обнаженная женская фигура с впалым животом и огромного размаха крыльями за спиной стояла на колеснице, в которую были впряжены два странного вида чудища. В поднятых над головой руках женщина держала шар, похожий на земной. Из-под колесницы глазами, преисполненными ужаса, на зрителя смотрела мужская голова, из широко раскрытого рта вывалился длинный язык.

— А, вот и она, богиня возмездия Немезида, — раздался за спиной Мэри голос незаметно подошедшего к ней Ханта. — Она, стоя во влекомой грифонами повозке, карает несчастного, оскорбившего Афину. В руках богиня держит колесо Фортуны. Она повелевает судьбами людей, наказывая гордыню и нечестивость.

Мэри упорно расчищала изображение, надеясь

обнаружить что-нибудь, что могло бы опровергнуть предположения Ханта.

— Не вредно ли вам стоять в таком положении, леди Элджин?

Но Мэри не отвечала. Она не могла оглянуться. Не могла поднять глаза. Крылатая фигура и два возничих были именно теми безжалостными созданиями, что явились в ее сне, угрожая Элджину.

Почему милостивый Господь наслал такие страдания на слабую половину рода человеческого?

Мэри понимала, что задавать такие вопросы является почти ересью, но, изнемогая в старании произвести на свет дитя, измученная телом, она не могла не усомниться в мудрости Провидения. Почему ей приходится выносить немыслимые муки, чтобы родить таких чудных детей?

— Многие женщины испытывают такие же страдания, — сказала ей повитуха, нанятая для такого случая; Мэри не знала этой женщины раньше, но та была англичанкой и имела хорошие рекомендации от жены русского посла. — И не каждая из них имеет счастье родить ребенка живым, мадам.

Не эти слова Мэри хотелось бы слышать в момент, когда разрывающая внутренности боль

снова и снова захлестывала ее сознание. Борясь с болью, она в отчаянии сжимала зубами тряпичный лоскут, который ей специально вложили в рот, чтобы заглушить крики. Мэри в этом не сомневалась. Она кричала от боли весь день напролет, с того предрассветного часа, когда проснулась и встала по нужде. Стоило ей присесть над ночным горшком, как вдруг хлынули воды.

Уже сгущались сумерки, прислуга зажгла лампы и задернула шторы, погашая последний свет сентябрьского солнца. Ее второе дитя появилось на свет довольно легко, и Мэри надеялась, что третий ребенок достанется ей с еще меньшими страданиями. Но муки, испытываемые ею сейчас, напомнили те, которые она узнала, производя на свет первенца, когда молила Бога о смерти, лишь бы пришел конец непереносимым болям. Доктор Скотт не оставлял ее, время от времени давая ей лауданум и подбадривая добрым словом, но ничем не облегчая страданий.

Она старалась думать о замечательных вещах, встретившихся им во время обратного путешествия по Греции: непревзойденной белизны мраморы храма на самой оконечности мыса Сунион, освещенные солнцем; вспоминала менуэт,

который для ее развлечения исполнили девять дочерей консула на острове Хиос в Эгейском море; сладкие воды ручья, что бежал рядом с пещерой Пана, и аромат дикорастущих олеандра и мирта; фонтаны и каскады в апельсиновых рощах на Паросе. Но и тяжелые воспоминания приходили тоже и вытесняли из памяти прекрасное. Она вспоминала ужасные бури, заставившие ее не покидать каюту и задыхаться в приступах рвоты; нападение на их корабль пиратского судна и три сотни оглушающих артиллерийских залпов, которыми капитан Доннелли осыпал пиратов, вынудив их прыгать в воду с тонущего корабля. Мэри обняла детей и укрылась с ними в каюте, когда капитан велел выловить разбойников из моря и, связав, стал допрашивать на палубе, причем все они как один отрицали свою вину.

«Что еще может со мной произойти?» — задавала она себе вопрос.

И скоро получила ответ.

Когда они высадились в Смирне, моряки их корабля в один голос заявили, что такого пекла они не видали даже в Индии. Отчаяние висело над этим городом потому, что в нем свирепствовала эпидемия коклюша. Многие семьи лишились детей, и Мэри видела засыпанные цветами

маленькие трупики, которые нашли свой преждевременный покой на кладбище. Рыдающие отцы и матери молили бога — кто Аллаха, кто Бога христиан — спасти их детей. Зрелище маленьких страдальцев, пытающихся выбраться из когтей смерти, довело ее до изнеможения, если не телесного, то душевного. Казалось, что сам зловонный воздух, застоявшийся в кривых улочках этого города, является разносчиком заразы, уносящей тысячи детских жизней.

Элджин просил ее задержаться.

— Мне нужно встретиться с генералом Стюартом и лордом Блантером. Это очень важная для меня встреча, — убеждал он ее.

— Но вдруг у меня начнутся роды, когда я буду еще находиться в этом отравленном месте?

— Но срок еще не наступил, Мэри, — отвечал он спокойно, и она знала, что в глазах Элджина это совершенно неопровержимый довод.

— Доктор сказал, что дитя может появиться на свет в течение ближайших недель. Роды не обязательно происходят по рассчитанному графику. Они могут начаться в любой день.

— Тем более не следует подвергать себя риску путешествия, — возразил Элджин.

— Риск путешествия, на мой взгляд, предпочти-

тельней риска родить ребенка в самом сердце жестокой эпидемии.

На этом их спор был окончен. Мэри решила непременно покинуть Смирну, но оказалось, что все английские военные суда отозваны в Александрию.

— Прошу вас, капитан, очень прошу отвезти нас в Дарданеллы! — умоляла она капитана Доннелли. — Оттуда я сумею добраться с детьми до Константинополя по суше.

— Леди Элджин, единственный человек на земле, ради которого я мог бы нарушить военный приказ, это вы. Но даже при моем искреннем восхищении вами я не готов идти под военный морской суд Британского флота.

В полном отчаянии она решила отправиться в Константинополь по суше — без Элджина, которому предстояло решить несколько служебных вопросов в Смирне, но в сопровождении преподобного Ханта, горничной Мастерман, детей, посольской свиты, секретарей и прислуги. Им предстояло совершить пятидневное путешествие в самое знойное время года. Каждое утро она поднималась в пять часов, чтобы приготовить в путь отряд из пятидесяти человек. Хант назвал ее за это «лучшим генералом, которого видывал мир».

Они передвигались верхом по гористой местности, и поездка продолжалась до полудня, когда приходилось делать привал. Путешественники ставили палатки и отдыхали, ожидая ослабления жары. И Мэри говорила себе, что если она не потеряла ребенка в Смирне, на восьмом месяце беременности, когда дышала отравленным миазмами, влажным, зловредным воздухом, она не потеряет его и теперь.

— Пора тужиться, — сказала повитуха, раздвигая колени Мэри.

— Нет! — закричала несчастная женщина. — Если я буду тужиться, может хлынуть кровь!

С какой отчетливостью она помнила, как женщины убирали из-под нее пропитанные кровью простыни, когда она рожала в первый раз. Она не хотела видеть этот ужас опять.

— Но, леди Элджин, тужиться необходимо. Не упрямьтесь, слушайте, что я вам говорю.

Мэри пожалела, что не припрятала кинжал, который капитан-паша подарил ее мужу. Когда-то эта роскошная вещь принадлежала самому Наполеону, рукоять украшало неимоверное количество драгоценных камней, но лезвие было достаточно острым. Она, конечно, не собиралась убивать ни себя, ни будущего ребенка, но случись

ей сейчас держать кинжал в руках, она непременно ткнула бы им в эту отвратительную женщину, которая заставляет тужиться и насильно раздвигает ей ноги.

Схватки следовали через каждые две минуты. В комнате было очень душно, но тело Мэри сотрясали конвульсии и постоянная крупная дрожь, непонятное давление — иногда оно становилось невыносимым — нарастало откуда-то из глубины живота. Наверное, это означает, что наступает самый опасный момент деторождения, но она думала только о страданиях, испытанных при рождении первого ребенка, и о том, как она тогда боялась, что ему придется расти без матери.

— Ну что же вы в самом деле? — ворчала повитуха. — Прямо как будто боретесь с собственным телом. Когда схватки ослабевают, вам следует напрягаться и усилием выталкивать из себя плод. И так несколько раз.

— Постарайтесь же, леди Элджин. Не будем разочаровывать графа.

Если доктор Скотт полагал, что нашел верные слова, к которым готова прислушаться роженица, он очень ошибался. Мэри захотелось сказать ему что-нибудь обидное, ведь именно по вине графа ей приходится так мучиться, но, даже утопая в

приступе боли, она осознавала, насколько неприличным было бы такое заявление.

Ох, если б ее мать присутствовала здесь! Она так по ней скучает. Мэри написала матери письмо во время своего тяжелого путешествия в Константинополь на сорока страницах, из которых почти каждая была закапана каплями пота. Разве это нормально, что молодой женщине приходится рожать в таких муках без материнского участия и помощи? Она постарается всегда быть со своими дочерьми, когда тем придется проходить через эти испытания, решила Мэри. Матери должны заботиться о своих детях!

Возможно, что ее сил и выносливости — вернее, просто практичности — недостаточно для того, чтобы в течение долгих лет сопровождать мужа, занятого дипломатической службой. Может, ей следовало отказать Элджину, когда он делал ей предложение, и выйти замуж за простого шотландца, а потом рожать детей в собственной постели и так, чтобы мать была рядом, а все близкие в соседней комнате. Теперь же ей приходится выносить эти ужасы, живя в незнакомой стране, там, где никто не только не понимает английского языка, но и понятия не имеет о дорогих ее сердцу нравах и обычаях, принятых у нее на

родине.

— Боже, помоги мне! — кричала она, глубоко уверенная, что Бог ее не слышит.

Сколько тщетных молитв принесли женщины, мучаясь во время родов?

Она увидела, как служанка уносит окровавленные простыни. Ее страхи сбылись — она истекает кровью и, возможно, сию минуту умрет.

— Полно, полно, все женщины на этом этапе теряют немного крови, — успокоила ее повитуха.

Лицо доктора Скотта показалось из-за ее плеча, он утвердительно замигал своими совиными глазами, подтверждая сказанное. За целый день трудов он уже проглотил немалое количество бренди, и Мэри решила, что знает причину этого. Доктор боится, что трезвым не решится сообщить лорду Элджину о смерти жены.

Давление внизу живота становилось все более сильным, у нее уже не оставалось сил ему сопротивляться. Схватки лишили ее последних запасов выносливости, лишили даже воли к жизни. Она напряглась — что ей еще оставалось делать? — и, начав подчиняться этому давлению, изо всех сил натужилась.

— Вот и хорошо! — пропела повитуха. — Вижу, уже показалась головка. И вся-то она в красивых

волосиках!

Мэри едва успела перевести дух, как снова приступ ужасной боли сковал ее. Но разве ей есть что терять? Она только надеялась, что невинное создание у нее в животе выживет и о нем позаботятся ее родители и Элджин.

— Правильно, правильно, леди Элджин. Маленький лорд Брюс обрадуется братику.

Ей надо не забыть приказать капитан-паше казнить эту ужасную повитуху или, по крайней мере, вырвать ей язык, чтобы она больше никогда не мучила несчастных женщин.

Мэри снова натужилась, надеясь, что старая ведьма окажется права и родится мальчик. Тогда, если Мэри умрет, ее малышка останется под присмотром двух братьев, которые станут защищать ее. Если же родится девочка, то станет на всю жизнь бременем для своей старшей сестры.

«Это несправедливо. Ох, пожалуйста, Господи, дай мне пройти через эти страдания и родить мальчика. Потом, уверена, я сумею убедить Элджина, что нам не следует больше иметь детей. Несомненно, Бог достаточно милостив и не заставит меня пройти вновь через эти муки. Ведь это же просто ненормально, чтоб третьи роды длились такую уйму времени. Почти сутки!»

Конечно, это знак свыше, что ей больше не следует рожать, а то она лишится не только своей жизни, но, вполне возможно, потеряет детей. Не есть ли эта боль наказание за радости брачного союза? Но если это так, то почему же этому наказанию подвергаются только женщины?

Но тут снова навалилась сильная боль, и все мысли вылетели из головы. Мэри подчинилась боли, дала ей увести себя в такие глубины муки, выносить которые было невозможно. И тогда наконец боль стала освобождать ее из своих клещей. Мэри изо всех сил натужилась, она тужилась так сильно, что стала бояться, как бы от этого смертельного усилия у нее не вывалились все внутренности. Приступ закончился, оставив ее в полной уверенности, что над ее лицом и грудью, осыпая жгучим холодом, ломаются целые поля льда. Она была слишком слаба и не имела сил не только испугаться за свою жизнь при этом новом ощущении, но даже попросить дать ей одеяло.

— Ну и кто у нас тут, как не толстая девочка!

Мэри краем глаза увидала младенца, которого тут же подхватил на руки доктор, и испугалась, что ей солгали и ребенок родился мертвым. Дитя было похоже на какого-то ужасного, изувеченного войной уродца. Но стоило повитухе перерезать

пуповину, как оно издало первый крик, и он, этот крик, был таким громким, что Мэри сразу успокоилась — этот ребенок выживет обязательно, независимо от того, умрет его мать или нет.

— Нужно отправить курьера к лорду Элджину.

Мэри услышала эти слова доктора и закрыла глаза, готовясь уйти в черную тишину, неважно, тишина это сна или смерти.

Но жестокая повитуха потрепала ее по щеке и снова заверещала:

— Мы еще не со всем справились, леди Элджин, вы разве забыли? А ведь и года не прошло после ваших последних родов. Ну-ка, что мы должны еще сделать?

Черт бы побрал эту женщину и ее манеру выражаться сладко!

— Надо нам еще немножечко постараться. Еще чуточку, и все будет в порядке.

Мэри собрала последние силы, все, какие могла в себе найти, и снова стала тужиться. Когда выйдет послед, она наконец сможет отдохнуть. Еще немного — и она справится. Все, наконец-то все! Теперь она может поспать. Но вместо благодатного сна ее тело стала сотрясать дрожь.

«О, как же это несправедливо, — думала она. — Тело предает меня, такой дрожи не было после

предыдущих двух родов. Что это? Новый опасный симптом?»

Доктор Скотт выглядел озабоченным. Мэри дрожала так сильно, что даже не смогла расслышать слов, сказанных им повитухе, только догадалась, что они имеют отношение к кровотечению, которое началось после выхода последа. Она истекает кровью и, может быть, умрет от этого. Все внутри ее застыло от страха при этой мысли, но тело продолжало сотрясаться. Что случилось? Она пыталась взять себя в руки и прогнать страхи. Что Бог хочет, чтоб она поняла? Она прожила неплохую жизнь, и о ее детях есть кому позаботиться. О чем еще может просить смертный? Немногие были в жизни так счастливы, как она. Для огромного количества людей жизнь коротка и полна несчастий. Она же, Мэри Нисбет, графиня Элджин, жила в довольстве и радости. Это были приятные мысли, и она погружалась в них, чувствуя, что доктор с силой нажимает на ее живот, и оттуда, как ей показалось, вдруг хлынуло огромное количество крови.

Что это? Душа бессмертна. Разве не так всегда проповедовал Хант? Она смеялась над его черствыми, неинтересными проповедями, но сейчас она была полна надежды на то, что он говорил

правду. И с этой последней мыслью сознание ее угасло.

— Мэри! Мэри!

Элджин держал на руках запеленатого младенца. Ее муж был по-прежнему красив, за исключением своего изуродованного носа, к которому, она не теряла надежды, еще может вернуться прежний вид.

— Эта девчонка у нас прямо-таки чемпион! — С этими словами он передал сверток няньке. — Ты молодец.

Мэри выдавила улыбку, не испытывая ничего, кроме смертельной усталости. Каждый дюйм ее тела ныл от изнеможения. Она попыталась поглубже вздохнуть, но едва сумела набрать в грудь глоток воздуха. Попыталась приподнять голову, но оказалось, что и на это у нее нет сил. Тогда она бессильно уронила ее обратно на подушку. Жизнь будто вытекала из нее. Но даже в этом состоянии она не могла не заметить, что восторги мужа звучат рассеянно, будто мысли его заняты совсем другим.

— Элджин, скажи мне, с ребенком что-то не так? Я хочу знать правду.

— Что ты. Гарриетт — ты, кажется, так хотела назвать ее? — здорова, словно хорошая лошадка,

по крайней мере, так уверил меня наш доктор. А тебе нужно немного отдохнуть, и ты тоже поправишься.

— Я потеряла столько крови.

— Да, но это не опасно. — И он слегка улыбнулся.

Она, должно быть, так давно не спала. В комнате царил полумрак, но Элджин одет в костюм, в котором он выходит на улицу. По запаху она догадалась, что муж только что вернулся, еще не умывался и не переодевался к обеду.

— Элджин, ты не должен от меня ничего скрывать. Я требую, чтоб ты мне сказал всю правду. Я вижу по твоему лицу и слышу по голосу, что произошло что-то плохое. Это связано с Францией? Наполеон снова напал на Турцию?

— Нет, дорогая моя Полл. — Он смотрел на нее, будто прикидывая, сможет ли она вынести тяжесть известия. — Ты в силах выдержать новость?

— Конечно, конечно. Что может быть плохого сейчас, когда я знаю, что осталась жива и что мое дитя здорово?

Он вынул из кармана письмо и развернул.

— Я получил его сегодня после обеда. Наш «Ментор» по пути на Мальту потерпел крушение.

Это случилось возле острова Кифера у южного побережья Пелопоннеса. Капитан и команда спасены, но все наши сокровища с Акрополя, все превосходные рисунки Лусиери и слепки, что были на борту, отправились на дно.

«Боги по природе своей насмешливы». Где она совсем недавно прочла эту фразу? В какой-то из старых книг? Телом она была слишком слаба, чтобы откликнуться на новость извне, а ее ум едва мог осмыслить грандиозность сказанного и еще менее его последствия. Неужели все их труды и денежные затраты пошли насмарку? Неужели она и Элджин лишили мир величайших из его сокровищ? Что же теперь будет с ее мужем? И с ней самой? Что скажут ее родители? Эти мысли проносились в ее усталом мозгу, когда она пыталась придумать, что сказать ему, как утешить. Но изнеможение взяло свое, ее желание утешить Элджина или притвориться разгневанной и бранить его испарилось.

— Элджин, дорогой, что же нам делать? — сказала она совсем тихо, пытаясь потянуться и взять его за руку.

Но он наклонился и сам взял ее холодную ладонь в свои теплые руки.

— Как что? Любой ценой пытаться добыть их.

Часть третья
Возвращение домой

На борту «Дианы», зима 1803 года

Пока Мэри рвало над миской, Мастерман отвела назад ее волосы и придержала рукава.

— Единственное, что изменилось, это, что в список пассажиров теперь вписаны мои чада, — сухо проговорила Мэри, переведя дух. — Хоть они, по крайней мере, не подвержены морской болезни.

— Вашу милость тошнит из-за волнения на море, а не из-за той отвратительной вонищи, которой несло от прежнего судна, — отозвалась Мастерман.

«Диана» была самым роскошным из кораблей, на которых им приходилось когда-либо путешествовать, и Мэри могла бы только радоваться. Раньше она часто говорила, что отдала бы что угодно, лишь бы вернуться домой в Шотландию; сейчас они туда и направлялись, и Мэри дала себе слово не ворчать ни по какому поводу.

— И капитан у нас красавчик, а не беззубый пес-пират, — продолжала она болтать.

— И команда не помирает от цинги, — подхватила служанка.

— И я не беременна опять.

— Уж слава богу!

— И мы наконец-то возвращаемся домой.

— И вправду возвращаемся, — вздохнула та. — Ох, миледи, я, признаться, и не думала, что мы выберемся их тех мест живыми.

Мэри рассмеялась, но про себя припомнила, что под конец пребывания в Константинополе и сама боялась примерно того же. В октябре умерла от чумы женщина, жившая неподалеку от английского посольства, и снова зазвучал голос барабанов смерти. Старшие из детишек Элджинов и новорожденная были привиты против оспы, но эта новая эпидемия нагрянула из Египта, когда было восстановлено сообщение между Александрией и Константинополем. Она терроризировала беспомощное население огромного города и отыскивала свои жертвы в каждом квартале, и среди бедных, и среди богатых.

Предосторожности были приняты, но они потребовали от Мэри огромных усилий. Едва оправившись после родов, она должна была приступить к упаковке имущества посольства, чтобы семья могла выехать в первые дни наступающего года. Каждый день она велела проводить дезинфекцию в комнатах посредством окуривания. Густой дым затоплял их противным кислым запахом, но Мэри не собиралась рисковать своим

здоровьем или здоровьем детей. Постельное белье ежедневно отправляли в стирку, а всякий, кто выходил на улицу, должен был по возвращении обтереться уксусным раствором и отдать вычистить одежду. И снова с балкона Мэри видела, как увозит мертвецов полночная телега. Жертв эпидемии отправляли хоронить на кладбище в Пера[57]. Чума собрала обильную жатву среди экипажей пришвартованных в гавани русских кораблей, и как раз в тот день, когда семья Элджина должна была грузиться на «Диану», прошел слух, что из ее команды погибли восемнадцать человек. Путешествие было отложено, а Элджин отправился выяснять правдивость этой вести. Она оказалась чистой выдумкой, но в городе каждый день чума косила до сотни человек, и предосторожности были необходимы.

Семнадцатого января они смогли наконец распрощаться с Константинополем. Мэри со слезами простилась с Ханум, которая переселилась в новый прекрасный дворец, выстроенный для нее султаном, и с капитан-пашой, своим преданным поклонником. Она была счастлива, что убегает от болезни, которая угрожала ее детям, что скоро

[57] notes: 57
Район в Стамбуле.

увидит родных и что ее семья наконец-то обретет постоянный дом.

Но как только их судно оказалось в Дарданеллах, поднялись исключительно жестокие штормы, и ее мечты о скором переезде быстро рассеялись перед лицом реальности.

— Мэри, я разговаривал с капитаном, — обратился к ней Элджин. — Нам лучше воспользоваться создавшимися условиями и не продолжать путешествие, ставшее опасным. Капитан советует нам высадиться в Афинах.

— Нам нужно высадиться?

Мэри прекрасно понимала, что больше всего заботит Элджина.

— Присмотрим за тем, насколько надежно хранятся мраморы, оставленные нами в Пирее.

— Ты, наверное, доволен, что капитан «Ментора» отказался взять их на борт? Слава богу, что мы не стали настаивать. Все статуи с фронтонов, изображения рождения Афины и спора между нею и Посейдоном — последние замечательные работы Фидия, которые уцелели, — сейчас бы покоились на морском дне вместе с остальными.

— Я не склонен относить к личным заслугам то, что происходит по воле Божьей. А пути Провидения неисповедимы.

— Во всяком случае, те статуи Фидия, которыми ты восхищаешься больше всего, имеют огромную ценность. Мы должны подыскать судно для их перевозки, как и для кариатиды и огромной статуи Диониса из театра.

Да, подумала Мэри, как хорошо, что ей не нужно оплачивать работы по спасению и этих мраморов тоже. Операции по подъему со дна груза «Ментора», которые велись с октября за их собственный счет, стоили уже немало денег и не принесли удовлетворительных результатов. Рисунки погибли безвозвратно. Вся скульптура, как и фрагменты фриза, лежали на глубине — по оценкам греческих рыбаков — десяти морских саженей. Элджин не жалел времени — как и денег, — пытаясь спасти груз. По его поручению Уильям Гамильтон пообещал огромные награды местным ныряльщикам, если им удастся вытащить затонувший груз. Перед началом зимы он заключил контракт с Базилио Маначини, уроженцем острова Специи, согласно которому назначение Маначини консулом Британии целиком зависело от его успехов по спасению мраморов. Дюжины ныряльщиков были наняты, и их работа на протяжении осени щедро оплачена, но теперь погода ухудшалась с каждой неделей.

Мэри выразила согласие сделать остановку и высадиться в Афинах. Совсем неплохо провести несколько дней вне корабельных кают. Брюс сможет снова играть со своими греческими приятелями, которыми он обзавелся летом, а Элджин будет заниматься своими делами. Но штормы помешали кораблю причалить. Долгих двое суток он болтался на якоре в бухте Милоса, где судно жестоко трепало ветрами — организм Мэри отзывался на это жесточайшими приступами рвоты, — пока наконец они не смогли благополучно высадиться на берег.

Они обосновались в том же доме, который был предоставлен в их распоряжение летом. При первой же возможности Мэри и Элджин отправились в Пирей проверить сохранность своих сокровищ. В памяти Мэри Афины ассоциировались с невыносимой жарой, и она с удивлением обнаружила, что вынуждена кутаться в самые теплые одежды, надевать перчатки и меховую шляпу, когда они отправлялись в порт. Зимняя непогода была ужасна, небо угрюмо, а ветры бушевали как безумные. От злых морских бурь она закутывалась до самого кончика носа.

Уильям Гамильтон, который после своего возвращения из Александрии осуществлял надзор

за погрузкой мраморов, присоединился к ним.

— Лорд Элджин, рад, что могу сообщить вам приятные новости. Я договорился с капитаном судна, проходящего ремонт в этом порту. Он согласен погрузить мраморы на свой корабль, «Браакель»

— Отлично, Гамильтон, — обрадовался Элджин. — Вы даже соперничаете с моей женой в успешности переговоров с морскими капитанами, хоть вам и приходится трудиться, не обладая неотразимостью ее чар.

Элджина откровенно нервировало любезное внимание морских офицеров к Мэри, несмотря на то что его предприятие имело успех только вследствие этой любезности. На последних балах и ужинах он непрерывно ворчал и не давал приглашенным на них офицерам ни отвесить поклон, ни пригласить на танец его супругу.

Сейчас они прибыли к докам как раз в тот момент, когда рабочие раскапывали горы песка для извлечения из-под них огромных статуй.

— Надеюсь, ваша милость не будет возражать против моих методов? — спросил Гамильтон.

Повсюду можно было видеть рабочих, разгребающих кучи морских водорослей.

— Какой странный способ раскопок, — удиви-

лась Мэри.

— Это не раскопки, мадам. Я велел зарыть наиболее ценные экспонаты в песок и прикрыть водорослями. У лорда Элджина немало противников. Как вам известно, французы снова заполонили всю Грецию и Турцию. Греки относятся к англичанам с презрением за то, что те вошли в союз с Оттоманской империей, и мы стали бояться возможности их заговора с французами. Греки могли позволить тем похитить наши мраморы. Шпионы Наполеона кишат повсюду. Поэтому мы решили припрятать ценности, пока не найдем средств для их перевозки.

Толстые веревки, обвивавшие лебедки, с трудом вытягивали из песка огромную статую, она вставала из водорослей и мокрого песка, словно на свет появлялся новорожденный титан.

Гамильтон помолчал, его внимательный взгляд был прикован к происходящему, затем продолжал:

— Греческие ученые, находящиеся в изгнании, пишут письма протеста относительно наших действий по вывозу древностей. У меня имеется письмо от известного афинского художника, обосновавшегося в Венеции, в котором он утверждает, что Парфенон стал похож на знатную

красавицу, которую ограбили до нитки.

— На этих греков не угодить, — равнодушно заметил Элджин. — В дни Перикла они критиковали его за то, что он нарядил город, как наряжают тщеславную женщину. Кажется, именно так писал Плутарх? — обратился он к Мэри.

— Именно так, — кивнула она, обрадованная тем, что муж признал ее большую осведомленность в древних текстах.

— А теперь они поднимают шум из-за того, что тщеславная лишилась своих уборов. Если греков так уж заботила сохранность их сокровищ, им следовало бы поднять восстание против турецкого владычества уже много веков назад. Я склонен предположить, что нынешнее население этой земли имеет мало общего со своими благородными предками.

Порыв ветра бросил горсть влажного песка и водорослей ему в лицо. Мэри поскорей отвернулась, глаза стало жечь от попавших в них острых песчинок, она вынула платок и промокнула слезы. Элджин, глаза которого некоторое время назад снова воспалились, стал негромко браниться. Но ветрам было не до него — они завывали, взметали вверх мусор, бросали его обратно на землю, заливали мокрый берег дождем. Мэри

потесней прижалась к мужу, ища защиты.

Неожиданно одна из обвивавших туловище Диониса веревок с оглушительным треском лопнула и статуя рухнула обратно на песок. Раздался грохот. Но со статуей не случилось несчастья. Греки-рабочие, их лица были обмотаны какими-то тряпками для защиты от ветра, взволнованно загалдели. Они стояли плотной толпой, напоминая пчел в улье, и о чем-то возбужденно переговаривались приглушенными голосами. Затем отошли от поваленной статуи, ненароком образовав стену между нею и иноземцами.

Гамильтон спросил одного из них, владевшего английским и выполнявшего обязанности переводчика, о том, что произошло.

— Эти люди говорят, что своими ушами слышали, как застонала богиня Афина, когда они поднимали статую. Это статуя Зевса, ее отца, и богиня не хочет, чтобы ее увозили из Афин.

Элджин с возмущением тряс головой.

— Это просто абсурдно! Я не позволю прекращать работы из-за каких-то глупейших суеверий, Гамильтон. Капитан корабля «Браакель» предоставил нам последнюю возможность вывезти эти ценнейшие произведения искусства в Англию, где они должны находиться. Все эти годы

я нес огромные расходы и не намерен отступать, особенно из-за такой откровенной чепухи. Разве эти люди не являются добрыми христианами? Спросите их, не намерены ли они отвергнуть христианского Бога и начать поклоняться языческим божествам.

Опять пошел разговор на греческом, и казалось, что рабочие не собираются отступать. Взгляды, которые они то и дело бросали на Элджина, были откровенно враждебными.

— Эти люди говорят, что они веруют в единого Бога, но верят и в то, что богиня Афина жива. Она все еще находится среди людей и бродит по Афинам, оплакивая судьбу ее храмов и ее народа. Они слышали, как она плакала, когда уносили кариатиду из храма на Акрополе. Богиня обязательно помогла бы грекам, если б могла. Но хоть времена ее кончились, греки все равно не хотят ее оскорблять. А того, кто на это осмелится, ждет расплата.

Мэри не открыла Элджину сходства между богиней мщения и теми страшными созданиями, которые в видении, посетившем Мэри, напали на него. Конечно, смешно было придавать этому значение, но фрагменты головоломки складывались в ее мозгу в общую картину, и она не могла не

прийти к мнению, что несчастье с «Ментором», а теперь и это происшествие посланы на Элджина в качестве наказания.

— В таком случае скажите им, что расплата ждет их самих. И заключается она в том, что и им, и их семьям придется голодать, если эти статуи не будут готовы к погрузке на корабль еще до вечера. Я постараюсь сделать так, чтоб эти люди до конца жизни не нашли работы.

Переводчик неохотно стал переводить, греки плевались и ворчали, но все-таки вернулись к работе. Угроза лишиться средств к существованию всегда оказывается решающим аргументом, подумала Мэри, это главный закон человеческого бытия. Она была уверена, что Элджин, приведись ему столкнуться с подобным ультиматумом, и сам отступил бы.

Лишь один из рабочих, он был много старше остальных, худой, с морщинистым лицом, отбросил свой инструмент в сторону. Но прежде чем уйти, взглянул на англичан и сердито заговорил, сопровождая слова выразительными плевками на землю.

— Что говорит этот невозможный старик? — спросил Элджин.

Другие греки уже принялись за работу. Пы-

таясь замаскировать унижение, они то и дело подталкивали друг друга или поощрительно похлопывали по спине.

Мэри была удивлена неожиданным вопросом мужа, но, видимо, что-то в поведении старика, явно не сомневающегося в своей правоте, произвело впечатление и на него.

— Он говорит, что вам следует знать о том, что после спора о главенстве над городом Афина и бог моря Посейдон объединились, решив вместе оказывать помощь грекам. Потому и произошло несчастье с вашим кораблем, который разбился о камни, и все, что вы у нас отняли, лежит на морском дне.

— Я ничего не могу разглядеть, а ты? — спросил Элджин, передавая Мэри подзорную трубу, с помощью которой изучал поверхность серых морских волн.

— Я тоже. Покажите, пожалуйста, как ею надо пользоваться, — обратилась она к капитану Мейлингу, и тот, взяв у нее прибор, стал его настраивать.

Мэри последовала инструкциям моряка и сумела разглядеть торчащие далеко впереди кончики мачт затонувшего «Ментора». Корпус покинутого судна слегка покачивался на волнах. Она наде-

ялась, что они минуют это печальное место в своем следовании к берегам Мальты, но этого не случилось, и Мэри не сомневалась, что жалкое зрелище останков корабля вызовет у Элджина глубокую меланхолию.

— Вот, что осталось от корабля, — указал ему капитан.

Элджин поморщился, но взял себя в руки и произнес:

— Когда погода наладится, мы постараемся его поднять.

И снова поднес к глазам трубу. Работы по спасению груза прекратились, так как зимние воды даже в южной части Эгейского моря были слишком холодны для ныряльщиков.

— Но стоимость этих работ намного превзойдет стоимость самого судна, — удивился капитан Мейлинг. — Боюсь, «Ментору» никогда больше не плавать по морям. Жаль.

Элджин выглядел несчастным. День стоял пасмурный, берега оставались пустынными, скалистые утесы Киферы возвышались над бухтой подобно страже. Немного было у него счастливых моментов после того, как пришла новость о пропаже груза. Будто намереваясь читать поминальную элегию, он достал из кармана лист

бумаги со списком всего, находившегося на борту «Ментора». Этот перечень когда-то составил для него Гамильтон, а ныне все покоилось под теми водами, по которым они плыли.

— Части рельефа из храма Ники. Большая часть фриза из Парфенона. Статуи и колонны из Парфенона и соседних храмов. Множество статуй, добытых при раскопках на Акрополе вблизи Парфенона.

Голос и лицо Элджина с каждым новым наименованием становились все печальнее, тем не менее он продолжал:

— Две большие плиты из фриза Парфенона, добытые из стены, окружающей Акрополь. Множество порфировых колонн, разнообразных фрагментов и надписей из храма Афины и, что хуже всего, мраморное кресло гимнасиарха, подаренное твоим родителям афинским архиепископом.

Последняя утрата больше всего расстроила Элджина, поскольку это кресло было одной из величайших мировых ценностей. Хоть, может быть, истинная причина лежала в том, что именно этот дар вызвал приток денег мистера Нисбета, щедро вливавшихся в предприятие Элджина. Он скомкал бумагу и сунул ее обратно в карман.

Мэри написала несколько жалобных писем родителям, горюя о стоимости потери, не уверенная в том, что они согласятся возместить эти траты. Ей хотелось смягчить удар, и она сообщила отцу о том, что художники уволены, выплаты прекращены всем, кроме Лусиери, который продолжал оставаться в Афинах, выполняя поручения ее мужа. Это может утешить мистера Нисбета.

Значительное количество сокровищ находилось уже на пути в Англию, а еще большая их часть ожидала отправки в порту Пирее. К ее огорчению, Элджин велел Лусиери продолжать вести раскопки. Где он думает хранить новые тонны этих мраморных обломков? После прибытия в Грецию они с Элджином еще не обсуждали этого вопроса, главным образом потому, что муж отклонял все ее усилия выяснить положение вещей.

— Я организовал дело так, чтоб при прибытии груза в Англию присутствовали моя мать и твой отец, — вот и все, что он сказал Мэри, когда она подняла эту тему.

Значит ли это, что на эти стороны возложена финансовая сторона хранения и присмотра за древностями?

Писем протеста от ее отца пока не последовало, но, может быть, они еще не дошли до нее. Мэри

решила, что не будет докучать мужу этим вопросом. К весне — а до нее осталось всего несколько месяцев — они счастливо обоснуются в своем доме в Брумхолле, где, отдохнув в лоне семьи, обсудят все с ее родителями и примут самое разумное и правильное решение.

Мэри с облегчением вздохнула, успокоенная тем, что переложила тяжесть принятия решения на родителей. Она не хотела возражать Элджину, который был убежден, что никакие расходы не могут быть чрезмерными в вопросе приобретения античных мраморов. К несчастью с «Ментором» он отнесся как к ужасной трагедии и торжеству его врагов. Но не сомневался, что в конечном счете одержит победу и над Наполеоном, и над алчными французами, и над завидующими ему англичанами или греками, и даже над силами самой природы. Мэри восхищало самообладание мужа, но она не хотела, чтобы расходы на спасательные операции оказались непосильными.

— Разве это может помочь? — спросила она, когда их судно поравнялось с обломанными мачтами «Ментора».

— О чем ты? — не понял ее Элджин.

— Какую пользу может принести то, что ты

заставляешь людей нырять в холодную воду за обломками, которые весят тысячи фунтов? Я допускаю, что имею смутное понятие о спасательных операциях на море, но шансы на успех мне кажутся минимальными.

— Подобные операции именно таким образом и производят, Мэри. Мы наймем опытных ныряльщиков, а не тот сброд, который работал на нас до сих пор. — Теперь Элджин стал презирать команду рабочих, которых поначалу нанял. — Уверяю тебя, дорогая, что при необходимых затратах успех нам гарантирован.

В течение долгих пяти дней их судно прокладывало путь, сопротивляясь встречному ветру, пока не добралось до Крита, где капитан предупредил своих пассажиров, что кораблю потребуется некоторое время для перезагрузки. К тому же им следует дождаться перемены погоды. Мэри каждый день сходила на берег насладиться ощущением твердой почвы под ногами. Они брали экипаж и отправлялись в Ханию, где вдоль дорог сидело множество прокаженных. Эти несчастные, выглядевшие так, будто их обглодали какие-то чудовища, поразили ее. Заболевшим проказой запрещалось входить в города, и они принуждены были проводить остаток жизни

среди себе подобных. Мэри изо всех сил старалась не отворачиваться, не желая обижать их, она не сомневалась в том, что их сторонится каждый из проезжающих. Кроме того, она так привыкла к лицу своего мужа — тоже покрытому язвами и изглоданному болезнью, — что оказалась способной на приветливую улыбку даже прокаженному.

Попутных ветров никак было не дождаться, и капитан велел ставить паруса, посчитав, что в зимних условиях лучшей погоды не будет. Они отправились, и на короткий путь до Мальты им пришлось потратить целых восемь дней.

Зато настроение Элджина сразу поднялось.

— Наконец мы возвращаемся в мир христиан! — возбужденно воскликнул он, услышав эту новость.

Французы защищали крепость на острове Мальта до тех пор, пока адмирал Нельсон не разбил флот Наполеона в Египте. Как только англичане одержали победу, остров был превращен в путевой приют для отправляющихся на восток и возвращающихся оттуда. Доброй славой гостеприимного пристанища он был обязан прекрасному госпиталю, который держали рыцари ордена святого Иоанна. Чете Элджин пришлось

подчиниться приказу и задержаться на Мальте на двадцать дней, выдерживая карантин, прежде чем следовать далее на запад. Таково было правило для всех, кто оставлял зараженные чумой регионы Востока.

Мальта показалась Мэри и Элджину более знакомой, чем те места, в которых они провели последние три года. На острове было полно знакомых еще по Лондону англичан, некоторые из них отправлялись путешествовать на Восток, другие возвращались из странствий. Провести три недели карантина более приятным образом нельзя было и мечтать. Элджины оставались на борту «Дианы», но получили разрешение совершать прогулки по старому дворцу Борджа, средневековой крепости, окруженной прекрасными садами, хоть французы и распорядились сровнять саму крепость с землей. Они попросили расставить тенты в садах и под их укрытием наслаждались чаепитием на свежем воздухе.

В один прекрасный день, когда все семейство расположилось на траве, подставив лица долгожданному солнцу, они отдались мечтам о будущем. Брюс и его гувернер Эндрю устроили подобие рыцарского поединка, сражаясь на палках, которые вообразили мечами. Мастерман и

малышка Мэри разучивали детский стишок, а Гарриетт спала в плетеной колыбельке. Мэри мысленно вознесла Богу короткую, но искреннюю благодарственную молитву за то, что после ужасных дней, проведенных в море, щечки ее детей розовые, а они сами здоровы и полны неуемной энергии. В то время как могли бы — побледневшие и осунувшиеся — метаться в лихорадке.

— Я написала матери, Элджин, — заговорила она. — Хочу, чтоб она наняла обивщика, который обустроит нам гостиные и обеденный зал в Брумхолле. Я уже выслала ей образцы тканей и размеры. Мистеру Постону я поручила окрасить стены в подходящие цвета. Помнишь, те оранжевые и золотистые тона, что тебе так понравились?

Мучения во время морских штормов она пыталась уменьшить, мечтая, как украсит Брумхолл всеми теми прекрасными вещами, которые они везут с Востока.

— Тебе они и вправду понравились? — продолжала она болтать. — О, Элджин, если это не так, ты скажи сейчас, пока я не заказала обои.

Она шутливо хлопнула его по руке, но мысли Элджина явно бродили где-то вдалеке. Потом, не глядя на нее, он заговорил:

— Я решил, что вначале нам следует сделать остановку и посетить Францию и Италию, прежде чем мы вернемся в Брумхолл.

Она не поверила своим ушам, потом решила, что неправильно поняла мужа. Не может же он в действительности предлагать превратить их и без того долгое путешествие в почти нескончаемое?

— Что ты имеешь в виду, скажи точнее?

— На континенте воцарился мир, по крайней мере, в настоящее время. Я бы хотел заехать в Рим и разузнать о существующих способах реставрации старинных мраморов. Затем, как мне кажется, нам неплохо было б остановиться в Париже. Лорд Хоуксберри продолжает хлопоты относительно моего назначения послом во Франции.

Мэри не отвечала.

— Я был уверен, что тебе тоже хочется в Париж. Или твои разговоры были лишь пустой болтовней с этим проходимцем Себастиани?

— Нет, мой дорогой, конечно же, я хочу съездить в Париж. Но мы уже так долго находимся в море и так давно не были дома. Ты же помнишь, что до нашего отъезда я всего одну неделю провела в Брумхолле? Я так тоскую по дому. Подумай

о детях. Они пережили такие изматывающие переезды, и эти штормы, в которые мы попадали, и ненастная погода, и чума! Их следовало б привезти поскорей домой, пока наша удача нам не изменила.

Теперь погрузился в молчание Элджин. Не произнося ни слова, он внимательно смотрел на своего первенца, как тот носится по лужайке с Эндрю.

— Элджин, все говорят, что мир с Наполеоном не может быть прочным. Ты действительно считаешь, что мы имеем право подвергать детей дальнейшим опасностям? Если разразится война, а мы в это время окажемся в Италии или Франции, что с нами станет?

— Ты права. Путешествие по суше слишком опасно для них. Мы отошлем детей домой с капитаном Мейлингом, а твои родители заберут их в Портсмуте.

— Нет! — выкрикнула она почти мгновенно. — Я не хочу разлучаться со своими детьми! Это слишком жестоко, Элджин. Гарриетт едва исполнилось полгода, а старшие практически не знают никого из своих родственников. Им будет так страшно остаться на корабле одним, без нас, а после этого их ждет встреча с незнакомыми

людьми.

— Но при них останутся няньки, с которыми они знакомы достаточно хорошо, — невозмутимо возразил муж.

— Но я не хочу никуда ехать. Я хочу домой.

Мэри понимала, как по-детски звучат ее возражения, но предложение Элджина повергло ее почти в шок, а перспектива отправить детей одних показалась такой бесчеловечной, что она едва не лишилась дара речи.

— Судьба мраморов поставлена на карту. Погоди, Мэри, прежде чем возражать, выслушай меня. Мы должны поехать в Рим и встретиться там со скульптором мистером Антонио Кановой. Эту встречу я уже организовал, написав ему письмо. Мне необходимо знать его мнение о том, возможна ли реставрация старинного мрамора, или нам следует оставить наши приобретения в том состоянии, в каком они находятся.

— Ты имеешь в виду те, что лежат на дне моря?

Он не улыбнулся в ответ.

— Нам с тобой принадлежат самые грандиозные произведения искусства в истории человечества. Для тебя эти слова что-нибудь значат?

— Для меня самым ценным являются мои де-

ти, — ответила Мэри. — А твои мраморы, какими бы старинными они ни были, для меня ничто в сравнении с благополучием моих детей.

— Мэри, ты должна думать о будущем. Ведь речь идет всего о нескольких неделях. Прошу тебя, не будь эгоистичной. Мраморы — это первейшая ценность. И забота о них — наша с тобой наиважнейшая обязанность.

Она точно не помнила тот момент, в который поняла, что снова беременна. Она могла бы догадаться об этом, когда прощалась с детьми в Неаполе. Март стоял очень ненастным, и доктор Скотт решил, что детям лучше будет не покидать судна, а распроститься с родителями на борту. Мэри разыскала в Неаполе художника-портретиста и попросила его прибыть на корабль и зарисовать всех трех ее крошек, чтобы иметь возможность видеть их перед собой, когда дети уедут. Малышка Мэри не могла понять, чем ее мама так расстроена, Мэри старалась скрыть слезы, понимая, что может расстроить старших детей. Элджин «как мужчина мужчине» объяснил ситуацию трехлетнему Брюсу, и тот сумел не уронить ни слезинки. Расцеловал родителей в щеки и вернулся к гувернеру, который обнял его и прижал к себе. Эндрю, может, и пьяница,

подумала Мэри, но он добр к мальчику. Она покрыла поцелуями щечки и пальчики Гарриетт и отпустила ребенка, только когда поняла, что больше не может удерживаться от слез.

В ту минуту, когда она отворачивалась от них, в животе у нее что-то так сильно сжалось, что ей показалось, она даже не сумеет сделать следующего вздоха. Мэри попыталась взять себя в руки, чтобы не встревожить малышей еще больше и они по ее виду не догадались, как плохо она себя чувствует. Нет, ради детей она должна быть храброй. Она выпрямилась, хоть не могла даже набрать в грудь воздуха, и изобразила на лице прощальную улыбку. Калица, взяв ладошку Гарриетт, помахала этой крохотной ручонкой в ответ. Мэри казалось, что она умирает.

Точно так же она не догадалась о своей беременности, когда они с мужем находились в студии Антонио Кановы и обсуждали с ним судьбу мраморов. Красавец скульптор, венецианец по происхождению, уже двадцать четыре года назад обосновался в Риме. Скульптор выбрал этот город, чтоб иметь возможность изучать произведения античного искусства. Мэри он не показался старым, она даже сорока лет ему бы не дала. Они с мужем полюбовались его работами «Тесей и

Минотавр» и «Три грации» и нашли их грациозными и мечтательными. Мнение известного скульптора о его мраморах было единственным авторитетным для Элджина.

— Вы правы, плачевное состояние скульптур, пострадавших и от рук варваров, и от времени, достойно сожаления, — сказал ему мастер. — Но это произведения величайших мастеров, каких когда-либо видел мир. Я польщен тем, что вы обратились ко мне с просьбой об их реставрации, но мне, как и любому другому художнику, кажется святотатством даже прикоснуться к ним резцом.

Мэри почувствовала приступ тошноты, покидая мастерскую Кановы, но отнесла его за счет облегчения, испытанного при мысли, что ей не придется оплачивать услуг великого скульптора по реставрации. Позже, когда они в тряском экипаже ехали во Флоренцию, по тому, как болезненно отзывались в ее теле все толчки и ухабы, она начала подозревать реальное положение вещей. Но ничего не сказала, надеясь, что причина плохого самочувствия лишь в упадке настроения и усталости, а также плохом качестве пищи, подаваемой в деревенских гостиницах, и в продолжительности путешествия.

По прибытии во Францию они узнали, что

Наполеон захватил все английские суда, оказавшиеся во французских водах, и конфисковал их грузы. Мэри охватила страшная тревога за детей, но никакой возможности узнать, успели ли они вовремя добраться до Портсмута, не было.

— От души надеюсь, что мать соблазнилась возможностью увидеть внуков поскорей и приехала за ними сама.

Мэри пребывала в самом дурном настроении, но не могла дать ему волю, поскольку они путешествовали в сопровождении преподобного Ханта.

Элджин ясно видел, как она расстроена.

— Разумеется, дети уже добрались до Англии, — сказал он. — Прошло три недели с того дня, как мы оставили их в Неаполе. Им много лучше там, где они теперь. Путешествие по морю они совершали на корабле под командой опытного капитана, а это много безопасней, чем ехать по суше. Во всяком случае, не думаю, что французов заинтересуют трое маленьких шотландцев. А вот то, что на борту английского военного корабля находятся мраморы, французы наверняка знают. Могу только от души надеяться, что им не удалось захватить «Браакель».

Ее раздосадовало, что Элджин, в который раз

уже, больше озабочен безопасностью статуй, чем жизнями собственных детей, но она постаралась уверить себя, что он прав. Ей нужно успокоиться и взять себя в руки, возможно, пройдет еще месяц, пока она получит известие о прибытии малышей домой.

Неужели уже три недели прошло с тех пор, как она в последний раз виделась с ними? Это означает, что ее регулярные недомогания запаздывают на восемь недель, а это, в свою очередь, может говорить лишь об одном. Мэри в страхе отбросила страшную мысль и вслух сказала:

— Возможно, нам не следует пересекать границы Франции.

Мэри не казалось предосудительным, что приходится прибегать к ссылкам на войну с Наполеоном, чтобы сократить время их поездки. Она мечтала оказаться с детьми в Брумхолле, гулять в саду, пока они бегают рядом, а ее мать сидит в плетеном кресле под большим дубом и что-то вяжет. Особенно сильна была эта тоска сейчас, когда она стала подозревать, что опять беременна.

— Не забывай, что я обладаю статусом дипломатической неприкосновенности, Мэри. У меня налажена связь с Талейраном.

Он произнес имя человека, которого называли князем дипломатии, с уверенностью. Талейран имел во Франции репутацию бунтаря — аристократ, революционер, калека, священнослужитель, философ. Ему чудесным образом удаюсь не стать жертвой террора, а при Наполеоне занять пост премьер-министра.

— Его службы уведомили меня о нашей безопасности. Разве могут быть более надежные гарантии? Французы сохраняют верность нормам международных сношений. Они не варвары, в конце концов.

— Но если, как ты говоришь, Наполеон пришел в бешенство из-за того, что ты вывез сокровища Парфенона у него из-под носа, следует ли нам рисковать и появляться во Франции в эти смутные времена?

— Лорд Уитворт, наш нынешний посол во Франции, еще не покинул Париж. Она посещает обеды у Наполеона и Талейрана, проводит вечера и в опере, и где угодно. Даже не отказывает себе в ухаживаниях за балеринками, насколько мне известно. Исходя из этих сведений, я не вижу, почему мы должны бояться ступить на французскую почву.

Они прибыли в Лион семнадцатого мая и тут же

почувствовали, что обстановка стала напряженной. Британия отказалась снять претензии на владение Мальтой на том основании, что французы не оставили ни Нидерландов, ни Германии. Вся Европа считала, что война неизбежна.

— Нам, пожалуй, не следует затягивать наше пребывание в Париже, — предположил Элджин, узнав о том, что британские подданные, оказавшиеся в это время во Франции, находятся под надзором. — Нам наверняка не будет позволено вернуться обратно в Италию. Все, что мы можем сделать, — это терпеливо дожидаться возможности возвратиться домой.

Они заторопились в Париж, стараясь побыстрее оказаться там. Элджин обратился к Талейрану с письменной просьбой подтвердить гарантии своей безопасности и получил ответ, заверявший, что дипломат с семьей может оставаться во Франции сколь угодно долго и что разрешение на выезд будет предоставлено по первой же их просьбе.

Элджин и Мэри прибыли в столицу Франции, изнемогая от усталости, вызванной долгим путешествием. Они остановились в отеле «Ришелье», элегантном особняке из красного гранита, намереваясь отдохнуть двое суток, пока не будут

готовы их дорожные паспорта, и затем отправиться в Кале. Первым соотечественником, которого они увидели в отеле, оказалась миссис Дюнде, уроженка Шотландии, которую Мэри знала еще в Эдинбурге.

— Ох, милые вы мои, — запричитала она, целуя Мэри и Элджина в обе щеки. — До чего ж я довольна, что вас вижу, хоть и не понимаю, как это могло случиться. Вам не известны последние события в Париже?

— Что же это за события? — спросил Элджин.

Глаза шотландки расширились, и голос упал до шепота.

— Лорд Элджин, разве вам ничего не известно? Но как же так? Бонапарте, этот разбойник, объявил войну.

— В самом деле? — переспросил Элджин, сохраняя невозмутимость.

— Ну да. Он даже позволил себе кричать на лорда Уитворта! Вызвал английского посла к себе в кабинет, будто по официальному делу, и принялся дерзко браниться. Бонапарте вел себя как человек, который не дает себе воли только в силу необходимости держаться определенных рамок. Он до того повысил голос на бедного лорда Уитворта, что тот, конечно, взорвался! Наш посол

уже оставил Францию! Мне известно об этом от американского посла.

— Когда это произошло?

— Каких-то несколько дней назад. — Миссис Дюнде наклонилась к ним ближе и зашептала: — Бонапарте продал половину тамошнего континента — земли, которые они называют Луизиана, — американцам и прикарманил пятнадцать миллионов. И собирается потратить их на войну с нами! Французы захватили всех англичан в возрасте от восемнадцати лет до шестидесяти, и все они стали détenus[58]. Им придется остаться тут, пока Наполеон не отменит приказа. Ох, хвала Господу, что я оставляю этот город вместе с американским послом!

— Détenus? — переспросила, не поняв, Мэри. — Они задержаны?

— Я так и говорю.

Элджин старался собраться с мыслями. Не самое приятное для дипломата получать сведения такого характера от частного лица, разузнавшего их по дружбе с американским послом. Но они в течение долгих дней путешествовали в каком-то рыдване и, конечно, ничего не слыхали об объяв-

---

[58] notes: 58
Задержанный, арестованный *(фр.)*.

лении войны. Мэри ухватилась за рукав мужа, но он успокаивающим жестом потрепал ее по руке.

— Мне неприятно слышать о том, что произошло с вашими английскими друзьями, но, как официальное лицо, я обладаю дипломатическим иммунитетом. А теперь, прошу прощения, но я должен позаботиться о леди Элджин. Она утомлена долгим путешествием.

Когда они последовали за носильщиком в комнаты, Мэри едва дышала от страха.

— Элджин, скажи, нас могут задержать тут?

— Что за чепуха, моя милая. Мне дал слово сам Талейран. А он второй человек во Франции после Наполеона.

Непоколебимая уверенность мужа и собственная слабость после долгого пути помогли Мэри спокойно провести ночь в огромной пуховой постели их номера. Она знала, что скоро им снова придется сниматься с места и отправляться в дорогу, а потому, что бы ни случилось наутро, ей лучше набраться сил за время ночного отдыха. Перед сном Элджин накапал им обоим лауданума, оставленного ему доктором. Свою дозу лекарства он запил большим бокалом французского коньяку.

— Следует по мере возможности пользоваться

теми радостями, которые предоставляет нам ситуация, — заявил он жене.

В темноте они лежали в постели, Мэри потеснее прильнула к мужу, прижала ступни к его ногам. Именно в такой позе они провели все ночи своей супружеской жизни, и Мэри казалось, что эта близость гарантирует ей большую безопасность, чем присутствие тысячи янычар, или полицейских, или солдат любой армии мира.

Они забыли накануне задернуть шторы на окнах, и утреннее солнце разбудило Мэри много раньше, чем ей бы хотелось. Едва очнувшись от сна, она услышала стук в дверь, неохотно открыла глаза и увидела, что Элджин уже встал, поскольку на нем был утренний халат. Не успела она сказать и слова, как он уже вышел за дверь гостиничного номера. Мэри быстро вскочила и подбежала к дверям.

— В чем дело? — услышала она голос мужа.

Отвечавший ему мужчина говорил официально, равнодушно и так отрывисто, будто отдавал команду. Она надеялась, что знание французского подвело ее и что она неправильно поняла сказанное этим человеком. Мэри выглянула из комнаты и увидела, что перед ней стоит не посыльный из отеля, а человек в военной форме.

Элджин молча прикрыл за ним дверь и обернулся к жене. Выражение его лица было изможденным, этой ночью он спал без маски и не успел надеть ее утром. Жалкий обрубок носа торчал посреди лица, красивые когда-то голубые глаза были обведены темными кругами.

— Приказ от Бонапарта, Мэри, — негромко выговорил он. — Я должен считать себя военнопленным.

Мэри отправила матери письмо с объяснениями, что хоть Элджин и является официально prisonnier de guerre[59] и они вынуждены не покидать Париж, он не заключен под стражу. Более того, задержанию в Париже был придан нарочито светский характер, и подвергнутые ему, наравне с почти полутора тысячами англичан, которым также было запрещено покидать Францию, продолжают проживать в отелях. Дорожные паспорта были конфискованы, и за Элджином установлена слежка. Мэри сообщила матери, что в отеле есть прекрасный сад, где он может каждый день совершать прогулки. В пределах Парижа Элджину разрешается путешествовать сколько угодно, но выезжать за черту города

[59] notes: 59
Военнопленный *(фр.).*

запрещено.

На самом же деле возможность гулять в очаровательном саду Элджина не обрадовала, и настроение его резко ухудшалось по мере того, как время проходило, а разрешения оставить Францию все не поступало.

— Я не тот человек, который способен долго выдерживать неопределенность, — жаловался он жене.

Но теперь их жизнь была полна этой неопределенностью. Команде ныряльщиков в Греции предстояло с приходом весны продолжить работы, но никакие известия от них не доходили до Парижа. Французы патрулировали греческое побережье, охотясь за сокровищами, которые Элджины успели вывезти, и за теми, которые еще оставались на складе в Пирее.

— Если ты не видишь возможности их транспортировки, почему бы тебе не дать знать Лусиери, чтоб он свернул работы? — спросила она однажды мужа.

Для нее это было вопросом, продиктованным здравым смыслом. Зачем продолжать поиски, если не можешь вывезти то, что уже отыскал? Сейчас, когда Англия ведет настоящую войну с Францией, лорд Нельсон наверняка не предоста-

вит ни одного военного корабля в распоряжение Элджина. И каким образом они смогут вывезти оставшееся, она просто не представляла.

— Ты никогда не понимала меня, Мэри! Никогда!

Последнее время он стал еще более нетерпимым, особенно с ней, но Мэри старалась не отвечать на эти выпады. Она продолжала помогать мужу чем могла, до последнего дня финансировала его предприятие. Она сумела убедить отца оплатить по прибытии груза в Англию таможенные сборы. Их величина достигла огромной цифры, это было целое состояние для любого человека, а мистер Нисбет еще нес расходы по содержанию троих детей. В середине июня она получила известие от матери о том, что дети благополучно прибыли. С тех пор как она в марте рассталась с ними в Неаполе, прошла целая, преисполненная мучений вечность.

— Твоя матушка пришла в такой восторг от внуков, что представила их королю! — воскликнула Мэри.

Она весело размахивала полученным письмом, пытаясь отвлечь мужа от мрачных мыслей.

— Хоть она и называет их «маленькими греческими дикарями, даже не знающими английско-

го». Но она обожает своих внучат!

— Я в этом не сомневался, — отвечал тот. — В этом письме нет известий о прибытии мраморов? Может оказаться, что вся коллекция уже находится в руках французов! Неизвестность становится просто невыносимой.

Действительно, корреспонденция между двумя странами, которая никогда не была регулярной, теперь оказалась практически блокированной вследствие военных действий. Французские чиновники вскрывали письма, как те, которые отправляли Элджины, так и адресованные им. Мэри предприняла попытку переслать весточки родным через леди Твидейл, которая, к общему удивлению, получила разрешение вернуться на родину. Но эту добрую женщину остановили на границе, и вся корреспонденция и документы, что были при ней, оказались конфискованными. Миссис Дюнде предложила отправить письма с нею, но предупредила, что женщин, случалось, даже обыскивали в поисках писем. Мэри была в отчаянии, не получая известий о детях. Их портрет она держала у кровати и принималась отчаянно целовать, когда становилось особенно грустно.

— Они, наверное, думают, что мы их броси-

ли, — жаловалась она мужу.

— Ерунда. Они разумные дети, — отвечал тот, — и имеют прекрасный присмотр. Ни твой отец, ни доктор Скотт не допустят у них таких мыслей.

Мэри стала приглашать на вечерние чаепития знакомых, от души надеясь, что их английские и шотландские гости сумеют повысить настроение мужа. Погода в Париже стояла ужасная, дождь начинался каждый день аккуратно после обеда, а гром грохотал так громко, что у нее появились приступы головной боли. Одним на удивление ясным днем им нанес визит не кто иной, как граф Себастиани, старый поклонник Мэри. Он прослышал об их неприятностях и пришел с предложением оказать помощь.

— Я непременно поговорю с Наполеоном о вас, лорд Элджин, — пообещал он. — Он настроен негативно по отношению к вам, как вы знаете, но я обладаю некоторым влиянием на него.

Элджин был счастлив позабыть о старом соперничестве, лишь бы обрести свободу. Он дошел даже до того, что оставил Мэри наедине с французом, а сам отправился на прогулку в сад.

— Мы ценим ваше сочувствие, граф Себастиани.

Мэри старалась говорить как можно более

официально, помня об их последнем свидании, во время которого граф предложил ей стать его любовницей. Она заметила, что он не лишился ни капли своего обаяния, и понимала, насколько опасным для нее может быть этот человек.

— Я так много рассказывал Жозефине о вашей красоте и вашем уме, что она заинтригована, леди Элджин. Я шепну ей на ушко несколько слов, чтоб она замолвила словечко за вашего мужа.

— Мы будем счастливы.

Мэри отлично помнила, как убедительно умеет шептать этот человек в женское ушко.

— Вам следовало бы посещать по вечерам оперу. Жозефина поглядит на вас, и я, может, сумею представить вас ей. У нее доброе сердце, и она питает слабость ко мне.

«Охотно верю», — невольно подумала Мэри, глядя в красивые глаза.

О, этот человек умел волновать женщин. И время, казалось, шло ему на пользу, давая возможность шлифовать опыт. Но Себастиани был джентльменом и не пытался воспользоваться ситуацией, в которой оказалась Мэри. Он только предложил свои услуги, что сделало его более привлекательным в ее глазах.

Мэри рассказала мужу об этом предложении,

но он отказался выходить по вечерам и посещать оперу. Не желая скучать в одиночестве, оплакивая свое положение, Мэри стала приглашать несчастных изгнанников в гости играть в вист. Слух о ее приемах скоро разнесся по всему Парижу, и англичане, что были в городе, — и кое-кто из дипломатов других стран — стали сражаться за честь бывать на вечерах у леди Элджин. Так однажды в их доме появился с собственной колодой карт один шотландец, уверявший, что знает Мэри с детства.

— Репутация леди Элджин как первоклассного игрока опережает ее, — так ответил он на приветствие Элджина. — Я позволил себе принести свою колоду из боязни проиграть тут не только наличные, но и все мои шотландские земли в придачу.

Он обернулся к Мэри, подал колоду и поклонился, не будучи представленным. Она не подала руки для поцелуя — перед нею все-таки был шотландец, что она поняла по акценту, — но он поднял ее ладонь и поднес к губам. И ей не показался невежливым этот поступок. Причиной ему была не невоспитанность, а, скорее, какое-то внутреннее побуждение. Элджин отнесся к этому поцелую не так снисходительно.

— Слишком долго на континенте, не так ли, старина? — проворчал он.

— Au contraire[60], Элджин, кажется, слишком мало. — И посетитель отпустил руку Мэри. — Роберт Фергюсон, леди Элджин. Из Рейта. Согласитесь, не чудо ли то, что мы с вами впервые встретились именно здесь. Ведь, бывало, я мальчишкой выглядывал из окон и махал вам, пока вы гуляли в вашем Арчерфилде. Наши поместья находятся на противоположных берегах Фирта.

— Рада приветствовать вас, мистер Фергюсон, — сказала она (конечно, это имя было ей прекрасно знакомо). — Мне казалось, что вы оставили Шотландию, когда я была еще ребенком.

— Это действительно так. Не испытываю тяги к летаргии деревенской жизни. Я геолог по профессии и люблю путешествовать. Да и новые города меня интересуют.

«И радикал по репутации», — подумала она, припомнив местные сплетни о нем, которые всегда огорчали отца Роберта Фергюсона, заядлого консерватора.

Роберт был высок, много выше, чем даже Элджин, и красив, но не так, как был красив ее

---

[60] notes: 60
Наоборот *(фр.)*.

муж до болезни, изуродовавшей его черты. Лицо Фергюсона поражало какой-то сильной красотой. Выглядел он моложаво, несмотря на поредевшие волосы. Костюм имел безукоризненный. Не щегольской, подумала Мэри, но несущий печать отменного вкуса.

— Все еще увлекаетесь заговорами против Короны, мистер Фергюсон? — поинтересовался Элджин.

Он улыбался, но по металлическим ноткам в его тоне Мэри догадалась, что ее муж не испытывает симпатии к гостю. Элджин откровенно не разделял антимонархических убеждений.

— Пользуюсь для этого каждой возможностью. В последний раз даже не далее как на прошлом вечере у мадам де Сталь. Вы не читали ее эссе по этому вопросу?

Роберт тоже улыбался, но в его голосе звенел тот же металл.

Мэри вежливо покачала головой, давая понять, что эссе не читала, но Элджин был более категоричен и со смехом произнес:

— В самом деле, Фергюсон, вы переходите все пределы!

— Вам не доводилось бывать на приемах мадам де Сталь?

— Конечно приходилось. Думаю, на них бывал каждый мужчина, включая и вашего мистера Питта.

Элджин, как всякий тори, ненавидел премьер-министра Уильяма Питта, который был вигом. Занимая пост советника короля, он проводил, как Элджин всегда подчеркивал, политику умиротворения.

— Какого черта, Элджин! Мы, кажется, здесь все союзники, поскольку имеем общего врага, разве нет?

Двое мужчин обменялись рукопожатием, хлопнули друг друга по спине, и политика отступила, когда они начали говорить о доме. Гости разошлись, а Фергюсон задержался на некоторое время, и они с Элджином осушили по бокалу портвейна.

Скоро шотландец научился выманивать Элджина из отеля, и они стали бродить по улицам Парижа, посещая лавки торговцев стариной и предметами искусства. В результате на протяжении всего нескольких недель Элджин составил коллекцию из пятидесяти четырех картин старых мастеров, наряду с тем, что приобрел многие предметы меблировки, шандалы, канделябры, кувшины, вазы. Он также свел знакомство с вино-

торговцами, дюжинами закупая у них упаковки лучшего коньяка для Брумхолла. Терракота, фарфор, столовое серебро — все это было приобретено Элджином в огромном количестве за считаные дни.

— У Фергюсона отличный вкус, — однажды сказала Мэри мужу. — И по-видимому, он не ограничивает себя в расходах.

Она хотела таким образом намекнуть Элджину на то, что ему следует быть экономнее. Им не разрешили покидать пределы Франции, но жить тут приходилось на собственные средства. Отель был очень дорог, и Мэри предложила было снять в Париже особнячок, чтобы как-то снизить расходы, но теперь она думала, что при обилии соблазнов и увлечении Элджина покупками ее попытки сэкономить не увенчаются успехом.

— Мистер Фергюсон очень богат, Мэри. Я просто поверить не могу, что человек с такими средствами, к тому же тот, кому предстоит унаследовать прекрасное и обширное поместье, может увлечься правительственными реформами и проектами перестройки экономической системы. Он джентльмен, этого у Фергюсона не отнимешь, но, на мой взгляд, для шотландца он несколько неуравновешен.

Фергюсон стал предметом частых обсуждений между двумя супругами. Сейчас, когда на них не лежала забота об управлении посольством и в отсутствие детей, они практически лишились всех тем для бесед, кроме обсуждения своих новых знакомых.

— Он и вправду убежденный холостяк? — спросила Мэри.

— Да, ходят слухи. У него была скандально громкая связь с одной дамой, немецкой графиней, у которой есть от него сын. Мальчишку, кажется, воспитывают в каком-то пансионе.

— Но они не могут жить вместе открыто? Эта графиня любит мужа?

— Вовсе она его не любит. Но отец ее мужа оставил ему все состояние, и поэтому она не хочет с ним расстаться. При разводе ее, разумеется, лишат всяких прав на деньги, и ей такой исход не может понравиться. Хоть я и не сомневаюсь, что Фергюсон обеспечил бы ей безбедную жизнь.

— Как трагично! — воскликнула Мэри.

Эта история показалась ей страницей из романа.

— Ну, Фергюсон вечно в кого-нибудь влюблен. И ему всегда отвечают взаимностью.

— Он довольно щедр, — заметила она.

В недавнее время шотландец догадался о ее вкусах и иногда преподносил ей дорогие пустяки: фарфоровую чашку, коробку великолепного французского шоколаду или какой-нибудь забавный камешек из своей богатой геологической коллекции редких минералов.

— Оставаясь политическим экстремистом, он не расстался с повадками настоящего джентльмена.

— Именно его демократические склонности и нелюбовь к светским условностям мешают ему осесть на месте. Он не хочет жить на родине и, как он говорит, «стать помещиком». — Элджин пародировал Фергюсона, произнося эти слова. — Хотя что в этом можно найти плохого, лично я понять не могу и полагаю, что взрослому и зрелому мужчине желать другой судьбы нечего.

Здоровье Элджина во влажном климате французской столицы стало ухудшаться. Он предположил, что ему неплохо было бы отправиться в Бареж, городок на юго-западе Франции, и попринимать тамошние воды, знаменитые своим полезным действием. Мэри обратилась к Себастиани, тот апеллировал к Наполеону, через несколько недель разрешение было получено, и супруги Элджин отправились в путь. Роберт

Фергюсон решил их сопровождать.

В Бареже их посетил граф де Шуазель-Гоффье, бывший прежде послом Франции в Порте. Элджин был поражен, увидев у себя человека, который на протяжении нескольких лет являлся его отъявленным врагом. Граф де Шуазель-Гоффье был одним из самых серьезных коллекционеров в мире и провел годы на Востоке, пытаясь прибрать к рукам парфенонские сокровища, в итоге попавшие в коллекцию Элджина. Именно он нанимал осведомителей, докладывавших ему о приобретениях англичанина, и именно он саботировал, как мог, все его усилия. Граф даже не делал секрета из своей откровенной зависти, он дал клятву приобрести античные ценности для Наполеона, который мог заплатить за них огромную сумму, и для Франции.

Когда этот человек показался в дверях, на лице его были видны слезы.

— Лорд Элджин, я прибегаю к вашей помощи. Мы с вами враги, но имеем общую страсть, поглощающую наши силы.

Граф де Шуазель-Гоффье объяснил, что после революции, когда богатства аристократии были конфискованы восставшим народом, он предпочел хранить приобретенные им коллекции

мрамора спрятанными в Греции.

— Я потратил все свое состояние, деньги, унаследованные от семьи, поместья, чтоб собрать эти сокровища. Я настоящий банкрот. Наполеон согласился выкупить их у меня и передать в Лувр и даже намеревался осуществить за счет казны их доставку из Греции. Но корабль, на который все они были погружены, подвергся атаке флота адмирала Нельсона. Они захватили его!

Элджин объяснил посетителю, что он хоть и полон сочувствия, но, оставаясь во Франции, мало чем может ему помочь. Затем, подумав, согласился написать несколько строк адмиралу и попросить вернуть некоторые из мраморов, те, которые являлись личной собственностью графа.

— Merci, милорд. — Граф де Шуазель-Гоффье был так обрадован предложением Элджина, что, казалось, готов расцеловать его в щеки. — Я разорен! Полностью разорен. Всю жизнь я отдал собирательству античностей, а теперь эти великолепные редкости пропали!

— Я обещаю вам сделать, что могу, — заверил его Элджин.

— Но я должен предупредить вас, — на прощание сказал француз, — Наполеон взбешен этой

потерей и жаждет мести.

Когда граф ушел, Мэри некоторое время озабоченно молчала, обдумывая услышанное. В эту минуту она не сомневалась, что их с Элджином подстерегает судьба несчастного графа де Шуазель-Гоффье. Из Греции наконец пришло сообщение, что некоторые предметы из затонувшего груза могут быть спасены. Несмотря на свои суеверия, греческие рыбаки-ныряльщики сумели преодолеть страхи — возможно, благодаря обещанным им деньгам — и разработали способ спасения груза. Со дна моря было вытащено уже шестнадцать корзин, и написавший об этом Элджину переводчик с оптимизмом заверял, что они сумеют вытащить и остальное. Но это еще не решало всей проблемы в целом — уберечь античные ценности от французов и доставить их в Англию. Счета Элджина имели огромный перерасход. Время, проводимое ими во Франции, также стоило немало.

Вскоре начались неприятности. Лусиери писал из Афин, что банкир Элджина отказался финансировать его, Лусиери, деятельность. Во Франции им приходилось жить в кредит, а в нем уже было отказано. Мэри понимала, что подступает время расплаты, Элджин же продолжал скупать

произведения искусства, свезенные в Париж со всей Франции. На водах, возможно, оттого, что он каждый день в течение двух часов принимал ванны, его настроение заметно улучшилось, но не настроение Мэри. Она скучала по детям.

Когда граф де Шуазель-Гоффье оставил их, Элджин был до крайности взволнован.

— Ты слышала, Мэри? Если я не проявлю достаточной бдительности, со мной может случиться то же самое. Мы должны сделать все возможное, чтоб ускорить спасательные работы.

— Но как мы можем добиться этого?

Она понимала, о чем он: нанять больше рабочих, купить новые суда для перевозки, тратить еще больше средств, чем они тратили до сих пор. Но у Мэри имелся другой план, ей казалось более правильным взять контроль за расходами в свои руки. Но для этого она должна вернуться домой.

— Я посоветовалась с Себастиани, — заговорила она. — Он считает, что, вернувшись в Париж, я смогу получить дорожный паспорт. Он убедил Наполеона, что мне можно разрешить вернуться домой к сроку родов.

— Как? Без меня?

— Но, дорогой, тебя они не собираются освобождать. А наши дети остаются все это время без

матери. Я хотела бы в этот раз родить дома, Элджин, чтоб доктор Скотт заботился обо мне, чтоб рядом была моя мама. О, прошу тебя, дорогой. Когда ребенок родится, мы сможем вернуться в Париж и жить тут вместе.

— Может быть, ты и права, Мэри. Оказавшись в Лондоне, ты сможешь присматривать за поступающими грузами. Кроме того, оттуда легче вести переписку с нашими агентами.

Мэри показалось, что Элджин с радостью ухватился за эту идею, и она была в восторге, что не придется вести борьбу, пытаясь убедить его.

— Я с радостью провожу леди Элджин в Париж, — предложил Фергюсон, едва услышал эту новость в тот же вечер за обедом.

— Очень любезно с вашей стороны, мистер Фергюсон, — сказала Мэри.

Он уже осмотрел все произведения искусства и предметы меблировки, что предлагались в округе, принял прописанные воды и теперь скучал.

— А вы не вернетесь в Париж? — спросил он Элджина.

— Мое здоровье здесь улучшилось, а в городе мне становилось хуже. Кроме того, Наполеон, не видя меня перед глазами, возможно, забудет о моем существовании, и мои бумаги на выезд

будут подписаны.

Когда Мэри и Фергюсон прибыли в Париж, никакого дорожного паспорта для нее там не было оформлено. Фергюсон, увидев, как она вздрогнула от ужаса, предложил попытаться разузнать, в чем может быть дело. После нескольких часов отсутствия он вернулся побледневшим, а выражение его лица не сулило ничего хорошего.

— Что случилось, мистер Фергюсон? Мне следует написать просьбу о паспорте?

— Вам не разрешено покидать Францию, леди Элджин. Я был в канцелярии Наполеона, так что передаю вам не слухи, а истинные сведения о положении дел. Прошу вас, не расстраивайтесь. Я здесь и помогу вам, мы найдем способ исправить дело, обещаю вам. Клянусь честью.

Помолчав, Фергюсон продолжал:

— Англичане арестовали генерала Бойера, командующего кавалерией Наполеона. И последний решил жестоко отомстить за это.

Свет померк в глазах Мэри, когда она услышала слово «отомстить». Месть. Она зажмурилась, вспомнив страшные образы своего ночного кошмара — хлопанье огромных черных крыльев, настигающие ее грифоны, мольбы Элджина о помощи.

— Леди Элджин! — Фергюсон взволнованно схватил ее руку. — Очнитесь, прошу вас. Леди Элджин! Мэри!

Звук голоса, произнесшего ее имя, вывел ее из забытья. Услышав его, она открыла глаза и взглянула на Фергюсона.

— Скажите же мне, что с ним.

— Наполеон арестовал лорда Элджина. Он подвергнут заключению, его содержат в лурдской крепости.

Париж, зима 1803–1804 годов

— Вы уверены, что они не причинят вреда его здоровью? — тревожно спросила она Фергюсона.

Они оба, покинув «Ришелье», переехали в отель «Принц Галльский» на улицу Сент-Оноре, ибо «Ришелье», переполненному задержанными в стране англичанами, по большей части не имевшими средств оплачивать свое содержание, пришлось объявить о банкротстве.

Тот вечер она, в сопровождении Роберта, провела в опере и сейчас, вернувшись, тяжело опустилась в огромное кресло, стоявшее в гостиной. Довольно часто по вечерам, хоть тяготы последних месяцев беременности не оставляли ее измученное тело, они вдвоем посещали спектакли в опере и театральные представления, где предполагали встретить Наполеона или Талейрана. Хлопотами Фергюсона и Себастиани Мэри имела беседу с супругой великого человека, а также с супругой премьер-министра. Обе женщины выслушали ее с сочувствием и пообещали замолвить слово о лорде Элджине.

Роберт, налив себе коньяку, сел рядом. Она видела, что он также очень устал. Фергюсон не

оставлял хлопот, чтобы раздобыть крохи информации о положении Элджина, лурдского пленника.

— Я обсудил сложившуюся ситуацию с некоторыми высокопоставленными чиновниками, а также с самыми уважаемыми людьми Франции. Воспользовался своими связями в научном обществе Франции, чтоб получить возможность присутствовать на утреннем приеме у Наполеона. В это время у него собираются самые передовые из мыслителей нашего времени, и я обратился к ним с личной просьбой о справедливом и гуманном отношении к лорду Элджину.

— Не знаю, сумею ли отблагодарить вас. Мой муж будет чрезвычайно тронут, когда узнает, сколь многим он обязан вашей настойчивости.

Вместе они написали дюжины писем каждому из тех, кто имел вес во французском обществе, проводя за этим занятием целые дни и взывая о помощи ко всем, кто предположительно мог ее оказать. Мэри регулярно встречалась с Себастиани, которого также просила напомнить Наполеону, что когда-то, в бытность свою английским послом в Турции, Элджин ходатайствовал перед султаном о милосердном обращении с французскими пленниками в Константинополе.

Без его заступничества к ним могли быть применены самые строгие меры со стороны турок.

— Вам не следует благодарить меня, — сказал Фергюсон. — Чего бы я не сделал для своего соотечественника-шотландца и его прелестной жены?

— Но вы посвятили целых два месяца безрезультатным хлопотам, и мы чувствуем себя в долгу перед вами. — Мэри была смущена неожиданным комплиментом. — Слухи о насилиях и пытках, применяемых в тюрьме Лурда по отношению к заключенным, приводят меня в ужас. Говорят, это узилище представляет собой самые отвратительные средневековые казематы.

— Я говорил кое с кем из представителей французской интеллигенции для того, чтобы выяснить, есть ли правда в слухах о допросах Элджина в тюрьме. Меня заверили, что даже в Лурде пытки не применяют в отношении известных людей. Но допросы они действительно проводят, и лорда Элджина, возможно, допрашивают ночи напролет, чтоб он признался в том или ином поступке.

— Но его здоровье так слабо, — вздохнула Мэри. — Вы не знаете Элджина. Он болен гораздо серьезнее, чем кто-либо думает. Ему требуется

постоянный уход.

— Таковы строгости военного времени, леди Элджин.

Фергюсон встал и налил коньяку в другой бокал.

— Выпейте это, лорду Элджину будет приятно, если вы не станете так страдать. Вам надлежит помнить о том, что ваш супруг — самый знатный из англичан, задержанных Наполеоном. Хоть милосердие — редкость в наши дни.

Несколько недель спустя Фергюсону стало известно, что французы, имея цель инкриминировать Элджину участие в конспиративном заговоре, попытались приписать ему авторство нескольких писем, написанных другим содержащимся под стражей англичанином.

— Но, как рассказывают, лорд Элджин разорвал письма не читая и заявил офицеру, что поступил бы так с любым «тайным заговорщицким» посланием, — передал он Мэри. — Таким образом ваш муж сумел обойти расставленные сети.

Она обхватила руками свой ставший огромным живот, как бы обнимая дитя Элджина, и заплакала. Фергюсон поспешно предложил ей носовой платок.

«Неужели у этого человека еще остались но-

совые платки?» — подумала она, потому что так часто плакала в его присутствии.

— При своем нездоровье, при том, что находится в преддверии смерти, — проговорила она, сморкаясь, — Элджин еще сохранил достаточно присутствия духа, чтоб разоблачить их хитрости.

Уже на протяжении многих ночей ей почти не удавалось заснуть, но мысль о том, что она бодрствует вместе со своим несчастным мужем, давала некоторое утешение. Какие страдания ему приходится принимать? Она дошла до такого изнеможения, что, проводись допросы с нею, она бы призналась в чем угодно.

— Я немедленно сообщу это известие матери лорда Элджина и расскажу, как мы все гордимся ее сыном.

Спустя долгие месяцы бесплодных, но неустанных усилий Мэри получила наконец надежду на то, что судьба может перемениться. Она вступила в личную переписку с Наполеоном, и сегодня был получен его ответ на последнюю ее мольбу. Пакет, присланный на адрес отеля, даже содержал его миниатюрный портрет. Несколькими днями позже — что не было случайностью, по ее мнению, — она удостоилась личной аудиенции

у Талейрана. Они с Фергюсоном разработали план, по которому Мэри собиралась обратиться к премьер-министру с просьбой обменять Элджина на генерала Бойера. Когда она высказала ее, Талейран, к ее великому удивлению, изъявил согласие.

— Бонапарт выражает свое сочувствие вам, мадам Элджин, — сказал премьер-министр. — Несмотря на свое горячее желание, он не может встретиться с вами лично, но уверяет вас, что хотел бы оказать вам помощь. Его первейшей заботой является народ Франции. Наши страны ведут войну между собой, и ваш супруг, лорд Элджин, знает, какова участь военнопленных.

Талейран был к ней суров, но вежлив, и что-то в его облике побуждало Мэри не бояться этого человека, несмотря на его дурную репутацию. В информированных кругах его считали величайшим притворщиком, какого только знала французская история, но ей он мог помочь.

Мэри покинула канцелярию премьер-министра окрыленная. Она немедленно написала своей и Элджина матерям, а также обратилась к лорду Хоуксбери и тем важным лицам, кого могла просить о ходатайстве перед королем. Мэри питала твердую уверенность, что не пройдет и

нескольких недель, как Элджин будет освобожден — как раз вовремя, чтобы быть свидетелем появления на свет своего четвертого ребенка.

Даунинг-стрит, 23 декабря 1803 года

Дорогая леди Элджин, я имел честь получить письмо Вашей милости, которое, не теряя времени, представил его величеству. Освобождение лорда Элджина в обмен на освобождение генерала Бойера доставило бы его величеству самое искреннее удовлетворение, но чувство долга не позволяет его величеству дать согласие или санкционировать подобное действие. Обмен лиц, оказавшихся в плену по законам военного времени, на любого из подданных его величества, удерживаемых во Франции в противоречии с законами международного права, не является, по мнению его величества, легитимным.

Заверяю Вашу милость, что невозможность оказать Вам желаемое содействие для меня весьма прискорбна. Я был бы счастлив сделать все возможное для освобождения лорда Элджина и вызволения Вашей милости из неприятнейшего положения, в которое Вы поставлены мерами, принятыми французским правительством.

Имею честь быть, etc,

лорд Хоуксбери

Были ли правдой причины, изложенные в письме лорда Хоуксбери? Или он просто не считал Элджина лицом, достаточно важным для обмена его на захваченного в плен французского генерала? Снова Мэри пришлось убедиться в том, что британское правительство невысоко ценит заслуги ее супруга. И теперь ей осталось лишь сожалеть, что она так поспешила сообщить ему о возможном обмене.

Мэри также получила письма от своей матери и матери Элджина, но содержание их оказалось не совсем таким, какого она ожидала, — лишь прохладные похвалы ее усилиям в безуспешных попытках помочь освобождению Элджина, предпринятым на последних неделях беременности. Мать бранила Мэри за то, что она, пренебрегая интересами детей, задерживается в Париже.

«Мама разве не знает, что меня просто не выпускают отсюда?» — недоумевала Мэри.

А вдовствующая леди Марта предъявила ей настоящее обвинение, уверяя, что Мэри следует прекратить разыгрывать роль «первой красавицы каждого бала», будучи матерью троих детей, к тому же беременной четвертым. Матушка Элджина, видимо, не понимала, что Мэри принимает участие в светских увеселениях лишь для

возможности поддерживать связи с важными личностями на политической арене, с людьми, которые могут содействовать освобождению ее мужа. Очевидно, кто-то из завистливых и злонамеренных англичан, оказавшихся здесь, в Париже, сообщил леди Марте о том, что «Мэри слишком часто видят в обществе некоего холостого шотландца», а это не совсем прилично для замужней женщины. И, что еще хуже, мать Элджина сообщила об этих слухах своему сыну, посоветовав ему «призвать к приличиям» жену. Если бы эта женщина только знала, как дорого стоят Мэри выезды в свет! Как ей приходится заставлять себя укутываться потеплее в промозглом Париже и каждый вечер выходить из дому, хоть она предпочла бы отдохнуть в своем скромном номере за чашкой чая. Да, она наслаждается, бывая среди людей. Но если ее и видят слишком часто в обществе «некоего холостяка», то только потому, что этот человек посвятил месяцы хлопот попыткам вернуть свободу мужу своей соотечественницы, бывшей его близкой соседки. Разве он не сочувствует ее прилежным хлопотам об Элджине?

Сам же Элджин смотрел на происходящее отнюдь не так, и его письма звучали горькими

упреками:

Я знаю Париж, Мэри, мне знакомы его соблазны. Этот город, как и его обитатели, особенно те негодяи, которые преследуют невинных женщин, может толкнуть на скользкий путь. Меня информировали о том, что ты постоянно бываешь в опере. Я не упрекаю тебя в желании развлечься, но, видит бог, как это странно в нашем положении. Твое поведение ранит меня сильнее, чем моя неволя. И я откровенно поражаюсь как тому, что ты, оставшись в одиночестве, принимаешь у себя мужчину, пребывая с ним наедине в номере гостиницы, так и тому, что вас часто видят вместе. Меня поражает, что ты совершаешь прогулки в обществе человека, который не является твоим мужем. Я шокирован, что ты допускаешь его в наше с тобой личное жилище. Все рассказывают, будто видят тебя постоянно в обществе мужчин и никогда в компании женщин. Не стану сообщать всего, что дошло до моего сведения. Ты не поверишь, сколь многое мне стало известно о твоем поведении за время, протекшее после твоего отъезда.

Мэри была поражена в самое сердце и немедленно написала ответ. Все те мужчины, в об-

ществе которых ее видят, это люди, имеющие возможность содействовать освобождению мужа. Если Элджину известна хоть одна женщина, которая может быть им полезна наряду с Талейраном или Наполеоном, пусть он напишет, и Мэри немедленно станет общаться с ней.

Что же касается мистера Фергюсона, которого ты готов обвинить в недостойном поведении, то скажу, что ни ты, ни я никогда не имели столь преданного друга. По отношению ко мне, не знавшей братской любви, он ведет себя как лучший из братьев.

Месяцы упорных усилий, предпринятых Мэри, привели к тому, что Наполеон согласился освободить Элджина из лурдской темницы с условием, что он останется в городе По, где будет находиться под постоянным наблюдением. Наполеон сообщил Мэри об этом в кратком послании, выражая сожаление о том, что вынужден держать мужа вдали от нее, но уверяя, что не может позволить последнему свободно разгуливать по Парижу.

Элджин тут же приказал Мэри приехать.

Так как Бонапарт считает необходимым держать меня в одной из провинций, тебе следует немедленно присоединиться ко мне. Это един-

ственный вариант, который допускают рамки приличий. Я располагаю относительной свободой и надеюсь жить в лоне своей семьи, пусть и не в столице. Тебе следует забыть о флиртах и прекратить болтаться по городу: пора наконец подумать о моем положении. Так как я уже освобожден, у тебя нет оснований наслаждаться ночной жизнью Парижа с человеком, который не является твоим мужем.

— Но я жду ребенка, — жаловалась она Фергюсону, доставившему ей письмо Элджина.

— Ваш муж сам не свой от огорчений, Мэри, — попытался утешить ее Роберт; он усвоил привычку звать ее просто по имени, когда они оставались наедине. — Стоит ему оправиться от жестоких условий темницы, он сразу же придет в себя.

Но недоверие Элджина глубоко ее расстроило, и, пока Роберт сидел рядом в кресле, она тут же начала писать ответ.

Что за прекрасный тон переписки ты, Элджин, завел? Приказывать мне сей же час оставить Париж, но разве ты не понимаешь, что со дня на день у меня должны начаться роды? И в таких условиях ты готов подвергнуть меня риску пу-

тешествия? Тебе совсем не дорого мое здоровье, Элджин? Это все, что я могу тебе сейчас сказать. Твое письмо каждой своей строкой обидело меня слишком сильно, чтоб я могла найти в себе силы написать ответ.

— Прошу, позаботьтесь о том, чтоб это письмо было ему отправлено, — попросила она Роберта, складывая лист бумаги и запечатывая его личной печатью. — Я не люблю, когда мною распоряжаются, даже если это мой собственный муж. И не собираюсь рисковать здоровьем будущего ребенка ради потакания мелким прихотям человека, который ведет себя подобным образом!

Роберт взял письмо и улыбнулся, шутливо прищелкнув каблуками в подражание австрийским офицерам, — привычка, которую он приобрел в обществе своей немецкой любовницы.

— Непременно, леди Элджин. Располагайте мной, как вам угодно. Я готов повиноваться вашим приказам.

Как только она увидела его в первый раз — покрытого кровью, с искривленным тельцем маленького воина, хоть единственной его битвой было сражение с ее внутренностями, Мэри поняла, что малыш Уильям отличается от других

ее детей.

Повитуха поднесла его поближе, чтобы Мэри могла рассмотреть ребенка. Несмотря на крайнюю слабость, на боль в глазах, в которых от напряжения полопались капилляры, Мэри сразу поняла, что перед ней свет ее жизни.

— Почему ты плачешь, малыш? — спросила она вслух, улыбаясь ему. — Ведь страдать пришлось мне.

Когда женщина унесла младенца вымыть и запеленать, Мэри ощутила это как потерю и с нетерпением стала ждать, когда ребенок снова окажется у нее на руках и она сможет смотреть на него сколько хочет.

— Какое сегодня число? — спросила она у горничной отеля, пришедшей поменять простыни.

— Сегодня пятое марта, мадам. Восемь с половиной часов утра.

— Пожалуйста, раскройте занавеси, пусть солнце сюда заглянет. Отныне этот день будет для меня самым любимым в году.

Роды продолжались с вечера. Мисс Гослинг, ее служанка, принесла в семь вечера легкий ужин, и не успела Мэри поднести ко рту ложку, как отошли воды и начались схватки. Они продолжались долгих двенадцать часов, вызвав те же страхи и

агонию, что сопровождали и предыдущие роды. В этот раз, может, и более ужасные, потому что она была одинока, без мужа и без близких в чужой стране. Но счастье увидеть умные голубые глаза Уильяма стоило этих страданий.

— Я рада, что сумела тебя родить, — шепнула она малышу, когда его принесли обратно. — Потому что у меня теперь есть ты. Меня зовут Мэри, я графиня Элджин, выросла в Шотландии, в поместье Арчерфилд. Места эти очень красивы, и когда-нибудь ты тоже их полюбишь. Но по рождению своему ты, мальчуган, парижанин и наверняка станешь так же опасно красив, как здешние мужчины. Я это по тебе уже вижу.

Он был прекрасен. Все ее дети отличались красотой, но у этого были преголубые глаза, такие же синие, как вода Эгейского моря в самый погожий летний день, и окаймлены они были длинными черными ресницами. Он уже был розовощеким и пухленьким, нагулявшим жирок в ее утробе на жирных соусах французской кухни. И в отличие от других ее детей он смотрел на мать с выражением самого печального любопытства и так проницательно, будто изучал ее.

Мэри была слишком слаба, чтобы оставить постель, но когда пришла кормилица, она от-

казалась передать ей ребенка. Было известно о вспышке оспы в некоторых районах Парижа, а кто может знать, откуда явилась эта женщина? Мэри немедленно решила отбросить всякие условности и самой выкормить грудным молоком это маленькое чудо.

Как только она смогла сесть в постели, не испытывая боли в нижней части живота, она написала письма своим родителям, леди Элджин и самому Элджину. Мужу она сообщила, что кроме трех турчат у них появился и маленький лягушонок. Она не стала описывать мучения, которые испытала во время родов, хоть быта так же больна и слаба, как после рождения Гарриетт, и не упомянула ни одного из тех вздорных обвинений, что он высказал по поводу ее поведения. Возможно, они улягутся сами собой. Но о том, что решила кормить ребенка сама, она поспешила оповестить всех родных.

Сенсационная информация вызвала бурю гнева и критики со стороны всех, даже доктора, посещавшего ее. Ее родители и мать Элджина были разгневаны таким решением. Она что, не имеет никакого уважения к себе? — спрашивали все заинтересованные стороны. Она писала матери:

Пожалуйста, не брани меня! Ты и так меня

все время ругаешь. Я тут одинока и больна. Все хлопоты, предпринятые мной, имели одну только цель — освобождение моего мужа. И я ровно двенадцать месяцев не видела трех своих деток. Если мне придется выкармливать грудью мое дитя, чтобы сохранить ему жизнь, я пойду на это!

Но ни один из ее адресатов не вел себя более странно, чем Элджин. Его послания были самыми противоречивыми. Иногда он сурово ругал ее за то, что она кормит младенца грудным молоком, подобно простой крестьянке. А иногда слал страстные письма о том, что мечтает прильнуть к ее пышной груди вместе с ребенком. Мысли о сексе и связанных с ним последствиях были в этот момент ее жизни сущим мучением, но Мэри старалась не думать об этом. Конечно, имея четырех здоровых детей, Элджин забудет о страхе лишиться наследника. И поскольку она была очень одинока и в изгнании бесконечно тосковала по своим детям, она изливала свою любовь к ним на младенца. Уильям был единственным утешением и источником радости для нее. Только существование этого ребенка помогало Мэри превозмогать тоску.

— Вам решительно необходим свежий воз-

дух, Мэри, — объявил Роберт одним солнечным утром, подойдя к ее дверям.

Она все еще была бледна и слаба после родов и могла лишь лежать в постели, нянчась с малышом. Дождливая парижская весна и собственная физическая слабость не позволяли Мэри другого времяпрепровождения.

— Да, время вашего заточения подошло к концу, воздух чудесный, за окном июнь и в парках чудо как хорошо. Давайте отправимся на прогулку.

Немного поколебавшись, Мэри оделась сама и одела ребенка. Какое это было удовольствие гулять в парижском парке с Робертом, который знал название каждого цветка, дерева, птиц и даже насекомых! С того дня их прогулки стали ежедневным ритуалом, они совершали их втроем каждый день, если позволяла погода. Мэри казалось, что Роберт проводит целые дни у окна, потому что стоило выглянуть из-за туч солнышку, как он тут же являлся к ней. Эти гулянья продолжались до тех пор, пока одна незнакомая женщина не попросила разрешения взглянуть на ребенка. Когда же она поздравила Роберта с таким красивым сыном, оба — и Мэри, и Роберт — были до того смущены, что не поправили ее.

Несколькими днями позже Роберт объявил,

что уезжает.

— Сэр Джозеф Бэнкс обратился к Бонапарту с просьбой относительно меня, — объяснил он.

Сэр Джозеф был не только учителем Роберта, но и ученым, уважаемым всеми прогрессивными людьми науки независимо от их национальности. Знаменитый ботаник исследовал острова Тихого океана, совершил плавание вместе с капитаном Куком, был директором Королевского ботанического сада, в его честь были названы несколько островов. Король имел о нем самое высокое мнение.

— Мои бумаги готовы, я не должен пренебрегать возможностью вернуться домой.

— Домой?

Мэри понимала, что ведет себя эгоистично, но в эту минуту она могла думать только о том, как изменится ее жизнь после отъезда Роберта.

— Но, мистер Фергюсон, вы не были дома уже много лет.

Она надеялась, что он отметит ту официальность, с которой она к нему обратилась.

— Мне следует уехать, Мэри. Вы понимаете, почему это так, и я не хочу компрометировать вас, указывая причины.

Она продолжала идти, но была так потрясена

его словами, что не понимала, куда направляется. Боялась взглянуть на него, встретить его серьезный взгляд, ожидающий ответа на сказанное. Она хотела отвечать, но опасалась касаться того предмета, что затронул он.

— Я не имею права просить вас остаться. Вы относились ко мне с таким безграничным терпением. Надеюсь лишь, что вы не забудете о лорде Элджине, вернувшись в Шотландию. И мой муж, и я благодарны за ваши усилия.

— Я не смогу забыть о вас, леди Элджин, — сказал Роберт и жестом подозвал проезжающий экипаж. — В отель «Принц Галльский».

Он открыл дверцу и помог сесть ей и ребенку.

Мэри не могла видеть несчастное, потерянное выражение, которое было сейчас на лице Роберта, думать о том, что осталось недосказанным. Он так много сделал для нее. Что было бы с ней, одинокой в чужом городе, без него? Как и чем она может отблагодарить его, не вызвав бурю эмоций — молчаливых, но подлинных, — понятных им обоим?

— Прошу прощения за то, что не могу проводить вас домой. — Он взял ее руку, холодную, дрожащую, и поцеловал ее. — До свидания.

Афины, девятый год тридцатилетнего перемирия со Спартой

Суд над Фидием был откровенным позором, но для него единственным способом внести ясность и доказать свою невиновность. Я не присутствовала на нем. Посещение суда женщиной и так считалось неприличным, мое же присутствие могло оказать подсудимому плохую службу. Меня считали той злобной фурией, что подбила его совершить поступок, в котором он обвинялся. Обвинялся пока не приговором суда, а толками на рыночной площади, где злые слова носились в воздухе вместе с дымом костров и вонью рыбной требухи. По мере того как люди все чаще обсуждали скандальное происшествие, они стали считать виновной в нем меня, а не его. Это я, по их мнению, хотела осквернить храм Афины Парфенос и просила скульптора изобразить мое лицо, и это я, как они считали, пользуясь колдовством и своим влиянием на Перикла, склонила Фидия к согласию удовлетворить мою жажду богохульных действий.

По совету Перикла Фидий и я продолжали

утверждать, что я не позировала для статуи Афины. Наши враги стояли на своем, к тому же они утверждали, что на щите Афины Фидий изобразил себя и Перикла. Делегация избранных магистратов посетила Парфенон, чтоб решить, существует ли подобие между внешностью этих двоих мужчин и изображениями, имеющимися в храме, но была вынуждена признать, что подобие, если и имеется, то крайне незначительное. Так же был решен вопрос и относительно сходства между мной и ликом статуи Афины. Обескураженная Эльпиника, заводила этой эскапады, и ее новый единомышленник, Алкивиад, начали искать другие средства нападения.

Стали множиться слухи о том, что Фидий, работая над статуей, присвоил большое количество золота, и ему вынесли обвинение в расхищении общественных фондов. Суд должен был состояться сегодня, и мы пока понятия не имели о том, какой приговор будет вынесен. Магистраты из палаты мер и весов приказали снять со статуи ее золотой наряд, чтобы они могли определить вес драгоценного металла. Фидий тревожился, не подкупили ли членов суда и не представят ли они ложных данных. Если такое произойдет, могут быть выдвинуты обвинения и в адрес Перикла.

Эльпиника, которую мы встретили на играх на следующий день после пира, высказалась прямо. Эта женщина специально прошла через весь стадион, чтобы оказаться перед нами. Я заметила ее маневр и незаметно подтолкнула Перикла, предупреждая о ее приближении. Тут же я услышала его глубокое учащенное дыхание.

— Ты отправил моего брата в изгнание, Перикл, и я не успокоюсь до тех пор, пока ты не разделишь его судьбу, — произнесла она громко.

Он проигнорировал эти слова, но я подумала, что сила ее гнева так велика, что эта женщина не успокоится, не свершив того или иного акта отмщения.

Но Перикл развеял мои страхи.

— Она уже старуха и помрет прежде, чем добьется того, о чем мечтает.

Это произошло месяц назад. Я так нервничала из-за суда над Фидием, что решилась отправиться к Диотиме и узнать волю богов. Я продолжала отрицать все нечестивые поступки, которые мне приписывали люди, но обвинение в том, что я позировала Фидию, оставалось. После того страшного видения, во время которого мне явилась Немезида со своими чудовищами, я не могла выбросить из головы мысль, что Афина гневается

на меня и намерена наказать за мой проступок. И еще я беспокоилась о Фидии. Оскорбил ли он богов, наделив лик богини моими чертами? Кто может знать что-либо о причинах гнева богов? В лучшем случае мы можем только догадываться о них.

Принесение в жертву ягненка для того, чтобы прочесть будущее по его внутренностям, стоило немалых денег. Я отправила раба на рынок продать некоторые из моих драгоценностей, те, которые не очень любила, понадеявшись, что он не выдаст меня Периклу. Я стала покупать к обеду самые дешевые сорта рыбы и экономила на всем, пока не набрала достаточно денег для визита к жрице. Все это потребовало немало времени, и в течение его Сократ служил связью между нею и мной.

Я была рада, что Диотима не нуждается в моем присутствии при заклании овна. С того дня, как я узнала, что ожидаю ребенка, желудок стал подводить меня. Я почти не ела, но поправлялась как на дрожжах. И мне было ясно, что зрелища жертвоприношения мне не вынести.

Когда мы с Сократом прибыли к храму, нас встретили две девушки и проводили к небольшому алтарю, на котором животных приносили в

жертву. В помещении было темно, витал тяжкий аромат благовоний, дымком курясь в воздухе. Я не могла узнать запах, но желудок мой взбунтовался. Своего овна я не увидела, но что-то похожее на внутренности животного лежало в миске на алтаре. Диотима сидела рядом, глаза ее были закрыты будто в трансе. Девушки указали нам на лавку и молча оставили помещение. Мы сели и принялись ждать, пока жрица откроет глаза и узнает о нашем присутствии. В таком положении мы провели неопределенно долгое время, наконец послышался глубокий вздох и Диотима очнулась.

— Аспасия, я не понимаю причин твоего видения. Афина не мыслит отмщения и не намерена насылать на тебя Немезиду ни за какой из твоих поступков.

В каждом слове жрицы звучала категоричная уверенность. У меня в голове мелькнул вопрос: она настолько уверена в своих интерпретациях или не хочет особенно стараться за ту небольшую плату, что я внесла. Мне было неприятно подозревать в этом жрицу Афины, но ее речь звучала так подчеркнуто безапелляционно, как редко услышишь из уст женщин.

— Но почему в таком случае богиня мне посла-

ла тот сон?

— Этого я не знаю. Внутренности овна, что ты мне переслала, пребывали в полном порядке. Печень розовая и здоровая. Нигде никаких наростов или отеков. Возможно, это беременность вызвала у тебя странные видения. Могу сказать, что ты не первая женщина, с которой такое приключилось, меня тоже преследовали плохие приметы, когда я носила своего сына.

— Ты была замужем?

— Да. Мой муж был афинянином. Я прибыла в Афины задолго до того, как Перикл издал закон, который теперь препятствует тебе стать ему женой. Если б мой муж не был гражданином Афин, я не смогла бы, овдовев, занять высокий пост жрицы и, возможно, мне пришлось бы оказаться в твоем положении куртизанки. Странно, как сильно зависят человеческие судьбы от таких случайностей.

— Она никогда не ошибается, Аспасия, — подтвердил Сократ.

— Друг мой, откуда твоя уверенность? Ведь ты всегда говоришь, что уверен только в том, что ни в чем не уверен.

К собственному удивлению, я услышала в собственном голосе нотку сарказма. Я не соби-

ралась нападать на своего друга и определенно не стремилась услышать от Диотимы плохие предсказания, но мне не хотелось чувствовать себя обманутой.

— Объясню. У меня нет уверенности в том, что мне известно, но у меня есть уверенность в том, что известно Диотиме, и в ее возможностях.

Очевидно, ему были неприятны мои сомнения в его наставнице.

— Значит, если я правильно поняла, — снова обратилась я к жрице, — меня не ждет наказание?

— Ты не оскорбляла богов, поэтому не будешь за это наказана. Так сказало мне гадание.

Снова этот официальный тон. Отчего он мне так неприятен? Не похожа ли я в этом на тех мужчин, которые критикуют меня? Может, он мне тем и противен, что исходит из женских уст?

Диотима выплеснула на алтарь часть содержимого миски.

— Смотри сюда, Аспасия, чтоб ты больше не сомневалась во мне. Видишь эти органы? Они розовые, нормального строения и не имеют изъянов.

Я притворилась, что смотрю на алтарь, но сама постаралась отвести взгляд, так как понимала, что мне станет плохо, если увижу это кровавое

зрелище.

— В них, правда, есть одна странность, но это не имеет к тебе отношения.

Я вопросительно взглянула на нее. Это гадание производится для меня, а так как и заплатила за него я, мне следует знать все, что оно предсказывает.

— Скажи мне обо всем.

— У этого овна было только одно яичко. Это ненормально.

— И что же это означает?

— Хм. Это означает, что будет наказан тот, кто нанес оскорбление храму и богине, но не ты. Наказан должен быть мужчина.

— Фидий? — ахнула я.

Того, что скульптор может быть наказан за наш с ним проступок, я тоже страшилась.

— Нет, — рассеянно бросила Диотима. — Он тоже хотел знать волю богов, принес жертву, и мы читали по ней. Он разве не сказал? Возможно, просто не хотел пугать тебя. Намерения его — украсить храм в честь богини как можно лучше — похвальны. Афина довольна им, и я думаю, что сейчас она присутствует на суде и может склонить судей решить дело в его пользу. Мне был предсказан благоприятный исход дела.

— Тогда, наверное, это Перикл. Не говори мне, что это предсказание имеет отношение к несчастью с ним.

— Перикл в добрых отношениях с богиней. Она ценит храм, который он велел воздвигнуть в ее честь на Акрополе.

Я видела, что Диотиме стало скучно с нами, вернее со мной. Мудрецы таковы, я замечала это и прежде. Мы — те, кто помоложе и ищет их мудрости, — утомляем их своим нетерпением и невежеством.

— Не могла бы ты рассказать мне побольше об этом, чтоб я перестала тревожиться?

— Но я уж и не знаю, что еще сказать тебе, Аспасия. Я ведь занимаюсь не тем, что вношу в души людей успокоение. Тот, кто оскорбил Афину, будет наказан. Обязательно. Как произошло, к примеру, с персами после того, как они разрушили ее храм. Богиня не преминет наслать кару на провинившегося. Она определяет наказание и посылает Немезиду совершить его. Я не знаю, зачем она послала тебе видение, но оно было от нее, и ты правильно поступила, решив узнать, что оно означает для тебя и твоих близких. Я не знаю и того, почему богиня так таит свое решение, но кто мы такие, чтоб выспрашивать богов?

Кто-то — мне известно, что это мужчина, — должен понести кару за вопиющее оскорбление, нанесенное богине, но Афина не раскрывает дальнейшее. Я бы посоветовала тебе не пытаться узнать слишком много. Удовлетворись тем, что ни тебя, ни твоего возлюбленного не ждет кара.

Диотима встала, давая понять, что время нашего пребывания с ней в храме истекло. Когда мы уже направлялись к дверям, я обернулась и спросила, что же станет с жертвенным овном.

— Слуги приготовят мне его на обед, — равнодушно ответила она и отвернулась.

Я не видела своей сестры и ее мужа с самого дня Панафиней и большой процессии. Но после результатов гаданий, объявленных мне Диотимой, я почувствовала себя до того счастливой, что решила заглянуть к ним по пути домой. Встречи лицом к лицу с Алкивиадом я побаивалась после того, как он побывал у нас на пиру, но сегодня мне хотелось поделиться с сестрой хорошей новостью. О своей беременности я еще никому не рассказывала, даже Периклу, и меня, выросшую без матери, тянуло сообщить об этом той, что воспитала меня, а не мужчине, виновнику происшедшего. Кроме того, я не сомневалась, что в это время Алкивиад, как и другие старики, сидит

в зале суда, вынюхивая сплетни.

Вернувшись после изгнания, он поселился в доме, где жили другие члены его семьи: мать, одна из ее овдовевших сестер, несколько других родственниц. Дети наиболее молодых из них бегали по двору вместе с детьми Каллиопы. Мне тотчас же вспомнилась радость, которую я почувствовала, когда Перикл привел меня к себе. Хоть я не считала его дом своим и не была уверена, что Перикл захочет меня держать у себя долгое время, а не выставит, когда я ему надоем, но, по крайней мере, в этом спокойном жилище я могла отдаться чтению, письму, размышлениям.

Две служанки были заняты во дворе тем, что ссыпали золу из очага под некоторые из садовых деревьев, чтобы те лучше плодоносили. Они подняли головы при моем появлении.

— Пожалуйста, сообщите моей сестре, что я пришла навестить ее, — велела я.

Обе поспешили в дом. Обычная повадка прислуги отлынивать от работы, как бы легка она ни была, иначе зачем им обеим отправляться по моему незначительному поручению. Некоторое время не появлялись ни они, ни Каллиопа. Я продолжала ждать, когда услышала недовольный голос Алкивиада.

— Где эта женщина? У нее еще хватает наглости являться в дом, где живут порядочные женщины?

Его крики напомнили мне лай старой собаки, которая, не осмеливаясь напасть, только рычит на прохожих. Он, видно, как раз обедал, потому что появился во дворе, держа в руке ломоть хлеба. И пошел на меня, размахивая им, словно оружием.

— Забудь дорогу в этот дом! Тебе не удастся совратить мою жену, как ты совращаешь других женщин в Афинах.

Он даже внешне походил на тех шелудивых псов, что шляются по рынку.

— Что за бессмысленности ты несешь, Алкивиад? — спокойно спросила я. — Я пришла к своей сестре, которую люблю. И которая, я знаю, рада меня видеть.

Каллиопа выбежала из дверей и ухватила мужа за руку. Алкивиад выронил хлеб.

— Видишь, что из-за тебя получилось? — набросился он на нее. — Подбери и ступай обратно в дом. Я говорю с Аспасией.

— Но она пришла ко мне!

Во дворе стали появляться подгоняемые любопытством женщины и прислужницы, желавшие

узнать, что происходит.

— Может, и пришла, но ты ее больше не увидишь! — завопил Алкивиад, пытаясь стряхнуть с себя ее руки.

Она отпрянула, и я побоялась, что он на нее сейчас набросится.

— Иди в дом, Каллиопа, — попросила я. — Я сама поговорю с Алкивиадом. Все будет хорошо.

Она направилась в дом и увела за собой других женщин. Когда мы остались вдвоем, Алкивиад повернулся ко мне и рявкнул:

— Я своими глазами видел происходившее у Перикла. Никогда не сомневался в том, что ты скандалистка, но не думал, что дойдешь до того, что станешь заманивать в свои сети порядочных женщин!

— Объяснись, пожалуйста. Я откровенно не понимаю того, что ты говоришь. В своем ты уме или потерял его окончательно, как я и ожидала? Или это с тобой просто от старости?

Он явно хотел ударить меня, но, видимо, побоялся, что потом придется иметь дело с Периклом.

— Ты затащила к себе замужних женщин, чтобы они ублажали твоего Перикла. Фидий наворовал для него золота, а ты водишь к нему женщин. Все Афины только тем и заняты, что

ублаготворяют твоего любовника. Но этому возмутительному порядку надо положить конец.

— Из того немногого, что видел, ты раздул целую историю. Никаких женщин я никуда не затаскивала. И при чем тут Перикл? Он спал у себя в комнате, устав от гостей.

Неужели мне в самом деле нужно опровергать его идиотские фантазии, чтоб увидеться со своей сестрой?

— Послушай, я пришла, чтоб поговорить с Каллиопой по личному делу. Оно действительно сугубо личное, не для мужских ушей. Можешь не беспокоить себя из-за наших незначительных разговоров.

Я изо всех сил старалась умиротворить его, чтобы перемолвиться парой слов с сестрой и пойти домой, но он не сдавался.

— Ты напоила несчастных женщин, они потеряли осторожность, а потом подстроила разные прелюбодеяния, чтоб возбудить их и готовеньких отправить к Периклу. Некоторые из твоих гостей могут подтвердить мои слова. Ты отвратительна, и меня не удивляет, что ты не можешь удовлетворить Перикла и он идет к другим. Что нормальный мужчина может найти в такой, как ты? И чтоб больше ты сюда не являлась, Аспасия.

Мы сыты твоим присутствием по горло.

Его обвинения были так чудовищны, что я не могла отвечать. Мне захотелось поскорей отправиться домой и спокойно все обдумать. Но неужели он навсегда запретит Каллиопе видеться со мной? На всю жизнь? Мне не хотелось раздражать его еще больше, тем самым навлекая неприятности на сестру. Я знала, как груб он с ней, может, ей придется заплатить синяками за нашу с ним ссору. Лучше подождать, пока его раздражение уляжется. Возможно, через несколько недель я смогу ее увидеть.

Но один вопрос мне задать Алкивиаду все-таки нужно, ведь я не ожидала, что в этот день он окажется дома.

— Почему ты тут, а не наслаждаешься судом над Фидием?

— Суд окончен, — фыркнул он. — Он не затянулся.

— И какое решение вынесено?

— Я не стану удовлетворять твое любопытство. Сама можешь разузнать, если захочешь, Аспасия. Но одно я тебе скажу. Тебе не отделаться так легко. Если дать тебе волю, ты все Афины перевернешь вверх дном. Ты осквернила храм богини. Ты осквернила афинских женщин. Ты грязная

баба, Аспасия. И чтоб больше не показывалась в моем доме!

Прощание с Фидием — он уезжал через несколько дней после суда над ним — было для меня невыносимо грустным. Когда магистраты собрали золото со статуи Афины и взвесили его, результаты проверки подтвердили невиновность скульптора. Но обвинители пытались оспорить их, утверждая, что он подмешал в золото примесей.

— Боюсь, что Фидию предстоит еще один суд, — сказал мне Перикл в тот вечер, когда был вынесен вердикт. — Это Афины, а здесь больше всего любят преследовать судами именитых горожан. Оправдание Фидия ничего не значит в глазах его противников. Я решил отослать его в Олимпию, чтоб он изваял для храма еще одну колоссальную статую, на этот раз статую Зевса. Разумеется, нам будет его не хватать, но это для его же пользы.

Стоило Периклу принять какое-либо решение, как ничто на свете не могло заставить его передумать.

— Это и мне пойдет на пользу?

Я подозревала, что, высылая Фидия, Перикл пытается защитить меня. Если скульптора привлекут ко второму суду за неуважение к богам, то

первым делом всплывет мое имя.

— Да, и тебе тоже. Мы с Фидием это уже обсудили, конечно, он не слишком рад оставить Афины, но мое решение признал правильным. Он попросил тебя зайти к нему до его отъезда, чтобы попрощаться.

Придя на следующий день, я нашла Фидия в его мастерской занятым сборами.

— Разве ты недоволен таким выгодным заказом, Фидий? — спросила я.

— Но меня вынуждают расстаться с городом, который я сам выстроил. В этом есть немалая доля иронии, не находишь?

— Но, как мы уже признали, боги по природе своей насмешливы. И чтоб убедиться в этом, необязательно слушать театральные трагедии.

— Бога насмехаются надо мой, Аспасия, — горько продолжал он, — Посмотри на Агоракрития.

Его молодой любовник стоял, окруженный другими учениками Фидия, и с увлечением демонстрировал свои рисунки.

— Он так счастлив, что я поручил ему работу над статуей Немезиды, что и не думает о предстоящей разлуке со мной.

Я взглянула на рисунки, которые Агоракритий показывал молодым людям — будущим его

помощникам в предстоящей работе. Каждый в Афинах с нетерпением хотел увидеть статую, изваянную Фидием из огромной колонны паросского мрамора, который самонадеянные персы привезли с собой в Марафон. Они собирались воздвигнуть там трофей в честь своей победы над греками, теперь же огромная статуя Немезиды, богини мщения, будет находиться в ее храме, стоящем на побережье, недалеко от места битвы.

— Не можешь же ты успевать везде.

Я, конечно, понимала, что Фидий испытывает сожаление не из-за того, что упускает интересный заказ, а оттого, что любовник больше заинтересован его поручением, чем его ласками. Но чего иного ждут эти стареющие мужчины, когда приглашают к себе в постель молодых честолюбцев?

— Должна тебе сказать, — продолжала я, — что рисунок, который он держит в руках, ничуть не напоминает Немезиду.

На рисунке была изображена строгая женщина, держащая в руке ветвь яблони. Ни следа крыльев, ни следа страшных чудищ на колеснице, лишь корона на голове с рельефом, изображающим оленя и богиню победы.

— У меня было видение, в котором явилась Немезида. Лицо ее пугало, за спиной распростерлись

огромные крылья, а по сторонам от нее я видела грифонов, чудищ, которые исполняют ее повеления, как она исполняет повеления Афины.

— Агоракритий, подойди к нам! — Фидий будто обрадовался возможности еще раз обратиться к своему любовнику. — Аспасия рассказала мне о своем видении, и она говорит, что твой рисунок не подходит для образа богини мщения. Расскажи ему, Аспасия, какой ты видела богиню.

Я сказала молодому скульптору, что такой авторитет, как Диотима, узнал в моем видении богиню мщения. Когда я подробно описала, как выглядела богиня, он улыбнулся.

— Не сомневаюсь, что твое описание соответствует ее образу, Аспасия. Но никто не захочет, чтобы такие деньги были потрачены на создание уродливого или устрашающего изображения.

— Как же люди станут бояться мести богов, если сама Немезида выглядит совершенно безвредной? Как это сочетается одно с другим?

— Чтоб не оскорбить богиню, я вот что тебе могу пообещать. Где-нибудь в храме я помещу ее образ, вылепленный в полном согласии с твоим рассказом. Я даже могу представить сделанные наброски на суд Диотимы. Но главная статуя богини мщения, та, которая будет находиться в

своем святилище у моря, должна соответствовать как красоте самого храма, так и красоте окружающей природы. Ты согласен со мной, Фидий?

— Да, — довольно безразлично промолвил тот. — Вижу, ты хорошо запомнил мои уроки.

Агоракритий поцеловал знаменитого художника в щеку — таким поцелуем он мог бы одарить и престарелую родственницу — и вернулся к ожидавшей его молодежи.

— Итак, факел ты передал. Послушай, Фидий, но ты ведь радовался и его помощи в работе, и его ласкам в своей постели, чем ты недоволен? Не ожидала от тебя такой чувствительности.

Он вздохнул.

— Думаю, ты права. Но дело в том, что мне не хочется оставлять Афины, пока моя работа не закончена. Парфенон — мой подлинный шедевр, я знаю, но я замыслил нечто еще более радикальное. Однако боюсь, что плодов своего замысла мне не суждено увидеть.

Он развернул на столе подробный чертеж здания.

— В этом храме будут находиться самые священные из изображений богов. Он заменит собой как старое святилище Афины Полиады, так и храм, в котором хранится фигура богини, выточенная

из оливкового дерева. Он даже будет включать в себя утес, по которому ударил Прометей в своем споре с Афиной, и та священная олива, которую она вызвала из земли.

Здание, изображенное им, не походило ни на одно другое. Этаж громоздился на этаж, огромные залы сменяли один другой, весь храм был украшен многочисленными фризами и рельефами. На мой взгляд, он был прекрасен, но в сравнении с торжественным Парфеноном казался слишком броским.

— Ты узнаешь алтарь? — спросил у меня Фидий.

— О чем ты?

— Да ведь именно здесь шло жертвоприношение в честь Пандросос, когда ты упала в обморок. Эту часть храма я выстрою на том же священном месте. И весь он будет назван Эрехтейоном, в честь Эрехтея, первого существа, рожденного на земле Афин. Храм будет воздвигнут на том самом месте, где богиня спустилась с небес для спора с Посейдоном и где она сбросила на землю семя отвергнутого Гефеста. Это будет самый прекрасный и самый священный из храмов на земле. Я мечтаю только о том, чтоб увидеть его.

— Конечно, ты увидишь его, Фидий. Ты же не в

Аид собираешься, а всего лишь в Олимпию.

— Это так, но своими глазами наблюдать за тем, как задуманное тобой претворяется в жизнь, — совсем другое дело. Этот проект — воплощение самых дерзких моих планов, и я надеюсь, что строители будут следовать им, а не соблазнятся более легкими путями.

Я указала на строй торжественных и строгих женских фигур, поддерживавших портик с одной стороны храма.

— Кто они, эти женщины?

— Кариатиды. Это мой шедевр. Разве они не прекрасны? Для меня они олицетворение тех женщин, чья ноша тяжела, тех, кто несет позор несправедливых обвинений.

Он провел рукой по моему лбу и поцеловал его. И вдруг я заплакала. По возрасту Фидий мог быть моим отцом, а я так долго была лишена отцовской заботы.

— Прошу, не лей слез, лучше следуй моему примеру. Я позволяю себе лишь слегка нахмуриться, когда печаль разрывает мне грудь.

— Позволь мне рассказать тебе новость, которая может развеселить тебя? — спросила я.

— Попытайся.

Он не сводил взгляда со своего торжествую-

щего ученика. Толпа, окружавшая Агоракрития, росла, и так же росло его удовольствие. Он будет хорошим вожаком этих людей, подумала я, но не имела жестокости сказать это Фидию.

— У меня скоро родится ребенок.

Что в этом известии вселяет радость? В первый раз за время нашей беседы на лице Фидия мелькнуло подобие улыбки.

— Как бы я хотел вылепить тебя, когда твой живот станет огромным!

— Фидий, это было б скандалом. Ты самый настоящий нечестивец, точно как я. Лепить статую гулящей девки с ее незаконным выродком! Вот уж когда б языки заработали.

— А что говорит будущий отец?

— Он еще ничего не знает. Жду подходящего момента, чтоб сообщить ему новость.

— Тогда не медли, Аспасия. — Фидий едва не вытолкнул меня из мастерской. — Перикл не должен больше ждать ни минуты. Пусть поскорей услышит эту великолепную новость.

По правде говоря, я боялась рассказывать Периклу о своей беременности. Со временем он простил мне, что я позировала для статуи Афины, и теперь мы шутливо называли мой проступок «маленькая неосторожность». Перикл понял,

что ни я, ни Фидий не хотели плохого, и считал поднятый вокруг этого события шум смешным. Тем не менее враги его были многочисленны, и он вовсе не стремился давать им повод разжечь против него общественную ненависть.

К тому ж ребенок, которого я носила, был незаконным, а значит, судьба его целиком зависела от доброй воли его отца. Как и я сама, ребенок будет находиться в полной власти Перикла. Конечно, привязанность такого надежного человека внушала доверие, но у многих других она оказывалась всего лишь капризом. И я, и ребенок не имели легального положения в Афинах. Такова была правда. Мне оставалось лишь молиться богам о том, чтобы любовь Перикла ко мне распространилась и на то маленькое существо, которое зрело во мне.

Что будет, если родится девочка? Тысячи молитв вознесла я, чтобы этого не случилось. Отцы обычно больше расположены признать побочного сына, чем дочь. Незаконнорожденную, не имеющую ни семьи, ни защиты, ожидали жестокая судьба и тяжелые испытания. Они были неисчислимы, и именно о них были самые горькие мои думы.

Перикл уже вернулся, когда я пришла после

свидания с Фидием.

— Странно видеть тебя дома в такой ранний час, — сказала я.

Обычно дела задерживали его в совете до позднего вечера.

— Ты видела Фидия? Каким ты его нашла?

Вопрос прозвучал довольно прохладно, и я догадалась, что Перикл чем-то расстроен.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что Фидий не слишком доволен моим предложением, — объяснил он. — Ему не понравилась мысль об отъезде, вот почему я спрашиваю.

— Он больше озабочен разлукой со своим прекрасным Адонисом, как он зовет своего любовника. Конечно, его переполняют сожаления, но их он переживет. Уверена, что юноши в Олимпии красивы не меньше, чем Агоракритий.

— Думаю, они даже красивее. О нашем Фидии найдется кому позаботиться.

— Тебя что-то тревожит? — спросила я.

Недавно спартанцы подняли шум по поводу того, что Перикл заключил союзы с правителями земель, которые они полагали своими. Эта забота тяжелым грузом лежала на плечах Перикла.

Сейчас его лоб оставался нахмуренным, углы

рта были скорбно опущены.

— Я собирался пощадить тебя и не рассказывать об этом деле, пока не сумею управиться с ним.

— О чем ты говоришь? Ты не собираешься опять уйти?

Мне так надоели долгие месяцы одиночества и беспокойства, пока Перикл отсутствовал, командуя войсками, сражавшимися с Самосом. И я не хотела вновь испытывать это чувство теперь, ожидая ребенка. Кроме того, какие еще оскорбления мне придется услышать, когда моя беременность станет очевидна?

— Сегодня до меня дошли кое-какие сведения. Надеюсь, они окажутся неправдой, хоть боюсь, что это не так.

— Что же это за сведения?

Я уже слышала столько глупостей в свой адрес, что считала себя подготовленной ко всему, что бы ни сказал Перикл.

— Мне сообщили, что этот зловредный выродок, комический поэтишка Гермипп, возвел на тебя поклеп.

— Какого рода?

— Он, как ты, может быть, знаешь, является другом Эльпиники и Алкивиада, да и многих других, кому не по нраву моя политика. Этот человек

даже приобрел известность благодаря тому, что высмеивает меня в своих плохих стишках. Он обвиняет тебя в оскорблении богини и совращении афинских женщин. Последнее заключается в том, что якобы ты склоняла их заниматься проституцией.

Я не знала, как и ответить на это, только стояла, неловко опустив руки, словно поломанная кукла, что продается по дешевке на рынке.

— Мы справимся, Аспасия. Я не допущу, чтоб это тебя коснулось.

Я прижалась головой к его груди, мною владела такая слабость, что я не могла даже плакать.

— Но это уже коснулось меня, милый. Об этом уже давно болтают.

Помолчав и набравшись смелости, я добавила:

— Перикл, я жду ребенка.

Он не ответил, лишь с огромным удивлением смотрел на меня.

— Тебе нечего сказать?

Перикл продолжал молчать, но его молчание не было похоже на недоверие. Я видела его примерно таким же, когда ему приходилось взвешивать все «за» и «против» в ходе спора или же тогда, когда неожиданный вопрос застигал его врасплох.

— Ты не рад?

— Конечно же рад, Аспасия. Настоящий подарок богов.

— Тогда почему ты даже не обнимешь меня?

Сама я тоже не пошевелилась, меня обидело его равнодушие и невозмутимость в такой момент.

— Потому что ты и вправду поразила меня. Причем за сегодня это уже второй случай.

Эти слова были так же мне неприятны, и я захотела обидеть его в ответ.

— Если родится девочка, мы отдадим ее в приют?

— Ты в своем уме? Как тебе могло такое прийти в голову?

— Мне известно, как тяжела судьба незаконнорожденной девочки. И я не хочу отдавать свою любовь и заботы существу, которое, быть может, изгонят из отчего дома и отправят в бордель.

Сначала я говорила спокойно, но потом слова стали вылетать изо рта вперемешку с рыданиями.

Перикл заключил меня в объятия.

— Ты считаешь, я способен на такое по отношению к собственной дочери?

— Нет, ты — нет. Но если с тобой что-нибудь случится, ни ей, ни мне не к кому будет обратить-

ся за помощью.

Он повел меня в нашу маленькую столовую, уложил на ложе, укрыл покрывалами и присел рядом. Принялся успокаивать меня, гладя по голове, будто я была маленькой, а потом сказал:

— Я не позволю случиться тому, о чем ты сейчас говорила. Можешь не бояться ни за себя, ни за будущего ребенка. А теперь выброси из головы эти глупости, Аспасия, и стань вновь тем разумным мыслителем, каким я привык тебя видеть.

— Я не только мыслитель, я еще и человек.

Но меня саму смутил этот взрыв эмоций, и, чтобы справиться с ним, я напомнила себе, что мне, будущей матери, предстоит явиться на суд афинян, людей, у которых уже сложилось мнение обо мне как о распутнице.

— Мы найдем способ справиться с этими неприятностями. Если мои враги думают, что, нападая на тебя, они расправятся со мной, они просчитаются.

— Но ты же отослал Фидия. Что, если они сумеют убедить тебя в том, что так же следует поступить и со мной?

— Если предпримут попытку разлучить нас, я возьму на себя роль Ахилла. И, начнись война со Спартой, буду оставаться у себя, пока мне не

вернут мою женщину.

Франция и Англия, 1805–1806 годы

— Ангел ты мой дорогой, я прошу у тебя прощения, — говорил Элджин Мэри, когда они встретились в По.

Он взял сына из рук жены, расцеловал его лоб и щечки.

— Роберт Фергюсон — это самый преданный друг, которого можно только желать. Мне следует написать ему и поблагодарить за доброту по отношению к тебе. Я сделаю все возможное, чтобы загладить свою жестокость.

— Ты сильно обидел меня, — ответила Мэри. — Ведь я заботилась только о твоей свободе.

— Мэри, ты даже не можешь вообразить, с какой бесчеловечной жестокостью со мной обращались. И на какие только меры ни пускались французские тюремщики, чтоб заставить меня заявить, будто я явился во Францию в качестве английского шпиона.

Недостаток сна на протяжении многих недель, бесчеловечные условия заключения, отсутствие медицинского ухода при всех его немощах, жестокие письма от матери и английских сплетников, вмешивавшихся в их жизнь и сообщавших ему

о том, что Мэри предается в Париже светским развлечениям, о том, что ее видят в обществе мужчин — свободных, красивых, оказывающих ей всевозможные знаки внимания, — все эти обстоятельства заставили его накинуться с упреками на свою драгоценную жену.

— Я словно был не в своем уме. Надеюсь, ты поймешь это и простишь меня.

Мэри растрогали его страдания и раскаяние. Она напоминала себе о чертах, которые так любила в муже и которыми восхищалась, но разжечь былую привязанность было нелегко. Она могла простить его обвинения сейчас, когда поняла глубину его физических и нравственных страданий, но до сих пор гневные слова, которыми он осыпал ее в своих длинных, бесконечных письмах, звучали в памяти. Для ее холодности была еще одна причина — Элджин словно превратился в другого человека. Его здоровье сильно пошатнулось, и теперь он чувствовал себя как никогда плохо. Мэри вспомнила прочитанное ею у Фукидида[61], древнего историка, описание страшных симптомов чумы и терзалась мыслью, что Элджин заразился ею в лурдской темнице. Все они были налицо:

[61] notes: 61

Фукидид (460–400 г. до н. э.) — древнегреческий историк. Его труд о Пелопоннесской войне считается образцом античной историографии.

лихорадка, постоянная жажда, повышенная раздражительность, воспаленные нарывы, изъязвления, дурной запах изо рта, непереносимое зловоние его тела. И наряду с этими симптомами другие: жар в голове, лихорадочно блестевшие глаза, приступы кашля, спазмы, пустулы на теле и ощущение зуда такой интенсивности, что он не мог переносить даже прикосновения к коже одежды или постельного белья. Стыдясь собственных подозрений, она спросила все-таки у доктора, не мог ли муж заразиться чумой. Но тот заверил, что, хоть ее муж очень болен, причина его хворей кроется в другом.

Ужасное физическое состояние, в котором находился Элджин, отталкивало ее, но в то же время вызывало сочувствие. Избавившись от своих мучителей, он вновь обрел повадки джентльмена. Они вернулись в По, целительные источники которого так помогли ему в прошлом, и здоровье его постепенно стало улучшаться. Убедив себя в том, что внешний вид — это еще не весь человек, Мэри позволила мужу возобновить интимные отношения. Не его вина, в конце концов, что он страдает от болезни, так изуродовавшей его облик. Этого человека подвергли пыткам, по крайней мере нравственным, а он нашел в себе

силы остаться настоящим патриотом. Когда его вид становился ей особенно неприятен, она напоминала себе о благородном характере мужа и это будило в ней сочувствие.

В их жизни наступили спокойные времена. Мэри целиком погрузилась в домашние заботы. Она научилась вышивать, чтобы занять себя в те часы, когда Уильям спал, все остальное время она отдавала заботам о ребенке. Малышу не исполнилось еще и года, но она была убеждена, что он понимает правила игры в покер. Благодаря ее стараниям он довольно быстро научился пользоваться собственной ложкой. В ходе этой учебы была пролита не одна тарелка супа, но Мэри это не тревожило. Его ежедневные успехи восхищали ее, но ничто не было для нее более приятным, чем кормление малыша грудью. Она прижимала к себе его и любовалась тем, как он ест. Почему женщины отказывают себе в этой радости? Почему эти восхитительные минуты подлинной близости между матерью и ребенком они отдают кормилицам, которым может быть глубоко безразлично здоровье малыша? Если б она знала, как приятно проявлять таким образом заботу о ребенке, она непременно выкормила бы самостоятельно всех своих детей.

Уильям казался сообразительнее, чем другие, благодаря вниманию, которое она уделяла ему. Задолго до того, как ему исполнился год, он уже топал по комнате и хлопал в ладоши в такт песне. Его первым словом было не «мама» и не «папа», а «ищи!», которое он произносил, вставая и поднимая вверх пальчик, чем сильно напоминал статую.

— Ты только посмотри! — однажды обратилась Мэри к Элджину, когда он возвратился домой после ванн.

Уильям сидел на высоком стульчике, перед ребенком были разложены кусочки яблока. Мэри наклонилась над сыном и заглянула ему в глаза.

— Embrassez-moi, monsieur[62], — произнесла она, и в ответ ребенок подставил ей для поцелуя свои красные губы.

— Ну разве он не совершенство?

— Если б это был не мой сын, я бы завидовал его способности привлечь внимание матери!

Элджин сел за стол и стал вскрывать доставленные в его отсутствие письма.

— Взгляни, Мэри! — неожиданно воскликнул он. — Господи, да он уже разделался со своим

---

[62] notes: 62
Обнимите меня, господин *(фр.)*.

прежним статусом!

Элджин показал Мэри послание, отправленное из канцелярии Наполеона, украшенное теперь печатью с большой короной и гласившее «от Императора». Несколько месяцев назад Бонапарт — когда-то человек, преданный революции, — возложил на себя этот титул.

— Кажется, объявив себя императором, он стал и более великодушным. Наконец-то мною получено разрешение вернуться в Париж.

— Тебе не кажется, что это может оказаться шагом к нашему возвращению домой?

Мэри не хотела тешить себя несбыточными надеждами, ибо Наполеону случалось разочаровать их прежде, но мысль о возвращении нелегко было отбросить.

— Только подумай, Элджин. Наши старшие, турчата, будут играть с лягушонком.

— Пока рано судить о том, намерен ли он выдать нам дорожные паспорта. Но вернуться домой сейчас было б прекрасно, ведь как раз на днях должен прибыть первый груз из Греции. Корабль пришвартуется в доках Ост-Индийской компании в лондонском порту. Я уже неоднократно писал матери о том, что желательно устроить выставку мраморов, но она сочла это

«недостойным предпринимательством». Об этих вещах мне следовало б заботиться самому.

— Возможно, ей просто не по силам такое предприятие.

Мэри не имела никакого желания защищать свекровь после того вздора, который она, основываясь на злобных сплетнях, сообщала в своих письмах сыну и который вызвал такие неприятности. Но кто лучше ее, Мэри, знал о том, какая тягота нести заботы о коллекции Элджина.

— К тому же она уже очень и очень в годах.

— Да, ты права. Но тем больше оснований использовать неожиданную возможность, предоставленную нам Наполеоном, и отправиться не мешкая. Его величество император может легко сменить милость на гнев.

Мэри потребовалось совсем немного времени, чтобы упаковать все хозяйство и сняться с места. Первый день рождения Уильяма они провели уже в дороге, минуя на своем пути Тулузу, Монпелье и Ним. В Париж они прибыли первого апреля, и в тот же день ребенок подхватил лихорадку. Мэри не встревожилась, такая же лихорадка случилась у него, когда резались первые зубки. Она нянчилась с малышом неделю, заботясь о нем и не отпуская доктора. Ей уже казалось, что

ребенок стал поправляться, но однажды ночью у него вдруг случились конвульсии, дыхание его внезапно пресеклось. И никакие старания доктора ил и ее самой не смогли вернуть дитя к жизни. Било полночь, когда она держала на руках бездыханное тельце сына и никогда больше Мэри не могла забыть звон колоколов, который показался ей погребальным.

Уильям — крохотный, умненький, прекрасный Уильям — умер, смерть навсегда разлучила ее с ним.

Это произошло слишком быстро. Внезапный удар судьбы, нанесенный с такой жестокостью и быстротой, отнял у нее то единственное, чем она дорожила. Каждый человек испытывает страдания на своем жизненном пути, но почему на некоторых людей эти страдания обрушиваются все сразу, будто Господь спешит осыпать несчастного ударами, предназначенными ему в жизни? Она так давно лишена родного дома, столько лет не виделась с родными, оторвана от собственных детей, а теперь умерло ее дорогое чадо.

Со смертью Уильяма воля к жизни покинула Мэри.

— Я полюбила его в ту самую минуту, когда он появился на свет, — говорила она Элджину. — По-

чему он ушел и оставил меня здесь?

Элджин, погруженный в собственное горе, мало чем мог утешить ее.

— Оказывается, этот негодяй Наполеон еще не удовлетворен теми мучениями, которые мне пришлось перенести. Он ответил отказом на мою просьбу разрешить нам отъезд в Шотландию, чтобы мы могли похоронить нашего малыша. Но такое разрешение он даровал тебе.

В устремленном на нее взгляде Элджина сквозило подозрение.

— С чего это он дает его тебе, а не мне? Пытается посеять между нами рознь?

— О господи, ты, надеюсь, не думаешь, что я влюблена в Наполеона? — не веря своим ушам, воскликнула она.

Он не ответил, но продолжал смотреть на нее зло прищуренными глазами.

— Или, вернее, он в меня?

— Нет, Мэри, конечно же нет, — голос его звучал мягко, — просто мне кажется, что в такой момент нам не следует разлучаться.

— Но кто же возьмет на себя хлопоты по перевозке тела Уильяма? Кто проследит за его похоронами? Ты же, конечно, не согласишься похоронить нашего сына во Франции?

— Разумеется, нет. Но мне не разрешено оставить эту страну, а я не выживу здесь в одиночестве.

— Что же нам делать?

Она испугалась, что у нее начнется истерика. Она не сможет жить, если ее ребенок не будет по всем правилам похоронен в родной земле.

— Пришло письмо от Роберта Фергюсона, в котором он выражает нам свои соболезнования, — продолжал Элджин. — Он сейчас в Париже, его привели сюда дела, и предлагает нам свою помощь.

Не прошло и часа после того, как Мэри и Элджин отправили ему письмо, а Роберт уже прибыл в их временное жилище. Печальный и полный сочувствия, он предложил отвезти тело Уильяма в Шотландию, где оно должно быть погребено в фамильном склепе Элджинов.

За этим он обещал присмотреть.

Мэри купила для Уильяма матросский костюмчик, а к нему шерстяные штанишки и сама вышила на куртке его инициалы. Зачем, она и сама не понимала, но ей это казалось самым важным. Она разрешила работникам похоронной службы обрядить маленькое тельце, но настояла на том, чтобы оно было завернуто в любимое

одеяло, подаренное ей, когда она сама была еще ребенком. Затем любящими материнскими руками уложила его в маленький дубовый гробик, в котором ребенка должны были переправить на родину. Но когда Мэри увидела экипаж, нанятый Робертом, она зарыдала.

— Его не следует везти, будто это чемодан с обычной поклажей!

Элджин пытался успокоить ее, но все было тщетно. Она рыдала до тех пор, пока Роберт не добился разрешения возницы оставить гробик внутри экипажа, пока они не прибудут к парому. Из Саутгемптона Роберт должен был везти тело Уильяма в Шотландию сушей.

— Я стану заботиться о нем, будто это мой собственный сын, — пообещал он Мэри. — Буду беречь его, если потребуется, ценой своей жизни и позабочусь о его погребении. Вам не о чем беспокоиться.

Прошло не так уж много времени после того, как Мэри простилась с Уильямом, как она поняла, что опять беременна. Она онемела от ужаса, едва веря себе, в то время как Элджин был обрадован и утешал ее, говоря, что, потеряв Уильяма, они могут родить других детей. Она ничего не отвечала, но в душе надеялась, что этих родов она не

перенесет.

Восемь месяцев нежеланной беременности, враждебные отношения между Францией и Англией, и в довершение всего Наполеон снова велел бросить Элджина в тюрьму.

Мэри, охваченная ужасом, ослабевшая, обещала Элджину обратиться к Талейрану снова и умолять премьер-министра о его освобождении. Но в ночь накануне ареста тот неожиданно ответил ей так:

— Нет, Мэри, этого не будет. Я и прежде запрещал тебе это, хоть в прошлый раз ты уговорила меня и осталась жить тут одна. Но в этот раз ты не будешь бегать по Парижу и уверять, что делаешь это для моей пользы. Это неприлично. Раз ты опять беременна, то должна жить уединенно, а не встречаться с незнакомыми мужчинами или позволять знакомым сопровождать тебя, как какую-то юную девицу, на театральные увеселения.

Мэри была огорошена, услышав, что он снова повторяет старые обвинения. Она столько времени пыталась стереть из памяти его несправедливые жестокости, чтобы вернуть прежнюю любовь к этому человеку. Если он начнет упреки опять, она потеряет к нему все добрые чувства.

— Но мы уже прошли через это, Элджин. Отчего ты не можешь поверить, что все сделанное мною было предпринято ради тебя?

— Пусть это и так, Мэри, но я не хочу, чтоб повторялась старая история. В прошлый раз твое поведение заставило всех наших знакомых от Парижа до Лондона чесать языки на твой счет. Мне это не нужно. В этот раз я обращусь с просьбой к Наполеону и Талейрану о выдаче тебе паспорта, и ты немедленно отправишься домой.

— Элджин, послушай. Тебе известно, как тяжело я переношу беременности. Мне не вынести переправы через пролив: в зимние месяцы там ужасно штормит. Мне будет так плохо!

— Все, что я собирался тебе сказать по данному вопросу, я уже сказал. И ты сделаешь так, как я говорю. Это будет лучше всего. Разве ты не просила моего разрешения отправиться на родину, когда была беременна Уильямом? Если б Наполеон выдал тебе тогда паспорт, ты бы сейчас благополучно сидела дома.

Ее лицо жалобно сморщилось при упоминании имени сына. Как он осмеливается тревожить память ее ангела, чтобы командовать ею?

— Кажется, ты хотела быть рядом со своей матерью во время родов? И нуждалась в помощи

доктора Скотта? Ты помнишь об этом?

Она смотрела на него во все глаза. Как она нашла силы удержать себя в руках? Как она не вцепилась в него и не выцарапала ему глаза? От какой бы странной болезни ни страдал его нос, она мечтала изуродовать все его лицо.

— У тебя будет возможность выполнить это желание, — продолжал он. — После родов поможешь моей матери позаботиться о грузе, который прибудет в порт. Кто-то должен будет проверить все по списку, и мне кажется, что ты сможешь с этим управиться лучше кого бы то ни было.

До этого момента она чувствовала, как глубоко внутри нарастает в ней ярость, та слепая ярость, от которой, если дать ей выход, хочется убить или искалечить врага. Но вдруг она растаяла, и Мэри ощутила лишь глубокое полное спокойствие.

«Наверное, это похоже на смерть, — подумала она. — Смерть, и никакой заботы о тех, кто остался жить».

— Как захочешь, Элджин. Хоть едва ли можно надеяться, что после такого путешествия ребенок родится живым. Но если он умрет, пусть. Это лишь будет означать, что у меня больше никогда не будет от тебя детей.

Когда Мэри прибыла в Морлэ, стояло ужасное

ненастье. Она остановилась в гостинице и провела там три дня, ожидая, когда погода улучшится настолько, чтобы «Элизабет», корабль, на котором она собиралась плыть в Англию, снялся с якоря. Никогда прежде Мэри не чувствовала себя такой несчастной. Не имея других занятий, она писала бесконечные письма Элджину. Ей не было дела до того, каково ему будет читать их. Во время его последнего заточения она исключила из своих посланий все страхи и неприязни, щадя его чувства. Она старалась, чтобы в них дышала одна приветливость и Элджин мог сохранить хорошее настроение в своих трудных обстоятельствах. Теперь же она не заботилась о том, что с ним будет, и желала лишь одного — сделать его таким же несчастным, как она. Мэри была одинока, но не чувствовала себя хозяйкой собственной судьбы: другие творили ее жизнь независимо от ее личных желаний, эмоций, самочувствия, даже безопасности.

Мэри казалось, что она в аду.

Но когда судно пришвартовалось, выглянуло солнце. Шесть лет прошло с тех пор, как она в последний раз ступала по земле Англии. Двадцать четыре часа пребывания на борту, без единой минуты облегчения, оставили ее в полном из-

неможении. Но, покинув корабль, она позабыла и о гневе, и об усталости, радуясь возможности двигаться, ходить по земле. Она сбросила свое несчастье, и оно потонуло где-то в водах между берегами Англии и Франции. У нее трое живых детей, и она ожидает появления четвертого. Значит, у нее есть для чего жить, что бы ни случилось с Элджином, есть причина жить, даже если он умрет в тюрьме.

Она услышала перестук подков по широкой мостовой, которая бежала вдоль набережной. Но этот звук, дошедший до нее вместе с мыслью о необходимости дальнейшего путешествия, показался ей тошнотворным.

— Я не вынесу езды в экипаже, — сказала она мисс Гослинг, своей единственной горничной. — Надо подыскать приличные комнаты в Портсмуте и снять их. Мне необходимо день-два отдохнуть, прежде чем ехать в Лондон.

Ее матери и отцу понадобится несколько недель, чтобы вместе с детьми прибыть в Лондон. Мэри не хотелось при встрече с ними быть такой же больной и инертной, какой она чувствовала себя сейчас.

Она присела на скамью, ожидая возвращения мисс Гослинг с новостями. Стоял конец октября,

но ее родина ломала традиции осенней непогоды. Ярко светило солнце. Слышалась перебранка кучеров с носильщиками, грузившими багаж в дилижансы. Молоденькие продавщицы торговали вразнос цветами, голубиными яйцами, теплыми булочками, каштанами, предлагая их пассажирам, дожидающимся отхода следующего судна. Проведя столько лет на чужбине, Мэри почти с испугом прислушивалась к доносившимся отовсюду словам родного языка. Неподалеку от нее какой-то мужчина спросил о пароходном расписании и, очевидно получив неблагоприятный ответ, тяжело вздохнул и опустился на скамью рядом с ней.

— Какая жалость, что в такой печальный день светит солнце, — произнес он.

— О какой печали вы говорите, сэр? — спросила она, от души надеясь, что не повстречалась с одним из тех путешественников, кто, едва найдя собеседника, стремится сразу выложить ему целую сагу своих горестей.

— Разве вы не слыхали, мадам? Несколько дней назад у побережья Испании в сражении против французов адмирал Нельсон был смертельно ранен. Наш флот одержал замечательнейшую из побед, но понес тяжелейшую из потерь.

— Ах, господи, какой ужас! Я имела честь быть знакома с адмиралом Нельсоном.

Мэри припомнилось впечатление, которое оставила у нее встреча с невысоким пожилым человеком, лицо которого было обезображено многими шрамами. Вспомнила и об Эмме Гамильтон, тут же подумав о страданиях, которые та сейчас испытывает. Мэри почти пожелала всплакнуть вместе с ней, им обеим пришлось многое пережить, много перестрадать, и пусть ее Элджин жив, для нее он потерян почти так же, как для Эммы потерян Нельсон.

— Говорят, что эта тяжелая битва сокрушила морскую мощь Наполеона раз и навсегда. Если это правда, мир стал много лучше, не так ли?

— Вы правы, сэр, много лучше.

Мэри набрала полную грудь осеннего свежего воздуха. Давно уже ей не дышалось так легко. Она наконец дома. Но как сильно изменилась Англия, как сильно изменилась она сама.

Она не виделась с ними два с половиной года. Единственный из ее детей, чье лицо было с ней всегда, — это Уильям. Каждый раз, когда оно всплывало в памяти, ей приходилось напоминать себе, что он умер. Она стремилась соединиться со своими детьми и стать не просто спутником

их жизней, а снова быть им матерью и главной защитой. Она всегда будет испытывать благодарность к своим родителям за заботу о ее детях, но она сама хочет нести груз материнских хлопот. Вместо того чтобы поселиться в родительском особняке на Портман-сквер, она сняла дом на Бейкер-стрит. Мэри понимала, что, наверное, они ее не одобрят, но надеялась, что пройдет совсем немного времени — и родители оценят наступившие в их доме мир и покой.

Она нервничала, ожидая прибытия детей, пыталась вообразить каждую черточку их будущей встречи, даже допускала мысль, что они не узнают ее. Но стоило детям увидеть мать, как они кинулись в ее объятия и вцепились в нее своими ручонками. Им было теперь пять, четыре и три годика, и выглядели они очаровательно.

— Ах вы, мои маленькие нарядные ангелочки, — воскликнула она, обнимая дочерей.

Решить, у которой из них красивей глазки, белей кожа и круче локоны, было невозможно.

Она писала Элджину ежедневно, сообщая как можно больше подробностей о росте и развитии детей, особенно о Брюсе, который превратился в маленького хулигана, спускавшего брюки и приглашавшего деда поцеловать его в зад, когда

последний корил его за непослушание.

Что ты скажешь на этот образец манер джентльмена? На самом же деле я не видала более славного мальчика — здоровый, крепкий, подвижный. При этом довольно высокого роста и хорошо сложенный, этим он пошел в тебя, своего папу.

Она знала, что может вызвать улыбку на лице Элджина в его нынешних трудных обстоятельствах, и старалась заполнить свою переписку с мужем именно такими сообщениями.

Мэри стала замечательно смышленая и хорошенькая. У нее красивой лепки голова. Гарриетт самое ласковое и красивое существо, которое я когда-либо видела. «Я славная девочка!» — повторяет она то, что говорят о ней другие. Наши дети так милы, к тому ж у них добрые сердечки и они привязаны друг к другу. Каждый день они возносят молитвы о своем дорогом папочке и мечтают поскорей соединиться с тем, кто, они знают, их так горячо любит!

Ответы Элджина на ее письма не совсем совпадали с тем, что она ожидала. Они несли поток упреков.

С чего ты вздумала снять дом и жить в Лондоне отдельно от своих родителей? Почему б тебе не жить под отцовским кровом, как живут все приличные женщины? В таких условиях и я был бы спокоен относительно твоих прогулок и времяпрепровождения. Кажется, ты склонна принимать мужчин у себя на Бейкер-стрит, и, как мне стало известно, тебя часто видят в их обществе по вечерам.

Она отвечала:

Честно, Элджин, я мать троих детей, а не молодая девушка. И со мной не следует обращаться подобным образом. Мои родители несли заботы о наших детях в течение двух с половиной лет, этого ли не достаточно? Ты имеешь представление о том, как шумны и непоседливы могут быть трое малышей? Разве мои родители не заслужили покойную и мирную жизнь? После тех беспокойств, которые они претерпели, я не хочу добавлять им новых. Не хочу, чтоб они ухаживали за мной, когда мне придет время родить. Более того, мне кажется, ты не имеешь понятия о страданиях, которые я вытерпела, производя детей на свет. А что касается моих прогулок и мужчин, которых я принимаю у себя, так скажу, что я делаю еще

одно усилие облегчить твою участь. Все годы нашей супружеской жизни я трудилась на тебя подобно рабыне, а все мои усилия заслужили лишь твое недовольство.

— Мэри, дорогая, я не помешаю?

Она отложила перо, заслышав голос отца. Она всегда была рада общению с ним, а сейчас с особенным облегчением оторвалась от письма Элджину, ответа на его пустые фантазии о ее жизни в Лондоне. Неужели он действительно воображает, что, имея троих маленьких детей, по которым она так соскучилась за два года, и мужа, которого требуется вызволить из тюрьмы, она увлечена светской жизнью, словно молоденькая девушка? И разве не носит она снова в чреве дитя?

— Я посетил наших банкиров, — начал отец; такое начало не предвещало добрых новостей. — Как ты знаешь, Элджин значительно преувеличил сведения о своем доходе, когда просил у меня твоей руки. Этот доход составляет лишь десять процентов от объявленного им.

— Папа, я помню. Мы с тобой уже говорили об этом. И я ничего не могу поделать с тем, что мой горячий поклонник много лет назад нес эту ерунду! Он отчаянно хотел жениться на мне до

своего отъезда в Турцию.

При множестве насущных проблем ей не хотелось поднимать старые.

— Я не об этом намерен говорить, ибо нам следует даже радоваться тому, что он преувеличил свои возможности нести заботы о тебе, Мэри. В противном случае я бы дал ему более полный контроль над твоими средствами. В реальности же слухи о его тратах, гулявшие перед вашей свадьбой, как и информация о его ежегодном доходе в семь тысяч фунтов, побудили меня строже охранять твое имущество. И теперь, дорогая, могу тебе сказать, что твое состояние осталось при тебе. Траты, которые совершал Элджин, он совершал из собственных средств. Банкиры, чтоб расплатиться с заимодавцами, намеревались продать его активы, но их не оказалось. Все состояние Элджина составляет не более сотни фунтов, в то время как его долги приближаются к десяткам тысяч.

Швейцар открыл перед ней дверь, и Мэри вошла в банк.

Мистер Каутт, банкир Элджина, не стал тратить время на формальности.

— Леди Элджин, мы вынуждены обращаться к одним заимодавцам, чтоб оплатить требования

других. Этому надо положить конец.

Глаза Мэри забегали по строчкам бухгалтерских книг, и перед ней встала картина финансового положения Элджина. Сделанные им во Франции покупки оказались более обширными и дорогостоящими, чем она полагала. Он вошел в сношения с мебельщиками и другими ремесленниками, намереваясь обставить их изделиями целые анфилады комнат в Брумхолле. Он приобретал картины и гобелены в таком количестве, что ими можно было бы покрыть городские стены. И за все это он еще не расплатился.

Но эти траты были сущими пустяками в сравнении с расходами на содержание посольства в Константинополе. Правительство до сих пор отказывалось возместить Элджину хоть один пенс сверх его жалкого жалованья, которое не могло покрыть и малой доли понесенных расходов. Мэри и Элджин приобрели на свои деньги вооружение и провиант для английских войск, расквартированных в Египте, уверенные в том, что патриотизм, проявленный ими в такой опасный для родины час, будет вознагражден. Но, несмотря на обращения Мэри к самым влиятельным людям ее круга, позиция правительства оставалась неизменной. Все это она постаралась

объяснить мистеру Каутту.

— С этим трудно что-либо поделать. Но решения, принимавшиеся лордом Элджином, привели к тому, что его долги достигли суммы нескольких тысяч фунтов, а это в высшей степени неприятно. И я не вижу оснований надеяться на поступления из фондов его величества.

Но в настоящий момент есть основания и для более насущных тревог, — продолжал банкир. — Насколько мне известно, парламент всегда строго придерживался той позиции, что лорд Элджин приобретает древности в Греции за свой счет. Это предприятие и поначалу было недешевым, но когда оно от рисунков и слепков обратилось к раскопкам и приобретениям оригиналов, расходы лорда Элджина увеличились в сотни раз. Вам известна окончательная стоимость операций по подъему затонувшего имущества? Одни эти расходы превосходят все остальные, вместе взятые.

Теперь же, когда мраморы начинают прибывать в Англию, должны быть оплачены таможенные сборы. Эти суммы огромны.

Мистер Каутт предъявил платежные ведомости из портов.

— А на счетах лорда Элджина нет даже десяти пенсов. Как вам, несомненно, известно, ваш

супруг попросил Уильяма Гамильтона подыскать подходящее помещение для демонстрации приобретенных им произведений античного искусства. Мистер Гамильтон предложил арендовать Бекингем-хаус или Глостер-хаус.

Об этом она даже не знала. Мэри думала, что проблемами хранения занимается мать Элджина. А упомянутые два зала являются едва ли не самыми роскошными в Лондоне. О чем думает Элджин? Где он надеется набрать денег для оплаты таких расходов?

— Лорд Элджин информировал мистера Гамильтона, что аренда выставочных помещений будет оплачена вами из ваших личных средств, — продолжал мистер Каутт. — Это действительно так, леди Элджин? Он внимательно смотрел на Мэри в монокль.

— Нет, это не совсем так. Мой супруг ошибается.

Мэри была очень смущена тем, что приходится посвящать посторонних в разлады между супругами, которые она привыкла считать глубоко личным делом. Так ее воспитали родители, но им никогда не случалось принимать столь неординарных решений, не посоветовавшись друг с другом. И если правительство считало кошелек

Элджина всегда раскрытым, то он, похоже, видел таким кошелек своей жены.

— Понимаю. Мне уже довелось беседовать об этом с вашим батюшкой, так как лорд Элджин предположил, что мистер Нисбет, возможно, возьмет на себя предстоящие расходы. Но последний отклонил это предложение, мотивировав отказ тем, что практически оплатил приобретение античностей.

Теперь еще одно, — продолжал мистер Каутт. — Не далее как вчера нас посетил преподобный Хант. Ему до сих пор не компенсированы траты, которые он совершал от имени лорда Элджина. Он весьма расстроен. Им был представлен инвентаризационный перечень приобретений, сделанных во время поездок по Греции и Турции, но он не имеет долговых расписок. Но даже имей он их, боюсь, что ему не получить по ним и десяти пенсов. Он оставил службу у лорда Элджина и собирается перейти на службу к герцогу Бекингему. Я посоветовал ему составить официальный письменный договор.

У Элджина не было более верного, преданного и знающего сотрудника, чем Хант. Как только для Мэри прояснится положение с долговыми обязательствами мужа, она непременно постара-

ется придумать, что можно сделать для бедняги. Между тем до родов остается лишь несколько недель, после чего — она знала это по предыдущему опыту — у нее недостанет сил заниматься финансовыми делами. Этими вопросами нужно заняться сейчас, пока не поздно.

— Не беспокойтесь, мистер Каутт, я посмотрю, что можно сделать. Во время пребывания в Турции нам с мужем надарили целую гору подарков, мне крайне тяжело расставаться с этими очаровательными вещами, но я уверена, что стоимость их с лихвой покроет сумму долгов мужа.

— Мы имеем все основания надеяться, что долги, во всяком случае, перестанут нарастать. Мы получили письмо от мистера Лусиери, в котором он просит перечислить ему жалованье. Чего мы, конечно же, сделать не можем.

— Это печально, мистер Каутт.

Ситуация и без того нелегкая, не собирается ли он взвалить на нее и вовсе неподъемное бремя?

— Нет, леди Элджин. Обнадеживает нас то, что новый посол Англии в Турции не продлил полномочий мистера Лусиери. Его выставили из Акрополя, а это значит, что поток мрамора иссякнет. Останется лишь уже приобретенный и погруженный на корабли.

Все, все эти прекрасные вещи уйдут на продажу — беспримерные бриллианты и драгоценности, подаренные капитан-пашой и султаном; меха и слоновая кость; фарфор, серебро и хрусталь; драгоценные изделия из черного дерева; изысканное стекло. Все уйдет, всего она лишится. У Мэри не останется даже одной шали на память о днях, проведенных на Востоке. Ей казалось, что она изменяет прежней дружбе, друзьям, которые преподносили ей такие чудные подарки, даже изменяет своим детям, особенно дочерям, которые не унаследуют от нее этих редкостей и которым никогда, разве что они выйдут замуж за султанов, не представится возможности владеть такими уникальными сокровищами. Она вспомнила вечер, когда ее, плачущую от страха перед предстоящими первыми родами в чужой стране, утешал капитан-паша. Чтобы доказать свою дружбу, он на следующее утро прислал ей этот великолепный сапфир. Она вспоминала о своем друге, когда в последний раз любовалась блестящей синевой камня, окруженного бриллиантами, все еще покоящегося на подушечке золотистого турецкого бархата. Что бы подумал паша, если б узнал о том, что сталось с Элджинами? Как бы он загрустил, если б увидел, что

благородная леди Элджин закладывает[63] свои драгоценности для оплаты долгов мужа. Мэри знала, что экстравагантные, шитые золотом костюмы, преподнесенные ей Ханум, могут принести немалую сумму, но она спрятала их с глаз долой, надеясь спасти хоть одно напоминание о той теплой и необыкновенной дружбе, которая поддерживала ее на чужой земле.

Были и другие неприятности. Вдовствующая леди Марта, занявшая необъяснимо враждебную позицию в отношении жены своего сына после ее возвращения в Лондон, договорилась о хранении главного количества мраморов — первых пятидесяти упаковок их, прибывших на «Браакеле», — в доме герцога Ричмондского. Но теперь этот человек стал выражать недовольство, что его поместье используют как склад многих тонн камней. Элджин писал длинные письма жене, поручая ей подыскать для них новое место.

Тебе обязательно следует составить опись прибывшего груза, Мэри, и затем арендовать для него помещение, поиском которого сейчас занимается Гамильтон.

---

[63] notes: 63

Судя по предыдущему и последующему тексту, речь идет о продаже, а не о закладе.

Почему он решил, что может приказывать ей делать то или другое, будто она еще один нанятый работник посольства? Он забыл, что она носит ребенка? С нею уже стали случаться судороги. Невозможно сказать точно, когда начнутся роды и какими они окажутся — непереносимо ужасными или всего лишь тяжелыми. Но пока позволяет состояние ее здоровья, пока у нее есть возможность, она должна уладить финансовые вопросы. Она вовсе не хочет снова сталкиваться с этими трудностями. Новость о долгах лорда Элджина и о не получившем оплату штате его посольства подобно огню распространилась по Лондону, и сплетники получили еще один повод злословить о молодой леди Элджин.

И опять потекли ее письма мужу.

Все средства, которыми ты располагал, кончились! Ты знаешь, я тоже люблю красивые вещи, но подумай и о неприятных сторонах. Ты потратил все свои деньги, израсходованы тысячи фунтов, а те, кого ты нанимал, требуют оплаты их труда. Ты знаешь, как внимательно я всегда относилась к твоим делам и как старалась сделать все как можно лучше, но тебе следует предоставить мне определенные полномочия, пока я не приведу все в порядок. И пообещай больше не делать ника-

ких покупок! Прошу тебя, Элджин, прислушайся к моим словам. Если б ты только знал, через что мне пришлось пройти со дня возвращения в Англию, как плохи наши дела и как глубоко меня это огорчает!

Критическое положение лорда Элджина стало широко известно, и однажды днем Мэри получила письмо, направленное правительством его величества, с предложением купить античные скульптуры, приобретенные лордом Элджином во время его службы в Константинополе. Но конкретная сумма покупки названа не была.

Какова хоть примерная стоимость этих мраморов?

К счастью, друг прибыл тогда, когда она нуждалась в нем больше всего.

— Мне необходима ваша помощь, мистер Фергюсон, — сказала она.

Эти слова вылетели у нее прежде, чем она успела их обдумать. У нее не было времени расспросить Роберта о его семье, здоровье или о том, какой он нашел родину после долгих лет отсутствия. Мэри была счастлива его видеть сейчас, зная, что при том ограниченном времени, которым она располагает для приведения дел в порядок, Роберт Фергюсон именно тот человек,

на которого она может положиться.

— К вашим услугам всегда и до тех пор, пока мы оба живы, мадам.

Роберт Фергюсон тоже не замедлил с ответом. Мэри сразу заметила, что присущая ему энергия не уменьшилась ни на йоту, как и его чувства к ней. Ему не было нужды говорить об этом, восторг светился в устремленных на нее глазах.

Мэри рассказала о запросе, сделанном правительством, которое наконец выказало интерес к приобретению у Элджина греческих древностей.

— Мистер Фергюсон, я понятия не имею, как мне лучше поступить. Если я назову определенную сумму, она может далеко не соответствовать подлинной стоимости мраморов. После всех хлопот и беспокойств, которые мы понесли, приобретая эти произведения искусства, было бы трагедией недооценить их.

Он сидел выпрямившись и внимательно прислушиваясь к каждому ее слову, будто для него не было ничего более важного, чем вникнуть в ее трудности и помочь в них. Почему этот человек так полон желания помочь женщине? Своим благородством он напоминал ей средневекового рыцаря из старинных легенд.

— Буду честна с вами. — Мэри внутренне по-

разилась тому, что собирается раскрыть правду об их финансовом положении. — Я нуждаюсь в средствах для оплаты долгов лорда Элджина, а они еще больше возросли после приобретения им мраморов. И должна признаться, что продать эти ценности и переложить на официальные органы заботу о них было бы великим облегчением для нас.

— Я давно заметил, как тяжелы для вас заботы об увлечении лорда Элджина.

— Могу только сказать, что моя неосторожность, которая позволила вам это заметить, огорчительна, — отвечала Мэри, но в душе была счастлива, что хоть кто-то заметил и оценил сделанное ею для мужа.

— Вы не правы, мадам. Мы проводили вместе много времени, и только бесчувственный чурбан мог бы не заметить, как много вы делаете для своего мужа.

Может ли человек быть таким добрым? Но она не должна отвлекаться посторонними рассуждениями. Ей требуется его помощь, а не сочувствие.

— Я бы не хотела принимать слишком торопливое решение, мистер Фергюсон, о котором и мой супруг, и я можем горько пожалеть. Потому

я прибегаю к вашей помощи.

Мэри боялась, что затеяла опасную игру, полагаясь на человека, для которого каждое ее желание является законом, тем более сейчас, когда муж так далеко, а она уязвима и слаба. Но Элджин сам написал Роберту, прося его содействия в некоторых делах, так как принял решение распродать своих лошадей и остальное движимое имущество, чтобы оплатить долги. Даже Элджин вынужден был признать, что беременной женщине не справиться с такими сложными операциями. В то время как Фергюсон, человек со связями, может достаточно осторожно и осмотрительно управиться с продажей, например, картин или других предметов с аукциона.

— Мне так неприятно посвящать вас в мои проблемы, — сказала она, опустив голову.

— Чепуха!

Ее смущал его жадный взгляд, Роберт походил на голодного тигра, видящего перед собой добычу.

— Не выпьете ли чая?

«Но он так возбужден и взволнован, что хорошая порция бренди была бы более уместна», — подумала Мэри.

Неужели его чувства так возросли за время

их разлуки? Сама же она эти последние месяцы была до такой степени поглощена возникшими трудностями, что едва ли вспоминала о своем бедном Роберте. Элджин говорил, что этот шотландец всегда покорен какой-нибудь красавицей, и, когда они виделись в последний раз, Мэри подумала, что является одной из многих более или менее привлекательных — и недоступных — женщин, в которых Роберт постоянно влюбляется. Но чувство, которое она читала в его глазах, едва ли напоминало легкое увлечение.

— И снова я полагаюсь на вашу помощь, — сказала она.

— Я буду служить вам все дни своей жизни, если мне это позволят.

Она откровенно не могла понять, как можно находить ее хоть чуточку соблазнительной в ее теперешнем положении. Она растолстела как ненормальная. Даже лицо лишилось своей привлекательной скуластости, располнев вместе с телом. Она невообразимо уставала и едва могла выносить собственное отражение в зеркале.

В его отношении к ней чувствовалось что-то совершенно иное. Но что бы ни происходило в его сердце, какие бы чувства ни обуревали его и как бы сильны они ни были, Мэри не могла поощ-

рять их. Она должна дать Роберту понять, что ее настоятельные нужды важнее, чем обуревающие его страсти.

— Мистер Фергюсон, вы единственный из всех, кого я знаю в Англии, имеете достаточное влияние на французов, чтоб ходатайствовать об освобождении Элджина. Вы единственный, кому мы — мой муж и я — можем доверить распродажу нашей собственности. И вы единственный, на чьи суждения в вопросе приобретения правительством античных мраморов я могу положиться. Едва ли прилично взваливать на постороннего человека подобные заботы, но это так.

— Сэр Джозеф Бэнкс будет счастлив снова помочь вам. Если в Англии есть человек, способный дать адекватную оценку приобретенным вами древнегреческим ценностям, то это он. Познаниями сэра Джозефа можно только восхищаться. Я непременно поговорю с ним.

— Спасибо. Не знаю, как мы сможем отблагодарить вас, но даю слово, что непременно это сделаем!

Роберт вскочил с кресла так стремительно, будто с трудом мог дождаться времени, чтобы броситься на выручку Элджинам. Мэри рассмеялась его рвению. Он наскоро поцеловал ее руку и

исчез за дверью.

Чувства были не самой важной деталью в разворачивающейся драме, ибо это была ее жизнь, а не опера и не роман. Мэри следовало сдерживать страсть, горевшую в глазах этого человека. Она сумела обуздать чувства красавца Себастиани, капитан-паши и других своих поклонников. Конечно, она сумеет справиться и с Робертом Фергюсоном.

Я отказываюсь иметь еще детей, Элджин. Никогда в жизни я так не страдала. Ужасные боли начались задолго до родов и продолжались чрезвычайно долго. В таких обстоятельствах жизнь является для меня непрерывной цепью мучений. В пятый раз я подвергаюсь таким страданиям. Я до того устала, что согласна закончить жизнь в монастыре. Возьми мою судьбу в свои руки, и каким бы ни было твое решение, я буду жить там и так, как ты прикажешь. Я согласна не видеть ни одной человеческой души, лишь бы прекратить агонию, которой мне больше не вынести.

Твоя все еще любящая жена

Мэри

Когда умер Уильям, Мэри думала, что вместе с ним потеряла и волю к жизни, но, найдя в себе

силы сообщить мужу о своем отказе рожать и настоять на своем, она поняла, что обрела прежнее желание жить.

Во время этих родов ей явился Уильям. Она чувствовала, что расстается с жизнью, и вдруг — видение. Мэри сидит в прекрасном саду, светит солнце. Она кормит грудью сына, снова глядит в его чудные голубые глаза, и он отвечает ей таким же взглядом. Было ли на свете другое дитя столь же чуткое, отзывчивое, так крепко связанное со своей матерью? В этот момент она прочитала его мысль: «Мама, ты должна жить».

Она страдала в этот раз еще больше, чем в предыдущие, и последствия родов были даже более тяжелыми. На свет появилась Люси — еще одна чудная девочка. После видения Уильяма вместо молитв о смерти она стала молиться о жизни. Проходили недели, кровотечение и боли не оставляли ее, но она продолжала молиться. Таким было желание ее сына. Даже когда она не имела сил подняться с постели, она молила Бога оставить ее в живых.

Она стала понимать, что никто не заменит ей Уильяма. Мэри безумно любила всех своих детей, но Уильям был каким-то особенным. Возможно, причиной тому изгнание, в котором протекала

тогда ее жизнь, разлука с остальными детьми, а может, то, что она нянчила и кормила его сама. Мэри понимала, что роди она еще хоть дюжину детей, ни один из них не заставит ее забыть Уильяма. Она много и часто писала в эти дни Элджину, давая ему почти ежедневные отчеты о развитии детей, но по-прежнему настаивала на своем, отказываясь иметь еще детей.

Он перестал отвечать на письма. Мэри молила его подтвердить получение ее писем. Просила сообщить, что он их прочел и понял ее просьбу.

Молчание в ответ.

Тогда она попробовала другую тактику, на которую в прошлом он всегда отзывался.

Я не стану отказывать тебе в наслаждениях, мой дорогой. Но ведь интимная близость не всегда ведет к новой беременности. Мы испробовали много способов доставлять друг другу удовольствие, и я отлично помню, как они тебе всегда нравились. У тебя никто не отнимет твоей Мэри, «твоего лакомого кусочка», как ты меня, бывало, называл, номы должны исключить аспект, который может привести к неприятным последствиям.

Но и на эти письма, говорившие о самом ин-

тимном, не было ответа. Она страдала, не получая известий от мужа, и в конце концов написала, что как только окажется в силах перенести новое путешествие — через несколько недель после рождения Люси, — отправится во Францию, чтобы быть рядом с ним.

Элджин не ответил. Что ей делать, если он отвергнет и это предложение?

В мае потеплело, и постепенно к Мэри вернулось хорошее самочувствие. Однажды к ней с визитом пришел Фергюсон. Неторопливо, с лицом, изображающим фальшивую радость, он вошел в гостиную, держа в руках письмо таким образом, чтобы она его сразу заметила.

— У меня для вас отличные новости, Мэри.

— Но вы выглядите так, будто до вас дошла весть о смерти любимой собаки, — поддразнила она его.

— В самом деле? Но это неважно. Мэри, мы победили, Наполеон склонился на наши просьбы. Благодаря многочисленным письмам от влиятельных лиц наши усилия вознаграждены. Лорду Элджину позволено покинуть Францию.

Новость и впрямь была неожиданной, Мэри даже не знала, как реагировать на нее в присутствии Роберта. Она так давно не получала

известий от мужа.

— Вы не знаете, что сказать?

Роберт выложил свою новость довольно мрачно, и Мэри поняла, что она испытывает такие же чувства. Должно быть, он считает ее ненормальной, ведь они так упорно хлопотали о возвращении Элджина на родину.

— Я удивлена. Думаю, это естественно.

— У меня есть и другие новости. Но они касаются только меня. Я принял решение вернуться в Шотландию и баллотироваться в парламент.

— Вы опять оставляете меня?

Слова вырвались неожиданно. Какое она имеет право рассчитывать на дальнейшие заботы? Почему она так сказала?

— Партия вигов возвращается к власти, и это может дать редкую возможность протолкнуть те реформы, в пользу которых я твердо верю.

Не успев взять себя в руки, она начала плакать.

Роберт присел рядом с ней на диван и взял ее руку в свои.

— Мэри, все будет хорошо. У вас четверо очаровательных детей. Ваш муж скоро вернется. Я сделал для вас все, что мог. Сэр Джозеф обещает, что стоимость мраморов будет определена, как

только окажутся выплаченными таможенные сборы и их можно будет осмотреть по-настоящему. Видите, Мэри, дорогая? Все хорошо.

Что-то неощутимое в тепле его рук, успокаивающем тоне голоса вызвало внутри ее надлом, и стена, которая была такой крепкой, что ничто не могло разрушить ее, вдруг рухнула. Ни один мужчина, кроме Элджина, не мог преодолеть этот барьер в ее сердце. То священное место, которое женатые люди хранят друг для друга. Но Элджина не было рядом, и стена обрушилась.

Она рассказала Роберту все. Рассказала о том, как она страдала, о том, что эти страдания заметил он, Роберт, но не заметил Элджин. Рассказала о своем решении не иметь больше детей и о молчании Элджина в ответ.

— Я мечтаю, чтоб он вернулся домой, Роберт. Видит бог, я не хочу, чтоб мой муж всю жизнь томился в неволе. Но я боюсь. Что, если он не согласится на мои условия? Как мне тогда быть? Что может предпринять женщина в таких условиях? Должна ли я сделать выбор между мужем и самой жизнью?

— При мысли о том, что вы подвергаете опасности свою жизнь, кровь закипает в моих жилах. Я этого не выдержу, Мэри, хоть не имею права

вмешиваться.

Роберт вскочил и принялся беспокойно мерить шагами комнату, будто перед ним встала очередная проблема, которую ему необходимо решить. Несколько раз он останавливался и поворачивался к Мэри, будто намереваясь что-то сказать, но, так и не произнеся ни слова, снова продолжал метаться.

— Тут ничего не поделать, пока мой муж не окажется дома и не выскажет своего мнения на этот счет, — сказала она.

— Ни один человек в здравом рассудке не может отказать вам.

— Давайте надеяться, что, когда Элджин вернется, он будет в здравом рассудке.

Лондон, июнь 1806 года

Мэри любовно подготавливала детей к встрече с отцом, каждый день она рассказывала об их отважном и знаменитом папочке, который, будучи захваченным врагами, не предал своей страны. Ее тревожило, что его долгое отсутствие и внешность больного человека — маска на лице, обезображенный нос — заставят детей отнестись к нему как к чужому. Брюс заявлял, что помнит папу, но в том, что дочери сохранили воспоминания об отце, Мэри сомневалась. Малышка Мэри большую часть своей короткой жизни провела без отца, Гарриетт едва появилась на свет, как они уже распрощались в Неаполе, а Люси и в глаза его никогда не видала.

— Он мысленно представляет вас, и это придает ему силы и храбрость, — твердила она им почти каждый день, усаживая рядом и заставляя внимательно слушать.

Глава семьи возвращается к своим обязанностям, и она хотела, чтобы дети понимали важность присутствия отца в доме. Сама она полностью признавала главенство мужа и собиралась всячески поддерживать его в этой роли, по

крайней мере на людях. Но это решение было вызвано скорее приличиями, чем велением сердца.

Ей хотелось, чтобы возвращение Элджина прошло гладко и не вызвало никаких разногласий между ними. Но хоть ответа на ее письма он еще не дал, Мэри оставалась тверда в своем решении. Может, он еще станет просить прощения, как случилось при его возвращении из Лурда. Если его здоровье улучшилось, к нему наверняка вернулись и приятная внешность, и благородные манеры, как это уже бывало. Только в этот раз, она была уверена, его раскаяние, даже если оно последует, не приведет к возобновлению супружеских отношений. Она считала, что делает достаточно, воспитывая детей в уважении к нему и избегая в письмах упоминаний о его угрожающем финансовом положении.

Когда Элджин появился в доме на Бейкер-стрит, Мэри стала представлять ему одного за другим нарядных, красиво причесанных детей.

— О, да это ж выводок моих маленьких греков! — воскликнул он, распахивая объятия. — А вы, лорд Брюс, выучили два-три слова на английском, пока вашего папы не было? — обратился он к сыну, улыбаясь.

— Да, сэр, — гордо ответил мальчик. — Я уже

учусь читать по-английски. А еще мы с мамой занимаемся французским языком.

— Тогда вы, юноша, заслужили подарок, который я вам привез.

И Элджин преподнес шестилетнему сыну сверкающий клинок, шепнув при этом Мэри, что он не заточен.

— И я благодарю вас, сын, за то, что вы, как настоящий мужчина, поддерживали семью, пока меня не было.

Двум старшим девочкам он подарил по чудной фарфоровой кукле в нарядных парижских платьях. Взял на руки и принялся восторгаться Люси точно так же, как восхищался остальными своими детьми, когда они появились на свет.

— Господи, да она же точь-в-точь как эти фарфоровые куклы, что я купил в Париже!

Дети весь день не отходили от отца ни на шаг, каждый старался привлечь его внимание, а двое старших демонстрировали успехи, которых достигли в его отсутствие. Брюс в поединке с Эндрю показал, как умеет владеть мечом, а позже почитал отцу из своего букваря. Малышка Мэри, научившаяся вышивать, с гордостью продемонстрировала свое умение папе и добавила:

— Скоро я выучу весь алфавит, папа. И я учила

Гарриетт говорить.

— До чего я горжусь всеми вами. — Элджин расцеловал каждого, когда они пришли попрощаться с родителями перед сном. — Вы самые примерные дети на свете.

— Я тоже иду спать, — сказала Мэри.

Она устала от хлопот и не имела настроения заводить серьезные дискуссии. Ей тоже нужно подать пример — пример их будущих отношений, дружелюбных и сердечных.

— Я скоро поднимусь наверх, — отвечал ее муж, по-прежнему не показывая, читал ли он ее письма и намерен ли согласиться с поставленными в них условиями.

— Как пожелаешь, — сказала Мэри и отправилась в спальню.

Он, может, и склонен держать ее в неведении относительно статуса их существования, но она была готова к любому из вариантов. Мэри переоделась и попросила горничную запереть дверь спальни изнутри и остаться с нею. Девушка может посидеть в кресле у окна, пока не придет время отпустить ее отдыхать.

Примерно через час в дверь постучал Элджин. Не дождавшись ответа, повернул ручку, пытаясь отворить ее.

— Мэри, пожалуйста, открой, — послышатся его голос.

Мэри пришлось разбудить служанку, задремавшую в кресле.

— Откройте, пожалуйста, дверь и передайте лорду Элджину, что я сплю. Затем останьтесь подле двери и не отходите, пока он не уйдет, — шепотом приказала она девушке. — Потом можете идти в свою комнату.

— Хорошо, мэм, — отвечала та, приседая и кидаясь к двери.

— Мадам заснула? — донесся до Мэри голос мужа.

— Да, лорд Элджин, — отвечала горничная.

Несколько мгновений не доносилось ни звука, затем Мэри услышала удаляющиеся шаги Элджина и быстрый перестук каблучков служанки, побежавшей в другую сторону.

Немедленно по приезде Элджина их светская жизнь приобрела бурный характер. Каждый хотел видеть Элджина и узнать о его приключениях из первых уст. Человек, побывавший во вражеском плену, неизбежно становится героем дня, хотя бы и одного. Мэри жаловалась, что она не успевает переваривать угощения, которыми их потчуют на званых завтраках и обедах любо-

пытствующие лондонцы. Даже лорд Гренвилл, новый премьер-министр, пригласил чету Элджин к обеду.

— Они, наверное, решили все-таки компенсировать понесенные нами расходы вследствие того, что мне пришлось перенести на службе отечеству, — вслух размышлял Элджин по пути на Уайтхолл, когда их карета проезжала мимо Букингемского дворца по Даунинг-стрит.

Мэри еще не обсуждала с мужем печальное положение его финансов, считая, что он заслужил некоторое время отдыха в лоне семьи. Элджин не был в Англии более семи лет. Если лорд Гренвилл намерен щедро возместить понесенные ими расходы по содержанию посольства, оплата долгов Элджина станет легче.

— Возможно, он конкретно выскажется и по поводу твоих античных мраморов, — сказала она.

— Несомненно. И, я думаю, предложит мне новый пост. Поговаривают о том, что нам предстоит отправиться в Вену. А возможно, и в Россию.

Когда-то путешествия в разные страны чрезвычайно привлекали Мэри. Но теперь, проведя в подобных поездках долгие годы и преодолев многие мили, мысль о том, что придется возить за собой и имущество, и все семейство, откровен-

но пугала ее.

— Как славно было б нам вернуться в Брумхолл, — вслух заметила она. — Я так давно об этом мечтаю.

— Посмотрим, что покажет нынешний вечер. Мы ведь молоды, Мэри. Я мог бы посвятить еще несколько лет службе в Министерстве иностранных дат, прежде чем уйти на покой и поселиться у себя.

Вечер в гостях у премьер-министра начался хорошо. Кроме Элджинов был приглашен Ричард Пэйн Найт, имевший репутацию коллекционера произведений античного искусства.

— Не сомневаюсь, что лорд Гренвилл провел консультации с Найтом по поводу мраморов, — улучив минуту, шепнул Элджин жене. — Готов поспорить, что после обеда, когда мужчины перейдут в гостиную пить бренди, завяжется серьезный разговор.

Но разговор завязался гораздо раньше. Как только речь зашла о мраморах, приобретенных Элджином, Найт тут же высказал свое негативное, не подкрепленное доводами мнение:

— Напрасно так старались, лорд Элджин. Ваши мраморы — грубая подделка. Они изваяны не греками, а римлянами и принадлежат периоду

императора Адриана.

«Этот человек говорит с шокирующей безапелляционностью, — подумала Мэри, — хоть, возможно, и сам не уверен в том, о чем ведет речь».

Ни одной статуи из прибывших в Лондон еще не было распаковано, все они продолжали храниться на складах в доках.

— Но вы, мистер Найт, даже не видели их. Как и никто другой у нас в стране. — Элджин старался говорить спокойно. — Позвольте возразить вам, указав, что Антонио Канова, возможно величайший скульптор в мире, увидев их[64], назвал шедеврами, принадлежащими резцу Фидия.

— Мне и не нужно смотреть на них, лорд Элджин, — заявил антиквар. — Многих коллекционеров ввели в заблуждение прекрасные римские копии.

— Сэр, попрошу вас прекратить этот спор, — сказал Элджин. — Я сам присутствовал при вывозе этих мраморов с Акрополя. Они простояли на одном месте две тысячи лет!

С этими словами он обернулся к лорду Гренвиллу.

---

[64] notes: 64

Ошибка автора. Согласно сюжету, как мы помним, А. Канова проживал в Риме, а статуи, приобретенные героем романа, там не бывали.

— Уверяю вас, лорд Гренвилл, что все украшавшие Акрополь скульптуры созданы Фидием!

— Думаю, это решать экспертам, лорд Элджин, — спокойно отвечал Гренвилл. — Конечно, если ваши приобретения окажутся неподлинными, цена на них сильно упадет.

— Но они подлинные! — воскликнул Элджин.

Лорд Гренвилл вежливо улыбнулся и, давая понять, что разговор окончен, обернулся к своему соседу по столу и принялся обсуждать погоду. В течение остального вечера он холодно отклонял все попытки завести разговор о мраморах, дав понять, что в настоящее время у правительства есть более серьезные заботы, например, касающиеся Наполеона. Лорд Гренвилл также ни одним словом не намекнул на то, что правительство намерено компенсировать затраты, понесенные Элджинами.

— Когда меня держали в заключении, я мог в любой момент продать свою коллекцию, — сдержанно сказал Элджин. — Каких только предложений мне не делали, и, должен заметить, некоторые из них были весьма своеобразными. Думаю, именно потому, что я на них не согласился, Наполеон и продержал меня в плену так долго. Ни для кого не тайна, что он мечтает завладеть

сокровищами Парфенона.

И Элджин бросил ненавидящий взгляд на Найта.

— Не думаю, что Бонапарт приложил бы столько усилий, чтоб заполучить копии! И команда из ста шестидесяти девяти ученых, наверное, разобралась в ценности мраморов лучше, чем один-единственный человек, который их к тому же никогда не видел.

Он отвернулся от Найта и, привлекши внимание лорда Гренвилла, продолжал говорить, обращаясь к нему:

— Бонапарт надеялся, что, удерживая в темнице, он заставит меня предать родину и капитулировать. Но он ничего не добился, сэр! Ничего! Мое единственное желание — быть полезным своей стране и способствовать развитию искусств в Англии — никогда не оставляло меня.

Лорд Гренвилл поспешил успокоить Элджина, коротко, по мнению Мэри, слишком коротко, одобрив его службу английской короне. Затем перевел разговор на другое.

Позже, когда мужчины перешли в гостиную, а дамы поднялись наверх, Мэри надеялась, что Элджин добьется успеха в вопросе о деньгах, которые ему задолжало правительство, по крайней

мере, о компенсации оплаты съестных припасов и амуниции для армии его величества в Египте. Мэри слышала и прежде, что дипломатическая служба — это занятие для богатых и что ей предстоит оказывать Элджину посильную помощь в расходах на представительство. Но ожидать, что патриотизм также может стать статьей расходов, она не могла.

— Ни единого су. — По дороге домой Элджин был мрачен. — Такова награда за все, что я для них сделал.

— Он не упоминал о возможности особых выплат за мраморы?

— Не упоминал. Сказал только, что существует намерение приобрести их у меня, но это приобретение может состояться только в удобное для обеих сторон время. При этом уточнил, что настоящий момент таковым не является. Он просто понятия не имеет, как превосходна моя коллекция, а этот идиот Найт ослабил мои позиции, заявив, что я привез подделки.

— Неужели нет ни малейшей возможности?

— Нет. Мэри, как ты можешь задавать такие вопросы, когда ты сама там присутствовала? Этот Найт просто профан. Он составил себе репутацию, написав труд об одном из языческих

культов поклонения фаллосу, затем накропал еще один, в котором презрительно отзывался о христианской вере. Я не сомневаюсь, что он преследует свои тайные цели, ради личной выгоды дискредитируя мою коллекцию. Эти соперники коллекционеры всегда ищут случая унизить конкурента.

Мэри опасалась, что подобные огорчения расстроят Элджина и его здоровье, и без того хрупкое, может пострадать. Сейчас он выглядел так, будто находился на грани удара, выражение его глаз стало диким. Он повернулся к жене и возбужденно продолжал:

— Именно поэтому мы должны сделать все возможное, чтоб устроить выставку. Если эти люди увидят мои мраморы собранными вместе и в достойном их оформлении, они оценят, что я им предлагаю!

— Но разве мы сможем оплатить такие расходы? — начала она, но Элджин не дал ей договорить.

— Нельзя быть такой недальновидной, Мэри. Бояться грошовых расходов в такой критический момент! Нам просто необходимо провести выставку.

Мэри понимала, как неумно с ее стороны вы-

сказывать свои заботы о деньгах, не подготовив к этому Элджина. Такая прямота может вызвать к ней презрительное отношение. Умная женщина, и особенно та, которая не желает вести деловые разговоры в интимной обстановке спальни, должна найти способ смягчить остроту проблемы прежде, чем представить ее мужу. Но терпение Мэри истощилось.

— Элджин, я, как могла, щадила тебя от всех неприятностей с тех пор, как ты вернулся. Но настало время обсудить самое главное.

— Вы избегали интимных отношений со мной, мадам, — сурово ответил он. — Это само по себе достаточно неприятно.

— Но это мельчайшая из твоих проблем! Ты хоть имеешь представление о том, что я сделала для тебя во время твоего отсутствия? — Она откинулась на спинку, пытаясь немного успокоиться и унять дрожь в голосе. — Ты даже приблизительно не понимаешь, как плохи твои финансовые обстоятельства!

— Вы сделали лишь то, что должна делать каждая жена для своего мужа! Хотел бы надеяться, что вы уже достаточно взрослая женщина и в состоянии понимать это.

Она недооценила его. Элджин отнюдь не со-

бирался принимать поставленные ею условия. Вместо этого он намеревался делать то же, что всегда, — требовать, чтобы она служила ему до последней капли крови и последнего десятицентовика своих денег. Но в этот раз с ним будет говорить другая женщина. И Мэри заставит его понять это.

— Лорд Элджин, вы на редкость неблагодарны. Любая другая жена просто опустила бы руки в тех обстоятельствах, в каких оказалась я. Я же сумела поправить ваше финансовое положение. Как мне этого удалось добиться? Какими средствами я сумела возместить ваши безрассудные траты? Я нашла средство для этого! Мне пришлось продать все прекрасные вещи, что мне дарили друзья. А я могла годами наслаждаться ими и потом передать своим детям. Мне приходилось прятать лицо от оценщиков, которые являлись перед аукционами в мой дом, чтоб они не видели моих слез и моего позора!

— Вы всегда уверяли, что равнодушны к предметам роскоши.

Элджин явно глумился над нею.

— Я рассталась не только с предметами роскоши, мне пришлось расстаться и с дорогими моему сердцу воспоминаниями! Что мне теперь может

напомнить о днях, проведенных на Востоке, и о друзьях, которых я там приобрела? Вы полагаете, что к этому я также равнодушна? В отличие от вас я практичный человек. Вы полагаете, что каждая женщина должна выносить бесконечные беременности и роды, и ухудшение здоровья, и эпидемии чумы, и разъезды, которые мне пришлось пережить за время нашего супружества? Вы полагаете, что каждая женщина сохранит волю к жизни, потеряв горячо любимое дитя?

— Что вам оставалось делать, Мэри? Принять яд? Он относился к ее словам так, будто они смешили его.

Но она этого так не оставит.

— Я привела в порядок ваши дела, Элджин, а ведь даже ваши банкиры считали это нереальным. Если б не мои усилия, вы бы и сейчас оставались во французской тюрьме, где вам пришлось бы провести еще долгие годы. И если б вас наконец освободили, вы бы лишь сменили одну тюрьму на другую, оказавшись в долговой яме в Лондоне. Я пользовалась каждой возможностью, каждую толику своего очарования я пускала в ход ради вас. Я работала до изнеможения, чтоб мы могли оказаться там, где возможна жизнь в покое и довольстве. А все, на что оказались способны

вы, — это тратить последние ваши деньги на покупку мраморов, на которые никто и смотреть не хочет! Вы всегда знали, что дипломатия — это занятие для обеспеченного человека, и тем не менее продолжали службу, видимо предполагая, что платить за это стану я. Вы надеялись, что также я стану оплачивать и ваше увлечение коллекционированием, и перевозку этих сокровищ, и спасение тонн мрамора со дна моря. А вы еще ожидаете, что я оплачу вашу экстравагантную выставку! Я вас решительно не понимаю.

Он смотрел на нее с таким озлоблением, будто тоже устал держать в себе то, что давно просилось на язык и при этом было так просто и очевидно, что даже не заслуживало многих слов. Наконец Элджин заговорил:

— Вы сами знаете, как необходима нам эта выставка, Мэри. И вы оплатите ее. Вы оплатите ее из огромного состояния вашего отца. Ведь именно вы его и унаследуете, так как не имеете ни братьев, ни сестер. Вы оплатите ее, поскольку вы моя жена.

— Полагаете? Значит, мой долг жены требует от меня обанкротиться так же, как обанкротились вы? Но где же, вы думаете, мы с вами очутимся в таком случае? В долговой яме? Я путешествовала

с вами чуть не по всему земному шару, но в это место я отказываюсь следовать за вами.

— Но ваше состояние огромно, Мэри. Почему вы не позволяете мне им воспользоваться, хоть уверяете при этом в своей преданности? Почему вы позволяете своему отцу осуществлять контроль над вашими деньгами? Каждая приличная женщина передает подобные функции своему мужу. Это единственно правильное и подобающее решение. Но вы и ваш отец держите меня в унизительном положении, заставляя обращаться к вам с просьбами о деньгах, в то время как эти деньги принадлежат мне.

Долгие годы она подавляла и прятала от себя эту мысль, но сейчас пришло время высказать ее.

— Вы женились на мне ради денег моего отца.

В его равнодушном взгляде не было негодования, скорее эта мысль показалась ему настолько несущественной, что даже не требовала ответа. Но Элджин все-таки ответил:

— Вы были самой хорошенькой и умной из всех богатых невест.

Он что, полагает это комплиментом?

— Я не буду просить у своей жены денег на то, что мне необходимо сделать. Так низко я не опущусь. Вы поговорите со своим отцом и объ-

ясните, что нам необходимо устроить выставку мраморов, что они должны быть показаны заинтересованным лицам. Это необходимо, Мэри. И я запрещаю вам задавать мне дальнейшие вопросы на этот счет. Вы должны прекратить оспаривать мои суждения. Такое поведение неприлично.

Что ей было делать? Этот человек — ее муж. Именно его она когда-то выбрала. Он отец ее четверых детей. И уже слишком поздно что-либо менять в жизни. В нем ее настоящее и будущее. Но она все-таки получит то, в чем нуждается.

— Поскольку вы, кажется, выставили свои условия, то не окажете ли любезность выслушать мои, Элджин? Я согласна поговорить с отцом и попросить у него денег на выставку ваших мраморов, если этот шаг необходим для водворения мира в нашей семье. Но, подобно вам, я тоже избрала для себя жизненный путь. Вы не отвечали на мои письма. Возможно, вы полагали, что я действую под влиянием минуты, но мое решение остается неизменным. Я не хочу больше страдать. Я не хочу больше вынашивать для вас детей.

Ему и мгновения не понадобилось для ответа. В глазах Элджина сверкала непоколебимая уверенность.

— Полагаю, что, являясь моей женой, вы не

можете отказывать мне в выполнении вами обязательств, которые накладывает на вас супружество. Брачные узы влекут продолжение рода как конечной и обязательной цели супружеского союза. И это не моя прихоть, а божеское требование!

Очевидно, он прочел письма и обдумал ее предложение. И теперь она слышит ответ, который был таким же безоговорочным и категоричным, каким было ее решение. Элджина она знала достаточно хорошо, чтобы не сомневаться в этом.

— Если вы не можете согласиться на мои требования, то я не соглашусь на ваши.

Она надеялась, что ее голос звучал так же решительно и холодно, как его.

Шотландия, июль — декабрь 1806 года

В отсутствие родителей дети проводили много времени в Арчерфилде, и поэтому в поместье своих дедушки и бабушки они чувствовали себя как дома. Без отца они прожили большую часть жизни, и потому его отсутствие не стало для них горем. Детям только сообщили, что лорд Элджин имеет важные обязанности, для выполнения которых должен находиться в Лондоне, и что они с ним непременно увидятся, когда он освободится. У Мэри было мало занятий, и она проводила целые дни с детьми в том же саду, где и сама играла ребенком, гуляла с ними по пляжам залива там, где он соединялся с Северным морем, собирая ракушки или купаясь, когда позволяла погода. В результате долгих прогулок с матерью и дедушкой Брюс научился распознавать морских птиц и ужасно расстраивался, когда на его глазах толстый большой поморник нападал на маленького беззащитного тупика. Но, оставаясь джентльменом, он не открывал жестокой правды о поморнике своим сестрам.

— А то им еще приснится что-нибудь плохое, мама, — сказал он Мэри, когда она вошла в его

комнату с чаем и утешениями. — Маленькие девчонки обожают маленьких птичек.

Девочки и вправду были чувствительными созданиями, но и повеселиться тоже любили. Мэри с удовольствием слушала, как они обе хохотали до визга, если горничным разрешали уложить их в корзину поверх выстиранного белья и раскачивать, подбрасывая. Они умели быть и непередаваемо серьезными, сидя за своим вышиванием, и шаловливыми, играя в куклы. Когда дети были рядом с нею, Мэри могла без уныния смотреть в неясное будущее. Она не понимала, к чему могут привести отношения между ней и Элджином. В те дни она просто была счастлива со своими детьми и пыталась подготовить их к долгой разлуке с отцом, а себя — к свободе от его вечных посягательств на ее тело и ее деньги.

Тем летом на горизонте Мэри вновь появился Роберт Фергюсон. Он добился избрания в парламент и поселился в своем поместье, исполняя долг землевладельца. Едва прослышав о том, что она живет в Арчерфилде и в одиночестве, он просил разрешения навестить ее.

Родители Мэри не были этим довольны.

— Нам не по душе его визиты, Мэри. Они не нравились нам и в Лондоне. Этому человеку

известно, что ты замужем, и под предлогом оказания помощи твоему мужу он непозволительно злоупотреблял твоим гостеприимством, оставаясь подолгу в твоем доме. И даже проводя наедине с тобой вечера.

Голос матери приобрел те же непреклонные нотки, которые звучали в нем при разговоре с внуками, случись им не слушаться бабушку. Мэри же не слышала такого тона с самого детства.

— Но, мама, он и впрямь очень помог Элджину. Если б мистер Фергюсон не убедил сэра Джозефа Бэнкса и других влиятельных персон содействовать его освобождению, Элджин до сих пор оставался бы во Франции. Почему я должна терпеть упреки, даже от своей матери, когда все, что я пыталась сделать, это вызволить мужа из неволи?

— Я упрекаю не тебя, дорогая, а мистера Фергюсона. Его чувства к тебе более чем очевидны. Даже твой отец, для которого существуют только имущественные и денежные вопросы, заметил это. Фергюсон добрый, но опасный человек. Он не имеет понятия о моральных правилах и известен тем, что всегда ухаживает за замужними женщинами!

— Клянусь тебе, что ничего непозволительного

между мной и мистером Фергюсоном не произошло. Мы были глубоко озабочены хлопотами об Элджине и попытками оплатить его долги.

— Кроме того, — продолжала ее мать, — не думаю, что мистеру Нисбету приятно видеть у нас постороннего в то время, когда твои обстоятельства так неопределенны.

Ясно, что родители уже обсудили между собой отношения между нею и Робертом. Мэри замечала, как хмурится отец, когда из Рейта приходят письма за подписью Фергюсона, а сейчас она нуждалась в помощи родителей больше, чем когда-либо. Первоначально они расстроились из-за того, что она рассталась с мужем, но когда узнали всю правду о его эгоизме по отношению к ней и о его денежных требованиях, пообещали дочери полную поддержку.

— Ты права, мама, совершенно права. Присутствие мистера Фергюсона — при его неравнодушии и сложных чувствах ко мне — нам не требуется. Оно может нас компрометировать.

Она написала Роберту вежливое письмо, в котором выразила благодарность за его участие и великодушную помощь в прошлом, но при этом заметила, что не считает желательными их встречи в настоящее время.

В сентябре дни стали холодными и пасмурными. Когда начался светский сезон, Мэри решила отправиться в Эдинбург и провести там недели две. Миссис Нисбет предложила дочери сопровождать ее, но Мэри мечтала побыть одна. Ей хотелось навестить городских знакомых, посетить театры, купить тканей для зимних обнов себе и своей подрастающей детворе. Брюс пошел в отца и обещал стать высоким мужчиной. За лето он так вырос, что отложенные весной шерстяные брюки теперь не прикрывали угловатых коленок.

Мэри отклонила приглашения знакомых семей остановиться у них и предпочла снять номер в отеле «Форчун и Блекуэлл». Когда она спустилась в залу поужинать, то первым, кого она увидела, был сидевший в одиночестве за соседним столиком Роберт Фергюсон. Удивления при виде Мэри на его лице не отразилось.

— Леди Элджин, могу ли составить вам компанию?

— Конечно, мистер Фергюсон. Присаживайтесь, пожалуйста.

Он оставил нетронутым ужин и пересел за ее столик, захватив лишь бокал с вином. Осенью Мэри дала себе обещание держаться с Робертом

как можно более официально при встречах в замкнутом и узком кругу эдинбургского высшего света, но сейчас, видя, как он взволнован, как дрожат его руки, расплескивая вино, Мэри не могла не рассмеяться.

— Вы замечательно выглядите, мистер Фергюсон, — с лукавством заметила она.

На самом деле он, в стараниях промокнуть салфеткой основание бокала и смахивающий брызги вина с собственного рукава, выглядел ни в коей мере не замечательно.

— Какое чудесное совпадение — наша встреча здесь.

Появление официанта заставило ее замолчать.

— Могу ли принести ваш ужин сюда, сэр?

— Нет-нет, я уже отужинал, — отмахнулся от него Роберт.

Официант удивленно взглянул на едва початый ростбиф и еле заметно качнул головой. Он подхватил блюда и понес на кухню, намереваясь, как подумала Мэри, поужинать сам.

— Это никакое не совпадение, Мэри, — заговорил Роберт. — И конечно, вы сами это понимаете. Все эти месяцы я делаю все, что могу, чтоб быть в курсе ваших дел, и невозможность видеть вас буквально сводит меня с ума. Почему вы переста-

ли принимать меня?

— О, где же ваши светские манеры, мистер Фергюсон? Почему вы не спрашиваете, как я поживаю в Арчерфилде, и не выслушиваете терпеливо, как растут мои дети и как докучает подагра моему отцу?

— Боже милостивый, я состою членом парламента, и неужели вы думаете, что мой долг светского человека не выполнен в достаточной мере? Радость общения с вами всегда была главным для меня в нашей дружбе. Дружбе, которой мне так не хватает. — Произнося эти слова, он низко склонился к ней.

Мэри рассмеялась.

— Возможно, вам не следовало прерывать ужин, ибо в вашем взгляде столько жадности, будто вы намерены меня проглотить.

Она понимала, что ей не следует флиртовать и поддразнивать этого человека, но последние месяцы все ее время было отдано детям. Она не видела никого и ни с кем не общалась, это она-то, которая посещала балы и ужины в обществе самых известных людей мира и была украшением каждого светского события. Ей так не хватало внимания таких людей, как Роберт.

— Я должен поговорить с вами, Мэри. И прошу

не отказывать мне в этом. Могу я навестить вас в отеле?

— Вы с ума сошли! — испуганно шепнула она. — Мы в Эдинбурге, где нас обоих все знают. Я не хочу стать объектом сплетен в родном городе.

— В таком случае я сниму номер на том же этаже, где находится ваш. Я приду к вам сегодня в девять. Прошу вас, выслушайте меня, Мэри. Вы не пожалеете об этом.

— Нет, вы не должны этого делать. Сегодня вечером я иду в театр.

Мэри была в смятении. Она считала, что подготовила себя к возможной встрече с Робертом, но не предполагала, что останется с ним наедине. А он, хитроумно подстроив свидание с глазу на глаз, лишил ее возможности укрыться за завесой вежливости.

— Тогда я приду в одиннадцать.

Она хотела возразить, но он уже вставал из-за стола.

— Был рад нашей встрече, леди Элджин.

Он схватил шляпу со стула и, прежде чем Мэри успела ответить, вышел.

Мэри была охвачена волнением, когда перед началом спектакля занимала свое место в театральной ложе. Как ей заставить себя сосредо-

точиться на представлении эти два с половиной часа? Она мечтала посмотреть сегодняшнюю пьесу, написанную мистером Оливером Голдсмитом, в которой одна богатая женщина притворилась служанкой в надежде завоевать сердце любимого человека и стать его женой. Подруга Мэри, ее звали Катерина, сидела рядом и от души наслаждалась веселым сюжетом, то и дело обмахивая веером разгоряченное лицо. Ее муж находился по другую сторону от Мэри, и она видела, как колышется от хохота его внушительный живот. Но сама она испытывала лишь досаду. Почему женщине необходимо притворяться и хитрить для завоевания любви мужчины? Если бы она согласилась скрывать свою подлинную сущность, как делала эта героиня пьесы, и вести себя так, как хотел Элджин, — притворяясь служанкой, — она бы сохранила его любовь.

— Какая забавная пьеса, ты не находишь, Мэри? — обратилась к ней подруга.

— Да, очень забавная. Но, боюсь, у меня начинается приступ кашля, — сказала Мэри.

Она хотела как можно скорей уйти из театра, хоть ее и страшила мысль о том, что принесет вечер.

— По-моему, мне лучше уйти.

Несмотря на возражения Мэри, муж подруги проводил ее до выхода, знаком подозвал экипаж и велел вознице отвезти даму в отель. Входя в двери, она увидела, что в мужской гостиной сидит Роберт. Он устроился перед камином с бокалом бренди в руках.

— Добрый вечер, леди Элджин.

Швейцар поклонился ей, когда она проходила просторный вестибюль, и Роберт тут же поднял глаза. Казалось, все его чувства невероятно обострились сейчас, как, бывает, обостряются они у ловчего сокола во время охоты. Глаза их встретились, но Мэри поспешила отвернуться.

— Добрый вечер, — бросила она швейцару и поспешила к лестнице.

Она надеялась, Роберт выждет некоторое время, чтобы не нарушать приличий, но уже через десять минут раздался тихий стук в дверь. Она отворила, и в номер вошел Роберт.

— Я здесь для того, чтоб выразить свои самые глубокие чувства по отношению к вам. Нет смысла таиться, я решил быть предельно откровенным. Сядьте, пожалуйста.

— Должна напомнить, что вы находитесь у меня, и только я могу предложить вам присесть, но никак не наоборот. И я отнюдь не уверена в

своем желании сделать это, поскольку, признаться, устала от мужчин, навязывающих мне свою волю. Своей персоной распоряжаюсь я сама и сама решаю, намерена я или нет выслушать то, что вы хотите мне сказать.

Он перевел дух и глубоко вздохнул.

— Вы совершенно правы, Мэри, и я приношу свои искренние извинения. Могу ли я присесть? Позволите ли вы мне говорить с вами откровенно, Мэри?

— Не вижу, как могла бы остановить вас в этом. Полагаю, вам лучше сделать то, на что вы уже решились. Ваше решение кажется непреклонным, даже если оно приведет вас на путь, пагубный для нас обоих.

— Хорошо. У меня нет ни намерения, ни времени становиться на такой путь. Вот что я хотел бы сказать. Я люблю вас и хотел бы провести свою жизнь, доказывая правдивость этих слов. Я дам вам все, что не дал ваш муж. И ничего не попрошу у вас. Мне не нужны ваши деньги. Мне не нужны дети от вас. Мне не нужно ничего, кроме возможности видеть вас каждый день, идти рядом с вами по дороге жизни.

Он продолжал говорить, расхваливая ее замечательные качества и описывая чувства,

охватившие его со дня их первой встречи в Париже. Она не мешала Роберту говорить, а когда он замолк, сказала:

— Ваша речь была прекрасна, сэр. Вижу, что парламентские заседания развили ваше и без того незаурядное красноречие. Но ваши мечты о нашей совместной жизни несбыточны, вашим фантазиям противоречат неприкрашенные факты реальности.

Холодностью Мэри стремилась подавить волнение, вызванное страстью его слов.

— Моя мать считает, что я лишь одна из вереницы замужних женщин, которых вы хотели бы покорить.

— Это несправедливо, Мэри. Думаю, я доказал свою преданность вам.

Роберт выглядел искренно обиженным. Его глаза, искавшие ее взгляда, просили верить в истинность его любви.

— Когда я выходила за Элджина, я не сомневалась, что он без ума от меня. Но время показало, что он был без ума от тех возможностей, которые наш брак мог ему предоставить. Может быть, и у вас есть цели, в которых вы не сознаетесь? Я больше не та глупенькая девушка, которой была когда-то. И, откровенно говоря, я не позволю себе

стать одной из ваших жертв.

— Если вы говорите о времени, Мэри, то я готов предоставить его вам сколько угодно. Я лишь прошу позволить мне навещать вас. Я не могу жить, не видя вас.

— Вы слишком все драматизируете, сэр. Не думаю, что вам так уж жизненно важна моя взаимность.

Мэри пыталась ввести их беседу в более благопристойное русло.

— Мне необходимо контролировать себя вне зависимости от того, какие чувства мной владеют. Элджин — мой муж, я — мать его детей. Вы — член парламента, и все, что составляет наши жизни, может оказаться разрушенным, если мы дадим волю страстям.

Роберт не казался убежденным и мгновенно нашел возражения.

— Все, что составляет мою жизнь, — это вы. И остальное для меня пустой звук. Вы знаете меня, Мэри, знаете, как я презираю условности света. И так же я презираю капитуляцию перед ними. Если именно они держат вас связанной с этим человеком, я освобожу вас от него, даже если это будет последним моим делом в жизни.

Он встал на колени, взял ее руку и принялся

нежно покрывать поцелуями. Она так давно не ощущала мужской ласки, что не нашла в себе сил оттолкнуть его. Происходящее словно заворожило ее, оно тронуло и заставило звучать ту струну, которую она после размолвки с Элджином считала замолкшей навсегда. И мысль об этом страшила ее. Роберт поднес ее ладонь к лицу и держал так, будто в руках у него был самый редкий и драгоценный цветок.

— О Мэри, позвольте мне любить вас. Мы созданы друг для друга, небеса предуготовили нашу встречу, и они позаботятся о нашем союзе. Нам нужно в это верить.

Она хотела высмеять его снова, напомнив о его безверии, но тепло его дыхания на ее ладони, горящий взгляд его глаз не дали ей говорить. Он опустился рядом на диван. Снова и снова продолжал целовать ее руки, пока она не задохнулась. Затем обвил горячей рукой ее шею, и их губы слились.

Такого ощущения она прежде не испытывала никогда, хоть тысячу раз целовала своего мужа. Их рты приникли друг к другу так, будто были устроены по одной мерке. Он целовал ее нижнюю губу, потом верхнюю, затем мягко прикусил нижнюю зубами. Она любила мужа уже много лет, но

никогда не находила такого наслаждения в его прикосновениях, не испытывала такой полной погруженности в другого человека.

Он не ушел из ее комнаты, остался на всю ночь, целуя и лаская ее, говоря с нею.

— Вы видите, Мэри? Я не обижу вас. Для меня достаточно чувствовать вас рядом, касаться вашего тела рукой, вдыхать ваш чудный аромат, ощущать вкус ваших волшебных губ.

Они проговорили далеко за полночь, затем уснули рядом друг с другом. Роберт проснулся задолго до рассвета и мягким поцелуем в висок разбудил Мэри.

— Мне пора. Надо уходить, пока не проснулись служащие отеля и не начали беготню по коридорам.

Внезапно ей показалось, что она играет роль неверной жены в каком-то театральном представлении, будто она героиня этой пьесы, женщина без моральных принципов, обманывающая своего мужа.

— Что мы натворили, Роберт? Мы должны забыть нынешний вечер. Это не приведет к добру. Сейчас я закрою глаза и, когда вы уйдете, постараюсь вырвать память об этой ночи из своего сердца. И настаиваю на том, чтоб вы сделали то

же самое.

Она чувствовала себя такой несчастной, словно только что сломала стену, охранявшую не только ее репутацию, но мораль и кодекс общества, к которому она, Мэри, принадлежала и правилам которого должна была следовать. Она отдалась на волю волн, будто больше не владела собой. Она больше не была той, которой всегда считала себя — порядочной женщиной с незапятнанной честью и строгим поведением. Что же теперь она такое? Чем отличается она от Эммы Гамильтон и подобных ей, рассказами о которых пестрят газеты? Даже если этого изменения никто, кроме нее, не заметит, ей придется смириться с таким превращением.

— Но что такого мы сделали? Мы только начали жить, Мэри. Моя прежняя жизнь, все, что в ней было, перестала иметь значение. Вы это увидите. Нет ничего, с чем мы не смогли бы справиться, если будем вместе.

Она позволила Роберту навещать ее. Сначала его визиты были короткими и всегда проходили в присутствии матери и детей так, чтобы слуги или соседи, жадно ловившие каждый слух о пресловутой леди Элджин, не могли распространять злые сплетни об их отношениях. Но вскоре его

посещения стали более долгими, общение между ними приобрело ту легкость и радость, которых Мэри никогда не испытывала с Элджином. Роберт был счастлив уже ее присутствием, и ей не нужно было неустанно о нем заботиться в том или ином смысле. В отличие от дамы в пьесе мистера Голдсмита, ей не нужно было притворяться кем-то другим, чтобы завоевать его любовь. Он не хотел от нее ровно ничего, кроме того, чтобы она принадлежала ему.

Так прошло два месяца после их встречи в отеле Эдинбурга. Оба держали в узде свои чувства, но она страстно мечтала вновь ощутить его поцелуи. От Элджина не было никаких вестей. Он оставался в Лондоне, и она понятия не имела о том, чем он занимается. Мэри нашла, что ей до этого нет никакого дела, лишь бы он не вторгался в ее жизнь.

Роберту доставляло удовольствие рассказывать ей о своих надеждах и ожиданиях. Когда резкий ноябрьский ветер заглушал его слова так, что дети не могли их слышать, он принимался фантазировать, описывая возможный ход событий, который неизбежно должен был привести их к счастью. Она жена Элджина, это так, но у него плохое здоровье и он может умереть.

— Я готов ждать сколько угодно, если это необходимо, — говорил Роберт. — Я знаю Элджина много дольше, чем ты. Его высокомерие еще сыграет с ним злую шутку, если раньше его не доведет до беды плохое здоровье. Если ты будешь по-прежнему отказываться рожать детей, он вскоре найдет себе женщину, которая не станет ему в этом отказывать. И он разведется с тобой.

— Что? Он не может этого сделать! Это неслыханно! Сэр, вы отдаетесь на волю фантазии.

— Элджин не сможет жить в воздержании. В конце концов, он же мужчина. У него появится любовница, он оставит тебя в покое и больше никогда в жизни о тебе не вспомнит. К такого рода соглашению приходят многие супружеские пары. Когда-то я был участником подобной истории, ты ведь об этом знаешь?

— Видишь ли, если Элджин заведет себе любовницу, это одно. Но для меня вступить в любовную связь с кем-то означает совсем другое. Я не смогла бы жить тайной жизнью, Роберт, правда, просто не смогла б.

— Тогда все, что нам остается, — это ждать. Посмотрим, какие предложения будут у Элджина. Запомни мои слова, Мэри. Он что-нибудь непременно предложит. И тебе нужно быть готовой к

этому, так чтоб мы могли воспользоваться теми преимуществами, которые нам предоставят обстоятельства.

К концу ноября в Арчерфилд неожиданно пришло письмо, и когда Мэри прочитала его, она испугалась, что потеряет сознание. Элджин на ближайшей неделе собирался отправиться в Брумхолл и выражал надежду, что она и дети прибудут в свой дом в это же время. Он уступает в их споре и согласен продолжать семейную жизнь на ее условиях.

Мэри предприняла много усилий, стараясь сделать жизнь в доме удобной для Элджина и детей. После долгой разлуки с мужем, свободная от его посягательств, она стала испытывать обиду на то, что снова на нее взвален труд по обустройству его жизни. Когда они жили в Константинополе, она проводила долгие часы, мечтая о том дне, когда их домом станет Брумхолл. Теперь же жизнь в этих пустынных холодных комнатах пугала ее. На осуществление тех прекрасных планов, которые она строила когда-то, не было денег, и она не собиралась просить их у своих родителей, чтобы создать теплое и уютное гнездышко для человека, которого презирала. Что она должна делать? Мысль об Элджине была ей неприятна,

но она успокаивала себя словами из его письма: «я попытаюсь продолжать нашу семейную жизнь на ваших условиях». Это могло означать только одно: раздельные спальни и никаких физических контактов.

Роберт был огорошен, когда узнал о письме Элджина. Он попытался уговорить ее отклонить это предложение, но Мэри считала, что такой возможности у нее нет. Она не должна давать Элджину повод для каких-либо решительных шагов. Если она откажется жить с ним в одном доме, он получит основания для развода. И сможет отнять у нее детей. Мэри не сомневалась, что должна попробовать найти компромисс.

— Элджин долго не продержится, — уверял Роберт. — Запомни мои слова, Мэри. Стой на своем, не допускай никакой близости между вами. В таком случае он уйдет через пару недель. Ты сломишь его волю. Нужно дать ему понять, что его посягательства являются насилием в твоих глазах. Это вынудит его оставить тебя в покое.

Мэри понятия не имела, чего ей следует ожидать. По возвращении в Брумхолл Элджин всячески подчеркивал свою готовность идти на уступки. Первые несколько дней он делал вид, что не замечает сложности создавшейся

ситуации. Его поведение было олицетворением подчеркнутого великодушия. Он отвечал приятной улыбкой на любое слово Мэри, о чем бы ни шла речь, хоть, казалось, вовсе не слушал ее. Проявлял максимальную привязанность к детям. Проводил долгие часы в кабинете или библиотеке, читал или разбирал бумаги. Обедали они вместе, но застольные беседы были краткими и безличными.

Мэри не сомневалась, что у него есть любовница, которой он увлечен, но обнаружила, что ей до этого нет дела. Если он считает, что таковы условия их договоренности, пусть себе. Зато ей это обстоятельство обеспечивает полную свободу от его сексуальных посягательств. Ее чувства к Элджину сильно изменились. И мысль о близости с ним была для нее так же невыносима, как невыносима была прежде мысль о ее последствиях. Мэри считала, что Элджин и она вполне могут ограничиться дружескими отношениями. Такого рода соглашения заключают между собой многие супружеские пары.

Но после первой же недели Элджин стал терять спокойствие. Отпускал колкости в ее адрес, намекая на «супружеские обязанности». Его здоровье сильно ухудшилось, как всегда бывало при

неприятностях. Возвратились приступы кашля. Он мог встать, не извинившись, оставить жену и на долгие часы запереться у себя.

— Передайте лорду Элджину, что я намерена посетить могилу Уильяма, — сказала она однажды лакею.

Они общались только через слуг.

— Могу я спросить, не присоединится ли он к вам?

Вопрос был задан чисто формально. Лакею был известен ответ заранее. Натянутость в отношениях между лордом и леди Элджин была видна всякому, а никто так быстро не чувствует атмосферу в доме, как слуги.

— Нет, я поеду одна.

Данфермлайнское аббатство было унылым местом в любое время года, но этим пасмурным, мокрым декабрьским утром оно просто дышало грустью. Мэри нечасто навещала кладбище, на котором в одном из склепов покоилось тело сына. Память об Уильяме держала ее в постоянной меланхолии, которую она стремилась скрывать от остальных детей. Иной раз их прикосновение, их теплое любящее отношение будило эти воспоминания, сердце Мэри переполнялось горем, и она бежала от детей, чтоб укрыться в тишине

одиночества. Она надеялась, что когда-нибудь это пройдет.

«Жизнь, она и после смерти продолжается», — говорила, бывало, ее старая нянька-шотландка, когда кто-то начинал не в меру горевать.

Мэри понимала, что она права, но не могла гнать от себя переполнявшие ее мысли об умершем маленьком ангелочке.

Уильям покоился рядом со старшим братом Элджина. Юноша, в честь которого ребенок и получил свое имя, скончался, проносив титул едва полгода. Можно было побояться дать ребенку несчастливое имя, но они предпочли уступить традиции и почтить память умершего графа. Имело ли это значение? Мэри не поддавалась суевериям, но не оставляла попыток понять, почему Господь решил так наказать ее и забрать самое любимое ее дитя.

Она провела рукой по стене склепа, по вырезанным буквам имени сына. Единственный способ прикоснуться к нему, стать ближе. Окружали его члены семьи Элджин, но поместил сюда тело ее мальчика Роберт. После смерти ребенка Элджин расстроил ее, заказав для Уильяма памятник самой экстравагантной формы. Для установки этого монумента следовало переместить все

тела его предков, захороненных тут же. Только вмешательство мистера Нисбета помешало выполнению этого нелепого проекта. Меньше всего Мэри хотелось, чтобы о смерти ее крошки напоминали новые долги. Сейчас, куда она ни обращала взгляд, она видела только одну фамилию Элджин. Почему ее маленькое сокровище лежит тут, среди умерших Элджинов, которых он даже никогда не знал?

Что-то постороннее расстраивало ее в месте упокоения Уильяма, но она не могла понять, что именно. Ей казалось, он не должен лежать здесь, среди предков, которых никогда не видел. Не следует ли ей предложить Элджину перезахоронить их сына? Но куда в таком случае они его положат? Внезапно Мэри подумала, что относится к Уильяму вовсе не как к сыну Элджина. Конечно, это дитя было рождено ею от мужа, но в сердце она воображала его ребенком Роберта. Разве не он поддерживал ее в последние дни перед родами и в течение долгих недель после них? Разве не Роберт принял новорожденного в руки? Разве не он гордо шествовал рядом с нею по аллеям парижских парков, предложив ей свою сильную руку, когда она медленно поправлялась? Разве не в нем она так часто нуждалась, когда непомер-

ные требования Элджина лишали ее последних сил? В течение нескольких лет, с того самого момента, когда французы взяли под стражу ее мужа, она привыкла думать о Роберте как о своем спутнике.

Мэри печально обдумывала непростую ситуацию. Ей двадцать семь. Предположим, она сможет дожить до семидесяти, как дожили ее бабушки и многие вдовствующие дамы. Давно одиноких, мир видит их лишь изредка, когда они покидают свои покои, опираясь на руку заботливого родственника. Как в таком случае ей предстоит провести предстоящие шесть или пять десятилетий? Она обречена прожить их без любви? Единственным, что напоминало ей о возможности избежать такой судьбы, были письма Роберта, которые каждый день доставлял ей посыльный. К Роберту стремились все ее мысли. Она знала, что должна найти путь к нему. Женщина с таким темпераментом, как у нее, не может найти удовлетворения в платоническом браке. Как бы она ни старалась подавить свои чувства, одно письмо, полученное от Роберта, мгновенно будит в ней память о том, что значит быть любимой. Но что она может предпринять? Развод совершенно немыслим; для женщины

получить его невозможно, разве уж в случае беспримерной жестокости со стороны мужа. Но даже в последнем случае развод не гарантирован. Люди ее класса — как и ее характера — не разводились с супругами. Женщины, прошедшие через эту процедуру, у всех на виду, о них злословят, их сторонятся. Мэри не желала себе такой судьбы, как не желала делить ее со своими детьми или родителями. Даже в том случае, если бы она имела законные основания требовать развода. Но Мэри их не имела.

Она вернулась домой, прошла к себе, заперла дверь на ключ и села писать письмо.

Сегодня я была на могилке моего возлюбленного Уильяма. Друг мой, это вы опустили туда моего обожаемого ангела. Возможно, если б он мог видеть и знать, что происходит в мире, он бы заступился за нас. Элджин рассержен и даже не разговаривает со мной. Он держит свое обещание, но не думаю, что это может продлиться долго. Ради нас с вами надеюсь, что нет. Друг, я знаю, как счастливы мы могли бы быть вместе. Как только Элджин устанет от наших отношений и оставит меня, что, а я знаю этого человека, он непременно сделает, я стану вашей. Мы еще можем быть счастливы. Ничто не разлучит

нас. Каждое мгновение мои мысли будут с вами. Я вздрагиваю при мысли, что освободит меня только смерть. Сейчас, когда вы стали членом парламента, я не хочу компрометировать вас. Но мне невыносимо, что люди считают меня леди Элджин, его женой, а не вашей. Благослови вас Бог, мой дорогой Роберт. Будем хранить терпение и молиться.

Ваша Мэри

Ответ пришел немедленно, но Мэри не получила его. Она даже не знала о нем до того момента, пока Элджин не ворвался к ней в комнату, размахивая листом бумаги и вслух читая написанное:

Теперь я знаю, что моя Мэри любит меня и всегда будет любить, пока не сойдет в могилу! О, самое обожаемое из всех существ, мы всегда будем наслаждаться счастьем и восторгом, которые могут знать только сердца, связанные так, как связаны наши. Я буду ждать вас всегда.

В глазах Элджина сверкало бешенство.

— Я знал это! — прошипел он. — Вы обманывали меня не один год. Я понял это еще в Париже, но позволил вам убедить меня. Вы предательница и изменница. Ни Уильям, ни Люси не мои дети, и вам это известно. О боже, женщинам нельзя

доверять!

Он мерил шагами комнату, и Мэри была рада не видеть его глаз, в которых полыхала ненависть.

— Я давал вам слишком много свободы и в том моя ошибка. — Элджин говорил так, словно пытался понять причины произошедшего. — Женщины — безответственные существа, они идут на поводу своих чувств и похоти, как только им позволят обстоятельства. Ни одну из вас нельзя счесть достойной доверия мужчины!

— Элджин, я не изменяла вам, хоть при вашем отношении ко мне просто чудо, что я этого не сделала. За все годы нашей супружеской жизни вы не найдете в моем поведении ничего, что вызвало бы недоверие к этим словам. Но я для вас ничто, это понятно. Зачем вы вернулись в Шотландию? Вы знаете, что между нами нет ничего общего.

— Мое терпение истощилось. Мне следовало быть более суровым мужем, и больше я не совершу подобной ошибки.

Элджин вышел из комнаты, отказавшись говорить с нею. Она написала ему длинное письмо, объясняя, что совершила грех духовный, но не телесный. Ее тело никогда не принадлежало никому, кроме мужа. Она просила Элджина верить, что ее любовь к нему долгие годы была чистой

и преданной и она сохранила верность мужу, несмотря на то что в сердце ее закралось постороннее чувство.

Мэри не могла позволить Элджину заклеймить ее изменницей, ибо в таком случае ей предстояло бы на всю жизнь стать изгоем общества. Она не склонна вести образ жизни Эммы Гамильтон. Она происходит из порядочной и зажиточной семьи, она правнучка второго герцога Рутландского и внучка леди Роберт Мэннерс, чья родословная восходит к временам Плантагенетов. Именно таких, как она, считают средоточием всего доброго и приличного, что есть в женщине. Но если Элджин решится объявить ее неверной супругой, от нее все отвернутся. Он может привлечь на свою сторону силу закона и забрать у нее детей.

У нее нет иного выбора. Она должна унизиться и взять на себя роль раскаявшейся грешницы. Ни одному из судей нет дела до того, что причина неверности в поведении мужа, женщины не знают таких оправданий. Что бы она ни утверждала, на что бы ни жаловалась, ей не найти снисходительного слушателя.

— Я навсегда выброшу тебя из своей жизни. И ты со своим любовником получишь то, о чем так мечтаешь.

Таковы были последние слова Элджина, с которыми он в тот же день уехал в Лондон, оставив ее теряться в догадках относительно его следующего шага. Мэри не отпускала от себя детей, укладывала их спать в своей спальне, боясь, что он явится и заберет их немедленно. Прошло несколько недель, и она получила письмо от адвокатов мужа. Если доверенные лица с ее стороны перечислят на счет их клиента некоторые суммы, развод не будет предан огласке. Если этого не последует, супруг Мэри затеет публичный процесс, который покроет ее позором и изгонит из общества.

— Какой человек поступил бы таким образом со своими детьми? — спросил мистер Нисбет.

Ее отец не был уверен в том, что ему следует оказать дочери поддержку. Он не мог представить, какие обстоятельства могут заставить замужнюю женщину сбиться с пути. Мэри знала, как хотят родители верить в ее невинность, в то, что она не изменяла мужу, но оба сохраняли некоторый скептицизм в этом отношении. Мать с отцом были свидетелями того внимания, которое Роберт оказывая ей в Лондоне и здесь, дома, и это смущало их. Они объясняли дочери, что даже если она не виновна в адюльтере, ее поведение

скомпрометировало ее. Никто не поймет ни того, почему Роберт так много времени проводил в ее обществе, ни того, почему их часто видели вместе, словно они были супружеской парой.

— Элджин сейчас живет в Лондоне, где ищет склад для статуй, вывезенных им из Греции, — объяснила Мэри. — Он отчаянно хочет устроить их выставку, но не имеет средств. Эти мраморы — его главная страсть. Нам нужно немедленно дать ему денег. Если, показав всем свои статуи, он заставит мир признать, что лорд Элджин оказал человечеству огромную услугу, он удовлетворится.

Мистер Нисбет выглядел встревоженным.

— Он склонил меня принять участие в его коллекционировании. Может быть, мне следовало быть осторожнее. Серьезному человеку не подобает увлекаться такого рода предприятиями. Но я вышлю ему то, что он просит. Не допущу, чтоб моя дочь и внуки стали изгоями общества до конца своих дней.

Мистер Нисбет известил мистера Каутта о том, что предоставляет в распоряжение лорда Элджина требуемую сумму. По представлениям Мэри она была огромной, на такие деньги человек мог жить десятилетия. Конечно, Элджину их хватит

ненадолго, но Мэри была рада, что спаслась от угрозы разлуки с детьми, избавила себя и Роберта от унижений, которые Элджин мог обрушить на них. Когда он проведет свою выставку и уплатит часть долгов, она покончит все отношения между ними. Элджин, возможно, займет пост на дипломатической службе в какой-нибудь из далеких столиц, и они больше никогда в жизни не увидятся. Если ему случится приехать в Шотландию, она постарается организовать для него встречу с детьми, сама оставаясь в стороне. Когда же дети станут постарше, они смогут ездить туда, где несет службу их отец, и таким образом расширять свои познания о мире.

Подобные мысли помогали ей мириться с создавшейся ситуацией. Мэри не знала, что собирается предпринять Элджин, но догадывалась, что действовать он будет без огласки и промедления. Имея достаточно денег на то, чтобы отдать все внимание своей коллекции и ее демонстрации, Элджин оставит Мэри в покое. Но в том случае, если ему снова понадобятся деньги, ее отцу придется дать ему их ради того, чтобы избежать скандала. Это уже хуже. Но неплохо, что Элджин хотя бы согласен принять деньги.

Возможно, он согласится на развод, не под-

вергнув Мэри позору. Она будет опорочена, но происхождение и деньги родителей спасут ее от более печальной участи. И, как сказал Роберт, по истечении года она станет свободна и сможет вновь выйти замуж.

Поместье Арчерфилд, 22 июня 1807 года

Деньги отца и его связи сделали так, что Мэри узнала о предстоящих испытаниях раньше, чем они постучались в ее дверь. Шериф графства знал ее с детства и питал достаточно уважения к ее отцу, чтобы предупредить о том, что готовится. Все происходит в рамках закона, но уважение, которое он испытывает к мистеру и миссис Нисбет, а также к их дочери, заставляет его выказать им сочувствие.

Тем не менее в назначенный срок этот человек явился к ним в дом и зачел документ, в подлинность которого Мэри с трудом заставила себя поверить.

Да и сам шериф выглядел смущенным, когда ему пришлось читать следующее:

«Почтенный Томас Брюс, седьмой граф Элджин и одиннадцатый граф Кинкардин, ходатайствует о разводе с Мэри, графиней Элджин и Кинкардин, на основании неверности, учиненной ею с мужчиной или мужчинами, личности которых не установлены вышеуказанным Томасом, графом

Элджином, а также на основании того, что вышеуказанная графиня являлась плохой матерью. Приведенные обвинения будут доказаны в суде и узаконены соответствующим актом парламента. За время брака рождено пятеро детей, из которых четверо живы. Указанные дети будут переданы под опеку Томаса, графа Элджина, и будут жить с ним, вверенные его заботам и огражденные от контактов и общения с Мэри, графиней Элджин».

— Сожалею, леди Элджин, — сказал шериф, — но нарушить требования закона я не могу.

Они едва нашли силы закончить завтрак. Слуги, преисполненные любопытства, суетились поблизости, делая вид, что готовят чай или присматривают за детьми. Они прекрасно понимали, что происходит. Истории о детях, которых разлучили с матерями, уличенными в неблаговидном поведении, были широко известны. Молодые девушки — и некоторые из них принадлежали к семьям аристократии — развлекались, читая украдкой в газетной хронике подробности любовной аферы между леди Н. и сэром А., приведшей к тому, что указанная дама была лишена возможности видеться с детьми.

— Подумать только, эта особа, которая до встре-

чи с соблазнившим ее негодяем притворялась такой набожной, предпочла тешить плоть вместо того, чтоб заниматься воспитанием своих крошек!

Такого сорта истории были у всех на устах, и теперь Мэри предстояло стать предметом этих насмешек.

— Но мы отплатим ему! — вскричала она. — Он клялся, что не пойдет на это, если мы дадим ему денег. Подлый, лживый шотландец!

— Это не первый пример его двуличия, — подтвердил мистер Нисбет. — Но встреча с подлой натурой всегда бывает одинаково тяжелой.

— Прошу прощения, что прерываю вас, — вмешался шериф, — но мне надо забрать детей.

Он сказал это таким же тоном, каким мог попросить чашку чая, и посмотрел на Брюса, который в этот момент пробежал через гостиную, а по пятам за ним следовал слуга.

— Я не хочу к папе! Я хочу остаться здесь и играть в солдатики с моим Эндрю!

— Но тебе придется уехать. — Голос Мэри дрожал.

Она припала к отцу, спрятав лицо у него на плече, чтобы дети не видели ее страха. Она не плакала — еще нет, — но пыталась подавить

охвативший ее ужас и сохранить спокойствие при прощании с детьми.

— Папа хочет провести с вами лето. Это большой сюрприз.

— Пусть папа поцелует мою задницу, — выкрикнул мальчик и бросился вон из столовой.

Мистер Нисбет знаком приказал Эндрю следовать за ним. Скоро крики ребенка уже доносились из сада.

— Упакуйте кое-что из вещей, Эндрю, — шепнул мистер Нисбет лакею, когда тот, перекинув мальчика через плечо, поднимался по лестнице.

Малышка Мэри, во всем подражавшая брату, прижалась к юбкам бабушки.

— Я тоже не хочу уезжать. Я хочу остаться с сестрами.

Самые младшие оставались в детской.

— Вы всех их забираете? — спросила Мэри у шерифа. — Есть ли в этом необходимость? Я сию минуту отправлюсь в Брумхолл и переговорю с лордом Элджином.

— Вам не следует этого делать, леди Элджин. Подобные действия могут быть рассмотрены как враждебные или угрожающие и использованы против вас в суде. Мне приходилось встречаться с такими случаями. Не надо поддаваться истерике

и совершать необдуманные поступки. Они также свидетельствуют не в пользу матери.

— Значит, таков ваш закон?! — вскричала Мэри, и ее голос сорвался на крик так, что дочь оторвалась от бабушки и кинулась к ней. — Забрать у женщины родных детей и потом называть ее истеричкой за то, что она попытается протестовать?

Шериф пожал плечами:

— Не мы пишем законы, леди Элджин. Нам лишь приказано следить за их исполнением.

— Не называйте меня этим именем! Я не желаю больше зваться леди Элджин.

Элджин, Элджин, Элджин. Как ей когда-то нравилось звучание ее нового имени! Проснувшись на утро после свадьбы, она позвала горничную и долго забавлялась тем, что просила обращаться к ней, добавляя в начале и конце каждого предложения слова «леди Элджин», а потом валилась от хохота на кровать. Сейчас же сам звук этого имени был ей противен, он будил воспоминания о требованиях, которые предъявлял ей в постели ее безносый муж. Но требования, которые он предъявлял ей вне постели, были еще более отвратительны.

Миссис Нисбет вызвала няньку маленькой

Мэри и попросила ее отвести ребенка наверх. Мэри никогда не позволяла забрать у нее детей. Это случилось лишь однажды, в Неаполе, когда она повиновалась приказу Элджина, чтобы он мог совершить поездку по Италии, ту самую поездку, которая привела его в тюрьму, а их брак к руинам.

— Элджин пытается запугать тебя, Мэри, — сказал мистер Нисбет. — Держи себя в руках. Мы справимся с этим. Могу спорить, что перечисля хороший куш на его имя, и он вернет детей немедленно. Вымогатель!

— Как он посмел вызвать скандал в нашем доме? — возмутилась миссис Нисбет. — Кто еще мог бы поступить так со своими детьми? Затеять бракоразводный процесс с собственной женой? Это неслыханно.

— Наше негодование ничего не изменит. — Мэри постаралась успокоиться. — Шериф, что мы можем сделать?

Тот опустил голову и пожал плечами, в смущении повертел в руках шляпу.

— Вроде как ничего, миледи.

— Ничего? Мать ничего не может сделать для того, чтобы предотвратить потерю детей?

— Если отец требует установления своей опеки

над ними, ему никто не может помешать. Таков закон. Мне приходилось много раз сталкиваться с такими вещами. Сожалею, что ничем не могу помочь. Теперь, если вы не против, я должен доставить детей в Брумхолл и передать их опекуну, то есть лорду Элджину. В противном случае меня могут уволить.

Афины, десятый год тридцатилетнего перемирия со Спартой

— Судей можно либо разозлить, либо очаровать, Аспасия, — объяснял мне Сократ. — Я, конечно, посоветовал бы последнее. Уже твоя беременность, как явный знак любви Перикла к тебе, может привлечь их на твою сторону. Каждый человек сочувствует беременной, даже если она гулящая девка. Не старайся злить судей, и ты уйдешь из суда оправданной.

— Твоему совету не откажешь в мудрости, друг мой, но они так долго злили меня, что я хотела бы вызвать в них толику того же чувства.

— Человек может быть либо счастлив, либо прав, — отвечал Сократ. — Я предоставляю тебе самой решить, что для тебя более важно.

Сократ постоянно проявлял самый живой интерес к предстоящему суду и приносил мне свежие новости, как только они появлялись.

— Твой зять и его сообщница Эльпиника распространяют по всему городу слух, что ты превратила дом порядочного афинянина в вертеп и пыталась склонить свободных женщин

к занятию проституцией. Это обвинение, если будет доказано, грозит смертным приговором! Предстоящий суд будет самым интересным и занятным за последние годы. Меня это событие просто захватило.

Я была счастлива иметь друга, который мог помочь мне разработать стратегию поведения в суде. В качестве обвинений были выдвинуты оскорбление богов и сводничество, и мы с Сократом были убеждены, что по афинским законам ни одно из них не может быть доказано. Перикл с нами согласился и, уверенный, что меня оправдают, редко принимал участие в наших дискуссиях. Мы понимали, что неприязнь ко мне была вызвана тем, что я, чужестранка, оказывала влияние на самого важного человека в Афинах. Как выразился Алкивиад много лет назад, «так много болтала, что растеряла последний ум».

— Но болтать — вовсе не преступление, — говорила я Сократу. — Нет закона, запрещающего женщинам говорить.

— Это так. Но считается законом природы, что им следует помалкивать. И поэтому ты являешь собой угрозу естественному порядку вещей.

— Тем, что высказываю свои взгляды?

— Да! Ты первая из женщин, которой разреше-

но присутствовать на суде. Это само по себе уже неслыханно, уверяю тебя. То, что ты выражаешь свое мнение — по философским вопросам или обсуждая политику с Периклом, — твоя самая большая вина в глазах афинских мужей.

— Но как же Диотима? Она высказывает свои взгляды как философ.

— Диотима — жрица высокого ранга в глазах всего города. Когда она говорит, то делает это с разрешения Афины, и потому никто не возражает. Но когда говоришь ты, ты узурпируешь право мужчин на главенство. Когда ты даешь советы Периклу, ты узурпируешь права его сотрудников-мужчин. Когда ты открыто ходишь по городу где хочешь и ведешь беседы с кем хочешь, ты представляешь угрозу для мужчин, поскольку даешь основания их женам поступать так же.

— Давай вернемся на почву реальности.

— Только если велишь подать еще вина, — усмехнулся Сократ.

Мы сидели во дворике дома Перикла, где не так давно было поставлено для меня ложе. В жаркое время дня мне было тяжело находиться во внутренних комнатах, и теперь я могла проводить эти часы, лежа на подушках во дворе, под навесом из сурового белого полотна.

Я приказала принести вина и продолжала излагать свои мысли.

— Известно, что богиня Афина, которой поклоняются и возносят почести все добрые люди, обладает качествами, которые эти люди уважают и которым пытаются подражать, а именно: мудростью, отвагой, способностью разрабатывать планы, стратегию и тому подобное. Но так же известно, что богиня — женщина. Почему же в таком случае люди отказывают женщинам в обладании этими качествами? Разве это логично?

— Ты рассуждаешь правильно.

— И если женщины могут обладать такими качествами, то почему их мнение не может быть выслушано и принято в расчет? Почему для женщин недоступно то общественное поведение, которому следуют мужчины?

Я чувствовала, лицо мое разгорелось от волнения, с которым я выкладывала собственные аргументы, желая, чтобы Сократ счел их разумными.

— Я не возражаю против твоих доводов, Аспасия. Но в афинском суде они тебе не помогут. Все, что я могу тебе посоветовать в данном случае — покажи себя хорошей женщиной. Именно это хотят видеть судьи. Если ты покажешь себя

покорной и доброй, тебя оправдают. А если перед ними окажется та наглая шлюха, которой они тебя представляют, тебя ждет обвинительный приговор.

— Наверное, мне следует сделать пожертвование Пандросос и испросить дар послушания, — съязвила я.

— Думаю, это был бы неплохой шаг.

В его ответе не было и следа обычной для Сократа иронии.

— Разве ты не видишь противоречий в своих словах? Ты просишь меня разыграть роль покорной и доброй женщины, но сделай я это, и у меня не будет возможности опровергнуть их смешные обвинения.

— Но ты можешь показать, что эти обвинения лживы и смешны, если представишь себя в глазах судей разумной и скромной — то есть обладающей теми добродетелями, которые мы, греки, ценим превыше всего. «Ничего сверх меры», как велел Аполлон. Ты не должна демонстрировать неподобающие женщине чувства. Это очень важно. Опровергни представленные тебе обвинения, продемонстрировав достоинства, которые мы уважаем и высоко ценим в женщинах.

— Но мои аргументы логичны, а в Афинах ло-

гику тоже высоко ценят.

— К сожалению, когда ты начинаешь их выкладывать, твое лицо становится красным, а голос — визгливым. И если ты позволишь себе так горячиться, то предстанешь перед ними какой-то Медеей, пришлой чужеземкой, не понимающей главного. Вот что я хочу тебе сказать: всех, кроме самих себя, афиняне считают варварами. Сюда они относят и женщин. А варварам и женщинам присущи необузданность чувств и похоть. Предоставленные самим себе, такие люди могут разрушить то разумное и цивилизованное общество, которое мы создали. Ты не являешься уроженкой Афин и ты женщина. Оба эти обстоятельства работают не в твою пользу, а потому, Аспасия, не пытайся умничать, защищая себя, или у тебя будут крупные неприятности.

В этот момент ребенок у меня в животе брыкнулся, словно подтверждая сказанное Сократом. Я понимала, что мой друг прав. Пытаясь доказать, что женщинам могут быть присущи добродетели богини Афины, я не только не опровергну обвинений, но даже создам угрозу тем нормам, которые позволяют женщинам спокойно и незаметно присутствовать в публичной сфере.

— Ты согласен со мной в том, что такие обвине-

ния не выдвинули б против мужчины?

— Конечно согласен. Ни один из мужчин, позировавших скульпторам, еще не представал перед судом.

— И что мужчины могут приглашать к себе в дом кого угодно и не отвечают за поведение своих гостей. Согласен?

— Да, Аспасия, но в настоящий момент это не имеет отношения к существу дела.

— Твои доводы правильны, Сократ, но я действительно не понимаю, как могу разрешить эту загадку, оставаясь в роли покорной и доброй женщины.

— Лично я всегда прислушиваюсь к своему daimon[65], внутреннему голосу. Он мне всегда подсказывает, как надо себя вести. И я убежден, что у каждого человека есть внутренний голос, который управляет его поступками и его словами. Я призываю тебя прислушаться к твоему личному daimon и позволить ему провести тебя через это испытание.

Суд не мог быть проведен ни в одном из обычных помещений. Сгорающие от любопытства мужчины задолго до рассвета выстроились в

---

[65] notes: 65
От *греч.* διάβολος или δάίμον — черт, дьявол.

очередь, чтобы оказаться членами суда или быть допущенными на заседание. Всему греческому миру Афины известны своими «филосудами», стариками, которые готовы все время проводить в зале суда, выслушивая прения или заседая в жюри. Но слушание моего дела, казалось, превращает весь город в карикатуру на самое себя. Две тысячи мужчин горланили, предлагая избрать их в заседатели. Ни один из них не хотел отказаться от возможности увидеть, как меня станут судить за предполагаемые преступления, и ни один чиновник не хотел отказать в этом своим согражданам. В таких условиях даже Одеон оказался слишком мал для того, чтобы вместить толпу зрителей. Пникс[66], где проводило свои заседания Народное собрание, был отвергнут в пользу театра Диониса, возможно, для того, чтобы дать афинянам полюбоваться очередным театральным зрелищем, к которым они имели такую склонность.

Гермипп, выступавший в роли обвинителя, был отвратительным, одноглазым, бранчливым комическим поэтом. В театре Диониса он чувствовал себя как дома, ибо одна из его пьес

---

[66] notes: 66
Пникс — холм в Афинах.

была поставлена здесь несколькими месяцами раньше. В этой пьесе персонаж, которого он назвал Перикл, заядлый пьянчужка, пьянствовал не переставая, пока враги боролись против Афин. Ничто не могло быть дальше от правды, но пародия на одного из самых видных афинских граждан вызвала смешки в публике, даже со стороны самого Перикла, который всегда считал для себя недостойным узнавать собственные черты в подобных персонажах.

Магистраты уселись в ряд на мраморных скамьях, украшенных символами города — оливковыми венками, изображениями Афины с совой на плече и щитом. Когда я проходила к предназначенному мне месту, до меня донеслось взволнованное дыхание сидящих в зале. Сократ был прав: присутствие женщины на суде, даже если это суд над ней самой, было беспрецедентным событием. Я увидела Эльпинику, сидевшую среди тех, кому предстояло дать свидетельства против меня. Несомненно, жюри было известно, что я намерена сама вести защиту, поэтому они сочли справедливым, если обвинение будет выдвинуто другой женщиной. Судейский чиновник указал мне скамью, на которую я должна была сесть, и, увидев вырезанное на ее спинке изоб-

ражение Тесея, пронзающего мечом амазонку, я сказала ему:

— Место выбрано, наверное, не случайно. Она тоже женщина-жертва.

Я села и постаралась успокоиться. Мрамор, нагретый лучами восходящего солнца, приятно грел спину, боли в которой я испытывала в течение уже нескольких недель. Мне сказали, что это обычное явление при беременности.

В центре сцены, как во многих других театрах Греции, возвышался огромный алтарь. Я тут же мысленно представила себя лежащей на нем в качестве жертвы, принесенной в угоду врагам Перикла. На этом самом месте я сидела раньше, когда посещала вместе с Периклом театральные представления. Не в последний ли раз я здесь нахожусь? Никто не предполагал, что, если обвинение восторжествует, меня могут казнить, но некоторые думали, что меня, возможно, изгонят из города. Если б когда-либо Перикла подвергли остракизму, я, безусловно, последовала бы в изгнание вслед за ним и мы бы продолжали жить вместе. Но если буду выслана из Афин я, он, наверное, не сможет отправиться за мной. Угроза такого исхода пугала меня больше всего.

Подготовка к слушаниям не была продолжи-

тельной. Гермипп, щуря под лучами солнца свой единственный глаз, повторил выдвинутые обвинения — безбожие и сводничество. Двое свидетелей обвинения — Алкивиад и Эльпиника — сидели на противоположной от меня стороне вместе с несколькими молодыми людьми, в которых я узнала учеников Фидия. Алкивиад избегал встречаться со мной глазами, Эльпиника же, наоборот, смотрела на меня в упор, подобно тому, как волк смотрит на растерзанную им добычу. Но я еще не была растерзана, и позже они в этом убедились.

Меня переполняла уверенность, возможно, потому, что я была беременна. Женщины должны оберегать своих чад, и эта ответственность может принять грозные формы. В первые месяцы беременности я чувствовала себя уязвимой и слабой, но теперь, полгода спустя, жизнь бурлила во мне и с ней бурлила моя любовь к ребенку. Я запомнила слова Сократа и стала называть это чувство своим демоном. Я чувствовала, что сегодня мой внутренний голос проявит себя и, как сказал мой друг, поможет мне пройти через испытание.

Перикл не сел рядом со мной, мы не хотели создавать впечатления, что нас судят вместе. На стороне защиты выступал только один свиде-

тель — Диотима. Она сидела на месте, обычно предназначенном для верховного жречества. В суд не явился ни один из мужчин, чьи жены просили разрешения посетить пирушку Перикла. В городе гнев против них за то, что они позволили своим женам такую вольность, был очень велик, и некоторые из них жаловались, что боятся подвергнуться остракизму. Диотима выглядела слегка раздосадованной, возможно, тем, что этим утром была вынуждена отступить от привычных занятий. Я только надеялась, что заседание не покажется ей чрезмерно долгим. Если солнце, по ее представлениям, станет слишком припекать, она может просто встать и уйти, оставив меня без своих показаний.

Так же сильно меня тревожило присутствие на заседании членов Совета десяти, учреждения, отвечающего обычно за состояние дорог. Но помимо этой функции именно Совет десяти устанавливал таксы для уличных женщин и улаживал споры между ними и мужчинами, которым они оказали услуги, или между мужчинами, добивавшимися их услуг. Члены этого совета обычно не выносили решения в пользу женщин — для них клиент всегда оказывался прав, возможно, не в последней степени потому, что они сами часто

бывали в роли такого клиента. Но почему они присутствуют на этом суде? Я сказала себе, что вскоре узнаю причину.

Как раз когда Гермипп вызвал первого свидетеля, в зал вошел Сократ и приветливо помахал мне, будто мы с ним встретились на рыночной площади. Сократ собирается давать показания в мою пользу? На него было бы похоже явиться сюда без приглашения, встать и начать многословное словоизвержение в доказательство моей невиновности. Ему бы следовало спросить моего разрешения, прежде чем выступать в мою защиту. Но вместо этого он вдруг сел рядом с Эльпиникой. Я была поражена до глубины душа. Мне и во сне не могло привидеться, что Сократ может предать меня и согласиться выступать заодно с моими обвинителями. Я надеялась, что сумею побороть гнев и обиду на это чудовищное предательство и выступить, не потеряв самообладания. Кто, как не он, советовал мне воздерживаться от проявления эмоций на суде? А раз так, он мог бы догадаться о том, как расстроит меня его появление. Уверенность, не изменявшая мне до сих пор, начала покидать меня, сменяясь нервным беспокойством.

Выступить первой было предоставлено Эль-

пинике.

— Аспасия, с тех пор как прибыла в Афины, не внесла в наш город ничего, кроме зла. Кровь афинских героев обагряет ее руки! Каждому известно, что Перикл подверг осаде остров Самос в угоду ей, из-за того, что она пожаловалась на агрессию Самоса против ее родного Милета. И будто ей этого показалось мало, она воспользовалась своей дружбой с Фидием и уговорила его запечатлеть черты ее в лике богини Афины.

Гермипп важно кивал.

— Совет магистрата заявил, что сходство весьма сомнительно, — заговорил он, — но оставим это защитникам. Аспасия намеревалась оскорбить богов, а любое оскорбление богов есть акт безбожия, карающийся по закону.

Афиняне, Эльпиника — славная женщина. Мы знаем ее как покровительницу искусства и подругу по крайней мере одного из лучших наших художников. Давайте послушаем, как она узнала, что Аспасия совершила свой безбожный поступок.

Эльпиника гордо выпрямилась.

— Благодарю тебя, Гермипп, за то, что ценишь мой вклад в искусство. Я люблю быть в курсе событий, происходящих в сфере искусства, как

любит это каждый его покровитель. И эти молодые люди, которые готовы засвидетельствовать преступление Аспасии, однажды рассказали мне, что она позирует Фидию. Мне было известно, что он как раз работает над колоссальной статуей для храма, оплаченного из общественных фондов.

Она продолжала расхваливать себя за то, что руководит искусством, расписывать, как к ней все обращаются за советами из-за ее особых отношений с Полигнотом. Теперь, когда этого гениального художника уже нет в мире, молодежь считает ее выразительницей его взглядов и ищет ее общества. Конечно, она платила им за информацию, как водится у таких старух, но об этом они не станут сообщать на суде. Она же продолжала свое хвастовство, и, говоря откровенно, я была довольна тем, что она привлекает внимание к собственной особе, отвлекая его от меня и уже прискучив жюри своими россказнями. Так она болтала, пока ее время не истекло и Гермипп не вынужден был напомнить ей об этом. Когда же Эльпиника вернулась на место, вызвали учеников Фидия, которые в немногих словах подтвердили то, что она уже сказала, — они, дескать, видели, как я несколько раз позировала Фидию в то время, когда он работал над извая-

нием Афины.

— Мы не можем допросить Фидия, поскольку он, выполняя некое поручение, выслан в Олимпию. По заданию Перикла, между прочим. Очень предусмотрительно, Перикл. — Гермипп вытянул свой длинный палец в сторону Перикла. — Но у меня есть трое свидетелей, которые работали со скульптором и своими глазами видели, как Аспасия позировала Фидию. Один из них будет сейчас давать показания. Я вызываю в свидетели скульптора Сократа, сына уважаемого каменотеса Софроникса. Сократ в течение трех лет работал с Фидием над созданием Парфенона на Акрополе.

Я боялась, что меня вырвет, когда мой друг на моих глазах встал и приготовился выступать. Ему были известны самые тайные мои мысли, известны потому, что мы с ним с первой встречи чувствовали, что близки духовно. Неужели я услышу свои собственные слова, направленные против меня?

Сократ дал те же показания, что и двое учеников перед ним. Когда я слушала его рассказ о том, что он видел меня позирующей, я едва могла верить своим ушам. Он давал показания против меня, и я смотрела на него во все глаза, но он ни разу не взглянул в мою сторону. Иногда

свидетелей принуждали давать показания, и, может быть, Сократ пришел сюда из страха перед своими родными, угрожавшими ему? Но на него это не похоже. Он не из тех, кого легко запугать. Я не сомневалась, что он-то явился в суд по доброй воле.

— Могу ли я добавить еще кое-что, что поможет суду установить правду? — обратился он под конец к Гермиппу.

Я напряженно замерла в ожидании последнего предательства. Волнение мое было так велико, что я боялась, не случился бы выкидыш.

— Всему Акрополю я известен как большой любитель вести различные беседы. Спросите кого угодно, и вам скажут, что Фидий провел много часов в диалогах со мною, и не только потому, что уговаривал меня приняться наконец за работу.

В первый раз некоторые из беззубых старцев в жюри заулыбались. Я бы тоже хотела рассмеяться, но побоялась, что это веселье обернется против меня.

— И в этих беседах Фидий часто описывал достоинства и добродетели не самой Аспасии, а ее внешности. Он говорил, что лицо Аспасии является единственным, в котором отражены те же красота и смелость, которые, как он знает, прису-

щи богине Афине. Фидий действительно просил Аспасию позировать ему, и она согласилась. Это так. Но Аспасия не знала, что он намеревался воспользоваться этим для изображения богини.

Теперь заседатели стали громко переговариваться между собой, и председатель вынужден был призвать их к порядку.

— Также много времени я провел в беседах с Аспасией. Видите, друзья, я заслужил свою репутацию любителя бесед. И могу вам сказать, что Аспасия — хорошая женщина. Она обладает таким качеством, как покорность, она не любит прекословить и перечить мужчинам. Конечно, Аспасия не стремилась позировать Фидию. Она не считала это приличным для женщины и даже боялась, что когда об этом узнает Перикл, он может рассердиться. Но она не любит возражать и потому дала свое согласие из послушания Фидию, который является другом и единомышленником Перикла.

Члены жюри снова стали переговариваться между собой. Алкивиад вскочил с места и сердито затряс кулаком в сторону Сократа.

— Какая отъявленная ложь! Это Аспасия покорная женщина? Да она упряма как бык. Она всем Афинам известна как возмутительница

спокойствия, которая не умеет держать язык за зубами. Да она не замолчит ни при каких обстоятельствах!

— Но сейчас-то она как раз молчит, — спокойно ответил Сократ.

Все в зале громко рассмеялись, магистраты стали стучать молоточками, требуя тишины. Когда присутствующие замолчали, Сократ продолжал:

— Аспасия умная женщина, это так, но она всего лишь женщина, то есть объект, подчиняющийся воле мужчины. И когда к этой женщине обратился мужчина с репутацией и славой Фидия, известный всей Греции своими талантами, что ей оставалось делать, как не подчиниться ему? Разве могла она осмелиться отказать Фидию? Такой плодовитый художник, как наш великий скульптор, ищет прообразы везде, и я уверен, что наша славная Эльпиника, знакомая с привычками гениев, засвидетельствует этот факт.

Женщина кивнула, но с лица ее не исчезло выражение презрения. Сократ, не обращая на нее больше внимания, обернулся к судьям.

— Если лицо Аспасии вдохновило мастера, когда его резец высекал черты лика богини, то сама Аспасия здесь ни при чем и вины ее в этом нет.

Гермипп принялся нетерпеливо расхаживать

по сцене, раздраженный неожиданным поворотом событий. Он явно нервничал, желая поскорей избавиться от Сократа, пока тот не причинил еще большего вреда процессу. Но Сократ, лучезарно улыбаясь жюри и кланяясь, уже окончил свои показания. Роль нарушителя порядка была ему по душе.

— Откуда у тебя уверенность в том, что Аспасия не подозревала о намерениях Фидия? — мрачно спросил Гермипп.

— Я имею удовольствие быть в дружбе как с Аспасией, так и с Фидием, и уверяю тебя, что мало в чем я так уверен, как в этом.

Гермипп открыл было рот, чтобы отпустить Сократа, но тот продолжал:

— Афинские мужчины обращаются к Аспасии за разумным советом в таком иррациональном вопросе, как их отношения с женщинами. Ее способность рассуждать здраво и логично известна всем в нашем городе. А ни один здравомыслящий человек не станет совершать злого деяния, поскольку известно, что прежде всего оно может навлечь гнев общества на совершившего. Аспасия искала не гнева общества, она искала его доброго отношения.

Театральная обстановка явно разбудила в нем

дремлющего актера.

— Благодарю, Сократ. Теперь, прошу, оставь сцену, — твердо заявил Гермипп.

Сократ оказал мне неплохую услугу, уверяя судей в моей невиновности, но какая-то мятежная часть моего «я» стремилась доказать, что он не прав. Сумев добиться этого, я получила бы удовлетворение, но, несомненно, ухудшила бы отношение ко мне судей. Чего я все-таки хочу, оказаться правой или быть счастливой? Я хотела быть правой, всю жизнь я сопротивлялась роли покорной женщины. Для того чтобы спасти, Сократ перед всеми Афинами назвал меня покорной, но мне, хоть это и было в моих интересах, не хотелось соглашаться с этим. Во мне шла борьба, и я знала, что ее-то я проиграю. Ради своего ребенка, если не ради самой себя, мне следует пойти на компромисс. Я надеялась, что, когда настанет мой черед выступать, мой daimon, мой внутренний голос не станет жертвой этой борьбы, а подскажет мне надлежащий путь.

По мере того как солнце поднималось, в зале становилось все жарче, и вместе с температурой буря во мне разгоралась все сильней. Меня терзали самые разные мысли, и я не сразу поняла, что суд уже перешел к рассмотрению второй части

обвинения — обвинения в том, что я склоняла порядочных женщин к занятию проституцией.

Встал Алкивиад. Он взглянул в мою сторону, злорадно ухмыльнулся и, повернувшись к членам жюри, обратился к ним с заранее подготовленной речью:

— В доме нашего уважаемого Перикла — и приличным людям это может показаться крайним бесстыдством — женская половина не отделена от помещений, в которых находятся мужчины. Порядками во всем доме управляла незамужняя женщина Аспасия, то есть куртизанка. Я, конечно, запретил моей жене являться в это жилище, несмотря на то что Аспасия ее родная сестра.

Я хотела вскочить и задать ему вопрос, является ли преступлением то, что женщина свободно ходит по дому, в котором живет, как вдруг меня осенило, что, может, это и так. Не так уж хорошо я была знакома с законами, принятыми в Афинах, чтобы знать все их подробности. Я почти не сомневалась, что раздельные покои мужчин и женщин в доме являются скорее данью традиции, чем повиновением законам, но уверенности в этом у меня не было. Во всяком случае, порядки, принятые в доме Перикла, привели судей в смятение, и они принялись жадно переговариваться.

— Эта женщина наверняка является ведьмой, сведущей в приготовлении ядовитых зелий, — продолжал Алкивиад. — Иначе как ей бы удалось заставить афинского деятеля вести такой беспорядочный образ жизни? Заставить его потакать ее прихотям? Своим поведением она разрушает законы самой природы.

Его собственная природа, побуждая выражаться напыщенно, увела его от темы, и я видела, что Гермиппу не терпится вернуть свидетеля к обсуждаемому предмету, то есть к обвинениям против меня.

— Алкивиад, ты утверждаешь, что своими глазами видел, как Аспасия склоняла жен афинских граждан к ремеслу проституции. Что же ты видел?

— Когда я вошел во двор дома Перикла, организованная Аспасией оргия достигла кульминации. На глазах у всех ее участников происходили половые сношения между мужчинами и женщинами. Аспасия пригласила к себе порядочных женщин с явной целью развратить их и заставить заниматься тем же ремеслом, которым занимается сама. Она даже пыталась склонить меня разрешить жене участвовать в этой оргии, но я имел мудрость отказать ей в этом. И я счастлив за-

явить, что скромность моей жены не подверглась искушению.

Затем Алкивиад продолжал:

— Присутствовавшим там женщинам подавали неразбавленное вино. Я убедился в этом сам, попробовав его. Я не мог поверить в то, о чем говорили мне мои чувства.

Это было отъявленной ложью. В действительности все обстояло как раз наоборот — я сама отдала слугам приказ разбавлять вино, которое они станут предлагать женщинам. Так какой же из напитков он пробовал? Мне даже казалось, что он пробыл так недолго, что вообще ничем не угощался.

— Сограждане афиняне, опьянение может быть единственным объяснением тому, что я видел своими глазами. А я видел, что присутствовавшие там жены афинских граждан наблюдали за актами совокупления так же открыто, как они могли бы наблюдать за театральным действом.

Теперь судьи действительно получили повод для бурных дискуссий. Алкивиаду пришлось возвысить голос, чтобы его слышали все в зале.

— Мои сограждане афиняне, сейчас я вам расскажу нечто еще более возмутительное. Под влиянием Аспасии женщины даже выстроились

в очередь, чтоб принять участие в публичных сношениях с мужчинами! Аспасия ухитрилась превратить дом Перикла в настоящий бордель, а замужних женщин в проституток.

— А наш олимпиец Перикл при этом тоже присутствовал? — с сардонической улыбкой осведомился Гермипп. — Или он удалился, чтоб по обыкновению предаться беседам с богами?

— Он находился наверху, в своей спальне, без сомнения поджидая, когда к нему приведут развращенных женщин. Думаю, что он превратил свое жилище в настоящий публичный дом для того, чтоб извлекать доход и оплачивать свои экстравагантные строительные предприятия! Я в этом не сомневаюсь.

— Ну, это уж преувеличение, дорогой Алкивиад. Но почему ты думаешь, что афинские мужи согласились на то, чтоб их жены явились в этот приют разврата и распутства?

— Потому что их заставил Перикл, конечно. Под властью этого человека Афины перестали быть оплотом демократии, а превратились в монархию. Он считает себя верховным владыкой. Его поведение стало авторитарным, будто этот человек взял за образец тирана Креонта из трагедии Софокла «Антигона».

— А совращенные женщины? Мы знаем, что случилось с ними?

— Их мужья, может быть, наказали их, как сочли необходимым. Нет причин тащить женщин сюда и выставлять перед мужчинами так, как это постаралась сделать Аспасия. Женщина должна сидеть дома, там ее место. И, наказав Аспасию за ее преступления, мы еще раз подтвердим это уложение. Афиняне, в наши дома должен вернуться порядок. Женщины Афин привыкли держаться подальше от куртизанок. Сейчас они будто пытаются подражать им — они стремятся посещать пиры, неумеренно пить вино, распутничать.

— Благодарю за такое красноречивое выступление, Алкивиад, — сказал Гермипп. — То, что ты заявил, правда. Порядок в Афинах перевернут с ног на голову.

Он обернулся к жюри:

— Вынеся приговор виновным, сограждане, мы сумеем избавить наш город не только от Аспасии, но и от ее влияния, которое, как мы видим, оказалось тлетворным для наших женщин. Если Аспасия намерена вести себя подобно хозяйке борделя, пусть она делает это как положено, на законном основании. Мы пригласили на слушания членов Совета десяти, и если этой женщине будет

вынесен обвинительный приговор, то Совет подвергнет ее соответствующему штрафу, после чего ей придется платить налог, который обязаны вносить все содержательницы борделей.

Я не хотела оборачиваться и смотреть на судей, но слышала, как они переговариваются. Мне казалось, что Гермипп всего лишь пытается меня унизить, обзывая «содержательницей борделя», как бы он сделал в какой-нибудь из своих пьес, если б ввел меня в качестве персонажа. Но по тем словам, которые до меня доносились со стороны жюри, оно отнеслось к его предложению серьезно.

— И правда. Если женщина хочет хозяйничать в публичном доме, пусть ее!

Я услышала это восклицание от мужчины позади и не могла поверить своим ушам, когда до моего слуха донеслись выкрики, выражающие согласие с ним.

— Кто может догадаться, что произойдет, если гнев овладеет Афиной, богиней-девственницей, хранительницей женской чести и набожности? Какие несчастья сулят нашему городу действия Аспасии? — продолжал Гермипп. — Позировала ли Аспасия скульптору, желая нанести оскорбление богине, или она не имела такого намерения

— не имеет значения. Факт в том, что лицо проститутки запечатлено в облике статуи богини нашего города. Факт в том, что респектабельных женщин вовлекли в дом Перикла, где они участвовали в разнузданных оргиях. Только обвинительным приговором и наказанием виновной мы можем утишить гнев богини Афины. Проголосовать за наказание Аспасии — значит проголосовать за спасение Афин.

Речь Гермиппа вызвала бурные овации со стороны жюри. Волна негодования публики, направленная против меня, была велика. Я подумала, что мне даже могут вообще не предоставить возможности выступить в свою защиту. А если все-таки предоставят, то не окажется ли под угрозой моя жизнь?

Я бросила взгляд на Перикла и увидела, что он сохраняет полную невозмутимость. Его хладнокровие, обычно сообщавшее мне спокойствие, в этот раз вселило тревогу. Разве может он оставаться спокойным, понимая, как серьезны обвинения против меня и какое одобрение они получают со стороны судей? Дает ли он себе отчет в том, к каким последствиям они могут привести? Мне не хотелось поддаваться страхам в такой момент, когда мне нужно встать и перед

лицом тысяч мужчин выступать в собственную защиту, но вдруг мне пришло в голову, что, возможно, Перикла убедила тяжесть обвинений и они настроили его против меня. Не было бы ему легче исполнять свои обязанности главы города, если б его женой была почтенная афинянка, которая безвыходно проводила бы все дни в доме, а не такая любовница, как я, мишень всеобщей критики? Кажется, он до смерти устал защищать меня, тем более что у него есть так много более важных занятий.

Настало время выступать мне в свою защиту. Я встала и положила руку на живот, обращая внимание на то, что беременна. Я не собиралась упускать шанс вызвать к себе симпатии и сочувствие, подчеркнув, что беременную женщину подвергают таким ужасным испытаниям.

— Не в первый раз на этой сцене ты представляешь плоды своего собственного воображения, Гермипп, — начала я. — Но тебе не следует беспокоиться об успехе. Всякий восхищается твоими выдумками, и нынешний день не исключение.

Я обвела взглядом ряды зрителей. Театр этот, как говорили, вмещает пятнадцать тысяч зрителей, и сегодня он был полон не меньше чем наполовину. Я не была актером, обученным

декламации и ораторскому искусству, и могла только надеяться, что мой голос будет услышан и на задних скамьях. Также я не собиралась надрываться и вопить, как делал Алкивиад, и поэтому нуждалась в другой тактике, чтобы привлечь внимание зала.

— Я мысленно составила перечень обвинений, выдвинутых против меня сегодня здесь, и многие из них не имеют ничего общего с теми, которые были представлены суду прежде. Но я попытаюсь ответить на каждое из них и тем положить конец смешным слухам обо мне.

Что касается нелепой идеи, что я разожгла пожар войны между Самосом и Афинами, на ней я даже не стану останавливаться. В любом случае это обвинение не может быть доказано и оно не фигурирует среди предъявленных к сегодняшнему суду. Никому не известны мысли Перикла. Может быть, он и отправился воевать с Самосом из-за меня. Ты считаешь, что развязать войну из-за женщины аморально, но тебе придется признать, что это не незаконно. Стоит тебе отправиться туда, где афинские законы записаны, чтобы каждый мог прочесть их, и ты убедишься в этом сам. Ни в одном из них не сказано, что вести войну по приказу женщины является пре-

ступлением.

До моего слуха донеслись смешки со стороны судей, и должна признаться, что мне доставило большое удовлетворение высмеять комического поэта.

— Хороший обвинитель обязан придерживаться фактов. Тут станет очень жарко, и слушатели омоются потом к тому времени, когда мы закончим. И я хочу, чтоб свидетели, приглашенные тобой, учли это. Иначе каждому сегодня придется принимать ванну дважды.

Новый взрыв смеха.

— Мы сегодня слышали много разговоров о природном порядке вещей. Поэтому я спрашиваю вас, афиняне, ведь вы так любите ваши законы, записано ли на какой-нибудь из стел на Агоре, что женщина не должна нарушать природного порядка? И является ли природным порядком записанное вами на стелах Агоры? Афинский закон, касающийся женщин и природного порядка, чем бы этот последний ни являлся, должен быть разъяснен и уточнен прежде, чем вы станете меня судить за его нарушение.

Меня обвиняют в безбожии и — о, это так глупо звучит, что мне даже стыдно повторять это слово, — в сводничестве. Чтоб освежить память

моих почтенных судей, я зачитаю закон, касающийся безбожия.

Существует четыре формы проступков, подпадающих под определение безбожия, сформулированных в законе. Я подчеркну, в афинском законе. Первым является нарушение правил проведения религиозных праздников. Поскольку я никогда не принимала участия в праздниках, лишь однажды была приглашена возглавлять процессию женщин-чужеземок во время Панафиней — и мое поведение во время оной здесь не обсуждалось, — не вижу причин, по которым меня можно обвинить в безбожии на этом основании.

Второе деяние, характеризующее безбожие, — это похищение храмовых средств, по которому обвинений мне не предъявлено.

— Изготовление статуи Афины было оплачено из общественных фондов, Аспасия, — прервал меня Гермипп, — значит, я могу сделать вывод, что ты похитила общественные средства.

— Гермипп, я приглашу тебя в дом Перикла, где живу, и можешь поискать там золото. Либо пойдем прямо сейчас, либо прекрати трактовать афинские законы так произвольно и включать в них все, что тебе заблагорассудится. Кроме того, я могу предположить, что это ты намерен похитить

общественные средства, учредив сегодняшний суд. Советую тебе взглянуть на многочисленных судей, чей труд будет оплачен из общественных средств.

Несколько стариков застучали об пол тростями в знак одобрения моих слов. Мне это придало уверенности, и я стала продолжать в том же духе:

— Третий вид проступков, относящихся к безбожию, есть ограбление храма. И скажу опять, если ты считаешь, что я похитила деньги или какой-то предмет из храма, то я требую от тебя доказать это прежде, чем обвинять меня.

— В этом тебя не обвиняли, Аспасия, как ты сама знаешь. Может, это ты собираешься продержать нас тут до вечера? А если не так, то прекрати услаждаться звуками собственного голоса и переходи к делу.

— Правильно! Правильно! — раздались многие голоса в поддержку Гермиппа.

И к сожалению, его слова перевесили те небольшие симпатии, которые я сумела к себе вызвать. Возможно, Сократ был прав: мне лучше было играть роль покорной и робкой женщины. Он наметил для меня линию защиты, и все, что от меня требовалось, это следовать ей.

— И последняя категория проступков, ведущих

к обвинению в безбожии, включает следующее. Не положено совершать действия, оскорбляющие богов. Афиняне, в отношении этой категории я прошу вас выслушать показания Диотимы, верховной жрицы Афины, которая намерена свидетельствовать в мою пользу.

Стало так тихо, когда Диотима поднялась со своего места, что было слышно, как трепещут в воздухе крылышки мух. Она откинула с лица длинное белое покрывало, защищавшее ее от солнца, и заговорила:

— Я вознесла молитвы богине, после чего изучила внутренности жертвенного овна. Они не имели повреждений. Смертные могут предполагать, что Аспасия нанесла оскорбление Афине, но богиня выразила другое мнение. Это все, что я имела сказать по данному делу.

В отличие от остальных свидетелей она не вернулась на свое место, а снова покрыла голову и покинула театр, оставив за собой волну шепота. Судьи оживленно бормотали о чем-то между собой.

Я встала, намереваясь воспользоваться благоприятной ситуацией.

— Суть закона ясна. Действия, оскорбляющие богов, должны быть наказаны. Но недовольство

моими действиями высказано только вами. Как все только что слышали, богиня Афина не гневается на меня.

Гермипп не казался обескураженным или удивленным показаниями Диотимы.

— Я благодарю тебя, Аспасия, за напоминание о том, что на Олимпе живет много богов, а Диотима вопрошала только одного из них, великую Афину. Если ты хочешь доказать свою невиновность, то следовало обратиться к каждому из олимпийцев. Боюсь, что, хоть Афина не имеет на тебя обиды, не все из богов могут согласиться с ней.

Мне показалось, что он дает давно заготовленный ответ. Может ли быть, что кто-то — почему не сама Диотима? — намекнул ему на суть ее показаний. Судьи с облегчением отставили мысль о моей возможной невиновности и принялись громко выражать одобрение Гермиппу.

Моя уверенность стала гаснуть. Я не только не сумела ни в чем убедить собравшихся, но даже теряла власть над собой, если признаться.

— Афиняне, прошу, выслушайте меня! У меня нет ни родственников, ни семьи, ни крова над головой. У меня нет отца, который мог бы обо мне позаботиться, нет братьев, могущих защитить меня, нет места в обществе за стенами жилища

Перикла. Я не представляю для вас никакой угрозы! Вы слышали слова жрицы, я невиновна!

Но в глазах, устремленных на меня, не было сочувствия. Передо мной сидели вздорные, сварливые старики, для которых уже не было места ни в военной, ни в политической жизни Афин. Их тяжкие труды и добрые поступки, как и те военные подвиги, которые они, возможно, когда-то и совершали, были давно позабыты теми, кто управлял городом сейчас. Они расстались с утехами, даруемыми вином или женскими ласками, им давно безразлично восхищение юностью. Кто знает, сколь многие из них состояли друзьями Кимона, брата Эльпиники? Эти старики по своим взглядам были ближе к Алкивиаду, чем к Периклу. Они были другим поколением — поколением, которое считало проекты Перикла слишком безрассудными и дорогими. В этот момент мне казалось, что эти люди жаждут моей крови. Я могла бы найти более убедительные аргументы, могла бы сцепиться в словесной перепалке с Гермиппом и, возможно, даже выставить его дураком. Но я понимала, что чем больше я преуспею в этом, тем более опасной покажусь им. А значит, меня следует изгнать, заставить молчать или принудить вести жизнь публичной девки.

Мне хотелось лечь на алтарь и умереть.

Неожиданно поднялся Перикл и жестом приказал мне сесть. Я не знала, что он собирается сказать.

— Афиняне, могу ли я воспользоваться своим правом гражданина и выступить на суде? Вы выслушаете меня?

Громкий одобрительный шум донесся со стороны судей. Речь такой знаменитости, как Перикл, явилась для них дополнительным аттракционом, спектаклем, которого никто не ждал. Разумеется, они рады выслушать выступление стратега.

— Я знаю, что многие из вас не одобряют моих мер, но позвольте мне напомнить, что именно я предложил оплачивать службу судей. До того как я установил такой порядок судоведения и он оказался привлекательным для наших старших сограждан, судьям приходилось участвовать в процессах бесплатно. Я надеюсь, что заработанные сегодня деньги доставят всем вам удовольствие и вы внесете пользу в нашу экономику.

С его стороны было настоящей находкой напомнить им, что они у него в долгу. Никто не мог так блестяще начинать свои речи, как Перикл, — с этим соглашались едва ли не все из афинян.

Стоило ему начать выступление, как ни один человек не мог отказаться слушать его. Перикл продолжал:

— Я вынужден осудить тебя, Алкивиад, за то, что ты сослался на Софокла, критикуя меня. Стратег Софокл сражался рядом со мной на Самосе, поэтому не думай, что можешь обернуть его слова или слова его персонажей против меня. Его пьесы представляют человеческие характеры во всей их трагической красоте, в то время как персонажи твоих пьес — мертвецы[67]. И могу ли напомнить тебе, что я занимаю всего лишь пост стратега и только в силу того, что вы каждый год избираете меня? Граждане Афин могут избавиться от меня, как только пожелают, но они предпочитают этого не делать. Это к вопросу о моей автократии. Прошу, приведи в порядок свою политическую терминологию и драматургию прежде, чем снова станешь делать заявления. А теперь к существу сегодняшнего дела.

Я выдвину всего один аргумент в защиту Аспасии из Милета. Всем вам известны отношения, которые нас с ней связывают. И мне кажется, что вы вызвали в суд эту женщину не за то, что она

[67] notes: 67

Ошибка автора. В своей речи Перикл сейчас обращается к Алкивиаду, никаких пьес не писавшему.

якобы совершила, а лишь потому, что она, являясь моей любовницей, весьма уязвима. Прошу, обратите внимание на то, что ни одна женщина, состоящая в законном браке, не представала перед судом по обвинению в проституции. Нет, вы не осмеливались напасть на ту, которую могли бы защитить муж или родня.

Я бы сделал Аспасию своей законной женой, если б мог. Но я не могу. Она остается в положении любовницы и против моей воли, и против своей собственной, но вследствие того закона, что я сам издал, закона о запрете браков между афинянами и чужестранцами.

Почему я издал такой закон? Для того чтоб способствовать процветанию нашего города и защитить наших женщин. Вы помните, афиняне, было время, когда наши сограждане женились на иногородних, даже на сирийских проститутках, которых встречали в порту. И дети, рождавшиеся в результате таких браков, будучи наполовину иностранцами, наполовину афинянами, становились нашими законными согражданами, наследуя богатство Афин и афинские земли. Новый закон был мною задуман для того, чтоб сохранить афинские средства для афинских граждан, чтоб удержать наши деньги и наши

земли для нас. Сограждане! Я защищал таким образом и афинских женщин. Я никогда не делал ничего, что могло бы нанести им вред или обиду. Афинские женщины — это наше величайшее сокровище.

Его прервал Гермипп.

— Перикл, мы благодарны тебе за твое красноречивое участие в процессе, но сегодня судят не тебя. Под судом находится Аспасия, за то, что, желая доставить тебе удовольствие, приводила в твой дом женщин.

— Вот тут ты жестоко ошибаешься, Гермипп. Ты путаешь реальных людей с теми персонажами, которых изобретаешь для развлечения афинян. В своем фарсе ты изобразил меня как пьяницу, хоть каждому в Афинах известно мое мнение, что руки и глаза стратега должны всегда оставаться ясными. Аспасия из Милета разделяет даже самые тайные мои мысли и чувства. Она знает, что действия, в которых ее обвиняют, принесли бы мне огорчение и противоречили б моим понятиям об этике.

Она — жена моего сердца, пусть и не в глазах закона. Ребенка, которого она носит, я стану любить так же, как люблю своих сыновей от первой жены. По моей вине этому ребенку предстоит

родиться незаконным, но эту ответственность я стану нести сам. Я издаю законы и я отвечаю за их последствия. Даже если эти последствия могут разбить мне сердце.

— Мы не знали, что у тебя есть сердце, Перикл! — выкрикнул мужской голос.

Многие явились сюда для того, чтоб наказать Перикла, опозорив и наказав меня, сейчас они были на его стороне.

— Законы не создаются по заказу. Закон не может быть изменен ни ради меня, ни ради Аспасии, ни ради нашего будущего ребенка. Не существует человека, ради которого он может быть изменен, так как законы издаются для общей пользы всех граждан Афин. Законы служат обществу, и общество должно повиноваться законам.

Старцы опять застучали по полу тростями, но в знак одобрения сказанного Периклом. Он одержал верх над толпой собравшихся и не собирался заканчивать свою речь.

— Афиняне! Почему мы сражались с персами? Мы сражались с ними ради того, чтоб сохранить за собой право действовать по законам, которые создали мы и с которыми мы согласны. Сограждане, я подчиняюсь законам, как должны подчиняться им вы. Законам, которые могут

представить куртизанкой порядочную женщину. Вы слышали показания верховной жрицы Диотимы. Вы слышали, как я клялся в том, что Аспасия не приводила ко мне женщин. Они явились в мой дом только из любопытства, им хотелось узнать, что делают мужчины на своих пирушках. А теперь я попрошу вас уважать наши священные и угодные богам законы, что охраняют наше общество и делают его великим, а не выворачивать их наизнанку, чтоб наказать невинную и беспомощную женщину.

К изумлению всех присутствующих и больше всего к моему, при последних словах на глазах Перикла показались слезы, и одна из них — самая большая — покатилась по его щеке. Драматическим жестом он стер ее у самого подбородка, прежде чем сесть на место. Впоследствии каждый, кто присутствовал на суде, и почти все, кто не присутствовал, заявляли, что, несомненно, Перикла на его речь в защиту любовницы вдохновила одна из трагедий Эсхила, талантливого сочинителя, которого Перикл много лет назад наградил во время фестиваля Диониса. Даже его враги были поражены и растроганы.

Все, что произнес потом Гермипп, уже не имело значения. Никто ничего не слушал. Провели го-

лосование, и почти все члены жюри высказались за снятие с меня обвинений.

— Ты счастлива, Аспасия? — спросил Перикл, обнимая меня, когда мы проходили сквозь толпу доброжелателей, собравшихся у входа в театр.

— Конечно. Я счастливейшая из женщин, поскольку меня любит самый великий из мужей.

Я испытывала и облегчение, и счастье потому, что была оправдана и могла продолжать жить. Но я все-таки испытывала и беспокойство тоже. Единственной причиной, по которой меня оправдали, была не моя правота и не ум, с которым я вела собственную защиту, причина была в том, что двое афинских мужей объявили меня добродетельной. Это было победой, но я не чувствовала себя победительницей.

Лондон и Эдинбург, зима 1807–1808 годов

Адвокаты объяснили ей все подробно — не один раз и даже не два. Три раза они повторяли одно и то же потому, что она никак не могла поверить в то, что слышала. Элджин поклялся, что не остановится ни перед чем, чтобы наказать Мэри в глазах закона и в глазах Божиих, доставить ей как можно больше унижений перед людьми и причинить как можно больше боли. Несмотря на то что мистер Нисбет и все знакомые пытались убедить его не устраивать публичной драмы, он никого не слушал.

— Я не остановлюсь до тех пор, пока актом парламента не будет подтверждено, что Мэри была мне неверной женой. Пусть об этом знают нынешнее и будущее поколения.

Предстояло два судебных процесса, и первый из них уже начался — в лондонском суде проходило заседание по обвинению Роберта Фергюсона в соблазнении супруги лорда Элджина. Мэри с нетерпением ожидала возвращения Роберта, хоть результаты судебного разбирательства были

уже известны. Как известна была и главная цель Элджина в этой инстанции — деньги. Элджин заявил на суде, что Мэри была прекрасной женой и что они жили в безоблачном и гармоничном счастье, пока в их жизнь не вторгся этот человек и не соблазнил невинную женщину. За этот проступок Элджин требовал компенсации в двадцать тысяч фунтов. Исход дела был предрешен потому, что обвиняемый не стал обращаться к защитникам. Он поручил своему адвокату зачитать заявление, в котором указал, что, охваченный чувствами, он писал Мэри любовные письма, но она на них не отвечала. Подтверждать версию Элджина о неверности жены Роберт Фергюсон не испытывал охоты.

Но Элджин не собирался ограничиться одним судом, вне зависимости от его исхода. По шотландским законам он имел право требовать развода на основании неверности жены, каковую ему предстояло доказать на новом суде. Убедить Элджина отказаться от этой карательной меры было невозможно, и это означало, что мать его детей будет подвергнута самому унизительному из публичных процессов. Ему не было до этого дела.

— Имею ли я право оспорить право лорда Элджина на опекунство над моими детьми? —

спросила Мэри адвоката, который был нанят для ее защиты на предстоящем процессе.

— Реально нет, леди Элджин. Женщина, состоящая в браке, в глазах закона не имеет такого права.

— Что это означает конкретно?

— Э-э, это означает, что замужняя женщина не может давать показания на суде. Все ее интересы — как юридические, так и финансовые — представляет ее муж. Все имущество, которым она владеет, принадлежит ему же, как и ее дети. Боюсь, что вчинить иск от вашего имени не представляется возможным. Прецедентов, подобных этому, не было.

Мэри почувствовала, как судорожно забилось сердце в ее груди.

— Должен же быть способ вернуть мне детей! Это же мои дети! Они вышли из моего чрева, они плоть моя и кровь.

— В глазах закона они принадлежат своему отцу, — бесстрастно заметил адвокат.

Он давно привык к женским истерикам, которые случались, когда он сообщал об этом матерям.

— Но им нужна я! Они малы еще!

Взгляд Мэри лихорадочно перебегал от миссис

Нисбет к отцу, но никто из них не мог ни утешить ее, ни предложить решения вопроса. Очевидно, им и раньше было известно о бесправии женщин в глазах закона.

— Так как в глазах закона не существую я — о чем вы мне только что сообщили, — может ли мистер Фергюсон, в случае если я выйду за него замуж, отозвать опекунство над моими детьми от лорда Элджина?

— Может. Но так как он формально не является родным отцом детям, то не имеет законных оснований на такие заявления. Суды, как правило, настаивают на правах отцовства. Подобная попытка обречена на провал.

— Значит, по английским законам единственный способ для женщины выиграть иск — стать мужчиной. Я правильно вас поняла?

Мэри была полна негодования. Она вся дрожала, но не хотела показать своего волнения этому облаченному в черное хищнику от закона. Пусть думает, что она просто сумасшедшая.

— Очевидно, ничто — ни деньги, ни титул, ни связи в обществе — не могут излечить от того факта, что я всего лишь женщина!

— Леди Элджин, я понимаю ваши страхи, но вам следует уяснить, что несовершеннолетние

дети должны принадлежать какому-то лицу и по английским законам этим лицом является их родной отец.

Ей хотелось сдернуть с него очки и вырвать его глаза-бусины. Но в конце концов, он всего лишь слуга закона. Это не он, и даже не Элджин вызвали пламя ее гнева. Мировой порядок, привычный ход вещей являются причиной ее негодования.

— Это несправедливо, — едва сумела она выговорить.

Мэри чувствовала, что должна что-нибудь сказать.

— Возможно, в некоторых своих аспектах закон не совершенен, но он необходим для того, чтоб общество не сползло в хаос.

Голос адвоката звучал так, будто он намеревался ее утешить.

«Наверняка этот человек принадлежит к числу тех, — подумала Мэри, — которые могут быть или кроткими, или холодно рассудочными».

Одобряет ли он сам такое положение вещей? Решился бы он оторвать детей от груди своей жены?

Когда адвокат оставил их, Мэри обернулась к родителям, которые прежде всегда могли исправить причиненное ей зло.

— Что же будет с моими детьми? Кто позаботится о том, чтоб Брюс доел обед? Вы знаете, он и ложки овощей не проглотит, если я не уговорю его или не пригрожу. Кто сделает Мэри ее любимую прическу, чтоб она походила на свою куклу? Кто споет моим детям, если их вдруг что-то напугает?

Она обхватила руками живот, как, бывало, делала, когда носила каждого из них. Удержать их, защитить, почувствовать их присутствие. Но их там не было, и она не могла защищать их.

— Хорошо, что Уильям оставил меня. По крайней мере, я по Божьей воле лишилась своего драгоценного ребенка, а не по воле Элджина.

Мистер Нисбет налил в бокал бренди и посоветовал дочери выпить. Она позволила обжигающей жидкости скользнуть в горло, ощущая, как все чувства оставляют ее и она постепенно превращается в оглушенное, вялое, безвольно сидящее перед камином существо.

Роберт швырнул на стол газеты и несколько брошюр-памфлетов.

— Читайте все об этом процессе! — подражая голосу разносчика газет, пропищал он. — Читайте об отказе леди Элджин от исполнения супружеских обязанностей! Читайте о ее соблазнителе,

задумавшем погубить порядочную и богобоязненную женщину.

Теперь информация о судебном процессе была здесь, у нее под носом, и она больше не могла избегать ее. «Судебный процесс по обвинению Р. Дж. Фергюсона, эсквайра, в любовной связи с графиней Элджин, супругой лорда Элджина».

— Прочитай об этом, Мэри, прочитай, как ты, несчастная невинная женщина и образец всех христианских добродетелей, подверглась злостному совращению, изменила своему любящему супругу и совершила все возможные преступления. Ты догадываешься, почему Элджин именно так преподносит историю, не так ли?

— Чтоб представить тебя как можно более презренным типом и потребовать возмещения ущерба?

— Да, что он и сделал. Хоть негодяй просчитался, суд не удовлетворил его требований.

— Что ж присудили ему в итоге?

— Десять тысяч фунтов! В такую цену оценена судом потеря им тебя, дорогая. Надеюсь, тебе приятна эта цифра?

Роберт рывком сбросил с плеч сюртук. Мэри не могла понять, какие чувства обуревают его. Ярость? Облегчение?

— Мы с тобой живем в недостойном обществе, Мэри, в обществе людей, которые жаждут знать подробности чужой жизни. Нечистоплотны и злы те, кто рад излагать эти истории на печатных страницах, как и те, кто готов ежедневно смаковать их вместе с завтраком.

— Я бы подумала, что ты избавишь меня от такого сорта чтения, — сказала она, отбрасывая отвратительные листки в сторону, но на глаза ей попалась статья в лондонской «Таймс», излагающая подробности судебного процесса.

«Господа Гамильтон и Морьер, а также другие сотрудники британского посольства при дворе Оттоманской империи, как и прислуга лорда и леди Элджин, свидетельствуют о том, что брак между последними казался довольно счастливым. Леди Элджин была украшением приемов при дворе султана, кроме того, графиня всегда настаивала на ежедневном проведении церковных служб. Лишь появление мистера Фергюсона…»

— Это ужасно. Я не могу смотреть на это. Кому может понравиться, когда его имя и привычки треплют в газетах? Это недопустимо.

— Лучшая оборона — это владение лучшим оружием, и ты должна вооружиться против

общественного мнения, Мэри. Нам предстоит находиться под такого рода обстрелом на протяжении всей жизни, тебе — за то, что не согласилась стать презренной рабой Элджина, не отдала свое состояние для удовлетворения его капризов и не согласилась рисковать жизнью, вынашивая одного за другим его детей. А мне — за то, что соблазнил слабую женщину, не отказавшуюся от светских развлечений. Такое мнение лицемерно, фальшиво и парадоксально, но попомни мои слова, Мэри, таким будет суждение общества о нас.

Мэри проглядела содержание статьи.

— Помню, с какой жадностью я глотала сплетни о жизни Эммы Гамильтон и сатирические изложения ее похождений. Все наслаждались, видя ее скомпрометированной. Теперь же кажется, что я закончу свои дни не лучше, чем она.

— Но твои дни еще далеко не кончаются, Мэри. Тебе нет еще и тридцати.

— Но мне не избавиться от такой же дурной славы, как та, что преследовала Эмму Гамильтон, а я так потешалась над этой женщиной. Мне даже во сне не могло привидеться, что когда-нибудь я подвергнусь таким же оскорблениям, что и она. Элджин когда-то намекнул, что я чем-то похожа

на нее. Ты не думаешь, что это действительно так, Роберт? Может, что-то во мне стремилось к позору? Другие женщины, наверное, лучше меня, свои страдания они принимают молча. Я этого не сумела.

— Мистер Свифт кратко и очень хорошо изложил положение вещей, когда сказал, что сатира — это зеркало, в котором каждый видит кого угодно, но не себя. Мы все уязвимы перед лицом общественной критики и мнения людей. Но я скажу тебе, что я о них думаю. Для меня мнение их значит меньше, чем задница крысы, жующей сыр у меня в кладовой. И я предлагаю тебе относиться к ним так же. Я немедленно выхожу в отставку и покидаю палату общин.

Мэри начала протестовать.

— Но, Роберт, а как же те реформы, ради которых ты работал? Все потеряно!

— Мне больше нет дела ни до этого общества, ни до доброго мнения этих свиней-святош. Я стану заботиться только о тебе. Сегодня я принес сюда эти грязные статейки для того, чтоб ты начала ковать свое оружие, Мэри. Все это пустяки по сравнению с тем, что готовит бракоразводный процесс тебе.

— Как? Он на это решится?

Мэри каждый день молилась, чтобы Элджин удовлетворился ее позором в глазах общества в ходе своей тяжбы с Робертом и теми выплатами, которые получил. Состоявшийся процесс дал ему достаточно оснований обратиться в парламент за разводом. Суд в Эдинбурге, на их родине, нужен ему только для того, чтобы наказать ее. Она поделилась этими мыслями с Робертом.

— Милая, ты предупреждена, а значит, должна быть готова пройти через это. Он не решился бы обратиться в суд, если б не был уверен, что некоторые из близких тебе людей — друзья, слуги, персонал посольства, возможно, даже родственники — согласятся стать свидетелями и дать показания в его пользу. И тебе придется выслушать каждое их слово.

— Не понимаю. Ведь, поступая так со мною, он позорит и себя, и детей. Что за чудовище обитает в его сердце?

Она с ужасом подумала, что все годы ее замужества это чудовище таилось, выжидая подходящего времени для атаки.

— Я знал Элджина очень давно. Никогда не любил его, но мне и присниться не могло, что он способен на такое. Он просто невменяем! Публичное мнение уже отвернулось от него вследствие

того, что он делает. Ты знаешь, он обратился с новым запросом о присвоении ему звания пэра на основании того, что им сделан огромный вклад в развитие искусства в Англии? И ему в этом было отказано! Большинству людей отвратительно то преследование, которому он подверг тебя. Ему теперь не дождаться никакой дипломатической службы.

Элджин ступил на дорогу саморазрушения. До Мэри дошли слухи о том, что он в частном порядке разослал письма генеральному казначею и премьер-министру, в которых снова обратился с просьбой компенсировать его издержки на посту посла, включив в них проведение раскопок и транспортировку мраморов морем. Список его долгов был опубликован в «Таймс» на обозрение всему миру, и сумма их, с учетом процентов, составила девяносто тысяч фунтов. В правильности этой величины Мэри не сомневалась, так как некоторую часть долгов оплатила сама из родительских денег. Если чьи-то расходы и следует компенсировать, то, разумеется, ее, но этого, конечно, никогда не случится. Будет удивительно, если сам Элджин увидит хоть один пенс компенсации.

— Элджин разорен, он погубил себя, — сказала

она однажды Роберту. — Этот человек еще не раз проклянет свои мраморы. А потом станет всем рассказывать, как он разорился ради любви к английскому искусству. И никогда не признает, что на самом деле погубили его собственные привычки.

Роберт мерил шагами комнату, что-то обдумывая. Вдруг он прищелкнул пальцами — в эту минуту точь-в-точь как большой кот, проглотивший воробья.

— Кажется, есть способ остановить его, Мэри. Нам надо заявить претензию на его мраморы! Именно ты оплачивала все раскопки, погрузки и транспортировку. А что? Они настолько же принадлежат тебе, насколько ему. И если ты пригрозишь забрать их, он капитулирует.

Почему она об этом не подумала? Они принадлежат ей, как принадлежит и все имущество, приобретенное за годы брака. У нее есть все необходимые расписки и счета об уплате.

— Мраморы — единственное, чем он владеет. Брумхолл заложен, все его имущество давно распродано. Роберт, ты считаешь возможным обосновать такую претензию?

— Это следует выяснить.

— Но имей в виду, мне они совершенно ни к

чему. Надеюсь больше никогда в жизни их не видеть. Конечно, они прекрасны, но их красота… не знаю даже как выразиться… в общем, они не созданы для того, чтоб ими владели простые смертные.

В этих мраморах было что-то повергающее в благоговейный ужас. Она вспомнила напугавшее ее когда-то видение Немезиды.

— Что за фантастические вымыслы в устах здравомыслящей шотландочки, — сказал Роберт, поддразнивая ее.

— Просто ты их не видел. Они по-настоящему загадочны, они завораживают.

Роберт улыбнулся, и она не могла винить его за это. Должно быть, и впрямь ее слова звучали смешно. Но она не могла ничего объяснить ему: история была слишком долгой.

— Даже если они не такие уж и завораживающие, как я думаю, — продолжала Мэри, — мне не требуется сто двадцать тонн мраморных статуй. Но если я пригрожу ему, возможно, Элджин и оставит меня в покое. Если он поверит, что может лишиться их, не заработав на них ничего и не имея кредита на создание коллекции, он, может, не станет так торопиться лишать меня возможности видеть моих детей.

— Вся моя жизнь с Элджином оказалась неудачной!

Роберт только что вошел и как раз передавал лакею пальто и шляпу, когда Мэри встретила его в вестибюле этими словами. Ее отца с матерью уже не беспокоили отношения Мэри и Роберта, и понемногу они начинали относиться к нему как к будущему мужу дочери, который, возможно, станет спутником их старости. Они полагались на его суждения, когда вместе с адвокатами разрабатывали методы защиты на суде от притязаний Элджина. Но, по правде говоря, родители перестали с подозрением относиться к его поведению и приняли в семью только в качестве единственного оплота против потери их дочерью как репутации, так и детей.

— О чем ты? — переспросил он, и немедленно на его лице появилось выражение озабоченности.

— Я говорю о мятеже в Константинополе! Ты, наверное, помнишь, что в прошлом году мой друг, граф Себастиани, убедил султана расторгнуть мирный договор с Россией ради союза с Францией?

— Конечно помню. Никогда не имел ничего против этого Себастиани. Он неплохой парень и

сделал немало, чтоб помочь тебе, когда Элджин был в тюрьме.

— Я знаю. — Мэри тоже сохранила теплые воспоминания об этом молодом человеке, к которому всегда относилась как к другу. — Но этот союз заставил Англию объединиться с Россией и тем свел на нет все наши усилия достичь дипломатических успехов в отношениях с Оттоманской империей. А сейчас ситуация стала еще хуже. Янычары, которые когда-то сопровождали меня в поездках по городу, подняли мятеж! Они заперли султана во дворце, а потом этот несчастный был убит главой стражи черных евнухов!

Мэри живо помнила этого евнуха, того, который пытался помешать ей посетить госпожу валиде, отказавшись выслать навстречу чужеземке парадное судно. Он подверг опасности ее жизнь, заставив пересекать залив в утлой лодчонке. Как же давно это случилось! Тогда Брюс был совсем маленьким, а крошка Мэри только что появилась на свет.

У Мэри сердце болело за валиде и Ханум, которая была любимой женой султана. Что случилось с ее прежними подругами? Нет сомнений в том, что обе женщины содержатся под стражей в том самом дворце, в котором валиде прожила так

долго, ожидая прихода к власти ее сына. После происшедшего переворота получить от них известие наверняка будет невозможно.

— Сегодня попозже я пойду в церковь помолиться за моих друзей. Хотя кто знает? Сам капитан-паша вполне мог стоять за этим заговором. Думаю, мы никогда не узнаем правды. При всей доброжелательности, которая царила в моих отношениях с ними, должна согласиться, турки совершенно непостижимы.

— Раз уж мы заговорили о прошлом, позволь, я расскажу тебе новость, которая, возможно, удивит тебя еще больше.

— Не думаю, что смогу выдержать еще одно потрясение, Роберт.

Что еще могло случиться? Кто-нибудь умер?

— Кое-кто из высокопоставленных чиновников заявляет, что мраморы Элджина подделка.

— Что?

Роберт помахал в воздухе брошюрой, которую принес с собой.

— У него много недоброжелателей, Мэри, и одним из наиболее влиятельных является Общество любителей древностей. Члены его разделяют мнение Пэйна Найта о том, что Элджином вывезены из Греции статуи римского периода. Но

это обвинение беспочвенно. Сэр Джозеф Бэнкс советовался с мировыми авторитетами в области античных искусств. Они утверждают, что эти статуи подлинные.

— Я это знаю наверняка, — сказала Мэри. — Мы с «грамотеями» нашли многочисленные упоминания об этих шедеврах в трудах древних авторов, а это, безусловно, доказывает их подлинность. И я не могу понять, почему мистер Найт так настаивает на своем.

— Потому что появление в нашей стране произведений Фидия автоматически лишает всякой ценности то, что он со своими помощниками натащил из Италии. В этом и кроется причина.

Роберт воспользовался своими связями в лондонском обществе, чтоб выяснить планы Элджина в отношении его греческой коллекции. За очень высокую цену — как Элджин сумел раздобыть деньги, Мэри не могла понять, скорее всего, для этой цели был использован кредит — он приобрел особняк на углу Пикадилли и Парк-лейн для того, чтобы организовать выставку.

— Сейчас, Мэри, он проводит там представления в духе тех, когда на арене выступают циркачи, канатоходцы и акробаты.

Роберт накупил газет, которые пестрели со-

общениями о происходящей выставке древних мраморов, и выложил их на столик. Мэри приказала подать чай, и за едой они вдвоем стали жадно просматривать статьи.

Мэри не могла точно представить, какого рода выставка устроена на Парк-лейн, но, похоже, она не совсем соответствовала благородным полетам воображения Элджина. В тех же залах, где были размещены статуи, для привлечения зрителей проводились боксерские матчи, зрелища, которые лорд Элджин обычно не жаловал и не удостаивал посещением. Приобретшие билеты джентльмены — стоимость каждого билета составляла пять шиллингов — забавлялись, сравнивая телосложение выступающих атлетов со статуями.

— Всех привела в восхищение мускулатура боксера по имени Голландец Джо.

Роберт явно получал удовольствие от чтения.

— В этом есть какая-то ужасная жестокость, не правда ли?

— Они собираются там, выпивают и воображают себя древними греками, — отвечал Роберт. — Жалкое времяпрепровождение для людей, пора юношеских увлечений которых давно миновала. Взгляни на эту статью. Мистер Грегсон,

известный боксер-профессионал, в течение двух часов позировал обнаженным перед статуей, изображающей, как полагают, Диониса.

— А вот тут пишут, что миссис Сиддонс, пришедшая взглянуть на статуи, упала в обморок — подумай только, в обморок! — увидев их. Ох уж эти актрисы, они рады разыграть спектакль по любому случаю.

— Думаю, что и твоя Эмма Гамильтон скоро начнет устраивать там свои танцевальные представления.

— Благодарю. Не называй ее, пожалуйста, «моей». К тому ж думаю, что ей, бедняжке, сейчас не до танцев. Меня пригласили на обед, который дают ее друзья для сбора пожертвований в ее пользу. Несчастная женщина осталась совсем без средств после смерти лорда Нельсона и сэра Уильяма.

— И ты пойдешь на этот обед?

— Так же, как и ты на эти боксерские матчи. Я была приглашена только оттого, что меня превратили в какую-то знаменитость.

— Причем знаменитость с капиталом.

Мэри не стала говорить об этом, но ей хотелось бы оказать помощь Эмме Гамильтон, которая, похоже, действительно осталась без средств к

существованию. Но нынче Мэри надо заботиться о другом.

— О, послушай, это очень занятно. Какой-то художник отправился со своим приятелем, шведом по национальности, на выставку посмотреть на статуи. И этот швед пришел в такой восторг, что на радостях выскочил на улицу с криком: «Греки были боги!»

Не успев дочитать вслух статью, Роберт расхохотался так оглушительно, что пришлось срочно доставать носовой платок.

— «Без меры восхищенные художники отправились вдоль Стрэнда, переворачивая попадавшиеся им по дороге тележки угольщиков и мясников».

— Похоже, что правительство скорее разделяет мнение Общества любителей древностей, чем восторги художников, — продолжал Роберт. — Элджину предложили за его мраморы тридцать тысяч фунтов.

— Но это просто оскорбительно! — возмутилась Мэри.

Она презирала низкие ухищрения Элджина, но в этих античных творениях есть частица и ее собственных усилий и денег. Мраморы постоянно были перед ее глазами, начиная с тех пор, когда

Элджин хотел их копировать, и до того времени, как он начал их приобретать. Она принимала участие в попытках спасти их со дна моря. И теперь ее возмущало положение этих нежеланных гостей английской земли, этих великолепных шедевров, которым правительство наносит такие оскорбления.

— Не сомневаюсь, что парламент при этом воспользовался доводами, выдвинутыми Обществом любителей древностей, как аргументом снижения цены, — заметил Роберт.

— Он принял предложение? — спросила Мэри.

— Похоже, что отклонил. Но парламент имеет другие планы. Некоторые из его членов задают вопрос о том, насколько законно были приобретены эти сокровища. Другими словами, люди выражают сомнение в том, что Элджин действительно является законным хозяином греческих мраморов.

И снова Мэри захлестнула буря смешанных чувств.

— Но я сама добилась получения фирмана от султана! Конечно же, эти статуи были приобретены законным путем. Наше правительство допускает мысль, что посол Британии тайком шарил в афинских развалинах и тащил, что по-

падется под руку?

— Именно это оно и предполагает, по крайней мере допускает такую мысль. Несколько греческих ученых отправили в печать письма со своими возражениями. Тебе это, конечно, известно?

— Да, да, — устало отмахнулась она, не вполне понимая, на чьей, собственно, стороне она находится.

— Боюсь, что в таком случае наш план претендовать на мраморы не сработает. Видишь ли, Мэри, Элджин полностью разорен, кредиты его исчерпаны. И он, возможно, будет только счастлив переуступить тебе право собственности на них.

Мэри в бессилии опустила руки. Она была так воодушевлена мыслью, что в самый напряженный момент сумеет перехитрить Элджина и получит своих детей. Но снова она была побеждена, а впереди еще предстоял бракоразводный процесс, для которого потребуется вся ее энергия.

— Элджину уже нечего терять. Он уподобился боксерам, выступающим у него на Парк-лейн. И не знаю, сумею ли я противостоять нападкам отчаявшегося и ожесточенного человека.

Роберт немедленно поспешил утешить ее.

— Нужно пройти через это, Мэри. Я на твоей стороне, и когда ты освободишься от этого тирана, мы поженимся. И для нас начнется новая жизнь.

— Единственное, что меня утешает, это его страдания и несчастья. Ему не оплатить этой выставки. Ему не оплатить даже расходов по содержанию своего дома, который он когда-то рисовал в мечтах образцом великолепия. Кто бы ни приобрел эти мраморы, покупателю придется заплатить за их перевозку, потому что у Элджина нет такой возможности. О, я будто вижу его перед собой, измышляющим разные хитрости и увертки, чтобы решить эти задачи. Владение мраморами обернулось для него тяжким ярмом. И я надеюсь, что он наденет на шею веревку, другой ее конец привяжет к какой-нибудь статуе и прыгнет в море.

Эдинбург, 11 марта 1808 года

Настала девятая годовщина их свадьбы. И именно на этот день было назначено слушание в эдинбургском суде дела о разводе Томаса Брюса, лорда Элджина, с его женой, леди Мэри Элджин, на основании нарушения последней супружеской верности. Усилия Элджина — как выяснили адвокаты — были направлены на доказательство того, что такое аморальное, безответственное существо, как его супруга, игрушка в руках мужчин, не может нести ни материнские обязанности в отношении своих детей, ни финансовые по управлению средствами и земельными угодьями, которые могут перейти к ней по праву наследования.

Когда намерения Элджина стали окончательно ясны, Мэри смогла только хлопнуть себя по лбу и воскликнуть:

— Ну конечно же!

Деньги были единственным, что интересовало Элджина, когда он вступал с нею, Мэри Нисбет, в брак. Утверждение, что человек не в силах изменить своей природы, конечно, досадный трюизм, но это так. Элджину, может, и удалось бы найти

другую женщину, которая станет рожать ему детей, но ему необходимы деньги Нисбетов, чтобы из разорившегося и сомнительного шотландского аристократа превратиться в выгодного жениха.

— Не забывай, он нуждается в твоих деньгах потому, что британское правительство не торопится признавать выдающуюся ценность его мраморов, — объяснял ей Роберт. — Не имея средств, он будет вынужден продать их за бесценок, о чем правительство и мечтает. Понимаешь?

Мэри ожидала, что предстоящий день будет мрачным, но все же, проснувшись поутру и увидев затянутое тучами небо, ощутила укол злой радости. Лил дождь, холодный не по сезону. Она вспомнила, как отвратительно всегда чувствовал себя Элджин в такую погоду, и счастливо улыбнулась.

Но дождь не смог разогнать столпившихся людей. Едва Мэри и ее родители прибыли к зданию суда, как их буквально оглушили возгласы разносчиков газет: «Лорд Элджин требует развода у своей неверной жены! Читайте подробности ее похождений!»

В помещении суда угрюмые пожилые присяжные — двадцать один человек, — по возрасту годящиеся ей в деды, уже занимали свои места.

Седые парики украшали их, без сомнения, лысые головы, глаза с костлявых лиц уныло смотрели перед собой, и она безуспешно попыталась встретить взгляд хоть одного из присяжных. Мэри старалась ни в коем случае не улыбнуться, чтобы не быть ославленной вертихвосткой, которая не может не заигрывать с мужчинами.

Когда в зале появился Элджин, у нее перехватило дыхание. Он выглядел много, много старше своих лет. На лицо его была надета новая гигиеническая маска, возможно, потому, что предыдущие оказались малы для разросшейся раны. Когда-то подтянутый, теперь он казался оплывшим, а прежняя прямая осанка сменилась заметной сутулостью. Едва ли не сочувствие проснулось в ее душе.

«Нет, — напомнила себе Мэри, — перед тобой тот, кто пытается погубить тебя, и в твоей душе не должно быть места жалости».

Тем не менее злорадство при виде его ужасной внешности сменялось воспоминаниями о его прежней красоте.

Одно дело готовиться услышать о себе злые вымыслы и совсем другое — слышать их своими ушами. Когда свидетелей обвинения стали подводить к присяге, Мэри чувствовала себя так, будто

ее заставили присутствовать на чудовищном спектакле, рассказывающем о ее собственной жизни. Были вызваны все, никого не забыли. Прибыли даже Дафф, Мэри Рупер и Томас Уилли, лакей, которого она в Лондоне уволила за пьянство. Все они явились сюда, чтобы обратить против Мэри ее доверие. Адвокат Элджина сумел добиться даже заявления от мисс Гослинг, сделанного буквально на смертном одре доброй леди[68]. Прислуга посольства, сопровождавшая новобрачных в Константинополь, была также вызвана в суд для дачи показаний о недостойном отношении леди Элджин к мужу.

Слушания открыл один из адвокатов Элджина. В бесконечно длинной речи он рассказал об их браке, сделав акцент на любви и заботе, которыми благородный граф Элджин окружал жену. Адвокат подробно описывал их жизнь в Турции, путешествия и несчастное заключение, которому подвергся Элджин во Франции. Он рисовал такие блистательные картины счастливого союза, что Мэри даже усомнилась, знает ли этот человек, что его задачей является выдвижение обвинений против нее. Но беспокоиться об этом

[68] notes: 68

Ошибка автора. В тексте романа мисс Гослинг исполняла должность горничной и леди не являлась.

ей не следовало. Материалы суда над Робертом и компрометирующие доказательства скоро появились на свет.

Адвокат стал зачитывать показания Гамильтона, Морьера и других, данные ими во время процесса в Лондоне. Мэри пожалела, что не прочла своевременно бумаг, которые приносил ей Роберт. Он был прав, настаивая на этом. Если бы она уже была знакома с этими ужасными рассказами, они бы не произвели на нее такого тяжелого впечатления. Она сумела бы остаться безучастной к мнению других о ее поведении и супружеской жизни.

К ее изумлению, почти во всех показаниях упоминалось несчастье, произошедшее с носом Элджина.

Каждый из опрашиваемых утверждал — причем совершенно безосновательно, — что, как только нос лорда Элджина был удален скальпелем доктора, леди Элджин стала испытывать отвращение к мужу.

— Судом Англии установлено, что мистер Роберт Фергюсон методично совращал наивную и неискушенную супругу лорда Элджина. Благородный облик нашего подзащитного был искажен в глазах его жены мистером Фергюсоном, его

общественное и личное поведение высмеяны, и он пал жертвой насмешек и отвращения. О несчастная женщина! — продолжал адвокат чуть ли не речитативом, более подходящим для трагедий Шекспира. — Как мало она могла предвидеть, что этот шаг обернется сиротством ее детей и обрушится на них самыми тяжелыми последствиями!

В этот момент вперед выступил адвокат Мэри.

— Сэр, прошу вас оставить театральные манеры. Они, может, и годятся для подмостков лондонских театров, но в зале суда нашего доброго Эдинбурга неуместны.

Эти слова вызвали волну насмешек публики, которая тут же стихла, когда стали зачитывать показания мистера Уильяма Гамильтона, бывшего секретаря лорда Элджина. Мистер Гамильтон утверждал, что союз Элджинов был вполне счастливым до тех пор, пока «лорд Элджин не пострадал от тяжелой болезни, приведшей к потере им носа, вследствие чего любовь супруги к нему начала угасать. Но и до этого момента лорд Элджин жаловался на пристрастие своей жены — возможно, по молодости ее — флиртовать с красивыми мужчинами». Гамильтон привел имена генерала О'Хары в Гибралтаре, графа Се-

бастиани и даже мистера Лусиери, художника. И разумеется, мистера Фергюсона. Далее в этих показаниях было подробно описано, как лорд Элджин поручил мистеру Гамильтону следить за леди Элджин в Лондоне, отмечать всех, кто появлялся в ее доме, и контролировать поступающую корреспонденцию. «Лорд Элджин всегда питал подозрения относительно поведения своей супруги в том, что касалось ее отношений с другими мужчинами».

Мэри хотелось встать и объясниться, чтобы защитить себя от клеветы. В Лондоне она, испытывая ужасные страдания перед родами Люси и после них, тем не менее делала все возможное для вызволения Элджина из тюрьмы. Конечно, она часто общалась с Робертом, но он же пытался помочь ей, используя свои связи!

Но ей не было позволено выступать в собственную защиту. Мэри объяснили, что выступать перед судом является совершенно непозволительным для леди. Это следует предоставить господам адвокатам. Всякое другое поведение недопустимо. Чем более скромной и покорной она себя покажет, тем лучшее мнение сложится о ней у жюри к тому времени, когда они станут выносить вердикт.

— Следует хранить молчание и с уважением относиться к законам, леди Элджин. Тогда и стрел критики, направленных против вас, окажется меньше. Но если вы предпримете попытку выступить лично, то судьи постараются отыскать вину в каждом вашем слове, что бы вы ни пытались доказать.

Один за другим давали показания слуги из ее лондонского дома, и Мэри оставалось только удивляться про себя тому, кто оплачивал им дорогу до Эдинбурга. На какие расходы готов пойти Элджин, чтобы одержать победу над ней! Но суду они могли рассказать не много, кроме мисс Гослинг, покойной уже служанки Мэри, оставившей свидетельства, что эта замужняя дама принимала по вечерам джентльмена, не являющегося ее мужем. Таким образом, никто из свидетелей не дал показаний, по которым можно было бы обвинить Мэри в адюльтере.

Затем были вызваны сплетница горничная и лакей из «Форчун и Блекуэлл», в котором Мэри узнала того официанта, кто однажды вечером обслуживал в ресторане ее и Роберта. Они показали, что Мэри и Роберт снимали комнаты в этом эдинбургском отеле в одно и то же время, при этом, по словам горничной, в номере мистера Фергюсона

никто вроде как не ночевал, а в номере леди Элджин на кровати были смяты обе подушки. Официант подтвердил, что девушка тогда же поделилась с ним этой скандальной новостью.

Во время перерыва в слушаниях адвокат Мэри пытался утешить ее.

— Понимаю, как глубоко неприятно вашей милости выслушивать подобный вздор, но я буду очень удивлен, если адвокату нашего противника удастся заставить суд посчитать эту ерунду доказательством обвинения. Такие серьезные дела, как обвинение супруги в адюльтере, не выносятся на основании болтовни о подушках.

В качестве последнего свидетеля был вызван Томас Уилли, лакей, уволенный Элджинами за неподобающее поведение и пьянство. Мэри едва могла припомнить этого человека, разве только то, что он был до последней степени ленив и отлынивал от работы, к тому ж у него вечно были красные глаза и текло из носа.

— О да, мистер Фергюсон имел обыкновение часто навещать ее милость как в дневное время, так и по вечерам. Когда она проживала на Бейкер-стрит, он частенько приходил поздно вечером и сидел у нее часов до двух-трех. Леди Элджин, казалось, радовалась его обществу больше, чем

чьему-либо еще. А однажды, примерно в полдень, недель через шесть после разрешения ее милости от бремени девочкой, мне случилось войти в гостиную без стука. Открыв дверь, я увидел, что леди Элджин лежит на кушетке, а как только они — и ее милость, и мистер Фергюсон — заметили меня, то накрыли ноги ее милости шалью.

— Были ли подняты нижние юбки у ее милости? — осведомился адвокат Элджина.

Он старался говорить как можно громче, чтоб никто не пропустил ни слова.

Уилли заколебался, изображая сильное смущение. Не отрепетировано ли оно было заранее?

— Точно не могу сказать. Небольшое бюро находилось перед кушеткой и мешало мне разглядеть ноги ее милости. Но, судя по конфузии, с которой они набросили шаль на ноги ее милости, я бы сказал, что да, действительно, нижние юбки ее милости были подняты.

Все это жюри внимательно выслушало. Мэри почувствовала, что настроение присутствующих начинает меняться. Члены жюри, которые в начале слушаний бросали время от времени на нее любопытные взгляды, теперь не осмеливались даже повернуть голову в ее сторону, настолько гадкой женщиной она им казалась. Они вели

себя так, будто Мэри внезапно исчезла. Отныне так всегда и будет. В глазах общества, к которому она принадлежала на протяжении всей жизни, она станет изгоем, ее никто не будет замечать, словно ее нет на свете. Но ей не видать даже того уважения, которое выказывают по отношению к умершим. Живая, она станет лакомой добычей хищников, жадных до досужих сплетен. Россказни о ней будут обсуждать в семейном кругу, на страницах прессы. О ней станут злословить за обедом или играя в карты в тех городах, которые она любила посещать. Мэри знала это так же точно, как то, что сейчас находится в зале суда. Она чувствовала себя мертвой.

Только Элджин имел наглость смотреть на нее. Он излучал самодовольство и полное спокойствие, лишь едва заметная улыбка то и дело мелькала на его губах, показывая, до чего он наслаждается происходящим, как стремится растоптать ее в глазах общества. Мэри подняла на него взгляд, в душе удивляясь собственной смелости, и смотрела в упор, пока он первый не опустил глаз.

Удовлетворенный тем, что ему удалось замарать репутацию графини Элджин, адвокат перешел к главной своей цели — принялся пе-

речислять статьи дохода, который Мэри может унаследовать от своей семьи, развивая мысль о том, как непозволительно было бы доверить распоряжение крупными средствами такой безответственной особе. Мэри по-прежнему хранила молчание, слово взяли ее адвокаты.

— Мы готовы представить уважаемому суду список долгов лорда Элджина, в которые он вошел за время своего брака, как и документы об оплате некоторых, произведенной его супругой, — заявил один из них.

Он продолжал говорить, зачитав суду перечень тех экстравагантных покупок, которые сделал лорд Элджин с намерением украсить свое поместье, «совершая их либо от скуки, либо из желания развлечь себя».

Банкиры, вызванные дать показания в пользу Мэри, не разочаровали ее, сообщив, что супруга лорда Элджина предприняла несколько попыток привести финансы мужа в порядок, пытаясь помочь ему и избавить от необходимости бежать из страны или сесть в долговую тюрьму.

Наконец был затребован перечень статей имущества, находящегося в распоряжении обвиняемой.

— Можете представить суду требуемые доку-

менты, — пригласил судья.

— Мы не располагаем таковыми, ваша честь, — заявил адвокат.

— Что за шутки, сэр? Я требую, чтобы вы представили суду документы, удостоверяющие собственность, которой распоряжается обвиняемая.

— Но, сэр, позвольте заявить, что обвиняемая не распоряжается никакой собственностью. Ей не исполнилось тридцати лет, и она не вступила в права наследования. К несомненному разочарованию лорда Элджина, как я полагаю, уважаемый суд может удостовериться в том, что отец обвиняемой, мистер Нисбет, присутствующий здесь, в зале суда, находится в полном здравии. Пока это так, леди Элджин не может вступить в права наследства. Закон гласит, что муж имеет право распоряжаться собственностью своей жены, но никакой закон не распространяет права супруга на собственность родственников его жены.

Для размышлений времени суду не потребовалось. Лорду Элджину было предоставлено право развестись с супругой на основании учиненной ею неверности. Леди Элджин была лишена всех прав и привилегий, приобретенных ею в супружестве, ныне прерванном, включая опеку над детьми. Решения о передаче прав собственности

лорду Элджину вынесено не было, поскольку леди Элджин, его бывшая супруга, собственностью не владела.

Мистер Нисбет, покидая зал суда, предложил дочери руку. Никто не обратился к ним со словом поддержки, и они проследовали к своей карете среди всеобщего молчания. Мэри догадывалась, как горячо примутся люди обсуждать произошедшее. Газетчики торопливо разбегались, желая скорее сообщить всем подробности скандальной истории. Идя рядом с отцом, она слышала шаги людей вокруг себя, видела, как накрапывает дождь. Но вдруг Мэри остановилась, сбросила руку отца с плеча и подняла лицо к небу. Мистер Нисбет тоже остановился, помахал рукой, подзывая ее. Он опасался, что Мэри станет отвечать тем, кому вздумается высказывать замечания на ее счет.

Мэри, не трогаясь с места, оглянулась. Шедшие позади остановились тоже, во все глаза глядя на опозоренную женщину, которая почему-то не спешит поскорей спрятаться от людей. В этот момент из зала суда, продолжая говорить со своим адвокатом, вышел Элджин. Рядом с ним шел какой-то человек с перепачканными чернилами пальцами и треснувшими стеклами очков, види-

мо, кто-то из газетчиков. Увидев Мэри, Элджин резко остановился. Она смотрела прямо на него и не собиралась отводить глаза. Пусть он посмотрит на нее в последний раз. Она стояла и думала о том, как же много зла причинил ей этот человек, и о том, что она тоже больше не увидит его. Не увидит никогда и нигде, и особенно в постели, где он мог причинить ей худшее из зол. И с этой мыслью Мэри улыбнулась.

Элджин сделал движение к ней. Наверное, оно было автоматической реакцией на ее улыбку, будто последние два года растаяли без следа и он отвечает на любовный взгляд, который столько раз видел на лице жены. Но прежде чем он успел сделать шаг, адвокат удержал его. Мэри продолжала смотреть на Элджина, и тогда он наконец понял, сколько в этом взгляде торжества над его поверженным превосходством. Он пытался как можно сильнее унизить ее, но вот худшее уже позади, а она стоит здесь, и дождь тихо покрывает мелкими каплями ее лицо. Когда Элджин понял, что она не погасит своей улыбки, он отвернулся.

Сердце Мэри было разбито, но внутри ее звучал голос, и он подсказывал, что ей все же удалось одержать победу и она может наслаждаться ею. Элджин ранил ее до глубины души, отняв детей.

Он выиграл эту битву, но еще ничего не кончено. Она будет осаждать его требованиями вернуть их ей. Элджин пытался нанести ей смертельную рану, но, хоть он в этом почти преуспел, ему не удалось отнять того единственного, что было ей дорого почти так же, как ее дети, — власти над собственным телом. Он не отнял у нее ни сердца, которое она вольна вручить теперь Роберту, ни состояния, которым она, как бы Элджин ни старался, все равно будет владеть.

Афины, первый год войны со Спартой

Когда родился наш сын, Перикл настоял на проведении традиционной церемонии и праздновании этого события. Стоя на Агоре, перед группой самых влиятельных людей Афин, Перикл взял дитя на руки, чтобы все видели — он признает его своим сыном. Для отца незаконнорожденного ребенка это был неслыханный жест. Мальчик был очарователен, с большими ореховыми глазками, копной курчавых волос и удлиненным черепом, точным подобием Периклова, делавшим несомненным его отцовство. Малыш был больше похож на Перикла, чем два его взрослых сына, поэтому отец с первой же минуты непроизвольно полюбил новорожденного. В ходе церемонии он, к моему удивлению, объявил, что хотел бы назвать сына своим именем.

— Его будут звать Перикл. Он сын афинского стратега и внук Ксантиппа, героя битвы с персами у мыса Микале.

То, что он дал мальчику свое имя, в глазах жителей Афин значило больше, чем простое признание отцовства: это означало, что и им следует принять мальчика.

У нас не было времени отпраздновать мое оправдание в суде. Вскоре после этого события спартанцы стали выражать неудовольствие по поводу союза, заключенного Периклом с Керкирой, островом к востоку[69] от Греции, носящим имя прекраснейшей из морских нимф. Керкира была колонией Коринфа, давнего союзника Спарты, и спартанцы, сочтя этот союз недопустимым, направили в Афины делегацию с требованием покинуть остров. Когда же Перикл не отступил, Спарта организовала военное вторжение, тем самым положив конец заключенному на тридцать лет перемирию задолго до наступления срока его окончания.

В день рождения нашего сына в Афины пришла весть о первых погибших в войне, и их тела были торжественно внесены в город. Вместо того чтобы радоваться, что наш сын не погиб ни от одной из опасных болезней младенческого возраста, мы с Периклом отдавали все дни работе над речью по случаю похорон жертв войны. Этой речи предстояло и увековечить память о павших, и поддержать силы граждан Афин перед предстоящим тяжелым и долгим испытанием.

---

[69] notes: 69

Ошибка автора. Остров Керкира (Корфу) входит в состав Ионических островов, расположенных к западу от Греции.

Ни Афины, ни Спарта, полагая себя как в военном отношении, так и по образу жизни первейшими, не намерены были отступать.

Кроме того, произнесение траурной речи требовалось по закону. Обсуждался только один вопрос — кому должно быть поручено ее произнести, но в этот раз Перикл был назначен единогласно. Прежде подобные выступления всегда служили лишь поводом для восхваления заслуг погибших, Перикл же задумал построить речь по-другому: в ней не будет восхвалений прошлых военных достижений афинян, как не будет и славословий в адрес нынешних жертв.

— Их слава не зависит от моего красноречия, — объяснил он мне. — Вместо обычных элоквенций я хочу в своей речи подчеркнуть главные достоинства граждан Афин, первым из которых является скромность. Я не поддамся искушению и не стану воздавать чрезмерные хвалы павшим, хоть, конечно, это не значит, что погибшим героям придется уйти непомянутыми.

— В таком случае нужно разработать план, — сказала я. — Что именно ты хочешь изложить в своей речи помимо восхваления погибших?

Выслушав меня, он ушел к себе и долго — несколько часов — не показывался, раздумывая

над моими словами. Наконец он вышел.

— Я хочу, чтобы афиняне взглянули на город, который мы построили, и поняли, за что погибли эти герои.

Приняв решение, он легко изложил его суть в словах, потом прочел мне составленную речь вслух, а я сделала несколько замечаний. Когда был отработан окончательный вариант, Перикл, довольный, снова прочел его. Я пожала плечами.

— Тебе не нравится, Аспасия? — спросил он удивленно.

— Почему? Нравится.

По-моему, ему показалось, что я поддразниваю его.

— Ты, может быть, считаешь, что это еще одна, во всем подобная другим, речь, насыщенная бесконечными похвалами в адрес Афин? Именно такой она кажется тебе, уроженке другого города?

— Я прожила в Афинах достаточно долго, чтоб считать их родными, Перикл. Нет, я не нахожу в твоей речи преувеличенных похвал этому городу. Но я думаю вот над чем — будут ли присутствовать на церемонии вдовы и матери павших? Разве тебе не хочется обратиться к ним с особенными словами? Последние слова твоей речи

обращены к мужчинам, ты призываешь их продолжать славный путь героев. Но что ты можешь сказать женщинам?

— Женщинам? — Перикл расхаживал по комнате, отгоняя от себя муху. — А почему мне следует обратиться к женщинам?

— Если бы мне довелось потерять на войне мужа или сына, я бы хотела услышать слова утешения и ободрения. Разве мы, матери, не заслуживаем добрых слов?

— Ну конечно заслуживаете.

Он отвечал торопливо, и я видела: ему неприятно, что я затронула такую скучную тему. Перикл считал работу над речью законченной и был ею доволен.

— Понял. Я скажу следующее: «Еще нужно сказать о совершенствах афинских женщин, Выслушайте меня те, кто стал вдовами. Велика ваша слава, женщины, и ей вы обязаны вашими природными достоинствами. Но лучшая из вас та, о которой не говорят на площадях — ни худо, ни хорошо».

Я нахмурилась.

— Вот как? Ты призываешь мужчин искать славы, а женщин неизвестности? Это едва ли прозвучит вдохновляюще, Перикл. По-твоему,

женщины не заслужили ничего лучшего за годы страданий?

— Разве твой собственный опыт не научил тебя, что неизвестность — это лучший удел для женщины? Я чуть ума не лишился, обдумывая, как мне защитить тебя от той опасности, которую навлекли на тебя твои привычки, Аспасия. Разве ты не видишь этого? Женщин положено защищать, ибо вы — сосуд, хранящий будущее.

— И поэтому мы обязаны всю жизнь молчать?

— Я не говорю о молчании. Я всего лишь прошу женщин Афин в эти трудные времена воздержаться от того, что могло бы навлечь на них дурную славу.

— Почему же слава пагубна для женщин, но улучшает репутацию мужчин?

— Как меня только угораздило влюбиться в философа?! — вскричал Перикл. — На твой вопрос нет ответа, Аспасия. Таково положение вещей. Спроси лучше у своего друга Сократа, он, кажется, только и мечтает сыпать словами по всякому поводу.

На склоне Акрополя афиняне выстроили огромный крытый, похожий на Одеон павильон, предназначенный для церемонии погребения. В течение трех дней останки погибших складыва-

ли в саркофаги из кедра — по одному на каждую семью, — чтобы друзья и родственники могли совершить в их честь жертвоприношения. По прошествии многих дней этот павильон заполнился пожертвованиями, которые семьи павших могли либо предать погребению вместе с телами, либо хранить в семье в память о них. После того как близкие усопших произнесли надгробные речи, освещаемая факелами процессия в сопровождении военного эскорта направилась на кладбище. Время заката считалось сакральным для предания усопших земле.

Перикл поднялся на подиум, чтобы тысячи афинян, пришедших воздать почести жертвам войны, могли слышать его. Женщины, закутанные в покрывала, — вдовы, матери, сестры погибших — тихо оплакивали павших, громкие крики профессиональных плакальщиц почти заглушали их. Музыканты били в барабаны, трубачи играли траурные марши. Длинная фаланга пехоты выстроилась вокруг павильона, опустив на землю щиты. Сцена казалась пришедшей из прошлых времен, веков героев. Словно бродили еще по земле между смертными боги, словно в любой момент могла появиться в блестящем вооружении Афина и издать призывный клич.

Как только Перикл воздел вверх руки, все стихло.

Из уважения или, скорее, по традиции, он начал свою речь возданием почестей предкам.

— Именно они, те, кто передавал от поколения поколению устои нашего общества, своей доблестью сохранили его свободным. Я говорю о наших далеких предках и о наших отцах, о тех, кто не щадил себя в борьбе за нашу с вами свободу. Но, афиняне, история наша покоится на военных достижениях, слишком хорошо нам памятных, чтоб вспоминать о них сегодня. Я не стану этого делать. Форма нашего городского правления, наши национальные обычаи и традиции породили на свет явление, на котором я бы хотел остановиться. Прошу вас, сограждане и гости, выслушать меня внимательно.

Афиняне! Наша конституция никогда не заимствовала законов других государств. Мы создавали ее, а не переписывали. Наш порядок управления покоится на том, что блага принадлежат большинству, а не привилегированным единицам, поэтому он и называется демократией. В отличие от других городов, в Афинах ни один человек не может быть выведен из правительства по причине бедности. Самые бедные и

самые смиренные могут открыто выражать свое мнение в Народном собрании, выступать в суде и участвовать в выборах. Афиняне — свободные люди. Они живут в открытом обществе, в котором человек свободен. В обществе, которое не путает общественный статус с заслугами человека, которое позволяет человеку жить так, как он хочет, не боясь гнева соседа. Наше общество охраняется законами — письменными и устными, — за исполнением которых следят магистраты.

Я вспомнила о нашем споре, возникшем, когда он писал эту речь.

— Каково твое мнение об афинских законах? Ведь в нарушении одного из них тебя обвиняли перед всем городом? — спросил он у меня.

— Если б дело происходило в ином обществе, женщину, которая вызвала подозрения или нанесла оскорбление богам, могли бы приговорить к смерти. В других местах о таком часто слышат. Мне же дали выступить в свою защиту, ты тоже выступил в мою защиту, и в результате я была оправдана. Меня могла постичь гораздо более тяжелая судьба.

Я подумала о себе как о свободной женщине, о матери красивого младенца, возлюбленной человека, занимающего пост стратега, доброде-

тели которого превозносят. Когда я смотрела на Перикла, стоявшего в тени огромных памятников, о которых он и Фидий мечтали и соорудить которые уговорили своих сограждан, меня охватил благоговейный страх перед всем, что было создано за годы, проведенные мною в Афинах.

— Афиняне, — продолжал Перикл, — подумайте о нашей исключительности в сравнении с другими государствами. Мы совершили великие деяния, но мы и обеспечили себе возможности и средства вкусить отдых после трудов. Мы изобрели игры, состязания, которыми наслаждаются все. Мы ведем гармоничную и правильную жизнь, можем наслаждаться личным покоем. Мы развиваем знания и искусства. Слава Афин привлекает поток сокровищ со всей земли. Наш город открыт миру, и мы никогда и никому не запрещали любоваться им и изучать его. По контрасту со Спартой, которая изгнала всех чужаков со своей земли, умеет ценить только воинскую доблесть и живет, подозревая весь свет в злоумышлениях. Афины — это живой урок для всей Греции, для всего мира, как ныне, так и в будущем. Подавая пример того, каким должен быть город, мы являемся школой городов.

Вот за это и погибли наши герои. Те же из нас,

кто остался в живых, должны продолжать искать славы — славы, которая лучше, чем добыча, утешит их в старости. Лишь любовь к славе никогда не умирает.

Перикл теперь говорил очень громко.

— Взгляните же на свой город, афиняне, и полюбите его.

Он воздел правую руку к небу и драматическим жестом выбросил ее в направлении Парфенона, чья огромная вытянутая тень, казалось, подползала к нему.

— Восхищение века нынешнего и грядущего будет с нами потому, что мы оставляем многочисленные свидетельства нашего могущества. Вот они, перед вами. Нам, создавшим их, не нужен Гомер или другие поэты, чьи стихи могут порадовать лишь один миг. Мы оставляем после себя эти вечные памятники, и заплатили за них те, кого сейчас мы провожаем.

Таковы наши Афины, и пусть они останутся с теми, кто благородно сражался на поле брани и пал. С теми, кто не желал расстаться с городом и всем, что в нем есть. Пусть выжившие будут готовы продолжать их дело.

Когда Перикл закончил свою речь, я вспомнила слова, сказанные мне Диотимой в тот вечер,

когда она пришла в его дом. Тогда я не сумела понять их.

Самое великое стремление мужчины — стремление к славе. Ради нее он готов рисковать всем. В этих памятниках Перикл обрел славу, о которой мечтал и к которой стремился. Сократ говорил, что Диотима — учитель философии любви, а эта философия, как она ее понимает, глубоко отлична от философии домашнего очага, к которой чувствовала призвание я. Первое из этих учений коренится в земной жизни, но в глазах мужчин, ищущих бессмертие, она всего лишь пустяк. Второе же накрепко привязано к повседневности, которая, как кажется, принадлежит женщинам. Могут ли женщины искать той же славы, что ищут мужчины? Я желала жить свободной от запретов, но мне нет дела до тех, кто будет помнить обо мне, когда моя жизнь закончится. Что мне до тех, кто вспомнит имя Аспасии, когда я стану тенью в царстве теней? Я не знаю, как эхо моего имени могло бы улучшить жизнь, проведенную мною в страданиях.

Жаль, конечно, что имя мое умрет со мной и не будет связано ни с одним из этих прекрасных памятников, а лишь с человеком, который велел их построить. Я подняла глаза вверх. Заходящее

солнце бросило красноватый отблеск на беломраморную громаду Парфенона, мгновенно нарушив ауру его олимпийского спокойствия. Да, Диотима сказала правду. Этот памятник переживет нас, переживет нашего сына и каждого, кто стоит сейчас в его тени. Парфенон принадлежит вечности, как принадлежат ей души мужчин, погибших ради него и всего того, что он в себе воплощает.

Перикл закончил говорить и поклонился, принимая аплодисменты. Солдаты зажгли факелы, готовясь проводить своих павших товарищей в последний путь. Семьи же их окружили павильон, совершая ритуальные возлияния. Казалось, сами небеса вдруг вспыхнули, наполнив ночной воздух запахом смерти. Вместо того чтобы присоединиться к остальным, Перикл отвернулся и направился к Парфенону, желая в одиночестве помолиться Афине и попросить ее направить его руку. Ибо приближались трудные времена.

Лондон, 1816 год

Отправляясь в Блумсбери, она предпочла нанять кеб, вместо того чтобы приказать заложить свой экипаж. Предварительно справившись, в какие часы открыт музей, надела самое простое платье и вышла из дому одна, надеясь остаться неузнанной. Кого она могла встретить на Грейт-Рассел-стрит, она даже не представляла, но лондонское общество, в общем, довольно замкнутый мирок, и следует быть предусмотрительной. По иронии судьбы она не бывала в музее с тех самых пор, когда они вместе с Элджином отправились туда вскоре после свадьбы. В те несколько дней, проведенных ими, счастливыми новобрачными, в Лондоне перед отъездом в Константинополь, они выбрали время и посетили музей, чтобы взглянуть на экзотические находки, сделанные капитаном Джеймсом Куком на островах южных морей. В этом путешествии капитана сопровождал сэр Джозеф Бэнкс, тот, кто много лет спустя содействовал освобождению Элджина из французского плена.

Единственной роскошью, которую она себе сегодня позволила, были несколько капель розо-

вой воды, пролитые на запястья. Она вдыхала их сладкий запах, вспоминая, как радовалась много лет назад, принимая подарок капитан-паши.

Возница остановился перед входом в музей, и она попросила его подождать.

— Я не буду там долго, — сказала она.

Музей значительно расширился со времени ее предыдущего посещения и вместил множество сокровищ, которые вливались в него со всех уголков земли. Первым делом она постаралась сориентироваться и определить, куда могли поместить мраморы. Ей не хотелось привлекать к себе чье-либо любопытствующее внимание.

Элджин, сокрушенный лавиной долгов, продал их наконец за сущие гроши. Конечно же, она до сих пор ненавидела его за то, что все эти годы он держал детей вдали от нее, но каждый раз, размышляя о его грандиозном замысле и о судьбе, постигшей Элджина, она испытывала тень странного чувства. Что это было? Жалость? Вместо того чтоб быть признанным героем, благодетелем британского искусства, он превратился в человека, всеми презираемого. Лорд Байрон, хромой поэт, которого в путешествиях по Греции сопровождал не кто иной, как синьор Лусиери, высмеял Элджина в своей недавно опубликованной поэме

«Странствования Чайльд-Гарольда». Он назвал Элджина «недостойным сыном Альбиона», нанесшим последнее оскорбление порабощенному греческому народу, ограбив его богиню и ее храм.

Кто расхищал бесценные руины,
Как самый злой и самый низкий вор?
Пусть Англия, стыдясь, опустит взор!
Свободных в прошлом чтут сыны Свободы,
Но не почтил их сын шотландских гор[70].

Из тысяч читателей, жадно знакомившихся с поэмой Байрона, никому не надо было объяснять, кто именно «в усердье варварском ломал колонны, своды». В своих длинных стансах Байрон оплакивал золотой век Афин, высмеивал того «наглого пикта», кто решился осквернить монументы. Многие из читателей поддержали его мнение, и молва превратила Элджина в чудовище. Парламент посвятил заседание изнурительным расспросам Элджина с целью вы-

[70] notes: 70
Байрон Дж. Г. Паломничество Чайльд-Гарольда. Песнь вторая. М, 1973. Перевод В. Левика.

яснить, насколько законно им были приобретены греческие скульптуры. После чего выплатил ему лишь малую часть стоимости того, что им — вместе с Мэри — было собрано. Также она слышала, что внешность Элджина сильно пострадала и он вынужден вести жизнь затворника. Жизнь, как она полагала, весьма горькую. Пусть никто не скажет, что Мэри Фергюсон не предвидела такого исхода, думала часто она. Проклятие Немезиды, обращенное на Элджина, оказалось не пустой фантазией.

Но вот теперь она, тридцативосьмилетняя женщина, живет в браке с любимым человеком, владеет унаследованными ею землями и деньгами, многие считают ее красивой, ценят и ее светский опыт, и ее филантропическую деятельность. Дня не проходило, чтобы она не томилась по своим обожаемым детям, но горе было чуть сглажено установившимися у нее прекрасными отношениями с Генри, сыном Роберта от его прежней любовницы. Они с мужем решили, что ребенка нельзя долее воспитывать на стороне, а следует принять в их жизнь. Генри оказался славным мальчуганом, подлинным утешением для матери, лишенной собственных детей.

Мэри наконец отыскала зал, в котором были

выставлены античные ценности. Ей хотелось быть одной при встрече с этими произведениями искусства — она чувствовала духовную близость к мраморам, так много значившим в ее жизни, — но несколько молодых художников находились тут же, жадно рисуя прекрасные скульптуры.

Статуи были расставлены поодаль друг от друга на двух помостах, в отдаленном подобии их прежнему положению на Парфеноне. Фриз был частично реконструирован, хоть плиты располагались не в том порядке, в каком помнила их Мэри. Метопы были укреплены на стенах и опирались на большие деревянные пьедесталы.

Мэри подошла к статуе Диониса, прикоснулась рукой к ее холодному серому мрамору.

— Кто знает, где каждому из нас доведется кончить жизненный путь, — вслух произнесла она.

— Простите, что вы сказали?

Один из молодых художников подумал, что она обращается к нему. Юноша стоял перед безголовым женским торсом, чьи изящные линии были красиво задрапированы одеждами. Мэри бросила взгляд на страницу в его альбоме.

— Могу я поинтересоваться тем, что вы делаете? — спросила она.

— Видите ли, я пытаюсь понять технику Фидия.

Но результаты пока неважны. Мне не удается уловить его способность выразить в камне изящество женского тела, скрытого одеждами. Мне никак не выразить этого углем.

— Не огорчайтесь, — сказала Мэри. — Вы еще так молоды. Художнику нужно время, чтобы набраться опыта. Уверена, что и сам Фидий нуждался в нем тоже. Я полагаю, что эти статуи были созданы им в наиболее плодотворную эпоху, после того как он создал многие прекрасные скульптуры.

— Благодарю вас, мадам. Я подумаю о ваших ободряющих словах, когда вернусь в студию для работы над этим наброском статуи Афины.

— О, но это вовсе не Афина. Нет сомнений, что это посланница богов Ирида, объявляющая о рождении Афины из головы отца. Таков был сюжет восточного фасада Парфенона, где, собственно, и стояла эта статуя.

— Мадам, вы видели это своими глазами?

— О да. Я видела все статуи в Парфеноне. И должна сказать, что они выглядят одинокими и не вполне уместными в этом темном, плохо освещенном зале, вдали от щедрого греческого солнца. Но конечно, великолепие свое они сохранили. Думаю, ничто не может лишить их его.

— Мы счастливы возможностью видеть их, — ответил молодой художник. — Пусть лорд Элджин и весьма порицаем, но благодаря его трудам эти сокровища оказались здесь. Лорд Байрон своими стихами оказал ему плохую услугу.

— Да, это так, но причина не только в этом, — сказала она и внутренне усмехнулась тому, что оказалась защитницей Элджина; но ее роль в истории мраморов была значительна, и сейчас она защищала и себя тоже, хоть молодой человек этого и не подозревал. — Возможно, Сократ был прав, сказав о поэтах, что эти сочинители могут растрогать лишь женщин, детей да рабов. В любом случае нам не следует целиком полагаться на слова нашего поэта, оглушенного опиумом и пьянством.

— Может, это и звучит эгоистично, но я, например, счастлив видеть эти шедевры.

В его словах звучали волнение и почтительность юности, и Мэри загрустила по тем дням, когда сама испытывала такие чувства.

— Лорда Элджина критикуют, но уверяю вас, если б он не спас эти сокровища, они были бы выломаны турецкими солдатами, оккупировавшими Акрополь, или разобраны и распроданы по кусочкам ради грошовой наживы. Так же они

могли пойти на сооружение новых безобразных построек. Я видела это разрушение собственными глазами.

Авторитет Мэри рос в глазах этого юноши с каждой минутой.

— Мне слышится шотландский акцент в вашем голосе, — сказал он. — Вы знакомы с лордом Элджином?

— Нет, я всего лишь интересуюсь историей и понемногу путешествую. И мне хотелось бы кое-что сказать вам. Если бы лорд Элджин не спас мраморы, они стали бы добычей Наполеона и лорд Байрон адресовал бы свои стансы французам!

— Меня зовут Джон Фицуильям, мадам. Был счастлив нашему знакомству, миссис…

Молодой человек поклонился, ожидая услышать имя своей собеседницы.

— Мне тоже было приятно беседовать с вами. Мое искреннее желание — увидеть успех ваших работ.

С этими словами она ушла.

«Лучше остаться безымянной в его памяти», — подумала Мэри.

После пережитого позора она с радостью углубилась в безмятежное и тихое существование. Возможно, Перикл и был прав, советуя жен-

щинам Афин проводить жизнь в безвестности. Конечно, ее собственная роль в стараниях Элджина получить эти сокровища была огромна, но она никогда не стремилась на них заработать или снискать славу покровителя искусств, которой тщетно домогался Элджин. Но зато и никто из поэтов не слагал о ней презрительных стихов.

Мраморы не были единственным критерием славного прошлого, они стали критерием ее собственной жизни. Она чувствовала себя неотъемлемой частью их истории, хоть об этом мало кому было известно. В будущем, когда не станет ни ее самой, ни тех, кто знал ее при жизни, кому придет в голову размышлять о судьбе Мэри Нисбет? Это просто невероятно. Возможно, она просто исчезнет из памяти людской. Как случилось и с любовницей Перикла, Аспасией, которая не последовала совету, данному им женщинам Афин[71].

Эта мысль вызвала у нее смешок. Что толку размышлять о тех, кого давно нет на свете? Или о том, что о ней будут думать, когда ее не станет? Можно ли страдать больше, чем довелось ей страдать при жизни?

---

[71] notes: 71

Мнение весьма ошибочное. Имя Аспасии известно многим образованным людям.

Внезапно тишина в зале показалась ей гнетущей. За окном стоял непривычно теплый для сентября день, и Мэри захотелось скорей выйти на воздух. Прыжок в прошлое состоялся. Довольно. Как говорила ее старая нянька? «Жизнь, она и после смерти продолжается». Мэри бросила последний взгляд на мраморы, символ того общества, на котором был выстроен ее собственный мир. Одна из скульптур будто склонилась к ней, желая что-то сказать. Был ли это бог Дионис? Или персонификация какого-то речного божества? Она точно не помнила его имени.

Мэри поправила шляпку и вышла из музея. На улице ее поджидал кеб.

Судьбы героев этой книги

Мэри Нисбет, графиня Элджин, в 1808 году вышла замуж за Роберта Фергюсона. Унаследовав огромные поместья, они превратили Рейт-хаус в один из самых модных домов, принимая ученых, художников, аристократов, знаменитостей. Дети Мэри выросли, презирая мать, но после четырнадцати лет разлуки она установила отношения с лордом Брюсом, страдавшим от эпилепсии и других болезней. Он скончался в 1840 году. Дочери Мэри не виделись с матерью в течение тридцати лет, но примирились в 1835-м. Роберт стал известным ученым и реформатором, открытый им минерал назван в его честь фергюсонитом. Он тоже скончался в 1840 году в возрасте семидесяти одного года. Мэри до конца дней хранила бодрость. 30 июня 1855 года она устроила пышный бал, а через девять дней после него умерла. Ей было семьдесят семь лет от роду. Клеймо позора, который несла Мэри, заставило ее детей не делать надписи на могильном камне матери, и она покоилась в безымянной могиле, пока в 1916 году один из потомков не высек на могильной плите ее имя.

В 1810 году *лорд Элджин* женился на Элизабет Освальд, женщине вдвое моложе его, которая родила ему еще восьмерых детей. Денежные долги тяготили его, и они с Элизабет вынуждены были бежать от кредиторов во Францию. О его детях от Мэри несла заботы его мать. Элджин умер в Париже в 1841 году, оставив семью, обремененную долгами, которые они не могли оплатить на протяжении тридцати четырех лет. Несмотря на плохое здоровье, Элджин прожил до семидесяти пяти лет.

Эмма Гамильтон никогда не оправилась после смерти лорда Нельсона. Законная супруга адмирала унаследовала его состояние, и Эмма лишилась последних средств, пытаясь сохранить дом, в котором проживала с лордом Нельсоном. Деньги, оставшиеся после смерти Уильяма Гамильтона, были унаследованы его родственниками с мужской стороны. Эмма, привыкшая широко жить, наделала долгов и тоже бежала во Францию от кредиторов. Она умерла в Кале от цирроза печени в 1815 году.

Не прожив и года после своей знаменитой траурной речи, *Перикл* погиб от чумы, эпидемия которой захлестнула Афины. При жизни он успел усыновить своего сына от Аспасии, названного

Периклом Младшим, который получил звание стратега, но в 406 году до н. э. наряду с шестью другими стратегами был казнен за сдачу спартанцам двадцати пяти кораблей афинского флота.

По слухам, после смерти Перикла *Аспасия* вышла замуж или находилась в любовной связи с пастухом по имени Лисикл. Комические поэты продолжали высмеивать ее как женщину недостойного поведения в течение еще многих лет. Но, согласно Плутарху, под ее мудрым влиянием Лисикл сумел стать одним из первых людей Афин. Хотя афинские исторические записи не упоминают ее имени, мы можем, вместе с Плутархом, с удивлением воскликнуть: «Что за обаяние, что за умение очаровать имела эта женщина, покорившая самых важных мужей своего века? Что заставляет философов уже столько лет и в самых горячих словах рассуждать о ней?»

Согласно Павсанию («Описание Греции», 1.22.8) *Сократ*, известный как философ, вырезал фигуры граций при входе на Акрополь. В этом он следовал по стопам своего отца, каменотеса. Позже Сократ был осужден, как и Аспасия, по обвинению в безбожии. Обвинение включало пункт о совращении молодежи и поклонении вместо признанных богов какому-то кумиру, которого

он называл своим daimon. Сократ был приговорен к смерти и добровольно выпил яд, настойку болиголова крапчатого. Это событие произошло в 399 году до н. э., незадолго до его семидесятого дня рождения.

Алкивиад, следует уточнить, не тот обаятельный персонаж, который упоминается в «Диалогах» Платона, но его дед. Он был подвергнут остракизму в 460 году. На основании новых раскопок и надписи на его могильной плите Питер Дж. Бикнелл предполагает, что время изгнания Алкивиад провел на Милете и вернулся в Афины с женой, сестрой Аспасии.

Самый выдающийся герой этой книги, *мраморы Элджина,* как называют парфенонские скульптуры, покоятся в Дувинской галерее Британского музея, оставаясь предметом многих противоречий. Каждый год возникают новые споры по поводу того, где должны храниться древние сокровища мировой ценности.

Греческое правительство распорядилось выстроить новое здание музея Акрополя с исключительной целью разместить в нем мраморные сокровища Парфенона, если удастся выиграть этот спор.

Примечание автора

Везде, где только возможно, я пыталась следовать историческим фактам. Лишь небольшие отклонения были допущены в угоду сюжету. Например, хотя все происшествия, случившиеся с леди Элджин во время ее путешествия по Греции, соответствуют истине, ее не было около Парфенона в день, когда в действительности произошло обрушение карниза. Во всех других случаях герои книги действуют в соответствии с историческими документами или так, как они описывают в личных письмах.

Некоторые античные источники утверждают, что Гермипп осудил Аспасию за богохульство и сводничество и только слезная просьба Перикла спасла ее. Современные историки дискутируют по поводу того, был ли судебный процесс над Аспасией на самом деле или о ее осуждении говорится только в трудах Гермиппа. Однако Фидий в действительности был судим за присвоение чужих денег и за то, что изобразил на щите Афины свое лицо и лицо Перикла. Некоторые источники утверждают, что он был оправдан, другие же

— что был осужден и умер в тюрьме. Последние утверждения не соответствуют истине, так как известно, что Фидий покинул Афины, для того чтобы создать в Олимпии гигантскую статую Зевса. Предположение, что Аспасия позировала скульптору, когда он изображал лицо Афины, — моя авторская гипотеза.

В отношении написания имен и географических названий я предпочла использовать аутентичное греческое написание тогда, когда действие романа происходит во времена античности, и латинизированное, когда события происходят во времена, более близкие к нам.

Надеюсь, что дух Аристофана, гения античной комедии, простит меня за то, что я приспособила его пьесу «Ахарняне» — злую сатиру на Аспасию — для нужд своего романа.

Приношу благодарности моему приемному отцу Кларенсу Мачадо за то, что он всегда придерживается своего девиза «Жизнь живущим», и за его всемерную поддержку.

Хочу особо отметить великолепно написанную книгу Сюзан Нагель «Mistress of the Elgin Marbles: A Biography of Mary Nisbet, Countess of Elgin (Хозяйка мраморных статуй: Биография Мэри Нисбет, графини Элджин)», послужившую неоценимым

подспорьем для написания моего романа.

Подробную библиографию и ссылки на книги, с которыми стоит ознакомиться, можно найти на моем сайте: www.karenessex.com.